

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

Annotation

Спасла, называется, главную стерву всея Академии. Теперь все знают, что у меня темная магия, и шарахаются от меня как от огня. Черная страсть с каждым днем все сильнее связывает меня с архимагом, вокруг которого тоже сгущаются тучи: слишком многих беспокоит его стремительно возросшая сила и влияние, которым он пользуется. Вот и что со всем этим делать, спрашивается? Учиться, учиться и еще раз учиться, потому что только так я смогу узнать, что стало с моими родителями. Драконова Академия!

- [Драконова Академия. Книга 3](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
-

Драконова Академия. Книга 3

Пролог

Пролог

Тэйрен Ниихтарн

Тэйрен уколола палец, и капелька крови, подчиняясь магии, взмыла в воздух. Собралась темным облачком, сгустившимся над ладонью, под еле слышный шепот драконицы слова заклинаний усилили набирающую мощь силу плетения, воссозданного до использования магии крови. Облако меняло форму, растягивалось, становилось прозрачным, и, пока действие темной магии раскрывалось во всей красе, она смотрела на бессменные пейзажи за тяжелым стеклом, пленником каменной арки окна.

Ее покои всегда располагались здесь, с самого детства. Начиная с того самого дня, как она стала осознавать себя, но ее колыбель стояла в этих давящих мрачных стенах уже тогда, когда мать только готовилась произвести ее на свет. Она знала все эти истории от своих бесчисленных нянюшек, которые долго не выдерживали: ее сила выпивала их раньше, чем они успевали понять, что происходит.

Их с братом-близнецом разделили сразу же, они росли и воспитывались, отделенные мощными стенами друг от друга. Не было в их отношениях никогда ничего теплого, разве что единство магии. Единство магии и происхождение — вот и все, что их объединяло. Разделяло же, вне всяких сомнений, очень многое. В частности, ее, Тэйрен, умение чувствовать.

Ее называли неправильной, вырожденкой, недостойным великого древнейшего рода правителей Эрда. Когда же она поняла, что ее сила легко способна убить, и стала осторожничать со слугами, на Тэйрен махнули рукой. Именно это попустительство, а еще сосредоточенность брата на желании захватить власть в Мертвых землях, и подарили ей возможность сбежать.

Впитывая воспоминания, Тэйрен ненадолго прикрыла глаза.

Здесь, в Мертвых землях, не бывает зимы, весны, лета или осени. Здесь черные, серые, пепельно-серебристые краски лишенной жизни

природы никогда не становятся такими отчаянно-яркими, как в Даррании. Да хоть где, за пределами мест, в которых все питается исключительно потусторонней силой. Здесь даже воздух другой, здесь не бывает ни сильных звуков, ни запахов, а все чувства сводятся исключительно к одному — их нет.

Впрочем, есть еще кое-что допустимое в Мертвых землях. То, что по-настоящему можно почувствовать — черная страсть. Сводящая с ума, изматывающая, наваждение дня, ночи, каждого мгновения жизни, когда кажется, что объект твоего желания должен быть твоим несмотря ни на что. Она помнила это чувство, и оно по-прежнему жило в ней. Так же, как когда-то жило совсем другое.

Любовь.

Это слово, смысл которого теперь было очень сложно вспомнить и еще сложнее почувствовать. Ферган предал ее. Предал, хотя она отреклась ради него от самой сути себя, от своей магии, которую в Даррании считали не просто постыдным клеймом, ужасом, тьмой, мерзостью, от которой немедленно хотели избавиться, как от самой заразной болезни.

В Даррании ее приняли, нарекли чужим именем, запечатали силу. Согласившись на это добровольно, она не стала им говорить, что закрывающая печать для темной магии — это как перекрыть воздух, как лишить дракона возможности дышать полной грудью. Такова оказалась цена ее любви. Такова оказалась цена возможности быть рядом с тем, который спустя несколько зим обратил внимание на другую.

Светлую, с сильной магией, не чета той, что Тэйрен закрыла в себе добровольно.

Судорожно вздохнув, она перевела взгляд на стремительно светлеющее облако. Сначала белый цвет стал нестерпимо-ярким — она вторгалась в царство светлой магии — а после померк, и вместо него в воздухе, чуть повыше руки, над запекшейся капелькой крови на пальце возникла прозрачная как стекло пленка размером со среднее зеркало. Пока что она была прозрачной, но это пока. Еще два слова заклинания — и Тэйрен увидит его.

Своего сына.

Сезар...

— Так и знал, что ты не устоишь.

Холодный голос брата мог бы показаться насмешливым, если бы не был таким. Никаким. Ледяным, холодным, пустым, безжизненным. Как все эти его проклятые чертоги.

подавив порыв разрушить заклинание, Тэйрен обернулась. Адергайн выглядел непривычно живым, если можно так выразиться. Возможно, дело было в приподнятом уголке губ, создающем иллюзию возможности того, что он может чувствовать. Хотя скорее всего, во взгляде, в котором клубилось неизменное торжество превосходства. Надо всеми и вся.

— Отлично, можешь себя поздравить, — произнесла она. — Да, я снова пользуюсь магией, Адергайн.

— С этим в первую очередь надо поздравить тебя, сестрица. — Он прошел к ней и остановился за ее спиной у отделяющей ее от Сезара стеклянной преграды. Которая, подчинившись уже его коротким словам заклинания, превратилась в самое настоящее зеркало, отразив двух донельзя похожих друг на друга мужчину и женщину.

Длинные темные волосы, цвет лица как цвет кости дракона, глаза — залитые чернеющим серебром, готовым вот-вот прорваться тьмой.

— Поздравления приняты, — скупой ответила она. — Жаль, мне нечем тебе ответить. Твой план, если не ошибаюсь, несколько... провалился. Валентайна рядом с нами нет, принц все еще жив, а эта девчонка...

— Не спеши, моя дорогая, — Адергайн хищно улыбнулся. — Загляни в зеркало.

Их черты окончательно стерлись, и, когда Тэйрен увидела происходящее, руки брата на ее плечах показались тяжелее могильных плит. Она смотрела на сына, чувствуя, как все внутри холодеет, хотя не должна была чувствовать холод. Его в ней просто не должно было остаться. Но он был, и сейчас, когда увиденное заставляло все внутри сжиматься от ужаса, Тэйрен чувствовала себя отчаянно, невыносимо, бессильно... живой.

— Наслаждайся, — Адергайн похлопал ее по плечу. — Кстати, я тебе не говорил? Недавно к нам доставили первую ошибку Валентайна. Относительно живым, разумеется, но для нас это мелочи, не так ли?

— Что? О ком ты говоришь? — нахмурившись, Тэйрен повернулась к брату.

— О чем. Темные твари знатно его потрепали. Через пару месяцев мы им его вернем.

— Кого? — голос сорвался.

— Гритта Лэйтора, разумеется. Посмотрим, как общественность Даррании отреагирует на самосуд Валентайна. Как на это отреагирует Ферган. Как себя поведет наша Лена и твой чудесный племянник.

— Обещай, что не тронешь Сезара, — неожиданно помертвевшими, непослушными губами произнесла Тэйрен. — Он твой...

— Не трону, если не будет стоять у меня на пути. А впрочем, я искренне рад, что ты наконец-то прониклась серьезностью моих намерений и поверила в меня. Вера близких, она, знаешь ли, вдохновляет.

Если бы он мог издеваться, он бы издевался, но вряд ли Адергайн почувствовал хотя бы крупицу той боли, которая сейчас пронзила ее. Ударила в самое сердце.

— Как я уже сказал, наслаждайся, — развернувшись, брат шагнул к дверям, на ходу бросив: — Все самое интересное только начинается.

Глава 1

Глава 1

Лена

Несколькими месяцами ранее

— Люциан, — почему-то вместо имени получается шепот. Мне так отчаянно нужно, чтобы он мне поверил: именно он, но того, что я вижу в его глазах достаточно, чтобы раскрошить даже гранитную скалу надежды, а не ту хрупкую вазочку, в которую моя в последний момент превратилась.

Мгновения растягиваются во времени до такого предела, что мне кажется, кто-то остановил или замедлил время с помощью магии — когда я осторожно укладываю Софию на скамейку, шагаю в парк, а потом в меня летит золотой хлыст. Не знаю, во что мне еще сложнее поверить — в то, что Люциан действительно мог меня ударить магией, в то, что он все-таки это сделал, или в то, что я не могу и не хочу защищаться. Просто, зажмурившись, отступаю, готовая к...

Что-то шипит совсем рядом, лицо опаляет магией, но она не причиняет мне ни малейшего вреда, растворяясь в привычном и знакомом холоде. Почему-то я совсем не удивлена, наткнувшись спиной на грудь Валентайна, а разумом — на его голос:

— Что здесь происходит?

Его голосом можно крошить пресловутые скалы, а заодно драконовы академии и всех вместе собравшихся, как по щелчку пальцев.

— Она напала на Софию Драконову! — снова заводит свою песню Лика. Хотя если бы она пела, ей бы платили исключительно за то, чтобы она заткнулась: раньше я даже не представляла, что у нее может быть такой высокий и такой противный голос. — Разбросала этих парней...

— Молчать, — приказывает Валентайн, и приказывает так, что Лика давится словами и начинает кашлять. В завершение этой эпичной

сцены, расталкивая всех, выбегает Сезар, который бросается к Софии.

Если бы я не была участницей этого трагифарса, поплодировала бы, но мне не до аплодисментов. Мне казалось, между мной и Люцианом все было кончено тогда, когда мы расстались, так вот, мне просто казалось. Может, его магию и отвел Валентайн, разбив ее щитом невиданной темной силы, но отвести его полосующий мое сердце в клочья взгляд он не может. Точно так же, как он не может отвести его ненависть, его ярость, его жесткий, звенящий от гнева голос:

— Отойдите от нее, архимаг, или...

— Или вы снова попытаетесь ее убить? — перебивает Валентайн.
— Достойно для адепта военного факультета. Это в первую очередь вопрос к вам, ректор Эстре.

Ректор вспыхивает ярче своих волос, а Валентайн продолжает:

— Что касается вас, я все еще не понимаю, почему здесь столько гражданских. Это не бал-маскарад, а место преступления, где должны остаться исключительно свидетели и участники события.

Военные, очнувшись от его приказного тона, шустро загоняют собравшихся обратно туда, откуда они пришли. То есть в зал, где танцы, музыка, праздник и вкусняшки, в парке остаемся исключительно мы. Сезар, который так бережно прижимает к себе полураздетую Софию, словно она может рассыпаться в его руках брызгами осколков.

— Адептку Драконову в лазарет и не спускать с нее глаз. Этих тоже.

Валяющихся неудачливых сообщников Аникатии и Лики, как подснежники, собирают военные. Парни кряхтят, воют, но вслед за Сезаром и Софией уходят в портал, поддерживаемые бравыми воинами Даррании, опасно косящимися на меня. Да что тут, на меня опасно косятся все, кроме, пожалуй, Люциана. Он шагает в портал за нами: за мной, Ликой и ректором Эстре, которая сжимает кулаки так, что ногтями грозит продырявить себе ладони насквозь.

Определенно моя фантазия дала сбой, я даже головой трясусь, чтобы избавиться от этой слишком яркой картинки. В кабинете ректора мне на плечи тяжестью ложатся руки Валентайна, буквально усаживая в кресло. Меня должно трясти, но меня не трясет, я сую ладони между колен и произношу отчетливо:

— Они хотели отравить Софию и снять ее для... — Название соцсети как назло напрочь вылетает из моей головы, и этим пользуется Лику.

— Она врет! — снова визжит она. — Она хотела ее покалечить! Даже ударила! Парни вступились, и она их...

Присоединившиеся к нам двое военных и Люциан тут же подбираются, но больнее мне уже не будет. Теперь уже нет.

— Достаточно, — голос Валентайна перебивает излишние Лику слова. — Ректор, думаю, вы как никто другой знаете, что положено делать по протоколу.

По протоколу в Академии спустя пять минут уже находятся стражи порядка, а еще — профессиональный стражепорядковый секретарь, который с помощью магического пера открывает запись всего, что будет здесь говориться и происходить. Допрос ведет один, второй следит за тем, чтобы никто никого не поубивал, и все в порядке очередности. Сначала допрашивают Люциана.

— Я почувствовал темную магию, когда вышел в парк, — произносит он. — Сначала услышал крики, потом меня от нее затошнило, эту мерзость ни с чем не спутаешь. Потом — сигнализация. Я увидел, что Ларо напала на Драконову... Готов был ее убить. Я вышел из себя.

Как ты мог видеть, что я напала на Драконову? — хотелось спросить мне, но я промолчала. Тяжесть ладони Валентайна на моем плече отрезвляла и помогала мыслить здраво. Потому что, если не мыслить здраво, можно наделать еще больше дел. Еще больше, чем я уже наделала.

После Люциана допрашивали сестру Эстре.

Со слов Лику, она вышла подышать свежим воздухом в парке, когда услышала крики Драконовой. Она бросилась к беседке и увидела, что я воздействую на Софию темной магией. Увидев Лику, я ее отшвырнула, а после на помощь ей бросились трое драконов, которых я раскидала тоже. И решила доделать свое дело, но мне помешало появление Люциана и остальных.

Я слушаю ее отменное вранье как какой-то фоновый шум. На что она вообще рассчитывает? София Драконова же рано или поздно придет в себя, и когда она придет в себя, то все вспомнит. И как Клава заманила ее к беседке, и все остальное. Что-то важное крутится на

самом краю сознания, но я никак не могу вспомнить, что. А еще почему-то не могу заставить себя посмотреть на Валентайна: вот же он, стоит тут. И он меня спас. Снова. Но поднять на него глаза удивительно, невыносимо тяжело, словно веки стали свинцовыми.

Такими же как тяжесть того, что я должна вспомнить.

— Аникатия! — перебиваю я, когда память сквозь шок подбрасывает деталь заговора против Драконовой. — Аникатия! Она должна была дать Софии зелье, которое сотрет ее память...

— Адептка Ларо, сейчас допрашивают не вас... — пытается перебить меня страж порядка, но снова вмешивается Валентайн:

— Что за зелье? Откуда ты это знаешь, Ленор?

— Гуляла по парку, когда услышала их, — киваю на Лику. — Они все в заговоре. Она, Лузанская и Аникатия Эльдор.

Лица становится бело-зеленого цвета, а Валентайн кивает одному из военных:

— Проверьте адептку Эльдор. И приведите сюда Клавдию Лузанскую.

Суеты вокруг как-то разом становится больше. Те военные, которые занимались сопровождением адептов на праздник (хотя какой сейчас праздник?), сначала забегают в кабинет — по старинке, без портала, потому что те двое, что здесь были, отправились выполнять приказ Валентайна, а оставлять здесь опасную меня очень опасно. По крайней мере, я это воспринимаю именно так. Давящий, режущий взгляд Люциана уже не может причинить мне вред, это как лечить зуб под анестезией. Вроде воздействие чувствуется, но боли не причиняет.

Лица тоже сверлит меня взглядом, допрос как-то резко перестает иметь силу, а Валентайн по-прежнему стоит рядом со мной. Его ладонь на моем плече, он так и не отошел от меня ни на шаг. Почему-то именно от осознания этого сейчас хочется плакать, но я держусь. Больше того, через это прикосновение в меня сейчас втекают такие уверенность и сила, что «разводить сырость», как говорила тетя Оля, было бы совершено не в тему.

Спустя какое-то время в кабинет возвращаются военные, они сопровождают взъерошенную, злую как Баба-Яга после неудачной встречи с Иваном-Царевичем, Клаву, и следом за ней — Аникатию. Последним, почему-то прихрамывая, входит Ярд. На скуле у него красуется кровоподтек, под глазом наливается свежий синяк.

Последнее настолько меня шокирует, что я почти вскакиваю, чтобы броситься к другу, но Валентайн останавливает мой порыв на подлете. То есть на подпрыжке, сильнее надавив на мое плечо.

— Так, — пробежавшись лицом по всем оттенкам цвета — от багрового до мертвенно-бледного, мрачно произносит страж порядка. Мрачно — потому что дочь королевского советника в подозреваемых явно нарушает картину его мира. — Что происходит?

— Вот. — Один из военных выступает вперед, протягивая флакончик с зельем. — Изъято у адепки Эльдор.

— Это все ложь! Мне его подбросили! — кричит Аникатия.

— Кто? — интересуется страж порядка.

— Он! — драконесса тычет пальцем в Ярда.

— Она врет! — возмущается друг.

— Разумеется, я не вру!

Гвалт стоит такой, что в базарный день или на концерте Егора Крида и то тише, и перешибает его только спокойный, негромкий, но удивительно подчиняющий голос Валентайна:

— Всем. Молчать.

Удивительно, но замолкают и правда все, на этот раз даже страж порядка застывает с открытым ртом.

— В случае таких разнящихся показаний у нас остается один вариант: заклинание истины, — спокойно произносит Валентайн. — Солгать под которым совершенно точно никто не захочет.

— Но... архимаг, — вмешивается страж порядка, — это очень серьезное заклинание, оно применяется только с разрешения тэрн-арха Фергана...

— Которого мы, вне всяких сомнений, испросим, — холодно парирует Валентайн. — Должны же мы разобраться в том, почему его сын злоупотребил своей силой на глазах у всех.

Люциан багровеет и смотрит на Валентайна с такой ненавистью, что, кажется, сейчас просто набросится на него. Обстановка накаляется до предела, Аникатия снова вопит:

— Тэрн-арх не позволит подвергать меня такому допросу! Я благородная драконесса!

— Вот и узнаем, насколько вы благородная.

Мне кажется, или он драконит их намеренно? Да нет. Мне не кажется, потому что, когда я все-таки поднимаю на Валентайна глаза,

вижу, что он в ярости. В такой ярости я не видела его еще ни разу, и дело даже не в том, что в серебре, затопившем радужку его темных глаз, уже появились прожилки тьмы. Дело в заострившихся чертах, делающих его похожим на хищника, готового разорвать всех и вся.

Из-за меня.

Перебивая эту мысль, в кабинет снова влетает запыхавшийся секретарь.

— Ректор! Ректор Эстре, — он выдыхает, приглаживает шапку волос, кажется, еще сильнее увеличившихся в объеме. — Магистр Симран сообщил, что адептка Драконова пришла в себя.

У ректора уже дергается глаз. Не просто дергается, ее лицо то становится холодным и отстраненным, то черты заостряются, как у Валентайна, обнажая светлую хищницу. Тем не менее сейчас она говорит, чеканя слова:

— Это, вне всяких сомнений, меня очень радует. Но если вам больше нечего добавить, Номбри...

— Как раз есть! София... адептка Драконова мало что помнит, но она рассказала, что в беседку ее отвела Клавдия, и что ей стало плохо после Дорнар-скар, который ей принесла адептка Лузанская. Потом там появились трое парней, которые ее раздевали, а потом — адептка Ларо. Которая ее спасла.

— Что за бред?! — цедит Люциан, а потом, раньше чем ректор успеет его остановить, открывает портал и шагает в него. То, что я вижу краем глаза — лазарет, где находится Драконова, а рядом с ней Сезар и дракон. Самый настоящий дракон, как Ферган, только другой. Ну да ничего необычного, все в порядке вещей.

Портал схлопывается, оставляя меня со всеми, кто не захотел лично уточнить у Софии, что за бред. Ярд рассказывает местному полицейскому, о чем я его попросила — перед тем, как выйти в парк. Найти Эстре или любого другого магистра и отправить их следом за мной. Лика стоит подозрительно молчаливая, уже не пытается вступать в то, что происходит: видимо, поняла, что бесполезно. Что касается Аникатии, она громко требует позвать сюда ее отца, немедленно, и сообщает, что это полный беспредел.

Откровенно говоря, бывшая Люциана никогда особым умом не отличалась. И, судя по тому, что произошло в парке, они с принцем нашли друг друга, так что сыграть бы им свадьбу и жить долго и

счастливо. Сама эта мысль отзывается внутри какой-то тупой усталостью, единственное, что меня сейчас держит — рука Валентайна. Еще слова Ярда, который рассказывает, как успел перехватить Аникатию, собиравшуюся передать зелье забвения Клаве, чтобы та «навестила» Драконову в лазарете и дала ей «попить». У меня ото всех этих интриг и хитросплетений уже легкая тошнота, а еще начинает кружиться голова.

Я ловлю себя на том, что «выползаю» из-под руки Валентайна, потому что стекаю вниз. На пол. Стекла бы, если бы он меня не подхватил. Столь резкая смена положения оказывается для меня слишком острой, потому что тошнить начинает еще сильнее, а уж когда мы проходим через портал...

Все перепутывается, даже время и действие, потому что я слышу Валентайново:

— С вашего позволения. Адептке Ларо нужен отдых, — уже когда мы в портале? Или в моей комнате в его доме? А почему мы уже в ванной?

В последний раз в этой ванной у меня произошел выброс темной магии, во время которого я тоже мало что понимала. Кроме того, что мы лежим здесь вдвоем и голые... как, в общем-то и сейчас. Его умение растворять мои платья в пространстве — это нечто, хотя навык, конечно же, полезный. Может, платье тут где-то и осталось? Нет, правда?

Я даже выворачиваю шею, чтобы увидеть платье, лежащее на полу, но Валентайн мягко подталкивает меня плечом, заставляя сползти обратно.

— Тихо, Ленор.

— В любой непонятной ситуации тащи голую Лену в ванную, — я хихикаю, прекрасно понимая, что это нервное. Но ничего не могу с собой поделать.

— В следующий раз посажу тебя сюда в платье. — Валентайн складывает руки на моих бедрах без малейшего притязания на секс или хотя бы ласки. — Вода забирает все: и хорошее, и плохое. Для тебя это сейчас лучший вариант.

Какой вариант для меня лучший, я сейчас не уверена, но в том, что этот вариант гораздо лучше допросной, в которую переквалифицировали кабинет ректора — сто процентов. В памяти

всплывает, что в тот раз я оказалась в ванной с Валентайном тоже после допроса, после тюрьмы, в которую меня притащил Лэйтор.

— Очень странное дежавю.

— Дежавю?

— Потом объясню, — говорю я. — Хотя... это когда кажется, что что-то уже было, а на самом деле его еще не было.

Не уверена, что я объяснила правильно, но это и неважно. Вода, судя по всему, действительно забирает все: и хорошее, и плохое. Потому что спустя минут десять безмолвного лежания в объятиях Валентайна в теплой, как летнее море, ванной, я с одной стороны прихожу в себя, а с другой — чувствую себя полностью опустошенной. Будто из меня вытряхнули все чувства, переживания, проблемы, заботы и прочее, оставив только меня в здесь и сейчас. В этом здесь и сейчас мне на удивление спокойно и хорошо, меня не смущает даже близость этого совершенно непредсказуемого мужчины.

Хотя возможно, дело совсем в другом? Не в этом опустошении, а в чем-то — напротив — гораздо более глубоком?

— Спасибо, что спас меня. Опять, — говорю я и пытаюсь развернуться, касаюсь пальцами его ладоней, но Валентайн перехватывает мои руки. Потом так же резко поднимается, увлекая за собой.

Подчиняясь взмаху его руки, на плечи мне ложится полотенце, которое мне совершенно не нужно. Оказавшись рядом с кроватью я уже спустя мгновение полностью сухая, от кончиков пальцев ног до корней волос. Бытовые заклинания рулят! А еще рулит то, с какой легкостью ими пользуется Валентайн.

— Я... — начинаю было я, но он меня перебивает:

— Не сейчас, Лена.

— Нам стоит поговорить о том, что случилось...

— Возможно. Но не сейчас.

Это просто невероятно! Он полностью обнажен, я тоже, а он отказывается даже со мной говорить! Хотя может быть, дело в том, что в таких обстоятельствах лучше не говорить, а действовать? Вот только стоит мне об этом подумать, как взгляд Валентайна вспыхивает огнем, и он отступает.

— Ложись спать, Лена.

— Я не хочу, — хрипло говорю я. — Я хочу...

Дотянуться до твоих губ.

Увы, дотянуться не получается, потому что веки вдруг становятся тяжелыми. Запоздало понимаю, что Валентайн что-то шепчет, и это что-то — ни что иное, как усыпляющее заклинание. Которое, между прочим, в таких вот целях тоже считается не особо законным!

С этим мне, похоже, придется смириться. Как и с тем, что я снова соскальзываю в его руки, и с тем, что он укладывает меня в постель, укутывая покрывалом. И даже с тем, как он меня целует — так, что от одного касания губ в крови закипает жидкий огонь, растворяющийся в сладкой густой темной неге глубокого сна.

Глава 2

Глава 2

Люциан Драгон

Драхов праздник, драхова Ларо, драхов братец!

— Ты что здесь делаешь? — процедил Люциан, обнаружив Сезара у кровати Софии.

— Полегче, — негромко произнес Сезар.

— Куда уж легче. Твоя Женевьев наверняка сбежала, теряя туфельки.

София вздрагивает при упоминании Женевьев, брови брата сходятся на переносице, но Люциану сейчас наплевать. Ему наплевать на все, потому что кому-то должно быть больно так же, как больно ему.

— Юноша, — раздается рычание, и нависший над ним магистр Симран договаривает: — вы, наверное, в курсе, что в лазарет, а тем более в палаты оперативной магической помощи открывать порталы строго запрещено?

— Тебя не спросил, — бросил Люциан, даже не взглянув на целителя. Толку-то, говорить с тем, кто добровольно сбежал в драконью форму ото всех проблем. В точности как папаша! Воздух над ним накаляется, чешуя дракона разогревается и от солнечной-огненной становится почти прозрачной, а Сезар так сцеживает воздух, что того и гляди сам начнет дышать пламенем, когда София произносит:

— Оставьте нас ненадолго. Пожалуйста.

Ее тихий голос, как ни странно, звучит лучше любого приказа, потому что Сезар мигом перестает раздувать ноздри, резко поворачивается на каблуках и выходит. Что же касается магистра Симрана, тот сам открывает портал, в который уволокивает свою безграничную драконью тушу, между прочим, нарушая свои же собственные правила. Хотя на него они наверняка не распространяются.

— Что за бред? — повторяет свой вопрос Люциан, когда они остаются одни. — Почему ты сказала, что она тебя спасла?!

— Во-первых, давай потише, — София морщится. — Голова раскалывается после той дряни, которую я выпила. Магистр Симран уже определил, что дала мне Клавдия, но от этого как-то не легче, и даже магия просто так снять это не может.

— Или кто-то дилетант, — Люциан шагнул вперед, чтобы положить ладони ей на виски, но София перехватила его руки.

— Стой. Остановись. Да послушай же ты! — Она глубоко вздыхает. — Это нельзя быстро исцелять, он вывел эту дрянь как мог, но если попытаться оборвать ее действие полностью, может получиться обратный эффект. Мне станет хуже.

София кивнула на стоявший на подлокотнике стакан, а после отпустила его запястье.

— Вот. Там зелье, которое частично нейтрализует токсин зелья Клавдии. Жаль, что я сразу не поняла, что она...

— Почему ты сказала, что Ларо тебя спасла?!

— Потому что она меня спасла! — вот теперь София невольно повысила голос, даже брови сдвинула. — Хотя я и половины не помню, зато отчетливо помню, как меня собиралась снимать Ликарин Эстре, а эти... драконы, с позволения сказать, раздевали. Если бы не Ларо, которая их всех расшвыряла, я бы предстала в очень неприглядном свете. Для всех. И кто знает, что вообще было бы...

— Ты уверена, что она не хотела тебе навредить? — выплюнул Люциан. — Потому что когда я появился, держала она тебя с таким видом, будто хотела придушить.

— Или тебе просто хочется в это верить.

— Что?!

— Что слышал, Люциан! Ты же... — София прижала ладони к вискам. — Совсем с катушек слетаешь, когда речь заходит о Ленор Ларо! Тебя просто как подменяют, я не представляю, что с тобой происходит, но ты...

Она покачала головой.

— Почему ты так хочешь видеть ее злом?

— Потому что она зло и есть, — выплюнул Люциан. — Нельзя носить в себе темную магию и быть хорошим, годным человеком. Человеком... ха. Да она вообще непонятно кто! Откуда у нее темная

магия, София, ты вообще думала? Ее мать наверняка что-то там намудрила. Помимо того, что чуть не угробила Керуана. Она...

— Люциан, стой. — София подняла руки. — Хватит. Я не хочу больше это слушать.

— С чего бы? Правда глаза режет?

— С того, что я тебе не враг, а смотришь ты на меня, как на врага! Просто потому, что правду сказала я. О том, что Ленор меня защитила, каким бы нереальным тебе это ни казалось! Каким бы нереальным это не казалось мне! Я понятия не имею, почему эта девушка так поступила! Но она поступила так! И говорить обратное я не стану, даже несмотря на все то, что было между ней и Софией раньше. Да и было ли что-то вообще? Я знаю все это только со слов Клавдии и ее подружек, а к ним, прости, у меня теперь доверия нет. Я все больше начинаю думать, что это я... вела себя странно.

Выпалив все это, девушка глубоко вздохнула и продолжила:

— Это тебе правда режет глаза, Люциан. Это тебя темная магия превращает в чудовище. Хотя в тебе ее нет ни капли. За все время, что ты здесь, ты даже ни разу не спросил, как я себя чувствую. Не то чтобы это разбило мне сердце, но знаешь... все равно как-то слегка обидно.

Последнее прозвучало как пощечина. Хотя нет — больше как хорошая такая, отрезвляющая оплеуха.

— Ты правда так считаешь, София? — процедил он. — Считаешь меня чудовищем только потому, что я ненавижу то, что убило мою мать?!

— Твою мать убила темная магия, но не Ленор Ларо. И не твой брат. Подумай об этом. — Она подтянула одеяло повыше, словно замерзла. Хотя может быть, так оно и было, потому что София слегка дрожала. Он шагнул было к ней, но остановился, увидев немое «нет» в ее глазах. — Магистр Симран обещал погрузить меня в сон, который поможет исцелиться. Чем быстрее, тем лучше.

София сказала это сухо и скупно, как будто они не были друзьями. Будто не было всего того, что между ними было в последние месяцы.

— Поэтому уходи, Люциан. Уходи и позови его, пожалуйста. Если тебе не сложно. Или дай мне мою виритту.

Виритта Драконовой, а точнее, ее вместилище-артефакт, лежал на столике, где стояло множество склянок с зельями. Люциан покосился

на него, потом — на дверь.

— Я позову, — сказал так же сухо, скупно и вышел.

Но в голове все равно звучали слова Софии: «Это тебя темная магия превращает в чудовище».

Соня

Она солгала: погружать ее в сон магистр Симран точно не собирался. Хотя бы потому, что вот-вот должен был прибыть отец. То есть отец Софии, конечно же, не ее. Своего Соня не знала. Не буквально, конечно — он присутствовал в ее жизни и жизни ее мамы постоянно, покупал им подарки, дарил цветы, но все это было не для них, а для него, для его оправдания себя — в его жизни была другая женщина. Женщина, которую он любил и к которой в конечном итоге все-таки ушел, спустя долгие годы. Женщина, разрушившая их семью, хотя Соня всегда считала, что их семья идеальная. Поэтому да, она не знала своего отца ни капельки, а когда узнала, было уже слишком поздно. Она слишком поверила в то, что что-то для него значит.

Так же, как полгода назад поверила в то, что значит что-то для Сезара Драгона, который в конечном счете все равно женится на Женеьев, а ей... ей останется только стать той самой женщиной, которая постоянно, как шуруп, ввинчивается в чужую семью и гадит в чужое счастье, как голубь, обожравшийся хлебушка.

Такой женщиной она стать точно не сможет, а поэтому все нужно прекратить. Все нужно было прекратить, и Соня прекратила это еще тогда, когда согласилась стать «девушкой» Люциана, но увы. Стоило ей сегодня открыть глаза и увидеть склонившегося над ней Сезара, как она поняла, что ничего не прекратилось. Больше того, как тлеющая долгое время искра, полыхнуло так, что стало нечем дышать.

К счастью, поблизости был главный целитель Академии, магистр Симран, и задохнуться ей не грозило, но она отчетливо уловила этот момент. Этот, а еще первую мысль, которая пришла ей в голову: что он обо мне подумает? Ей было без разницы, что о ней подумает Люциан, а вот что подумает Сезар...

Как вообще можно быть такой безвольной?! Как можно продолжать любить того, кто вот-вот женится на другой?! Ладно, не

вот-вот, но скоро объявят дату их свадьбы, через несколько дней, а дальше до нее останется только считать дни. Дни летят быстро, а Сезар не раз и не два давал ей понять, что не откажется от этого брака. Сильная светлая магия Женевьев способна не просто уравновесить его темную сторону, она способна показать всем, всему народу Даррании, что они в безопасности, когда рядом с правителем такая женщина.

Ну и вообще, политика, Соня, ничего личного.

Как же она устала! Устала ото всего этого, ото всей той лжи, которую приходилось таскать в себе день за днем. Для всех она потеряла память после дуэли с Ларо, и никто не знал, что же произошло в ту ночь на самом деле. Что на самом деле Софии Драконовой давно уже нет, а есть Соня Драгунова, которая потерялась в этом мире, как слепой котенок.

Потерялась бы, если бы не Сезар. Он натаскивал ее по магии, делал акценты на том, на какую теорию обратить внимание в первую очередь. Благодаря ему она не превратилась в рыбку, вяло открывающую рот на занятиях, а отвечала, как могла бы отвечать София Драконова, которая с рождения жила в этом мире.

Никто ничего не заметил. Ни Клавдия (хотя по большому счету, той было дело исключительно до себя), ни остальные «подружки». В той, другой жизни Соня никогда бы не стала с такими общаться, но разорвать все и сразу было бы очень подозрительно, поэтому она пыталась подстроиться. Носила надменную маску Драконовой, пыталась понять, что же ее связывает с этими девушками, кто такая София, как строится ее общение с родителями (правильный ответ — никак). Пыталась присвоить себе чужую жизнь, чтобы выжить там, куда ее забросила совершенно непонятная сила, ну вот и доприсваивалась. Чего и следовало ожидать.

— София, — голос Сезара заставил вздрогнуть и сильнее натянуть на себя одеяло. Если в присутствии Люциана она дрожала от холода, то теперь ей стало невыносимо, удушающе жарко.

А ведь она почти доверила ему свою тайну... почти. Ему единственному. В тот вечер, когда он пригласил ее на ужин в родовой замок, чтобы честно признаться, что намерен связать свою судьбу с Женевьев. Что ее появление в его жизни, пусть даже такое спонтанное, после той злосчастной дуэли, ничего не меняет. Что он просто хорошо к ней относится, но не может предложить ей больше того, что уже

есть. И в этом был он весь, Сезар Драгон. Правильный настолько, что аж песок на зубах скрежещет от такой правильности.

Тогда она высказала ему все, что думает, а сама убежала в лабиринт, где наткнулась на Люциана с бутылкой. На следующий день ей показалось правильным стать его «девушкой», она думала, что это поможет.

Не помогло.

В случае Сезара ничего не помогало.

— Я попросил магистра Симрана дать нам еще пять минут. Потом меня выставят отсюда, — Сезар приблизился, попытался накрыть ее руку поверх одеяла, но Соня метнула в него убийственный взгляд:

— Смотри, потеряешь фору. Женевьев далеко убежит.

— Сразу видно: с Люцианом пообщалась.

На миг Соне стало стыдно. Просто потому, что сейчас она лично заявила Люциану, что он слетает с катушек в присутствии с Ленор Ларо, а сама-то? Такое чувство, что рядом с Сезаром в ней включается что-то еще, что спит в остальное время.

— Я к тому, что нам с тобой не стоит общаться, — произнесла она, стараясь говорить спокойнее. Насколько это возможно. — Мы с тобой уже все решили, Сезар.

Решили в тот день, когда он на глазах у всех перекинул ее на плечо и уволок в портал, чтобы разобраться в ее «отношениях» с Люцианом.

— Решили, — он оперся ладонями о койку, на которой она лежала, — но я не могу так, София. Сегодня, когда я увидел тебя там... Я до сих пор готов порвать этих...

Сезар плотно сжал губы, но ему это не помогло. Сначала в темные глаза вплелось серебро, а потом — частицы неразбавленной тьмы. Темной магии, которую все так боятся... боятся, как огня. Она же, как огня, боялась своих чувств, чувств к этому мужчине. Боялась не выдержать, сдаться, согласиться на вторые роли, на то, чтобы стать шурупом. Потому что невыносимо было смотреть на него вот так и не пытаться коснуться лица кончиками пальцев. Не хотеть повторить острые скулы, вплести ладонь в густые темные волосы, почувствовать его губы на своих. А ведь они даже ни разу не целовались...

С ума сойти!

— Неважно, — сказала она неожиданно сухо. Во рту тоже было сухо, то ли от зелья, то ли от того, что внутренний жар высушил все. — Мы договорились. Ты дал слово. Между нами ничего нет и не может быть.

Она должна была это сказать. Кто-то должен был это сказать, пусть даже на миг искажившая его лицо боль незамедлительно отозвалась в ней. В самом сердце.

К счастью, пространство разорвал портал, но, вопреки всем ожиданиям, шагнул из него не магистр Симран, а ректор и ее отец. То есть отец Софии. Иван Драконов.

— Архимаг, возможно, вы принимаете поспешное решение... — негромко начала было ректор, но отец ее перебил:

— Это решение окончательное и обсуждению не подлежит. Моя дочь не будет учиться в Академии, где учится вместилище темной магии Ленор Ларо.

— Папа, она меня спасла!

Первое время называть этого мужчину отцом было странно. Особенно странно еще и потому, что для Софии высоченный, похожий на русского богатыря с картины Васнецова — широкоплечий, с густой темной бородой, мужчина тоже был чужим. Между отцом и дочерью не было особой близости, насколько Соня поняла во время недолгих визитов домой, а впрочем, между дочерью и матерью (матерью Софии) тоже.

То ли в семье Драконовых было так не принято, то ли это специально для нее повторяло ее семью: от Софии тоже откупались подарками, дорогими нарядами, всем самым лучшим, потому что больше нечего было дать. Ни ей, ни ее младшей сестре, которая в следующем году заканчивала школу и вроде как тоже собиралась поступать в Академию Драконова. Правда, теперь далеко не факт, что ей это позволят.

— Спасла? Что за вздор?! — Драконов хмыкнул. — Если эта девица разбросала напавших на тебя, это вовсе не значит, что она тебя спасала. Это значит лишь то, что у нее был какой-то свой умысел, и я даже могу представить, какой. Втереться тебе в доверие, а после использовать твое влияние, чтобы еще прочнее укрепиться в Академии несмотря ни на что.

Соня открыла было рот, но Драконов рыкнул:

— Довольно! Я не стану больше слушать никаких идиотских оправданий касаясь Ленор Ларо. Ее мотивы как на ладони, но, похоже только для меня. И, похоже, благодаря особому покровителю, с которым она делит постель, здесь больше ни у кого не хватает духу говорить это прямо и называть вещи своими именами. Но если для тебя это простительно благодаря твоему возрасту, — он взглянул на Соню как на дитя неразумное, потом перевел взгляд на застывшую точеным изваянием драконессу, — то для вас, ректор Эстре, это первый тревожный знак. Очень тревожный. Особенно учитывая то, что я вхожу в попечительский совет и вынужден забирать свою дочь лишь потому, что вы отказались незамедлительно отстранить от занятий потенциальную угрозу для всех!

— Вы несправедливы. — В воцарившейся после его отповеди тишине голос Сезара прозвучал так резко, что Драконов на миг опешил. Изумление отразилось на его лице сначала приподнятыми, а после сведенными густыми бровями, что, впрочем, не помешало Сезару продолжить: — Ваша дочь должна была стать жертвой интриг, которые пресекла адептка Ларо. Если бы не она, пострадала бы и София, и ее, и ваша репутация.

— Видимо, та самая, — Драконов быстро пришел в себя, — которую вы всеми силами пытались и продолжаете пытаться разрушить. Вместе с вашим братом, тэрн-ар Драгон. Я ни слова вам не сказал, когда вы на глазах у всех утащили мою дочь в портал, оставив остальным додумывать, что было дальше. Ни слова не сказал, когда ваш брат вздумал быстро сменить невесту, заменив Ленор Ларо моей дочерью. Исключительно потому, что вы выручили нас в трудной ситуации. Но терпеть ваши вмешательства — особенно учитывая, что для моей дочери вы никто, я больше не стану. Думаю, не стоит напоминать, что вы больше не несете ответственность за Софию, а заодно и о том, что ваша ответственность теперь заключается исключительно в вашей невесте. Которая, к слову сказать, сейчас совершенно одна, что тоже не соответствует укреплению ее репутации.

— Я всего лишь говорю о том, что ваша дочь сейчас здесь, а не полуголая позирует в объятиях трех мерзавцев исключительно благодаря Ленор Ларо. — Глаза Сезара снова сверкнули, но не тьмой. Надо признаться, он отменно владел собой, и, насколько поняла Соня, во многом благодаря Валентайну Альгору. — Что же касается ваших

заблуждений относительно моих намерений по поводу Софии, они только ваши, и ничьи больше. Я глубоко уважаю вашу дочь, и никогда не сделаю ничего, что ей навредит. Архимаг. Ректор Эстре. София.

Попрощавшись, Сезар вышел так поспешно, что впору задумываться, не поспешила ли она с выводами по поводу его контроля, но Соне было не до этого. Во-первых, на душе было гадко из-за случившегося. Во-вторых, последними словами Сезар ясно дал понять, что принял ее решение, что между ними действительно ничего нет и не может быть. И пусть она сама несколько минут довольно ясно об этом сказала, сейчас было невыносимо больно. Так, словно из груди вынули сердце и кинули в драконий огонь, где оно не могло сгореть окончательно, но продолжало пылать.

Возможно, именно поэтому услышав от отца:

— София, собирайся.

Она всего лишь слабо возразила:

— Но пап, я не хочу бросать учебу.

— Ты ее не бросишь. Будешь учиться дома в соответствии с программой, сдавать все необходимое, появляясь здесь в сопровождении моих лучших воинов. До тех пор, пока этот карнавал безумия не закончится и все не встанет на свои места. Что, я надеюсь, произойдет очень быстро. После окончательного рассмотрения дела Ленор Ларо.

Напоследок вперив в ректора гневный взгляд, Драконов кивнул, признавая за дочерью право на пять минут, чтобы прийти в себя и одеться, и тоже вышел. Что же касается ректора, она открыла портал в такой ярости, что чудом не снесла потоками воздуха половину зелий магистра Симрана на пол.

Оставшись одна, Соня обвела взглядом знакомый зал. Операционный, как его называли в лазарете, сюда привозили всех на осмотр. Просторный, светлый, чтобы было не только где поставить койки, но и где развернуться магистру Симрану, а также его помощникам. Высокие арочные окна возносились чуть ли не к самому потолку, витражные стекла сейчас были плотно закрыты, на стенах мерцали артефакты освещения и обогрева.

Соня хорошо помнила, как оказалась здесь в первый раз: растерянная, сбита с толку, потрясенная. Только что она держала в руках фотоаппарат, только что они с Леной были вместе — и вот уже

какая-то странная молния, их накрывает куполом, потом Лена ее отталкивает, и... в себя она приходит уже здесь. Рядом с Сезаром. Да еще и после магической дуэли!

Да, если бы не Сезар, она вряд ли бы справилась. Вряд ли влилась бы в этот диковинный мир, в котором не было Лены. Первое время она не хотела в это верить, искала ее черты чуть ли не в каждой встречной, даже в Ленор Ларо. Думала о том, как ей хотелось бы, чтобы Лена была здесь, и в то же время... как ей хотелось бы, чтобы с Леной все было хорошо в их родном мире. Она так зациклилась на этих двух крайностях, что чуть не побежала за Ларо, когда та брякнула «Алтарь Горбачева». К счастью, природная осторожность победила, а после вообще выяснилось, что местных Горбачевых тоже хватает.

Да что там, она несколько раз этих Горбачевых смотрела. Первый раз — после того заявления Ларо, второй — потом, когда опять окончательно все достало. Смотрела и думала, как было бы здорово, если бы Ленор оказалась ее Леной... но она не могла быть ее Леной, это и к лучшему. Такой судьбы не то что лучшей подруге, врагу не пожелаешь. Заговор родителей, пристальное и не самое приятное внимание окружающих...

И все же она ее спасла, и Соне очень хотелось сказать ей спасибо. Пусть даже половину воспоминаний кошмара, в котором она чуть было не оказалась, стерло зелье Клавдии — магистр Симран сказал, что та переборщила с попыткой ее ослабить и налила дозу больше, чем спровоцировала и потерю, и спутанность сознания. Короче, если бы не Ларо, Софии могло бы вообще не быть, потому что она отключилась бы в руках тех трех уродов, а они вряд ли побежали бы в лазарет. Ларо появилась вовремя, и это было главное воспоминание, которое ей нужно. Что бы ни говорил отец, Ленор сделала это не для чего-то там, а даже если и для чего-то... не суть. Соня действительно была ей благодарна.

Что же касается ее отъезда из Академии, возможно, так будет лучше для всех. Просто потому, что дома она точно не встретит Сезара. Не придется общаться с «подружками», с которыми категорически ничего не складывалось. Не придется притворяться, носить маску... по крайней мере, так часто, как сейчас. Посвятить все свое время учебе — почему бы и нет. По крайней мере, можно попробовать, а там видно будет.

Вздохнув, Соня откинула край одеяла и потянулась за браслетом с вириттой.

Глава 3

Глава 3

Лена

— С дороги! — мужской голос вознесся до таких высот, что мне показалось, от его дребезжания на меня вот-вот брызнет стекло из зеркала и из окон.

— Сбавьте тон, Равен. Ваша подопечная спит, а ваш визг поднимет даже упокоенного без темных ритуалов.

— О, насчет темных ритуалов не сомневаюсь! Что произошло с Ленор? Откуда у нее темная магия?! Это вы с ней сделали...

Дальнейший диалог схлопнулся: то ли потому, что Валентайн использовал *subrire silencial*, то ли потому, что придушил моего опекуна. Мне искренне хотелось верить в первое, поэтому с постели я вскочила достаточно бодро, почти рванула уже к дверям, за которыми все и происходило, но вовремя опомнилась. Разумеется, я абсолютно голая, и в таком виде спасти Хитара как-то совсем не актуально. Метнувшись в ванную, набросила на себя халат, в котором утонула, затянула пояс до скрипа и все-таки вылетела в коридор:

— Доброе утро!

— Доброе, — отозвался Валентайн, хотя по его лицу было понятно, что он так не считает.

Что же касается Хитара, он был жив, а значит, *subrire silencial*. Я облегченно вздохнула и поймала странный, тягучий и темный взгляд Альгора, а мой опекун смотрел так, словно разрывался между желанием меня укокошить, вытереть пол тряпкой и забыть и желанием побыстрее где-нибудь спрятаться. Как, вот как, скажите мне, такой как Равен вообще мог стать архимагом?

Дядя беззвучно открывал рот, судя по искаженному лицу, пытаюсь пояснить Валентайну, что в кубриках больше нет надобности, и Альгор все-таки его снял, потому что до меня донеслось:

— ... моя ответственность! — Осознав, что снова звучит, Хитар приободрился и скомандовал: — Ленор, немедленно приведи себя в

порядок! Ходить в таком виде при мужчинах!

Знал бы он, в каком виде при мужчинах вчера ходила я... в смысле, при одном-единственном мужчине. На которого я сейчас перевела вопросительный взгляд, и который ответил мне непривычным для последнего времени холодом и непроницаемостью, за которой могло скрываться все, что угодно.

— После собирайся, и немедленно уезжаем. Мне нужно будет отвезти тебя в участок стражей...

— Зачем? — переспросила я, мысленно холодея.

— Затем, что все только начинается! Ты думаешь, ударила трех драконов темной магией, убежала из кабинета ректора — и на этом все?

— Равен, если у вас истерика, это не значит, что она должна быть у всех окружающих.

— Это не истерика, Альгор! Мне поручено привезти Ленор сегодня до обеда, в противном случае...

— Вам поручено, — издевательски произнес Валентайн. — Кем?

— Это. Мои. Обязательства, — Хитар начал цедить слова, выплевывая их так, будто пару недель не пил воду. — Я ответственен за эту девчонку, и я должен доставить ее в участок, в противном случае пострадает не только моя репутация, но и репутация ее брата, моего второго подопечного. Родители пострадавших драконов уже поставили на уши всех, я уже не говорю о...

— Вам лучше действительно помолчать, — на сей раз Валентайн перебил его так резко, словно отвесил пощечину. Надо отдать ему должное, он больше не пытался командовать мной — например, отправить к себе со словами «посиди пока в комнате, деточка, взрослые мужчины без тебя разберутся».

Взгляд Хитара полыхнул яростью. Предназначалась она больше мне или больше Валентайну, или нам в равной степени непонятно, но он раздул ноздри и выдохнул:

— Собирайся, Ленор, или я лишу тебя содержания и откажусь платить за твое обучение!

— Какая трагедия.

Прежде чем я успела ответить, Валентайн открыл портал, а после швырнул туда моего дядю. За шкирку, как нашкодившего котенка. Темная материя, сомкнувшись, с чавкающим звуком сожрала остатки

знакомого холла Ларо, Альгор же отряхнул руки с таким лицом, словно хотел их помыть.

— Прикажу, чтобы тебе принесли завтрак, Ленор. — Он взгляделся в мое лицо, словно хотел добавить что-то еще, но больше ничего не сказал. Развернулся, чтобы уйти, и мне пришлось схватить его за руку:

— Валентайн!

— Если ты о неучтивости в отношении твоего опекуна, я не в настроении сейчас об этом говорить, — резко произнес он. — Как, впрочем, и о чем бы то ни было еще.

Я отшатнулась от холодной колкости его слов.

— Хитар меня сейчас волнует в последнюю очередь, — ответила тем не менее. — Я хотела поговорить. С тобой.

— О том, что он сказал? Не беспокойся, Ленор. Я все решу.

Валентайн шагнул в свой кабинет, оставив меня с невысказанным: «Да нет же! О нас с тобой» и осознанием того, что он впервые назвал меня не моим именем. Точнее, впервые назвал им именно так. Два раза подряд.

Память упорно отказывалась сотрудничать на эту тему, но в голове упорно всплывали только ехидное «адептка Ларо», «не-Ленор» и «Лена», причем последнее звучало уже совершенно иначе. Глубже. По-другому. Я... даже не знаю, как. Что же касается Ленор, это было просто безликое имя, сорвавшееся с его губ пустым и холодным набором звуков.

Я поймала себя у его двери с занесенным для стука кулаком. К счастью, поймала. К счастью, разжала пальцы. И усилием воли отправила себя обратно в свою комнату.

Умываться и завтракать.

Как выяснилось, «умываться и завтракать» можно было долго, поскольку Валентайн сразу после нашего разговора ушел. Это мне сообщила все та же молчаливая девушка, которая была в его доме в прошлый раз. Правда, сегодня она не отказывалась со мной разговаривать, не изображала немую и не сбегала, стоило мне спросить — и девушка сразу же ответила:

— Архимаг Альгор ушел порталом и просил не беспокоить ни при каких обстоятельствах.

Да уж. За вчера его и так достаточно побеспокоили по моей милости. Сказать, что я не испытывала по этому поводу сожалений, я не могла, но и убиваться до бесконечности тоже не собиралась. Я действительно хотела с ним поговорить обо всем. В частности, о том, что на празднике вела себя как дура. Как дура в очередной раз залипла на Люциана и думала, что между нами что-то может быть. Как дура побежала сама вытаскивать Драконову, хотя могла сообщить Валентайну. Правда, в тот момент я об этом не думала, и, насколько я поняла, успела очень даже вовремя, поэтому переживать и мучиться по этому поводу тоже не собиралась.

Единственное, что меня сейчас терзало — так это то, что с Валентайном разговора не получается. То я засыпаю, то он уходит. Еще и изображает Альногарский ледник, одну из самых неисследованных областей этого мира, принадлежащую Даррании. По названию понятно, что очень холодную и очень ледяную.

После завтрака я позвала виритту-Эвиль и попросила ее связать меня с братом: нужно было, чтобы мне передали хотя бы какую-нибудь одежду, потому что здесь у меня был исключительно халат. Да, платье растворилось без следа, равно как и все, что под ним — я не представляю, что за магию использовал Валентайн, но его не было. То ли оно расщепилось на молекулы и растаяло, то ли что-то еще, но, как бы там ни было, выяснение природы этого заклинания было делом десятым. А вот одежду надо было раздобыть, и я, уставившись на виритту, ждала, пока Макс выйдет на связь.

— Ленор! — воскликнул он, стоило магической связи установиться. — Ты даже представить не можешь, что тут было! Как ты?

— Да нормально, — ответила я. — На самом деле я много что могу себе представить. Дай угадаю: Хитар был в ярости.

— Не просто в ярости. Таким злым я его еще никогда не видел... я хотел с тобой связаться сразу, как только ему сообщили, но Эвиль не отвечала.

— Наверное, Валентайн что-то сделал.

— Валентайн? Ты сейчас с ним?

— А где еще я могу быть?

— Хитар собирался тебя забрать.

— Не забрал. Как видишь.

— Ну и здорово.

Я приподняла брови.

— Здорово, потому что даже представлять не хочу, что он мог с тобой сделать, если бы не было Валентайна. — Макс нахмурился. — Правда все хорошо, Лен?

У меня никогда не было брата. Тетя Оля, наверное, меня любила... по-своему, но сейчас я почему-то впервые за долгое время почувствовала, как сжалось сердце. Если можно так сказать о теплом уютном чувстве, заставившем это самое сердце в груди стянуться. Или, наоборот, раскрыться? Ох, не сильна я в этих метафорах, и еще более не сильна во всех этих чувствах. Особенно родственных.

— Правда, — я почему-то поперхнулась, кашлянула и повторила: — Правда.

Говорить вот так, с помощью магической голограммы, когда я вижу полупрозрачного брата в 3D, а он так же видит меня, было странно. Не менее странно было и желание его обнять по-настоящему, потому что сблизаться мы начали — ну когда там? И тем не менее сейчас мне казалось, что мы были вместе всю жизнь. Что росли вместе. Что вместе жили с этим невыносимым Хитаром и терпели его отношение.

Чувство-ощущение пришло и ушло, я улыбнулась:

— Вообще-то у меня к тебе просьба.

— Да? Какая?

— Хотела попросить, чтобы ты сказал Тирине собрать мои вещи — не все, несколько платьев, ну и всего что нужно нам, девочкам, она поймет — и отправить ко мне сюда. К Валентайну. Потому что, по всей видимости, я тут надолго...

— Именно так! — От раздавшегося за спиной брата рычания я подпрыгнула, а Эвиль и браслет Макса явили миру разъяренного, ворвавшегося к нему в комнату Хитара. — Ты сама отказалась от нормальной жизни, Ленор. А также от возможности общаться с братом! Не говоря уже о том, что одежду ты не получишь, это одежда, купленная на выделенное вам из казны содержание, которого ты не то что не заслужила, ты разрушила то доверие к имени Ларо, которое я пытался выстроить долгие годы. Тщетно! И, видимо, зря! Я запрещаю тебе приближаться к этому дому и к своему брату, и, если ты попытаешься это сделать — очень сильно пожалеешь!

— Что... — Макс не успел договорить — я увидела только, как Хитар сорвал с него браслет, и связь прервалась.

Как ни пыталась я «дозвониться» до брата, мне это не удалось. Видимо, опекун, чтоб его Лозантир скормил кому-нибудь вроде Дракуленка, отнял у него браслет. Еще и запер наверняка. Хорошо, если только запер! Мысли о том, что еще он мог сделать, как-то совсем не внушали оптимизма, я почти устремилась к дверям, но вовремя вспомнила, что в халате по улицам бегать не стоит. Не в Даррании так точно: если после случившегося в Академии меня могут упечь просто за наличие темной магии в какую-нибудь тюрьму, то после бегания в халате — точно упекут, но уже в другое заведение. А учитывая, что Валентайн сейчас занят...

С губ сорвался нервный смешок, да и в принципе юмор у меня сегодня был какой-то очень специфический. Темной магией, видимо, пропитался.

Поэтому, вспомнив, что произошло, когда я бросилась спасать Драконову, я несколько раз выдохнула и пообещала себе, что дождусь Валентайна. Хитар, конечно, тот еще драх, но вряд ли серьезно навредит Максy. Особенно учитывая особо пристальное внимание к семье Ларо после случившегося.

Валентайн, как назло, не шел, и я решила залезть в НЗ, он же неприкосновенный запас, он же магия Валентайна. Просто потому, что посчитала это хорошим таким жестом для начала нашего примирения, а еще потому, что ходить в халате постоянно меня не прельщало. Можно было влезть и во внутренний ресурс, но после случившегося я бы предпочла туда без постороннего присутствия не заглядывать, а то мало ли. Дыра на месте особняка темного архимага вряд ли поспособствует терпимости горожан и властей.

Иными словами, пытаясь отвлечься, я лазила по местному аналогу сети, оформляя заказы на платья, туфли, и белье. Благо, после той шоппинговой вылазки я отлично знала свои размеры во всех местах, поэтому могла покупать «онлайн». Можно было брать подороже — с магически подстраивающимися размерами, но я не хотела спускать много валентайновых «денег» и брала классику. Удивительно, как их магический аналог интернета работал — это было нечто очень похожее, только «на входе» встречал виртуальный консультант-

виритта, помогал с выбором, водил между полками по реальному магазину! Короче, в моем мире сказали бы «до чего дошел прогресс».

Много всего я покупать не стала, так, самое необходимое, разве что с бельем переусердствовала. Помимо повседневных наборов заказала зачем-то умопомрачительно-сексуальный комплект черного цвета, тончайшее кружево, пояс, чулки. И вот он как раз был тем самым магически подстраивающимся, потому что принадлежал модному дому «Аринна Овэй». У них все было исключительно магически подстраивающееся.

Представив, что скажет Валентайн, когда увидит такой заказ... если, конечно, он его увидит, я почему-то опять покраснела и чуть не отменила доставку, но курьер уже его забрал. Так что пришлось сидеть и ждать.

Доставили все быстро, еще до обеда, а после я занялась примеркой, чтобы не думать думы о происходящем. Что еще эти курокозы там наплели? Что сейчас вынужден делать Валентайн, чтобы меня реально не забрали в тюрьму? А вообще могут? Я же Драконову спасла! Ну и... саданула трех драконов темной магией, да.

Время, как назло, тянулось как резиновое. Я уже успела перемерить все, что могла, а Валентайн так и не появился. Тогда я попыталась связаться с Ярдом, но ответа не было. Друг «позвонил» мне сам в тот момент, когда я мерила шагами комнату, припоминая себе предыдущий опыт спонтанных действий и вылазок. Исключительно для того, чтобы сейчас его не повторить.

— Привет, Ленор. — Он выглядел уставшим и помятым, и я без лишних слов поняла, что его тоже вызывали на допрос. Поэтому закусила губу:

— Привет. Все хорошо?

— Относительно. Дана и Джиа тоже были там... в общем, в участке стражей. Оказывается, они работали на Аникатию и Лузанскую. Поставляли им информацию.

— Как?!

— Вот так. И если за этих девиц горой стоят родители, то Дане с Джиа не так повезло. Не настолько у них влиятельные семьи. Короче, скорее всего, их отчислят.

Тут уже впору за голову было хвататься. Какое, блин, отчисление?! Конечно, девчонки тоже с головой не дружили, нашли с

кем связываться, но они вряд ли знали про то, что собираются сделать с Драконовой. Не надо было обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять, что их никто в планы не посвящал. Хотя и стоило на них разозлиться, я не могла. Просто потому, что их банально использовали. И подставили. Больше того, родственники Лузанской и уж тем более драконессы могут выставить все так, что это чуть ли не девчонки спланировали, а Катя с Клавой оказались жертвами коварных интриг. Сомнительная, конечно, история, но кого это волнует, когда у одной папа королевский советник, а у другой — просто богатый и наймет ушлых юристов?

— Я сделаю все, что смогу, чтобы этого не произошло, — постаралась утешить Ярда.

— Ты? Ленор, не смей меня. Ты, конечно, девушка смелая, но тебе сейчас лучше о себе подумать. Твой... Хитар официально от тебя отказался, снял с себя всю ответственность. Но родители драконов там реально всех на уши поставили. Требуют не просто отчисления, а чтобы ты понесла наказание за применение темной магии.

М-да. Значит, с тюрьмой я не прогадала.

— Ты видел Валентайна? — тихо спросила я.

Ярд фыркнул.

— Нет. Кто ж меня пустит туда, где он. В общем, правильного ты покровителя выбрала, Ленор. Только он тебя и спасет.

— Ярд...

— Все. Счастливо.

Друг отключился по собственной воле, оставив меня в еще большем раздрае, чем было до этого. Очевидно, что он на меня злился и считал причиной всех бед, в том числе и отчисления, грозящего его лучшим подругам, поэтому пытаться поговорить с ним сейчас — бессмысленно. Лучше я сначала поговорю с Валентайном, в том числе о Дане и Джиа, и только потом «наберу» его снова.

Еще до рези в зубах бесило это его «покровителя», тем более что я никогда не рассматривала Валентайна в таком ключе. Да я только и делала, что бегала от него большую часть времени, а когда мы пошли на сближение... не знаю, что это было. Чувств во мне сейчас было столько, что вместо дома архимага реально могла остаться черная дыра, поэтому я на всякий случай нацепила браслеты, лежавшие на тумбочке, и села в позу лотоса.

Говорят, медитации позволяют успокоиться и успокоить то, что происходит внутри. Правда, я не особо в это верила, равно как и не пробовала особо, но что только не попробуешь, когда в голове и в сердце бардак.

Спустя минут пять я плюнула на это занятие, поскольку у меня то болела спина, то чесалась пятка, то волосы от попыток глубокого дыхания падали на лицо, щекоча подбородок и нос. За окном уже стемнело (привет, зимние сумерки), а когда ближе к вечеру Валентайн все-таки появился, я это почувствовала. Буквально почувствовала: как открылся темный портал, отозвавшийся во мне холодом покалывания и моей силы тоже.

Распахнув дверь, вылетела в коридор и без стука ворвалась к нему в кабинет.

Валентайн в самом деле был там, смотрел в подпространство — по крайней мере, пока не услышал меня. Когда он обернулся, я ударила о его взгляд. Почти буквально, с тем же успехом можно было треснуться о скалу до звона в ушах и звездочек перед глазами.

— Я разрешал тебе входить, Лена?!

— Нет, но...

— Закрой дверь с обратной стороны, — холодно произнес он. — И жди, когда тебя позовут на ужин.

Глава 4

Глава 4

Дверь я действительно закрыла с обратной стороны: исключительно чтобы не наговорить лишнего, потому что очень хотелось. Очень-очень хотелось! То, что я вчера сделала, не настолько ужасно, чтобы все сейчас вели себя как последние драхи. Я, в конце концов, не просто поссориться и подраться вышла, чтобы показать, какая крутая. Спасала девчонку, которую хотели выставить в не самом лучшем свете, и выставили бы. Но об этом все благополучно забыли.

Сидеть и дуться мне тоже не хотелось, поэтому я трансформировала обиду и прочее в деятельность. То есть переделалась к ужину и составила список вопросов, которые мне нужно задать Валентайну. Не желает общаться нормально — его дело, будем общаться по-деловому. Исключительно по поводу того, что мне нужно знать, чтобы понимать, как быть дальше.

На ужин меня позвала та самая девушка, имени которой я так и не спросила: заглянула ко мне и сказала, что проводит в столовую.

— Как вас зовут? — поинтересовалась я, когда мы следовали длинными безликими коридорами.

Этот дом в принципе был безликим: несмотря на то, что он был огромным. В самом деле огромным, ему уступала даже городская резиденция Ларо, в которой хорошенько обосновался Хитар. Хотя все было чисто, коридоры не освещались, свет исходил от артефакта, который на раскрытой ладони несла служанка. Он же слегка подпрыгнул, когда я задала вопрос.

— Веннея. — Она опасливо посмотрела на меня, будто я — что?

Что я вообще могла сделать, зная ее имя? Кредит на нее взять? Или ее Валентайн так запугал?

— Рада познакомиться, — ответила я. — Ленор. Мне будет проще, если мы будем называть друг друга по имени.

«Чокнутая какая-то», — мелькнуло в ее взгляде, хотя может стать, мне так просто показалось, потому что служанка кивнула и быстро-быстро опустила глаза. Дальше мы вышли в просторный холл,

раскрывающийся лестницей направо и налево, спустились по застеленной ковровой дорожкой лакированным ступенькам, отполированным так, что если бы здесь был свет, было бы больно глазам. Я даже не удержалась и потрогала перила: не прилипнут ли пальцы? Здесь все было новое, роскошное, но... неживое.

Это сложно объяснить, гораздо проще почувствовать. Так бывает, когда заходишь в квартиру, в которой долго никто не жил, или вообще никто никогда не жил, да и не собирается особо. Пустота. Холод. Безразличие. И это только первые ощущения, которые прятались в углах вместе с тенями, впитались в обои, в обстановку, в интерьер.

Я помнила, что Валентайн говорил про этот дом и про то, что в нем не бывает гостей. Но сам-то он тут жил? Или нет?

Даже окна были занавешены плотными шторами, ниспадавшими волнами, как в музее или в театре. Никто не мог бы увидеть, что здесь происходит, если бы не обладал рентгеновским зрением, не говоря уже о том, что жизнь — там, за окнами, при таком раскладе тоже было достаточно сложно рассмотреть.

Свернув направо, мы быстро дошли до столовой, и Веннея распахнула передо мной дверь, пропуская. В коридор брызнул яркий свет: в отличие от всего остального дома, эта комната была им заполнена до краев. Настолько, что места теням и темноте не осталось, а вот остальные его бессменные жители — Пустота, Холод и Безразличие, расселись по стульям за столом, рядом с которым стоял Валентайн.

Стоял, положив ладонь на спинку стула, в темном, на этот раз даже без вкраплений белого. Черная рубашка, черные брюки, черный жилет.

— Прошу Лена, — он отодвинул для меня стул, даже не оборачиваясь.

— Просишь? О чем? — попыталась разрядить обстановку. Не вышло.

После того, как помог мне устроиться за столом, Валентайн обошел его и оказался так далеко от меня, насколько это возможно. На противоположном его конце — при всем при том, что за этот стол можно было посадить человек двадцать. Легко.

Я почувствовала знакомое действие *subrire silencial* и не удержалась:

— Может, стоило открыть портал? Ты бы ел здесь, а я в своей комнате.

— Обойдемся без порталов. Я пригласил тебя, потому что — предполагаю — что несмотря на всю свою недальновидность ты сейчас хочешь узнать, что произошло в участке и не только.

Я запила очередную обиду бокалом воды и мысленно пообещала себе, что не буду больше вестись на его провокации. Нет, правда не буду. Вообще. Совсем.

— Ты правильно предположил, — ответила в его тоне, достаточно холодно. — Но первое, что меня сейчас интересует — мой брат. Хитар отнял у него средство связи со мной и запретил нам общаться. Я хочу быть уверенной в том, что он не навредит Максу. С остальным разберусь потом.

— Твой брат, Лена? — Валентайн приподнял бровь. А еще от его едва уловимого движения пальцев крышка, прячущая мое блюдо, взмыла ввысь, и от горячего повалил пар. — У тебя нет братьев.

Не поддаваться на провокации. Не поддаваться на провокации.

— Есть, — я взяла вилку и нож, — и я задала тебе вопрос. Ты сможешь с этим что-то сделать, или нет?

— Все, что мог, я уже сделал. — Валентайн смотрел на меня, а по ощущениям — в третий глаз у меня на лбу. — В тот вечер, когда ты сбежала в неизвестном направлении, и все тебя искали.

— Я. Не. Сбежала. Я вошла в портал, в который меня отправила Асита Соровски.

— Кстати об Асите Соровски. Она выдвинула против тебя обвинения, что ты угрожала ей темной магией.

Нож скрежетнул по тарелке, и звук получился просто отвратительный.

— Что?!

— Обвинения также выдвинули родители трех... идиотов, которых ты приложила. — Даже несмотря на то, что Валентайн сидел далеко от меня, я увидела, как заострились его черты, превращая лицо в хищную маску. — Показания Драконовой играли важную роль, но Драконов отказался выдвигать обвинения против Лузанской, Эльдор, Эстре и остальных.

— То есть?! — вот теперь мне совершенно расхотелось есть.

— Дословно он сказал так: «Если мы сейчас будем подогреть распри между нашими детьми, мы дадим свободу основной и самой серьезной угрозе, которая подтачивает Дарранию изнутри. А именно — темной магии».

— А хорошие новости есть? — буднично уточнила я.

Настолько буднично, что Валентайн впервые за все время после нашего расставания в парке, когда он ушел в портал, улыбнулся искренне. Правда, только на миг, и в этот момент я поняла, что если хорошие новости и есть, то их мало. По крайней мере, в той концентрации дерьма, которая всплыла после всей этой истории. Насколько же надо ненавидеть или бояться темную магию, чтобы отказаться от обвинения в адрес тех, кто почти опозорил родную дочь? Да я бы им голову открутила и добавила еще, будь я на месте Драконова. Но я не на его месте. Я на своем.

— Хорошая новость заключается в том, что есть мое поручительство. Несмотря на всю истерику в вышестоящих рядах в том числе, я за тебя поручился, Лена. Теперь все, что происходит — моя ответственность. В том числе и то, что произойдет дальше, и как ты будешь управлять своей магией, и как ты будешь с ней взаимодействовать. По большому счету, то, что произошло в парке — тоже моя ответственность. Я не должен был позволять тебе идти без браслетов и тем более оставлять одну.

Я обратила внимание на то, что к еде он так и не притронулся. В отличие от меня. А еще на то, что впервые за все время нашего знакомства он выглядит по-настоящему уставшим: темные круги под глазами, как после долгой бессонной ночи и последующего очень напряженного дня. Что там с драконьей магией самоисцеления? Или она только у светлых есть?

Мне вдруг захотелось сделать одну очень противоестественную вещь... или наоборот — вполне естественную? Подняться, подойти к нему, обнять. Поделиться силой. Ведь есть во мне что-то светлое. В смысле, та самая часть, что досталась мне от Ленор, а не пришла в этот мир стараниями Адергайна вместе со мной.

Вместо этого я просто сказала:

— Нет. Это моя ответственность. Я взрослая женщина, и вполне отдавала себе отчет в том, что делаю.

Спорный, конечно, вопрос. Особенно когда защищаешь кого-то или защищаешься, но...

— И я не хочу, чтобы это повесили на тебя. Я хочу, чтобы ты от меня отказался. Как это сделал Хитар.

— Сказала взрослая женщина, — прозвучало с того конца стола. — Которая вроде неплохо меня изучила. Которая знает, что я никогда от нее не откажусь. И вроде бы догадывается, что дело не в ней, а в возможности зубами выдрать на поверхность тему «какая темная магия плохая, сто тысяча и один способ причинить с помощью нее зло».

На этом уже улыбнулась я. Отчасти — потому что в привычный сарказм вплелось что-то едва уловимо теплое, но большей частью, кажется, потому что «я никогда от нее не откажусь» прозвучало гораздо интимнее и глубже, чем стопятысот заверений в любви вместе взятых. По крайней мере, для меня.

— И что будет дальше? — спросила я.

— Завтра дашь показания. Это все-таки придется сделать. — Валентайн наконец-то смотрел на меня, а не сквозь. — Хорошая новость — еще одна — заключается в том, что завтра в участке не будет этой оголтелой толпы. Все они прошли сегодня.

— Вот видишь сколько хороших новостей, — попыталась зацепиться за эту мысль.

Ненадолго.

— На этом они и заканчиваются, — подвел итог Валентайн. — Слушание по твоему делу назначено на лето, состоится сразу после экзаменов. До этого ты продолжишь учиться в Академии, Лена. Под мою ответственность.

Да, про ответственность я уже поняла. Но раньше, чем успела задать вопрос о том, что она подразумевает, Валентайн добавил:

— С твоим братом все будет хорошо. Хитар не настолько идиот, чтобы причинить ему вред сейчас, когда к вашей семье снова такое пристальное внимание. Кроме того, я говорил с ним на этот счет, а храбрым Равен бывает только со слабыми женщинами и с подростками. Инстинкт самосохранения у него хороший, поэтому на этот счет можешь не волноваться. Больше, что мог сделать этот, с позволения сказать, архидрах — он уже сделал. Разлучил вас. Точнее, попытался.

Я подавилась морковкой, которую все-таки попыталась в себя запихнуть, пока горячее не остыло.

— Архидрах, — сказала, прокашлявшись. — Надо запомнить.

Валентайн не ответил, я буквально почувствовала, как между нами снова опускается этот полог отчуждения. Тот самый, что был сегодня утром, когда я вошла к нему в кабинет, когда появилась здесь. Его ненадолго развеяла магия откровенного разговора, но сейчас он снова набирал силу.

Ну уж нет!

Я поднялась резко. Подхватила блюдо и, преодолев с десяток стульев, поставила свой ужин рядом с его.

— Надоело, — сказала, глядя ему в глаза. — Смотреть на тебя оттуда.

А потом опустилась к нему на колени быстрее, чем успела передумать.

— Я голодная, — произнесла тихо. — Покорми меня.

Валентайн ощутимо напрягся. Настолько ощутимо, что я почувствовала себя так, будто села на камень.

— Как ты себе это представляешь, Лена? — спросил он.

— Представлять себе я это могу по-разному, — ответила я. — Потому что фантазия у меня богатая. Но предлагаю проверить, как это все-таки будет на самом деле.

На самом деле меня ссадили с колен. Причем так резко поднявшись, что я чуть не уехала под стол в лучших традициях комедийных фильмов — к счастью, не уехала, потому что меня за талию удержали, и на том спасибо.

— Ты была права. Нам лучше есть по отдельности.

— А ты, судя по всему, сыт, — впервые за все это время огрызнулась я и пояснила с милой улыбкой: — Потому что говна объелся.

У Валентайна сверкнули глаза.

— К твоей дерзости мне не привыкать.

— Да нет, тебе не привыкать к нормальному отношению и к нормальным отношениям! — Теперь меня прорвало: — Что опять не так? Да, я совершила ошибку. С Драконовой. Надо было позвать тебя. Но я растерялась. Я представляла, на что способны эти девицы, и оказалась права! Надо было ее бросить? Возможно! Но я не смогла.

Все случилось так, как случилось! Что теперь? Мне убиться или самостоятельно сдаться Лэйтору, чтобы заслужить твое прощение? Кстати, он точно будет счастлив! Странно, что еще не торчит у тебя под дверями с требованиями меня выдать.

Лицо мужчины закаменело.

— Я, кажется, обещал тебе, что Лэйтор больше к тебе не приблизится. И он больше к тебе не приблизится. Никогда.

— Что так? Ты его скормил призрачному стражу? — Я махнула рукой, не дожидаясь ответа. — Знаешь... каждый раз, когда я думаю, что между нами возможны нормальные отношения, ты выкидываешь что-то...

— Я? — очень тихо спросил Валентайн. — Я выкидываю что-то, Лена?

О. Ну да. И опять, и снова.

— Ладно. Я поняла, — подхватила тарелку, которую притащила к нему поближе. — У меня с говном не сложилось, а вчерашнее уже переварилось, поэтому, с твоего позволения, пойду есть к себе. И даже без твоего позволения пойду.

Я и правда направилась к дверям, но дойти не успела: словно врзалась в стену. Буквально. Хорошо хоть стена оказалась «мягкой» — похожие ощущения бывают во сне. Когда тебе очень надо куда-то попасть, ты бежишь, активно переставляешь ноги, а на деле не двигаешься, потому что они увязают непонятно в чем, а тебя неведомо какая сила словно держит на месте. Во сне одеяло, здесь и сейчас — темная магия. Все просто.

— Что? — переспросила я, понимая, что из этой «паутины» мне не выпутаться: по крайней мере, не с теми знаниями-умениями, которые у меня есть пока. — Ты еще недостаточно выказал мне свое недовольство? Свои претензии? Недостаточно поделился страшными и ужасными, кошмарными последствиями моего поступка? Ладно. Я готова слушать и даже готова молчать, только чтобы это быстрее закончилось.

Валентайн приблизился сзади: я это почувствовала даже быстрее, чем услышала. В роду у него, наверное, помимо драконов были кошки, потому что ходил он, когда того требовали обстоятельства, совершенно бесшумно. И так же бесшумно творил все, что творил. В частности, положил руки мне на плечи, оказавшись настолько близко, почти

вплотную, что это было гораздо более интимно, чем когда я сидела у него на коленях.

— Думаешь, мне есть какое-то дело до того, что произошло? — вкрадчиво поинтересовался он. — До мнения общественности? До того, что в очередной раз придется доказывать всем, что я не собираюсь рушить их мир? Мне плевать на то, что и кто обо мне думает, Лена. Большую часть своей сознательной жизни я кого-то не устраивал по той или иной причине. Отца — потому что не хотел поддаваться тьме. Дарранийцев — потому что во мне ее слишком много. Фергана — потому что я прямое напоминание о Тэйрен и о том, кто его старший сын наполовину. Так вот, мне плевать. На то, что они думают. На то, что они делают. В отношении меня. Мне не плевать на то, то что они хотят сделать с тобой, и чего я им определенно сделать не позволю. Но гораздо больше мне не плевать, что ты сейчас села ко мне на колени, чтобы забыть мальчишку, который сделал тебе очень больно.

Я дернулась, но темная магия держала крепко. Не Валентайн — его ладони касались моих плеч едва уловимо, но очень чувствительно. Особенно чувствительно через тонкую ткань платья, которое я сегодня купила. На его, между прочим, магию! И об этом я тоже хотела ему сказать, о том, что для меня это очень большой шаг. Я даже извиниться хотела. За то, что произошло, а оказалось... все дело в Люциане! В этой его ревности и собственничестве! Потому что он думает, что я — что? Продолжаю на него западать?! После того, что он сделал?! После того, как в меня чуть не прилетело светлой магией, когда я даже защититься бы не успела? Смешно!

— Это просто...

— Молчи, Лена. Я не закончил. Мне надоело довольствоваться объедками твоих чувств. Мне надоело быть запасным вариантом. И, как бы я ни сходил по тебе с ума — а я до сих пор схожу — до сих пор теряю контроль, когда касаюсь тебя или вдыхаю твой запах, — словно в подтверждение своих слов руки он убрал, — я не стану повторять этот опыт снова и снова. Я обучу тебя темной магии. Я разберусь с тем, что пытаются сделать Драконов и остальные.

— И что потом? — Мой голос дрогнул. — Купишь мне квартиру на Рублевке и «Порше Кайен», и больше мы не увидимся?

— Что?

Рублевка и «Порше Кайен», видимо, способны удивлять не только в нашем мире. По крайней мере, темная магия ослабла, и я смогла повернуться к нему лицом. Стоять с Валентайном лицом к лицу оказалось гораздо проще, чем чувствовать его за спиной. Чувствовать каждой клеточкой своего тела.

— Квартира рядом с Алой площадью и дорогая машина. То есть маджикар в переводе на этот мир, — я фыркнула. — Так обычно откупаются от любовниц в моем мире. Ну вроде как. Хотя не ото всех. Только от самых дорогих... гм... сердцу.

Сказать, что мне было обидно — значит, ничего не сказать. Он мог себя вести как угодно, а я один раз оступилась — и фиг с ним, оступилась даже по поводу Люциана — и все. Приговор без права на помилование. А еще не кто иной как Валентайн говорил мне, что больше меня не отпустит. Что я его.

— Ты говорил, что никуда меня не отпустишь, — повторила его слова. — Но сейчас просто сдался. Похоже, в этом мире у мужчин одна и та же история: они очень любят пиз... обещать, а потом сливаться по разным благородным и не очень причинам. Так и чем ты сейчас отличаешься от Люциана?

Ух, как его проняло! Потемнели до черноты не только его глаза, но столовая, которая только что была светлой. Начали выцветать краски и растворяться ощущения жизни. На мгновение. Потом все вернулось в норму. Валентайн сложил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз:

— Я не собирался от тебя отказываться, Лена. И к твоему предложению тебя покормить мы тоже еще вернемся. Когда улягутся чувства. Когда я смогу воспринимать тебя исключительно как... — он усмехнулся. — Дорогую сердцу любовницу.

Я не залепила блюдом ему в физиономию лишь потому, что действительно хотела есть. Впрочем, уже в следующий момент поняла, что у меня опять пропал аппетит, а еще — что при виде того, что сейчас лежит на блюде у меня теперь будет автоматически включаться режим «тошнота». Поэтому я аккуратно поставила тарелку на стол и, развернувшись, все-таки вышла за двери. Оставив за ней Валентайна и надежду на то, что между нами может быть что-то, не связанное с темной магией. Не связанное со светлой магией. Вообще никак не связанное с магией. Сильнее любой магии в мире.

Глава 5

Глава 5

Люциан Драгон

— ... станут мужем и женой, — звучание камня роарана, говорившего голосом папочки, эхом разнеслось по залу и тут же утонуло в грохоте аплодисментов. Посвященных, разумеется, главной паре зимнего бала в королевском дворце, читай Сезару и Женевьев.

Брат стоял рядом с отцом, весь такой красавец в темно-синей военной форме, надежда и оплот Даррании, чтоб его. Не говоря уже о том, что эта надежда и оплот Даррании тоже носил в себе темную магию.

Ха.

Люциан залпом опрокинул в себя бокал дорнар-оррхар: на взрослом празднике полагаются взрослые напитки. Пока папаша не видит, можно и расслабиться. Главное не блевануть потом от сладких речей поздравлений, которыми зальют будущих мужа и жену. Хотя блевануть будет сложно, скорее, все от сладости слипнется.

А самое паршивое что? То, что поздравлять сейчас брата и будущую королеву нужно идти ему. После отца, который говорил о том, что безумно счастлив принять в их род Женевьев и все такое. После родителей Женевьев, которые, разумеется, рассыпались словами о том, как они счастливы в этот род войти. Еще бы они не были счастливы. Отец, судя по его настроению, надолго правителем не задержится. Спит и видит, как бы посадить на престол наследничка, а там... там и с помощью дочки можно будет поближе подобраться к правлению.

ТЬфу!

Заложив руку за спину, Люциан приблизился к Сезару и Женевьев. С таким видом, словно его и правда тошнило, кисло процедил:

— Поздравляю, брат. Поздравляю, Женевьев. — По традиции требовалось ей поцеловать руку, вот он и поцеловал. Коснулся губами

тонких, затянутых в жемчужно-белую перчатку пальцев.

Если можно было представить себе более правильную, более тошнотворную принцессу, то она сейчас стояла перед ним. В своем бледно-голубом платье, искрящемся, словно по ткани рассыпали крошку звезд. С золотыми, убранными наверх волосами, украшенными пока еще родовой диадемой.

Очень скоро она сменится диадемой принцессы.

Очень, очень скоро. Свадьбу назначили на середину лета, сразу после выпускных экзаменов и защиты на Полигоне Препятствий, которую в обязательном порядке проходят все выпускники военного факультета. Это время пролетит как один миг. По щелчку пальцев, а значит, уже летом Сезар станет мужем Женеьев и, с наибольшей вероятностью, отец отречется от престола в его пользу.

Тьфу еще пару раз.

— Благодарю, Люциан. — У Женеьев был на удивление низкий для драконессы голос. Взять ту же ректора Эстре, она тоже так... порывивала, но это скорее сформировалось от привычки командовать сначала в семье, потом в Академии, потом всеми и вся. Что же касается Женеьев, он поднимался, казалось, изнутри нее, как поток огненного пламени. От него впору воспламеняться, как от дыхания дракона, решившего показать всю свою внутреннюю ярость. Глаза, словно противодействие этому огню — большие, светло-серые, как охлаждающая легкая пелена, затягивающая небо посреди знойного летнего дня. Взгляд решительный и прямой.

Да, с принцессой папочка точно не ошибся. Несмотря на свою видимую хрупкость, в этой девице однозначно была сила.

— На здоровье, — не удержался Люциан, и улыбка Женеьев погасла. А впрочем, какое ему дело до ее улыбок? Задерживаться здесь, посреди этого сверкающего великолепия, где все до тошноты знакомо и набило оскомину, он точно не собирался. С закрытыми глазами мог перечислить, кто из приближенных отца и с какими фальшивыми комплиментами будет приветствовать друг друга и его.

Тьфу десятикратно.

Поэтому, отпустив руку Женеьев, под тяжелым взглядом отца и брата, Люциан начал пробиваться по начищенному до блеска паркету к дальним дверям. Уходить, когда еще не закончились поздравления —

не по этикету, ну да вряд ли его кто-то хватится, кроме двух королей. Настоящего и будущего, а как раз на них, на их мнение ему плевать.

По дороге он выцепил в толпе отца Аникатии. С поджатыми губами, он держался прямо, будто проглотил палку, буравил его ненавидящим взглядом. Мамаша бывшей подружки, цеплявшаяся за него как за последнее уцелевшее крыло, так смотреть не смела, переводила растерянный взгляд с мужа на Люциана и обратно. Общаться с ними он не собирался, особенно после того, что выкинула их дочь.

Аникатии здорово повезло, что в дело вступила темная магия, и ее подлость осталась в стороне, но самой сути это не отменяло. Папашиного советника обязали выплатить компенсацию Драконову, компенсацию Академии, самой же Аникатии было запрещено появляться на балах в течение полугода. С Лузанской была та же история, только у Лузанской еще было и предупреждение «до первой провинности», она вроде как продолжала учебу на испытательном сроке. Проще всех отделалась Эстре, но думать об этих девицах сейчас ему не хотелось.

Хотелось... а драх его знает чего.

С той ночи жизнь окончательно стала тусклой и пустой. Люциан пытался найти смысл, но не мог. Даже общаться с Драконовой не хотелось, да и София, насколько он понял, таким желанием не горела.

Люциан сам не заметил, как ноги привели к покоям младшей сестренки. Сегодня, в праздничную ночь, она из-за возраста не могла присутствовать на балу, да и не виделись они толком почти полгода. Пересекались пару раз за последние дни, поздоровались... а ведь раньше все было по-другому.

Раньше.

До Ленор Ларо, будь она проклята!

— Привет! — Люциан толкнул дверь и вошел, сидевшая на диванчике Нэв вскинула на него яростный взгляд:

— Стучать тебя не учили?

— Ладно, ладно, — он вскинул руки. — Не в духе? Даже несмотря на гору подарков?

Подарков действительно была гора. Сложенная у украшенной искрами артефактов стены в личной гостиной сестренки. По традиции, подарки укладывали в вечер перед Главной ночью зимы, а наутро

раскрывали все. За ночь они должны были «напитаться» магией Тамей и добрыми намерениями дарителя... бред, конечно, но традиционный бред. В этот раз Люциан даже не выбирал для нее подарок сам, просто заплатил слугам, поэтому понятия не имел, какого цвета коробка.

— Дело не в подарках, — Нэввери сама поднялась, отбросила длинные рыжие волосы за спину, — а в том, что я не хочу тебя видеть.

— Вот как. Все еще дуешься?

— На что? — Девочка вскинула брови. — На то, что выбрал Ленор Ларо, а не меня? Или на то, что выбрал Софию Драконову, а не ее?! Брось, Люциан! Если дуться на каждый твой интерес, то можно лопнуть за пару секунд!

— Ха-ха-ха. — Он сложил руки на груди, приблизился к ней. — И давно ты научилась так разговаривать?

— Давно, — хмыкнула Нэв, отступая. — У меня было много времени, Люциан. Очень много, пока ты вспомнил о том, что у тебя есть сестра.

— Да брось. Я пришел к тебе, потому что не хочу проводить время с этими чванливыми идиотами. Мы же всегда были вместе, Нэв. Вместе против всех. Все как всегда.

Сестра покачала головой.

— Для тебя может быть. Для меня нет.

— Интересно, — раздраженно произнес Люциан. — Это еще почему?

— Потому что я больше тебе не верю. И если будет выбор между твоей компанией и одиночеством, я предпочту остаться одна.

От такого заявления он на миг опешил. Потом разозлился. Потом захотелось сказать маленькой дерзкой нахалке все, что он думает по этому поводу, но Люциан сдержался. Сунул руки в карманы. Кивнул.

— Как знаешь.

Развернулся и вышел, за дверями от души приложив кулаком камень до сбитых костяшек. Все разваливалось к драхам просто на глазах. Все — даже отношения с сестрой, в которых все было нормально до тех пор, пока не появилась Ленор Ларо. Точнее, пока она не вошла в его жизнь, разрушив ее до основания.

Ну да ничего.

Прислонившись к стене, Люциан поднял кулак с кровоточащими пальцами и прошептал исцеляющее заклинание. Сбитая кожа

мгновенно порозовела, потом посветлела, а спустя минуту уже выглядела так, будто ничего и не было. Не осталось даже фантомной боли от удара.

Может быть, Ленор Ларо и разрушила его жизнь. Может быть, она и находится под защитой сильнейшего архимага Даррании, с которым — чтоб ее — спит! Но это не меняет того, что он сын Фергана, принц, и что в его силах вывести ее на чистую воду. Эту тихоню, которая долгое время водила всех за нос. Он сделает все, чтобы выяснить, откуда у нее темная магия, а главное — на что она на самом деле способна.

И вот тогда, когда ему все станет известно, он еще посмотрит, чья жизнь рухнет до основания.

Оттолкнувшись от стены, Люциан зло улыбнулся и направился в сторону, откуда пришел. Кажется, в нем даже появились силы терпеть весь этот праздничный драконизм. Но главное, что у него только что появилось — это цель.

Соня

Сейчас, наверное, уже объявили дату их свадьбы...

— София, ты снова не с нами. — Резкий голос отца заставил Соню вынырнуть из собственных мыслей и вернуться в реальность. То есть на праздничный ужин семейства Драконовых, так напоминающий знакомые по родному миру встречи Нового Года. Конечно, здесь были собственные традиции: например, не было никаких елок, дома просто украшали, подарки нельзя было раскрывать до утра, а ночью, после общения с семьей или бала, следовало уединиться, представлять и чувствовать свою магию, чтобы первородная сила Тамей сделала ее еще мощнее.

— Дорогой, оставь ее в покое. — Мария Драконова обладала мелодичным высоким голосом и внешностью неопределенного возраста. То есть в ней легко угадывалась как молодая, недавно выскочившая замуж женщина, так и та, что провела там с десятков лет, как на каторге.

В основном первое, конечно. Единственное, о чем заботилась Мария — это собственная внешность. Магические уходы, постоянное посещение женских салонов, зелья, магическая коррекция внешности

— в результате она выглядела едва ли старше, чем сама София. Не все в обществе это одобряли, но Марии было без разницы, что там считает общество. Она тряслась над своей молодостью, как Кашей над яйцом, а все остальные шли мимо. Включая дочерей, да и, пожалуй, мужа.

С Иваном ее мало что связывало, кроме брака и общих детей. То, что у Драконова тоже есть любовница, Соня догадалась сразу. Что же касается Марии, ей, кажется, хватало восторженных взглядов мужчин всякий раз, как она выходила на улицу или когда устраивала балы и приемы. Но поручиться за то, что та блюдет верность, София тоже не смогла бы. Марию сложно было понять.

Светловолосая, тонкая, она порхала по жизни, благодаря богатству и влияния мужа не зная проблем. Покупала себе драгоценности, дорогие платья и аксессуары, посещала светские мероприятия, и... на этом, пожалуй, все. Ее вторая дочь и сестра Софии, Алина, была точной копией матери. Не только внешне. Временами Соне казалось, что все, что Алину интересует — это новые коллекции современных дизайнеров и как еще она может уделать подружек нарядами или украшениями.

Да, и возможно самую чуточку ее волновали подготовительные курсы и поступление в Академию, потому что «там столько красавчиков»!

— Праздничный ужин — время побыть с семьей, а не наедине с собой, — пророкотал Драконов. — Для этого будет время чуть позже.

— Ты слишком строг, — снова пропела Мария. — К тому же, праздничный ужин почти завершен, остался только десерт. К которому я, увы, не смогу присоединиться.

— Я тоже, — тут же подхватила Алина, когда слуги принялись убирать со стола лишние блюда.

— А я буду. Может, даже две порции, — Соня сама не знала, зачем это сказала. Из вредности, наверное: потому что у Марии вытянулось лицо, а Алина скривилась. Ну да, она всегда так смотрела, когда Соня за обе щеки уплетала сладости, совершенно не переживая, что это где-то там отложится.

— Ты так сильно изменилась после этой дуэли... — надула губы сестра.

— Алина! — одернула ее мать. — Мы не говорим об этом.

Хотя слуги с подносами уже вышли, а с десертами еще не зашли, Мария гневно сложила салфетку и в упор посмотрела на младшую дочь:

— Мне казалось, мы все обсудили!

— Прости мама, я забыла.

— Главное — не забудь это в каком-нибудь другом месте, — поддержал Драконов. — Иначе пострадает не только репутация твоей сестры, но и наша, и твоя собственная.

Алина быстро-быстро закивала, а Соня с трудом подавила смешок. Ну какой толк лишать себя десертов в таком возрасте? Да еще и в таком теле? Иногда у нее возникало ощущение, что миниатюрную сестрицу не уносит порывами ветра исключительно благодаря тяжести нарядов, туфелек и драгоценностей. И то, потому что Мария просит нашивать на платья дочери побольше камней. А вот с формой Академии может выйти беда.

Беда-беда-огорчение.

Представив летящую над шпилями Академии Драконова сестру, Соня не сдержалась и фыркнула.

— Ничего смешного! — по-своему истолковал ее смех Драконов. — Ты и впрямь стала слишком легкомысленна, София.

Соня вздохнула. И опустила голову.

Как раз в тот момент, когда над городом знатно громыхнуло.

— Фейерверки! — воскликнула Алина и, рискуя заработать еще одно замечание, выскочила из-за стола и бросилась к окнам.

Соня последовала ее примеру, на ходу привычным пассом приглушив неяркое освещение гирлянд, погружавшее столовую в праздничную атмосферу.

За окнами расцветали цветы, раскрывали крылья драконы, вырастали очертания дворцов и башен королевского фейерверка. Здесь шоу сопровождалось не только выстрелами из пушек, но и магией, и в сочетании получалось самое что ни на есть настоящее представление. Только над королевским дворцом, должно быть, все выглядит иначе. В том, что находится в предместьях Хэвенсграда. У них наверняка свои фейерверки, и свой повод праздновать. Возможно, сейчас над дворцом в небо взмывают фигуры Сезара и Женевьев, и над ними рассыпаются золотом искры силы правителей.

Закусив губу, Соня отошла от окна, вернулась за стол.

Как раз в этот момент снова вошли слуги, которые несли десерты и все, что полагалось подать к ним. Она не удержала тяжелый вздох, и это не укрылось от внимания матери.

— Что такое, София?

— Все в порядке, — попыталась отговориться она. Не получилось.

Отец «вернул» праздничным украшениям яркость, слуги расставили десерты и, разлив ранх по чашкам, вышли.

— Могу представить, о чем она думает, — негромко произнес он. — Сезар Драгон, верно?

Соня вздрогнула.

— Нет, — вышло слишком поспешно.

— Ах, этот мальчик... — Мария улыбнулась. — Потрясающий. Из них с Женевьев получится такая прекрасная пара! А там сейчас наверняка бал такой красоты!

Эмпатия минус сто пятьдесят, уныло подумала Соня, вяло ковырнув десерт ложечкой. Есть сладкое, даже такое аппетитное на вид, с густой кремовой пенкой, расхотелось совершенно.

— Вот только нас на него не пригласили, — надула губы Алина. — Потому что драконы всегда смотрели на людей свысока... даже на таких, как мы.

— Это правда, — поддержал Драконов, нахмурившись. Черты его лица стали жесткими, а ноздри расширились. — Несмотря на то, что все их отпрыски учатся в нашей Академии. В Академии, которую основали наши предки.

— Ах, ну что толку об этом говорить? — снова улыбнулась Мария. — Завтра у нас будет свой бал. Приедет родня, столько именитых людей. Рада, что ты все же решил пригласить архимага Равена и его воспитанника.

— Равен не виноват в том, что учудила его сестра и ее дочь.

— Ее дочь меня спасла, — напомнила София, мгновенно вскинув взгляд.

— София! — гаркнул Драконов.

— Что? Я говорю правду!

— Правда еще и в том, что темная магия опасна и непредсказуема. Особенно когда она в девчонке, дочери предателей. Не говоря уже о

том, что непонятно, откуда она вообще взялась, ну а кто это поддерживает — вполне понятно.

— Ты говоришь прямо как Люциан. Вот только ему восемнадцать, а тебе...

— София! — на этот раз ахнула мать.

— Выйди из-за стола. — Голос Драконова прозвучал как рокот вулкана. — И отправляйся к себе. До тех пор, пока не извинишься и не сообщишь, что в твоём возрасте уже понимаешь, как говорить со старшими.

— Иван! — теперь Мария с мольбой посмотрела на мужа, а вот Алина ехидненько улыбалась.

— А знаете что? С удовольствием? — промокнув губы салфеткой, Соня отложила приборы и поднялась. — Находиться в обществе лицемера, не способного даже поблагодарить за спасение собственной дочери...

— На бал завтра не идешь! — взрычал Драконов.

— Неужели меня постигло такое счастье?! Спасибо! — последнее Соня выдохнула с улыбкой, а после, чтобы не доставлять удовольствия некоторым собравшимся, быстро покинула обеденный зал.

Первое время она путалась в этом действительно огромном доме. Трехэтажный особняк семьи Драконовых в Хэвенсграде напоминал о музеях родного города. До Зимнего, конечно, не дотягивал, а вот до Екатеринского вполне. Соня вообще первое время не могла взять в толк — к чему семье из четырех человек такая роскошь? Потом привыкла. К тому, что для Драконова роскошь — не средство насладиться жизнью, а средство утереть нос другим. Точно так же, как для Марии и Алины наряды, драгоценности, статус, которым они кичились, выпячивая его направо и налево.

Вот и завтра на балу, на который придут родственники и именитые семьи, с которыми близко общались Драконовы, из Хэвенсграда, изо всех уголков Даррании, именно это и будет демонстрироваться весь праздник. Смотрите, кто вы, а кто мы.

Бе-е-е-е-е!

Соню даже перекосило при мысли об этом, поэтому она ускорила шаг. И ничуть не покривила душой, когда благодарила за возможность не показываться на этом балу. Ей хватило празднования в честь дня рождения Алины, где Драконовы смотрели на всех свысока, а все

остальные — им в рот, в надежде добиться расположения. Те, кто в рот не смотрел, на семейные праздники не допускались.

Поднявшись к себе, Соня первым делом заперла дверь, глянула на сложенные под украшенной стеной подарки и поежилась. Подарки от незнакомых людей. От тех, кому нет до нее никакого дела. Наверняка роскошные. Безумно дорогие. Такие, каких она в прежней жизни даже не видела, несмотря на то, что у мамы был свой бизнес и отличный доход. Вот только если бы была возможность вернуться домой, к маме. К Лене. Туда, где сейчас мама наверняка сидит за праздничным столом... одна. Совершенно одна. Сидит и вспоминает о прошлой ночи, когда они праздновали втроем.

Мама, она и Лена. Тетю Олю тоже приглашали, но она отказалась.

Тем не менее втроем было так уютно, а теперь...

Соня уже бесчисленное множество раз думала о том, что случилось с ее телом в родном мире, и ничего хорошего на ум не приходило. Точно так же, как ничего хорошего не приходило на ум при мысли о том, как это переживают мама и Лена. Отцу-то без разницы, у него уже двое новых детей, мальчики-близнецы.

При мысли об этом по коже прошел мороз, и Соня обхватила себя руками. Казалось бы, сколько времени прошло. Боль должна была утихнуть, но она не утихла. Напротив, разгоралась, с каждым днем становилась все ярче и ярче, то вспыхивая совершенно беспочвенной надеждой, как тогда, с Ленор Ларо и Горбачевым, то оборачиваясь пустотой и тоской. Как сейчас.

Неужели так будет всегда?

Сбросив ненавистные туфли на каблуке («Девушка должна ходить только на каблуках. Запомни, София». (с) Мария Драконова), Соня приблизилась к высокому подоконнику и забралась на него. Морозные узоры предыдущих нескольких дней сошли, сегодня потеплело. Потепление немедленно отметились густым снегопадом и сугробами, совсем как в родном Питере.

Вот и сейчас снова начинали падать крупные хлопья: видимо, действие погодной магии после запуска фейерверков сошло на нет. С каждой секундой пелена снега становилась все гуще, гуще и гуще, выбеляя темную праздничную ночь. Окна Софии Драконовой выходили на парк, небольшой по представлениям Марии, но в действительности не уступавший размером Юсуповскому. Там даже

пруд был, сейчас покрытый тонкой корочкой льда. К завтрашнему утру ее укутает покрывало снега, вот только не под одним покрывалом не согреться от того, что ты одна во всем мире.

— Хочу увидеть Лену, — прижавшись лбом к холодному стеклу, пробормотала Соня. — Хотя бы еще раз. И маму. Не знаю, кто ты такая, Тамея, но, если ты создала это все, разве не можешь такую малость?

Насчет малости, конечно, можно поспорить: все-таки подруга и мама остались в другом мире, и все же Соня зажмурилась, всем сердцем желая, чтобы это сбылось. В новогоднюю ночь, пусть она и не новогодняя, и в Даррании, все исполняется. Не под бенгальские огни и бой курантов, но хоть так. Может же так случиться, что она проснется в своей постели? Если уж однажды оказалась здесь.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — мысленно повторяла она до тех пор, пока не заболели от долгого прищура глаза.

Тогда Соня приоткрыла один и, увидев всю ту же привычную обстановку комнаты Драконовой, глубоко вздохнула. Хотя весь этот мир был похож на сказочный, пора бы уже привыкнуть к тому, что сказок не бывает. А если и бывают, не все они заканчиваются хэппи-эндом.

Как, например, с Сезаром.

— С Новым Годом, мама. С Новым Годом, Лена, — искренне пожелала она.

Пусть они ее не слышат, и вообще непонятно, какое там сейчас в родном мире число, но так хоть немножечко стало теплее.

Спрыгнув с подоконника, Соня еще раз взглянула на густой снег за окном и отправилась в ванную.

Глава 6

Глава 6

Лена

Да, не так я себе представляла зимнюю праздничную ночь в другом мире. Хотя по большому счету, я ее вообще никак себе не представляла, для меня Новый год — это Новый год. Время семьи. Время чудес. Моей семьей была Соня и ее мама (когда-то даже и папа), при всем при том, что тетя Оля была мне родней, родной она мне не стала. Поразительно, но стал Макс. Гораздо быстрее, чем можно себе представить, и сейчас я в пятнадцатый раз пыталась с ним связаться: просто не верилось, что Хитар ему так и не вернул браслет. Хотя с этого архидраха станется.

Можно конечно было пристать к Валентайну, настоять на встрече с братом, но приставать к Валентайну мне больше не хотелось ни в каком смысле. По крайней мере, не в ближайшее время. Мы с ним виделись исключительно по делу: когда ходили в участок, потом — когда занимались магией. Даже перед праздниками он с меня не слез в плане занятий. Может, и правильно. Во-первых, моей магией надо заниматься, и заниматься основательно, а во-вторых, она позволяла отвлечься от всяких лишних мыслей.

Например, о том, что мне не надо бегать по магазинам, покупая подарки Соне, ее маме и тете Оле. Хотя на что бы я их покупала? На магиньги Валентайна? Нет уж, спасибо. Я даже ту одежду, что купила, использовала в очень ограниченных количествах. Спустя сутки, правда, у меня ее стало в два раза больше. Только зимних пальто три штуки и с десятков пар зимней обуви, не считая прочего. Прочего — это того, в чем можно ходить по дому или выходить на улицу и даже в свет. Валентайн дал задание кому-то из слуг, вот меня и обеспечили всем по полной. Я аккуратно поставила коробочки в шкаф, многие даже не распаковывая.

Тот комплект, который купила — невероятно красивое белье, тоже запихала поглубже в комод. Сейчас сидела на диване, глядя на

расставленные на столике угощения: мне накрыли стол в моей комнате, и, как назло, в меня ничего не лезло. То ли не надо было много есть перед праздничным ужином — а во время «полуденного чая» на меня просто напал жор, то ли в одиночку не елось.

Валентайн мне не отчитывался, но я знала, что он не празднует дома. Он ушел ближе к вечеру — тогда, когда как раз принято уже потихоньку садиться за стол, причем ушел по-английски и по-настоящему. Не в портал. Не сказать, что я сталкерила, но случайно увидела, как он выходит через парадную дверь своего огромного пустого дома. Весь при параде: волосы зачесаны назад, пальто развеивается за спиной, как крылья дракона. Прямо хоть в кино его снимай. В рождественской мелодраме, потому что в руках у него была коробка.

Красивая такая подарочная коробка с бантом. Блестящая.

Что в ней, я не представляла, но подарок явно предназначался женщине. Вряд ли такую коробку понесут мужчине, и это было обидно. В смысле, не за гипотетического мужчину, конечно, а за то, что это подарок женщине. И даже не за то, что это подарок женщине, а за то, что он не мне. Хотя мне было грех жаловаться — меня завалили одеждой, обувью и всем чем только можно, но... Но.

Поэтому я сидела, пялилась на еду, на давно пропузырившееся дорнар-скар и задумчиво считала до ста и обратно. В надежде на то, что Макс все-таки мне ответит или, хотя бы, что я наконец засну. Сна, как назло, тоже не было ни в одном глазу. Оставалось только пихать в себя еду или примерять наряды.

В этот момент мне отчетливо представилось, какой могла бы быть эта ночь, если бы Валентайн тогда не заполз в свою черную драконью ракушку. Или если бы я не пошла спасать Драконову. Или если бы не осталась на балу, потому что никак не могла понять, что у меня с Люцианом. Или если бы... Этих «если бы» было столько, что ум за разум заходил, но я все равно представляла, как мы с Валентайном сидим в столовой, за тем большим столом. Мерцают магические гирлянды, музыкальный артефакт поет легкую мелодию, горят свечи. Потом Валентайн приглашает меня на танец...

ТЬфу ж ты! Где я только такой романтики набралась.

Решительно отбросив все лишние мысли, я встала с диванчика и пошла заниматься тем, о чем подумала. От скуки я сегодня сделала

себе праздничную прическу. К счастью, не как в первый раз, а нормальные локоны с помощью бытовой магии. Укладка не блистала оригинальностью, но было красиво. Так же, как и легкий макияж, который я создала с помощью любительского холста.

Конечно, до таких высот, как мне делала Имона, моему творению было как магическому светлячку до местных лун, но в целом получилось миленько. Миленько, симпатично, в сочетании с темно-синим, праздничным платьем, перехваченным пояском на талии. Ткань его искрилась так, будто на него просыпали крошку, впитавшую холодный свет всех трех лун, а еще были туфли на каблук.

Да, я определенно не ждала, что Валентин все-таки зайдет поздравить меня. Просто поздравить.

Но он сейчас в другом месте, и у него там... совершенно другого рода поздравления.

На этом я резко рванула поясок платья и принялась раздеваться. Идея покрасоваться в нарядах, чтобы не сходить с ума от скуки и не ворочаться в постели, мучаясь бессонницей до утра, пришлась в тему. Я перемерила все платья, которые купила, выпила несколько бокалов дорнар-скар (к счастью, эта штука действительно не пьянила). К еще большому счастью, под дорнар-скар пошла и еда, а после я все-таки включила музыку.

Кто сказал, что если меня не приглашают на танец, я не могу танцевать?

Могу. Еще как!

В голову пришла совершенно хулиганская мысль, и спустя мгновение я уже красовалась перед зеркалом в том самом комплекте. Кружево мягко ложилось на грудь, полосочка, что называлась трусиками, закрывала разве что ну самое стратегическое, а пояс с чулками дополняли образ на пять с плюсом. Вот что значит белье, которое не чувствуешь. Я видела себя в отражении в нем, но мне казалось, что я раздета. Что полностью обнажена.

Правда, я все-таки его почувствовала, когда вскинула руки, чтобы повернуться в танце. Оно скользнуло по коже легкой и невесомой лаской, как перышко. И так — на каждом движении. Закрыв глаза, я плыла в этом калейдоскопе чувственных ощущений и музыки, в которую вливалась всем телом. Не знаю, насколько удачно. Я просто

чувствовала. Просто двигалась. И мне впервые за все время было удивительно спокойно, так хорошо...

— Прекрасно, Лена, — низкий голос Валентайна прозвучал как внезапный сильный чужой аккорд.

Я остановилась так резко, что пошатнулась на каблуках. Открыла глаза и поняла, что стою в каких-то миллиметрах от архимага.

Наверное, если бы меня застали за чем-то гораздо более интимным, я бы и то не отреагировала так. Сейчас же просто размахнулась и вlepила ему пощечину. Сама испугалась того, что сделала, попятилась. Правда, недалеко: ладонь Валентайна властно легла мне на талию, притягивая к себе.

— Ну что же ты, Лена, — низко и хрипло произнес он. — Драться так драться.

Я даже пикнуть не успела, успела только рассмотреть отпечаток ладони у него на щеке, а в следующий момент жесткие пальцы вплелись мне в волосы, потянули вниз, заставляя запрокинуть голову. Я бы дернулась, но Валентайн держал крепко. Держал, а еще обжигал совершенно незащитную шею горячим дыханием, почти касаясь ее губами. Меня даже от одного этого бросало в дрожь, не говоря уже о том, что будет, если он все-таки меня поцелует. Я не могла видеть его взгляд, но дикие, расходящиеся от него животные волны накрывали с головой, я и чувствовала себя в точности так же, как под водой, на безграничной, затягивающей глубине, где не остается ни лучика света, ни дыхания. Только пульс стучит в ушах.

— От... пусти, — к счастью, на самом деле мы были не под водой, и я сейчас могла выдохнуть. — Отпусти, Валентайн. Мне страшно.

Страшно мне стало, когда он вскинул голову. Наверное, такой голодной тьмы в его взгляде я не видела никогда. Такого голода. И такой тьмы, когда даже растягивающиеся на манер звериных зрачки теряются в темноте. Еще у него на скулах начинала серебриться чешуя, проступая на коже тонкими, пока что полупрозрачными пластинками. И это было красиво!

Настолько же красиво, насколько пугающе. Завораживающе.

— Ты меня не боишься, Лена, — произнес он. — Как бы ты ни старалась это скрывать, ты меня не боишься. Только ты одна.

— Я не...

Мои губы запечатали поцелуем. Таким яростным, сильным и быстрым, что вслед за ним я ушла под воду еще быстрее. Настолько глубоко, что теперь не осталось даже возможности вдохнуть. Или закричать. В ушах по нарастающей бился пульс, пробиваясь сквозь звон глубокого погружения, а губы вплавлялись в его, и не осталось ничего больше кроме этой сумасшедшей раскрывающей мой рот ласки.

Кроме прикосновения грубой ткани его пальто к обнаженной коже, к белью, которое только что я совсем не чувствовала, а сейчас ощущала, как оно касается всех самых сокровенных мест на моем теле.

Я вцепилась в лацкан его пальто, Валентайн подхватил меня на руки. Или, точнее будет сказать, под бедра. Теперь все выглядело так, будто его целую я, хотя ритм, темп и напор давящих на мои снизу губ говорил об обратном. Его язык сплетался с моим, всей кожей между разведенных бедер я чувствовала жар и... пустоту. Пустоту, которую отчаянно хотелось заполнить.

Настолько отчаянно, что я содрогнулась при одной лишь мысли о том, как это будет. Сладко, и так сжалась, что перед глазами вспыхнули звезды и все поплыло.

Оргазм может случиться от поцелуя?

Меня опрокинули на постель раньше, чем я успела подтвердить или опровергнуть эту теорию. Прохладное покрывало, горячая кожа и его руки, скользящие по моему телу. Чешуи на скулах стало еще больше, а тьмы в глазах хватило бы на весь Хэвенсград. То, как Валентайн провел ладонями по всему моему телу — властно — от плеч, по груди, цепляя ставшие острыми соски, по животу и ниже, сдвигая белье, то, как он на меня смотрел — хищно, пристально, жестко и жадно, все в нем говорило: «Моя».

Ему даже не нужно было повторять этих слов, но он все-таки их повторил:

— Ты — моя, Лена. Моя и ничья больше, запомни это.

Слова воспринимались как что-то из другого мира — далекие, доносящиеся сквозь толщу воды. А его прикосновения, пальцы, застывшие на моих бедрах, словно клеймили, обжигая не то льдом, не то пламенем. Я приподнялась, потянулась к нему, положила ладони на грудь, чувствуя, как под ними колотится сердце. Его сердце.

Настоящее. Живое. Хотя большинство в Даррании считают, что сердца у него нет. Да что там, я сама так считала.

Я тянусь вперед, и в этот момент в моей голове раздается отчаянный, дикий визг: «Не смей этого делать! Не смей! Слышишь!»
Голос высокий на крике и в то же время до боли знакомый.

Мой?!

Осознание этого становится последним, что я слышу: сознание взрывается, как лампочка. И наступает темнота.

Глава 7

Глава 7

Как Новый год встретишь, так его и проведешь. Даже не удивляюсь, что у меня в голове первой всплыла эта мысль, а второй — что я весь последующий год буду трахаться и слышать голоса в голове. Даже не знаю, какая перспектива заводит меня больше. Даже не знаю... А еще не знаю, откуда во мне столько цинизма. Предсказуемо разлепив веки в одиночестве, я поняла, откуда. Все мои чувства, которые я разрешала себе испытывать, оборачивались полной жо... и ладно бы только романтические порывы.

Я любила родителей. Они умерли.

Я влюбилась в Земскова. Он оказался козлом.

Я влюбилась в Люциана. Та же история, с поправкой на крылатость и размеры. Правда, козел он и в Африке козел, в смысле, в Даррании. Ну вот и пусть себе летает.

У меня была лучшая подруга — с ней случилось непоправимое. Из-за меня.

Теперь я вроде как поверила в то, что могу... быть счастлива с Валентайном? Что?! Вот прямо так, с такими интонациями — Ч.Т.О?! И в итоге после страстного лапанья и отключки благополучно просыпаюсь утром в своей постели. Одна. Между прочим, после потери сознания — после чего? Меня-таки догнало межмировыми перемещениями, и я схожу с ума? Во мне завелась субличность Елена Петровна Харитоновна, которая против спонтанного секса с красивыми мужчинами?

Зажмурившись, потеряла виски, испытывая непреодолимое желание что-нибудь выпить. Например, воды. Дорнар-скар, может, и безалкогольный, но пить хотелось зверски. Оглядевшись, нашла графин на привычном месте: на тумбочке. Я всегда просила ставить мне воду на ночь, моя привычка с детства. Вот и сейчас дотянулась до стакана, плеснула туда от души, и залпом его выпила. Затем второй.

Шторы забыли задернуть (ну, или в мою комнату после Валентайна никто больше не заходил), но было пасмурно. За окнами

валил такой густой снег, что через полчаса нахождения на улице можно было превратиться в снеговика, а на мне не было даже белья. Комплект, аккуратно сложенный, словно в издевку лежал на кушетке в изножье кровати, и мне захотелось рычать.

Вот что за мужчина, а?! Так бы и треснула... темной магией!

Ладно. Типа, с добрым утром, Лена. С Новым Годом, с новым счастьем. Пора идти чистить зубы и делать водные процедуры. Может, под водой в голове прояснится, с чего ж меня вчера так накрыло, а главное — после того, как Валентайн с подарком ходил в гости непонятно к кому.

И почему так быстро вернулся? Не понравилось, что ли?

Если трахаться мне запрещала субличность Елена Петровна, то здесь явно подключился кто-то очень острый на язычок. Например, Лена-врезавшая-Земскову, которая во мне проявлялась с завидной регулярностью. Нет, ну а что? Если верить психологам, то субличности — это не шутка и даже не диагноз, просто разные стороны одной меня, мои проявления. Главное об этом вслух не говорить, а то непонятно, как отреагируют местные.

Зевая, я доплелась до ванной, где привела себя в порядок. Продрала спутавшиеся локоны, магией выпрямила обратно (красота!), полежала в ванной, пуская пузыри под водой и выныривая на поверхность. Когда в жизни все идет так, как сейчас у меня, остается только пускать пузыри и философски думать о том, что все так и задумано свыше. Правда, в моем случае это даже не прикол: задумано свыше. Адергайном Ниихтарном.

Его бы тоже... того, темной магией. А еще лучше — в наш мир, без магии. Посмотрела бы я, как он там выкручиваться будет-то. Не обладая своей безграничной темной силой.

Ха!

Выбравшись из ванной, я высушила волосы, оделась. В самое обычное платье, мягкие туфельки, как раз закрепляла волосы заколкой, когда взгляд упал на столик, где вчера стояла еда. Еды там больше не стояло, зато лежала маленькая коробочка. Серебристая такая, с бантиком-лентой.

Подарок. От Валентайна.

Не надо было к нему приближаться, потому что по мере приближения меня охватывала нездоровая злость. То есть сначала он

сваливает с большим подарком в закат, потом приходит. Видит меня танцующей в нижнем белье, лапает, как будто так и надо, а после опять исчезает? Предварительно раздев, куда же без этого! И да, еще оставив это.

Меня просто-таки распирало от эмоций, поэтому я схватила подарок, зажала его в кулаке: благо, размеры позволяли, и вылетела из комнаты. В кабинете, открытом буквально с ноги, Валентайна не оказалось, и я направилась к нему в спальню. Плевать мне, что он там делает, пусть хоть самоудовлетворяется! Ему можно ко мне вламываться, а мне — нет?!

Толкнув дверь, я застыла на пороге с открытым ртом. По ощущениям, метра на два, а может, и больше, потому что неожиданно заболела челюсть. А впрочем, не только челюсть, во мне заболело все: потому что в комнате Валентайна не оказалось, зато оказалась голая Эстре.

Это, конечно, в принципе то еще испытание для нервов — голая ректор! Не в том смысле, что там все страшно, там все было очень красиво. Прямо как в журнале специфического направления. Но голая ректор, да еще в комнате моего Валентайна... Тьфу! Я правда подумала: моего?

— Вы дверь закроете, адептка Ларо, или так и будете стоять и смотреть? — поинтересовалась эта... драконица.

— Я вообще пришла подарок вернуть, — сообщила я.

Нас бы сейчас снимать, была бы комедия жанров. Непонятно, правда, каких. Подарок я положила на ближайшую поверхность, то есть на каминную полку, а сама вышла и закрыла за собой дверь. Мне хотелось не то плакать, не то смеяться, видимо, мои нервы сдали вахту и ушли на заслуженный отпуск. Но до своей комнаты я все-таки дошла, где сползла по стене и уткнулась лицом в колени. Правда, ни смеха, ни слез не было.

Я сидела и икала: так, видимо, выходили застрявшие эмоции.

Почему, вот почему в моей жизни правда всегда все через Жо? Я могла бы попасть в другой мир, скажем, какой-нибудь техногенный, тоже с драконами, но где все автоматизировано, а магия — вторична, и мне не нужно было бы ей учиться. Ну это если бы мне обязательно нужно было попасть в другой мир, потому что при идеальном раскладе я предпочла бы вообще никуда не попадать. Жить себе спокойно,

общаться с Соней, учиться... сейчас, кстати, полгода бы уже проучилась.

Безо всяких там Валентайнов. Ректоров. Мастеров интриг, желающих показать Драконову в невыгодном свете.

Драконова!

Не знаю, что я курнула в тот момент, когда через Эвиль отправила ей сообщение: «С праздником. Надеюсь, твой день начался лучше, чем мой».

Я правда не поняла, что это было — наверное, попытка не сойти с ума в очередной круговерти драконов, темных магов и прочей истории, особенно голой Эстре в комнате Валентайна. Голая Эстре в комнате Валентайна. Теперь эта картина будет стоять у меня перед глазами и сниться мне по ночам.

Лучше бы был голый Валентайн в комнате Эстре! Хотя суть не особо менялась, но если мне приснится голый Валентайн, это всяко лучше, чем голая ректор.

«Даже не представляю, как должен был начаться твой день, если он хуже моего. С праздником».

Сначала я не поверила своим глазам. Уставилась на виритту, во вспыхнувшем поле рядом с которой высветился ответ Драконовой. Интересная все-таки штука эта магическая соцсеть. У них тут не было номеров или id, даже профилей и личных сообщений не было, я просто могла написать любому конкретному человеку, которого знаю, потому что все они были в этой общей объединенной базе, и оно доставлялось по адресу. Правда, магически заблокировать здесь тоже можно было, что несколько оправдывало такое вот нарушение личных границ.

Не представляя, что делать дальше, я написала:

«Ты кого-то убила?»

Ответ пришел на этот раз мгновенно:

«Ха-ха-ха».

Вот и что на такое ответишь? Не рассказывать же реально Драконовой — ДРАКОНОВОЙ! — что я увидела, как началось мое утро и как закончился вечер. Пока я размышляла над не менее философским ответом, чем «ха-ха-ха», мне пришло следующее:

«Я так и не сказала тебе спасибо. Спасибо».

«Да не за что», — написала я, потом помахала магическим пером, убрала и добавила: «Пожалуйста. Я рада, что все обошлось».

«А я-то как рада».

Пока я кусала губу, Драконова успела написать еще:

«Обошлось, на самом деле, относительно. Меня забрали из Академии».

«Кто?!»

«Отец».

«Драконов?!»

«В теории да. На практике — хороший вопрос».

Мне уже нравится ее чувство юмора.

«Почему?»

На этот раз ответ на приходил долго. Если бы я смотрела на открытое окошечко ВКонтакте, там бы наверняка было: «София Драконова печатает...», но поскольку мы были не во ВКонтакте, ничего такого, разумеется, я не видела. Оставалось только предполагать, что она там делает, подбирает слова, что ли? Да нет, это не про Софию Драконову, а значит, ей просто надоело со мной общаться. По-хорошему, и мне должно было бы надоест, учитывая, с кем именно я переписываюсь, но мне не надоело. Больше того, я почему-то очень ждала этого ответа, действительно очень ждала.

Видимо, потому что общаться с Драконовой гораздо лучше, чем думать про голых ректоров в комнате Валентайна.

«Потому что он идиот».

Исчерпывающий ответ.

Я представила Драконову — уютно сидящую на кровати, в своей комнате, отвечающей на мои сообщения, и на сердце стало теплее. Даже расхотелось икать, плакать и смеяться по поводу того, что только что произошло. Я начала было писать ответ, но в этот момент рядом со мной оглушительно хлопнула дверь. Не надо было даже поворачиваться, чтобы увидеть, кто вошел, но я все-таки повернулась.

Поскольку сидела на полу, увидела сначала валентайновы ноги, ботинки и брюки. Задрала голову и увидела остального Валентайна, сжимавшего в руке коробочку, глядящего на меня сверху вниз.

— Что, ректор уже ушла? — поинтересовалась с улыбкой.

Вот фигя с два я ему покажу, что мне больно. С другой стороны, к чему мне это вообще показывать? Мне не должно быть больно. Он мне никто, я ему никто.

— Нет еще, — комментирует этот чудо-магистр.

— Замечательно. Ну в таком случае предлагаю заняться своей гостьей, а я займусь своими делами, — сообщаю я.

— Это какими же?

Я быстро сворачиваю пустой пока экран и поднимаюсь. Что ни говори, а общаться сидя на полу с тем, кто над тобой возвышается — неудобно. Мне вообще жутко надоело, что надо мной то и дело кто-нибудь возвышается или что кто-нибудь пытается возвыситься за мой счет.

— Это мое личное дело, — сообщаю все с той же улыбкой, хотя от нее уже сводит зубы. Мысли стараюсь вообще не думать, не дай Тамея включится «наша связь» в самый неподходящий момент, а мне сейчас хочется, чтобы она выключилась. Да что там! Я его вообще видеть не хочу.

— Это твой подарок, — Валентайн протягивает мне коробочку.

— Можешь подарить ректору. Я не жадная.

Боюсь, что если сейчас возьму коробочку, то она полетит прямо в него, а это совершенно не к месту. Боюсь, что наши руки соприкоснутся, и память тела живенько воскресит то, что было вчера. Боюсь, что он снова скажет что-то в стиле «Ты моя, Лена», а я поведусь.

— Это подарок именно для тебя. Открой.

Он так и будет тут стоять? Если да, то проще открыть. Проще открыть, тогда он уйдет, и все закончится. Поэтому не касаясь ни его пальцев, ни ладони, я беру из его рук коробочку. Она приятная на ощупь, будто сатиновая, поэтому снять крышечку оказывается легко.

Я мигом забываю про все, потому что в углублении черного бархата лежит кольцо. Кольцо, чтоб его! Как очередная издевка надо всем, что было, и вот теперь запустить в Валентайна подарком хочется уже просто нестерпимо. Но я помню про «не показывать свои чувства», поэтому поднимаю голову и смотрю на него в упор:

— Что это?

— Кольцо, которое ты будешь носить, пока живешь у меня. В Даррании традиции иные, а чтобы нормально учиться, быть женщиной темного архимага слишком опасно.

— Ты только сейчас об этом задумался?

Не просто швырнуть. Еще потом треснуть по голове чем-нибудь тяжелым и пнуть в причинное место.

— До той ночи все было не настолько остро, — произносит он. — Это кольцо оградит тебя от лишних проблем. Пока ты живешь в моем доме, будешь моей невестой.

— Это ты уже говорил, — напоминаю я. — А что, если я не хочу жить в твоём доме? И уж тем более становиться твоей невестой? Прости, но пока ты пялишь ректора, это даже не бразильская мелодрама, это уже просто дурной тон.

Валентайн пристально смотрит на меня, так пристально, что, кажется, во мне сейчас образуется дыра от этого взгляда. Хорошо, если не черная, и если я не аннигилирую все в округе, потому что судя по поднимающимся изнутри чувствам, я очень, очень к этому близка. И становлюсь еще ближе, когда он без лишних слов выдирает кольцо из бархата и надевает мне на палец. Легкий холодок, покалывание, над ладонью клубится магия.

— Что ты сделал?! — Хотя я и без слов понимаю, что он сделал: вцепившись в кольцо, пытаюсь сдвинуть его с места хотя бы на миллиметр, но не могу. Оно словно приросло ко мне, словно вплавилось в мою руку!

— Избавил тебя от проблемы выбора, а себя — от лишней траты времени, — сообщает он и разворачивается, чтобы уйти.

Мне хочется так много ему сказать... сказать ему все, что я думаю! Все, что я думала вчера — о том, что в его груди живое сердце, но на деле — кусок льда или угольно-черная субстанция из Темных земель. Да, что бы там ни было, что бы я ни сказала, все бессмысленно. Поэтому я просто даю ему уйти, а потом пересекаю комнату и сажусь на постель.

Второе кольцо за полгода моей жизни. Сказал бы кто, что такое случится — посмеялась бы от души. Сейчас, правда, смеяться не хотелось. Кольцо, напоминавшее бриллиант от Тиффани — восьмигранный сверкающий камень, однозначно притягивал взгляд. Тонкий ободок драгоценного металла на пальце не доставлял неудобств (моральные не считаются), но держался реально как приклеенный. Заранее зная, что они обречены на провал, я предприняла несколько попыток его оторвать.

Тщетно.

Сцепив руки на коленях, я смотрела на очередной признак принадлежности темному дракону и думала о том, что мне срочно

нужно в Академию. Мне нужно учиться дальше. Нужно уметь разобрать по частям любое заклинание, да и собрать тоже, но в данном случае — разобрать. Чтобы понимать, как с этим быть дальше.

Мне нужно узнать, что произошло с моими родителями на самом деле, то есть с родителями Ленор, чтобы разорвать, наконец, этот порочный круг: Ленор Ларо — дочь заговорщиков и пария, отщепенка, которая всем желает только зла. Но главное — чтобы наконец разорвать связь своего имени с именем Валентайна Альгора. Чтобы начать новую жизнь одной, устроиться на подработку: если Дана и остальные могли совмещать с учебой, то и я смогу.

Но для начала надо избавиться от этого клейма, которое, как неведомое заклинание кольцо, вплавляет меня в дом Валентайна Альгора. И я буду не я, если я этого не сделаю. Сколько бы времени на это у меня ни ушло, сколько бы сил ни потребовалось! Моя жизнь больше никогда не будет зависеть ни от кого.

Ни от принцев. Ни от безумных, возомнивших себя судьями Драконовых, и так далее. Ни от архимагов. В особенности от архимагов. В особенности от Валентайна Альгора, с которым у меня не останется ничего общего. Или я не Лена Харитонова!

Держаться за свое настоящее имя, сколь бы чужим оно ни казалось здесь, было легко. Оно словно возвращало меня в то время, в тот мир, где моя судьба и моя жизнь зависела только от меня. Словно придавало мне сил. Напоминало о том, кто я, и что я всегда, всегда справляюсь со всем.

Не знаю, какой была Ленор Ларо, но это и неважно. Потому что Лена Харитонова популярно объяснит всем, что попаданок лучше не злить.

Глава 8

Глава 8

Несколько месяцев спустя

— Домашнее задание надо сдать до конца недели! — Магистр Оллихард не уложился до драконьего рева-звонка, поэтому сейчас ему приходится повышать голос, чтобы перекричать шуршание поднимающихся и складывающихся вещи адептов. — И напоминаю, что наш с вами экзамен будет в формате обсуждения эпохи...

Я отвлекаюсь на то, чтобы собраться, и обнаруживаю в сумке кусок грязи. Очень грязной, размокшей земли, которую вот где только нашли? Последние дожди шли пару недель назад, сейчас весна полностью вступила в свои права, вокруг цветы, пение птиц, мягкая, теплая солнечная погода, предвещающая жаркое лето. Цветов просто море, не считая цветения деревьев. Мне кажется, весь Хэвенсград настолько заперевысадили цветами, что голова кружится не столько из-за приближения лета, сколько из-за их пьянящего, свежего аромата. Оно и неудивительно: скоро свадьба Сезара Драгона и Женевьев, и в честь этого город заранее выглядит как с картинки сказочной книги.

Не представляю, что чувствует Драконова. Если честно, сама не знаю, зачем об этом думаю, и почему вообще снова вернулась к мыслям о ней. С того самого дня мы не общались, я как-то хотела написать снова... но передумала. О чем писать? Она меня поблагодарила, мы вроде как не подружки.

Отец действительно забрал ее из Академии, и я даже выяснила (путем многочисленных злобных выпадов в мой адрес), что с условием: до тех пор, пока здесь учится Ленор Ларо, его дочь учиться не будет. Ну то есть как не будет — София Драконова проходила все темы на домашнем обучении со специально приглашенными преподавателями, а здесь отчитывалась на выходных. Сдавала контрольные (вроде тестов), практики, обсуждала с магистрами подготовку к экзаменам.

Примеру Драконова последовали еще несколько именитых семей, забрали своих дочерей и сыновей «до тех пор, пока здесь учится Ленор Ларо». Все это попытались раздуть еще и в столичной прессе, но очень быстро свернули. Стараниями Валентайна, я так полагаю, больше за меня вступить было некому.

Честно говоря, с той самой ночи я больше этого мужчину не понимала, но и, точно так же честно говоря, не очень хотелось. Пусть даже голая ректор больше не появлялась в его спальне (или появлялась так, что я этого не видела), свои ощущения я запомнила надолго. Повторять их не хотелось тоже.

Правда, в свете всего происходящего, отношения с Валентайном меня беспокоили меньше всего. Он учил меня магии, я училась у него магии, про кольцо больше не заикались ни я, ни он, и в целом мы вели себя как чужие люди (дракон и человек?), что по сути было правдой. Чужими мы были, чужими и остались, и меня это полностью устраивало. Эмоций с лихвой хватало в Академии.

Вот эта выходка — типа грязи — была самая простенькая из того, что мне устраивали с момента моего появления. Правда, с переменным успехом. Пообещав себе, что не буду спускать ни одного такого выпада в свою сторону, я свое слово держала, и всякий раз, когда кто-то закидывал мне в сумку «грязь», этот кто-то получал ответку. Причем отважных каждый раз становилось все меньше и меньше, особенно после того, как я придумала заклинание, зеркалящее попытки меня «ужалить».

В частности, девицы, которые пролезли в мою комнату, взломав защиту, и попытались наложить чары на мои крема, чтобы я проснулась с красным лицом и прыщами, получили мгновенный обратный эффект и в коридор выбегали по стеночке. Та же участь постигла парня, который захотел закинуть в мою сумку дематериализующее заклинание: на нем просто «растаяла» форма. Прямо посреди аудитории.

Меня там не было, зато когда я вернулась, разговоров только об этом и было. После этого все поняли, что магически связываться со мной себе дороже, и стали пакостить без магии. По мелкому. Вымазать ручку двери какашками ежерога, положить на стул какую-нибудь дрянь, или, например, вот так: сейчас все, что лежало в сумке, было

вымазано в скользкой, липкой черной массе, и саму сумку, наверное, уже не ототрешь даже отчищающим заклинанием.

А жаль. Хорошая была сумка. Мне нравилась.

В темной магии существовало заклинание, которое обжигало или замораживало руку до костей (в зависимости от его построения), но до того, чтобы так защищать свои вещи, я пока не дошла. И даже не потому, что была вроде как «на испытательном сроке». То есть темную магию мне было запрещено применять в любом виде, где бы то ни было, даже в качестве самозащиты.

В противном случае поручительство Валентайна утратило бы свою силу, и я бы оказалась в застенках (сомнительно, зная Валентайна), но, помимо этого, он бы огреб кучу неприятностей, а вот этого я совершенно точно не хотела. Как бы ни складывались между нами отношения (правильный ответ — никак), подставлять его ни случайно, ни тем более намеренно я не собиралась. Может, он и гад каких поискать, но я сейчас жива только благодаря ему.

Не факт, что меня не порвали бы на тряпочки, не будь на мне его кольца и браслетов. Причем не адепты, а их родители, которые не уставали строчить Эстре письма и жалобы на то, что я учусь в Академии и подвергаю жизнь их детей опасности. Меня дергали в кабинет ректора с завидной регулярностью: сказать, чтобы я держалась подальше от того-то, от того-то и от того-то, хотя я иногда даже не знала в лицо того, от кого мне нужно держаться подальше, и даже не собиралась к ним приближаться.

Полагаю, Эстре это нравилось — вызывать меня к себе и выговаривать раз за разом, ну и еще, полагаю, она наслаждалась тем, что я видела ее голой. Не в том смысле, конечно, что ей это понравилось, нет, ее порадовало то, что я увидела ее у Валентайна после, собственно говоря, процесса. Из разряда: «Знай свое место и не лезь к моему мужчине». Драконесса метила территорию с настойчивостью уличной кошки, которую забрали домой и попробовали приучить к лотку. Тщетно.

Подхватив то, что лежало на столе, подмышку, я поднялась. Повесила сумку на плечо (той стороной, которая поменьше пропиталась грязью) и выскользнула из аудитории чуть ли не одной из последних. Попрощалась с магистром Оллихардом, ответного «прощания» не дождалась.

В отличие от адептов магистры не вели себя вызывающе, они предпочитали меня «не замечать», как сейчас — историк сделал вид, что что-то убирает на кафедре, хотя она была чиста, как попа младенца после купания. Мне, в общем-то, было уже без разницы, я здоровалась и прощалась на автопилоте, чтобы не замкнуться окончательно. Да и в любом случае, сегодня ничто не могло испортить мне настроения. Ни молчание магистра, ни грязь, ни даже если бы посреди коридора возник Лэйтор, сообщавший о том, что вызывает меня на допрос.

Потому что сегодня день подготовительных курсов, и сегодня я снова увижусь с Максом.

С ним мы встречаемся тайком. Подготовительные курсы начинаются во второй половине дня, после того, как заканчиваются занятия у адептов. Ну и чтобы нынешние школьники успели перекусить после школы, перед тем, как идти на следующие занятия. И так три раза в неделю. Адова жуть, конечно! Но тем не менее для нас с Максом — это единственная возможность увидеться, потому что Хитар все обставил серьезно.

Мне действительно запрещено приближаться к брату. На уровне официальной ответственности, и, если это кто-то увидит... в общем, влетит обоим. Но мы готовы рисковать, и мне, несмотря на все то, что не хочется для Макса неприятностей и хочется вломить Хитару, очень греет сердце тот факт, что он тоже хочет меня увидеть.

Сама не знаю, как так получилось, как из едва знакомого парня для меня «вырос» настоящий брат. Для него-то все в порядке вещей, я Ленор. А вот для меня... для меня все не так однозначно. Я ему не сестра, хотя чувствую совершенно другое. Так, будто мы росли вместе. С одной стороны, это круто, потому что я всегда мечтала о братике или сестренке. Сестрой для меня стала Соня, а вот брат у меня мог бы быть.

Мог бы.

Если бы не осложнения во время родов. Через год после меня, в точности так же, как у Ленор и Макса, должен был родиться мой брат. Именно после знакомства с Максом я все чаще вспоминала эту историю. И все чаще думала о том, что будет, если Макс узнает правду: я занимаю тело его сестры по воле какого-то там Адергайна Ниихтарна. О том, что его сестры больше нет.

И пусть я этого не хотела, для него вряд ли будет большая разница.

Потому что он любил Ленор. Я это видела. Я это чувствовала. Несмотря на все их разногласия, на все, что было до меня, сестра для него была светом в окошке.

После занятий я традиционно шла к себе, чтобы если за мной кто-то следит (привет, паранойя! Но после всего происходящего уже ничему не удивлюсь), этот кто-то увидел, как я захожу в свою комнату. Там я проверяла все на следилки и прослушивающие заклинания — после вломившихся ко мне в комнату девиц, с помощью какого-то гения вроде Ярда взломавших замок я уже ничему не удивлюсь дубль два, а после занималась своими делами. Ну или вот как в случае встречи с Максом телепортировалась (порталитовалась?) на другой конец Академии, на самый дальний край, который располагался за тренировочным полигоном адептов военного факультета и пустовал. Потому что с одной стороны был огорожен высоченным забором тренировочного полигона, а с другой — тем самым краем земли, на которой парила Академия. Ну то есть одним из краев, фиганулась я в прошлый раз с другой стороны.

Помимо высоченной стены от края земли полигон еще отделяли густо высаженные деревья, вот там, в самом тихом и никому не нужном уголке Академии, мы и встречались. И сидели рядом на траве, от силы минут пятнадцать, чтобы Макс не опоздал на занятия. По большому счету, у него и этого времени не было, но я открывала ему портал в кабинку мужского туалета рядом с нужной аудиторией. Оттуда он сразу бежал на подготовительные занятия, а я возвращалась порталом к себе в комнату.

Никогда бы не подумала, на что пригодится магия Валентайна!

Сегодня, когда я открыла портал, Макс уже был на месте.

— Привет! — сразу расплылся в улыбке, шагая ко мне.

Мы обнялись.

— Как дела? — спросила я, когда отстранилась.

— Хитар злой и вздрюченный. Понятия не имею почему, постоянно пропадает где-то. Раньше я бы сказал, к любовнице бегают, но судя по его настроению, она ему не дает.

Я фыркнула.

— Как по мне, он таким родился.

— И то правда. У тебя что нового?

— Сумку в грязи измазали. Видимо, когда на перерыв вышла.

Макс нахмурился.

— Ничего, когда я поступлю в Академию, все поймут, что мою сестру обижать нельзя.

Я открыла рот. Закрыла.

В горле неожиданно встал ком — тот самый, который возникал каждый раз, когда Макс говорил что-то в этом роде.

— Я не пожаловаться. Просто смешно, — напомнила я.

— А мне нет. Этот бред пора прекращать. Может, они сумели навешать дерьма на наших родителей, но проверить этот трюк с тобой я не позволю.

Я глубоко вздохнула. По делу родителей Ленор я не особо продвинулась, хотя у меня была составлена самая что ни на есть настоящая полицейско-магическая карта, укутанная надежным защитным скрывающим от посторонних глаз заклинанием в моей комнате в Академии. У Валентайна такое делать было нельзя — сразу считает, да и учитывая, что я жила в его доме исключительно на выходных, толку-то от нее.

Правда, составленная карта пока не особо позволила мне приблизиться к разгадке того, что произошло в прошлом. В «Туасон ле Фре», где мои родители покупали подарок для Керуана, меня послали. То есть, когда я пришла поинтересоваться, не заказывал ли кто-то дубликат и не могли ли выдать фирменный артефакт с логотипом кому-то еще (или не мог ли его «позаимствовать» кто-то еще), на меня сначала посмотрели как на идиотку, а потом выставили взащей. Точнее, вежливо сопроводили на выход с охранником. Чтобы разобраться с тем, кто мог подставить маму с отцом, нужно было восстанавливать все их связи на тот момент, и вот эти самые связи восстанавливались с очень большим скрипом.

Потому что «предавший да лишится истории», в результате чего я могла плясать только от Хитара и остальных архимагов. Тогда место Валентайна занимал отец, а место Хитара — какой-то Буроджольд Хаусский, который был весьма преклонных лет и почил через полгода после истории с заговорщиками. У Хаусского был наследник, который по силе магии мог бы занять место отца, но он отказался, сославшись на то, что ему важнее семья, а должность архимага потребует слишком

много времени и внимания. В итоге они с семьей потом переехали куда-то на юга, к морям и океанам.

«Вытащить» из прошлого родительских друзей не представлялось возможным, поэтому я начала копать в окружении Хитара. По крайней мере, в том, которое было в те дни... никакое. Он общался разве что с Иваном Драконовым, познакомившись с ним на каком-то приеме, куда его пригласили мама и отец Ленор. Его вообще много куда приглашали, но то ли Хитар был социофобом, то ли социопатом, то ли обладал мерзким характером: круг общения у него не складывался.

Короче говоря, я то и дело заходила в тупик, и уже раз сто хотела сдать. Сдаться не позволяло только природное упрямство и грядущий стимул в виде разбирательства по моему делу. Ну и еще немножечко то, что меня никуда не брали на работу. Как только узнавали, кто я такая.

— Не бери в голову, — я кивнула Макс. — Лучше расскажи, как у тебя в школе.

— Да в школе все по-прежнему, ничего не изменилось. Ленор, что насчет выходных?

— А что насчет выходных?

На выходных мы встречаться не могли, потому что Хитар отслеживал каждый его шаг. Буквально. Он приставил к нему соглядатая, который ходил за ним по пятам, и которого аргументировал тем, что после моей выходки Макс.у нужна защита.

— Ленор, я знаю, что это сложно. И раньше я бы не стал тебя просить. Но сейчас... — Брат посмотрел мне в глаза. — Ты другая. Ты изменилась. И поэтому я хочу тебя попросить. Давай вместе навестим родителей.

— Навестить? — переспрашиваю я, но тут же осекаюсь.

Понятно же, где навещать родителей Макса и Ленор. И то, что он пришел с этим ко мне...

— Хитар запретил нам видеться, — напоминаю я.

— Ну, к родителям я смогу выбраться один. В смысле, моему надзирателю вовсе необязательно идти со мной на кладбище. — Макс мрачнеет, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы его не обнять.

Когда я горевала по родителям, я просто зверела ото всех попыток меня пожалеть. Не знаю, почему. Может быть, потому что жалость

была показная, для хорошеи, а может быть, потому что для каждого это глубоко, бесконечно личное.

— Тебе просто нужно прийти пораньше и уйти попозже, — говорит он, и я поспешно киваю:

— Конечно. Я буду.

На миг в его глазах вспыхивает изумление, будто он сомневался, что я соглашусь. Но потом брат улыбается:

— Я рад, Лен. Правда, рад. С Валентайном проблем не будет?

Все мои проблемы с Валентайном остались в далеком прошлом, но не говорить же об этом Макс. Я вообще не уверена, что хочу об этом говорить, поэтому просто качаю головой:

— Нет. Все хорошо.

— Хорошо, — подтверждает Макс. В глазах его лучится улыбка, и я могу поклясться, что в этот момент мы стали еще чуточку ближе, но... Но он по-прежнему не знает, кто я такая.

Это несправедливо. Нечестно. Вот только как сказать об этом парню, который только-только обрел сестру? Обрел ее по-настоящему, а не по крови и не по совместному проживанию в одном доме.

Я прикусываю свое желание рассыпать правду, когда она совсем не нужна, и мысленно клянусь себе, что стану лучшей сестрой для него. Лучшей сестрой и лучшим другом.

— Ой! Мне пора, — спохватывается брат, и я открываю ему портал.

Портал с применением темной магии — естественно, какой еще может быть магия Валентайна, которую он мне «перечислил», но на этом портале стоит заклинание, не позволяющее защитным системам Академии идентифицировать его как угрозу. Валентайн поставил его, когда я попросила: на случай, если мне придется воспользоваться порталом. Вся остальная его магия, которая у меня «на счету» проходит магическую трансформацию и при оплате за что бы то ни было становится светлой. Я так до сих пор и не разобралась, как работает эта магическая конвертация валют, но пока она для меня не критична.

Главное, что мы с братом можем общаться, потому что я могу открыть ему портал и выиграть нам время для разговоров. Главное, что Валентайн об этом не догадывается, потому что если узнает, как я трачу его магию... Хотя если честно, не уверена, что ему вообще есть

дело, куда и что я трачу. Мы с ним в самом начале знакомства были более близки, чем сейчас.

Была бы моя воля, я бы и на выходные в Академии оставалась, с Валентайном встречаясь только для того, чтобы позаниматься магией, но увы. На выходные меня «высылают» из Академии, поскольку Драконова и остальные с дистанционного обучения не должны со мной пересечься даже на секунду. Иными словами, меня не должно быть ни в Академии, ни в радиусе из пребывания, согласно воле их родителей.

Можно было бы поспорить на тему своих прав, но это лишние заморочки для Валентайна. К тому же, в Академии у меня ровно столько же друзей, сколько в доме Альгора, поэтому без разницы. Дома у Альгора хотя бы можно заниматься дизайном интерьера — в смысле, я спросила у него разрешения немного «оживить» его мрачное жилище, а Валентайн возражать не стал. Он мне вообще больше не возражает, хотя, может быть, я ни о чем таком возражательном не просила.

В итоге я развлекаюсь тем, что хожу по комнатам и составляю списки всего, что сюда можно и нужно привнести, чтобы дом стал похож на жилой. Сад тоже — там зацвела одна яблоня, и то из чистого упрямства. У меня уже полностью готов проект, я так отвлекаюсь от темы расследования родителей Ленор. И от мыслей, которые временами продолжают накатывать: про Соню, про мой мир, про все, что произошло, происходит и еще произойдет здесь.

Правда сейчас, после встречи с Максом, я чувствую, как в сердце распускаются цветы. Когда последняя искра темного портала гаснет, закусываю губу, запрокинув голову, смотрю в высокое весеннее небо, с наслаждением вдыхаю наполненный ароматами цветов воздух. Надо мной дерево с сиреневыми цветочками, самая сердцевинка ярко-красная, почти алая, а тычинки — как ниточки, дрожащие даже под легкими порывами ветра. С такими же алыми головками.

— Какие вы красивые, — говорю я.

— Мне кажется, или темную магию тебе запрещено применять?

Сердце падает вниз, и я падаю с небес на землю за ним. Внутренне похолодев, оборачиваюсь: прямо передо мной стоит Люциан Драгон. В двух шагах. Если не ближе.

Глава 9

Глава 9

Последний раз, когда он стоял так близко, я еще на что-то надеялась. Дура была, вот и надеялась, и злость вспыхивает внутри, как пожар. Как темная магия, которой, вообще-то, положено спать, но я уже чувствую, как она дергается внутри меня. Бьется об оковы браслетов, чтобы потом зашипеть, жая холодом изнутри.

— Тебе слишком многое кажется, — цежу я и собираюсь обойти его, хотя идти тут особо некуда. Но главное — подальше от него.

Люциан перехватывает меня за руку. Так, что браслет впивается в запястье под его ладонью.

— Определенно, нет, Ларо, — произносит он холодно. — Насчет темной магии мне не кажется. Ты открыла портал. Своему брату. И, если не ошибаюсь, ты проделываешь это постоянно.

— А ты только сейчас решил все прояснить? — Хотя внутри все холодеет, вида я не показываю. Плотно сжимаю губы, дергаю рукой. — Отпусти.

— Да нет. Я все думал, когда тебе задать вопрос на эту тему. И стоит ли показывать записи ваших встреч ректору. Или, может, стражам порядка?

Вскидываю на него ненавидящий взгляд, прямо в глаза, в упор. Как я вообще могла думать, что между нами может что-то быть?! Между ним и мной. Браслет под его ладонью словно раскаляется и начинает жечь кожу. Я понимаю, что это обман чувств, но чувства сейчас именно такие. Палящие, острые, яростные, и они по моим ощущениям плавят мою кожу вместе с браслетом.

— Станет легче? — цежу я, хотя внутри все сворачивается от страха.

Не столько за себя, сколько за Макса — если все это развернется, меня наверняка выставят из Академии, и даже Валентайн больше не сможет помочь, но что сделает Хитар? Вообще перестанет его выпускать из дома? Виритту он ему уже заблокировал на связь со

мной, и я подарила Максу еще одну, новую, о которой никто не знает. Что, если у моего опекуна опять проснутся эти его наказательные склонности? Меня сейчас нет рядом, чтобы все это увидеть и чтобы хоть как-то оградить брата. А ведь ему еще нет восемнадцати зим, буквально пара недель осталась.

И... Хитар действительно способен на гадости.

— Очень даже, — вальяжно отвечает Люциан. — Даже не представляешь, насколько, Ларо.

— Вполне в твоём стиле. — У меня в голове просто бродячий цирк, цыгане, темная магия, светлая магия и желание врезать Люциану в нос изо всех сил. Как я сделала с Земсковым. Правда, это вряд ли поправит мое положение.

Мы смотрим друг на друга, и воздух вокруг нас наэлектризовывается. Еще чуть-чуть — и разряды пойдут прямо над нашими головами, причем не уверена, что не буквально. Судя по выражению его лица, по горящим ненавистью глазам, чувства у него примерно те же, что и у меня. И, хотя я решительно не понимаю, как можно ненавидеть того, кто не сделал тебе ничего плохого, как можно запустить в него золотой плетью — заклинанием светлых драконов, боевым, между прочим, я могу понять, что чувствует он. Потому что меня трясет от желания ему врезать.

— Ты даже не представляешь, что в моем стиле, — цедит он, сжимая ладонь еще сильнее. Теперь браслет не просто обжигает, мне кажется, он сейчас лопнет раскаленными брызгами. — А впрочем, я могу и забыть о том, что здесь было, Ларо. Несколько раз.

Только сейчас я понимаю, что его взгляд вплавляется в кольцо на моей руке и становится совсем диким. При всем при том, что мы изредка (хотя и гораздо реже, чем до того как он перевелся на военный) пересекались в столовой и на общих лекциях, на которых он и его компания меня просто игнорировали. Думаю, если бы мы столкнулись, они бы просто прошли сквозь меня, с их-то уровнем величия, но сейчас... Сейчас под этим звериным взглядом я понимаю, что до игнора там далеко.

Хуже всего то, что он действительно может меня уничтожить. Одним словом. Ну ладно, несколькими предложениями и той записью для Флидхаара, о которой говорит. Разрушить мои встречи с Максом. Разрушить все, и ему за это ничего не будет. Потому что он — светлый

дракон, сын короля, а я — дочь заговорщиков с потенциально опасной темной магией. Ему хоть выговор сделали за то, что он в меня швырнул плеть? Вряд ли.

Все эти мысли проносятся в моей голове в мгновение ока. Я пытаюсь усмирить бьющуюся внутри силу, потому что однажды браслеты уже давали сбой. Правда, ментально и рядом с Валентайном, но мне нельзя проявлять темную магию. Свою так точно нельзя. Не сейчас.

— Хорошо. — Я удивляюсь тому, как ровно звучит мой голос, хотя внутри происходит такое. — Чего ты хочешь?

— Другой разговор, — Люциан разжимает пальцы, и я невольно бросаю взгляд на запястье. Ожога там, разумеется, нет, но ощущения все еще очень свежи в памяти.

А Драгон, видимо, только что после тренировки и построений, потому что одет по всей форме. В смысле, буквально. Военная форма, пояс, перевязь, даже наплечники. Защитничек страны, блин.

Возможно, мои мысли отражаются в моем взгляде, потому что он перестает улыбаться. Окончательно. Шагает ко мне вплотную и произносит:

— Хочу тебя, Ларо. Хочу тебя трахнуть.

В лицо словно плеснули кипятком, хотя краснеть тут полагалось совсем не мне. Ой не мне.

— А вставалка поднимется? — уточнила я, окончательно зверея. — На меня? В смысле, на девицу с темной магией, которую ты был готов убить?

— Убить? — Люциан выгибает бровь и становится до боли похож на того парня, в которого я почти влюбилась. Хорошо, что почти.

— Твои слова. Не мои. Сам сказал в кабинете.

— До меня это сказал... твой темный, — он выплевывает эти слова мне в лицо, а я снова краснею, как дура. Судя по всему, от злости, потому что сейчас, мне кажется, никакие браслеты уже не спасут.

— Дай пройти, Драгон! — Голос снова переходит в шипение, потому что я его душу, иначе начну орать. А вот орать, особенно в присутствии него, особенно показывая ему свои чувства — совершенно не то, что мне хочется.

— Да на здоровье, Ларо, — он ухмыляется. — Проходи, увидимся в участке.

На миг мне хочется ему сказать: валяй. Давай, сливай все что у тебя есть всем, до кого можешь добраться. Но у меня есть Макс, и если еще и его имя прицепят к темной магии... Он вообще поступить-то сможет? Сомневаюсь. Судить его не будут, конечно, не за что. Но если меня всеми силами выдавливают, то его просто не впустят.

Поэтому приходится сделать пару глубоких вдохов и выдохов, и только после этого сказать:

— Покажи запись.

На мое несчастье запись действительно есть. Точнее, несколько. Я просматриваю наши с Максом хроники одну за другой и чувствую себя как в паршивом кино.

— Ты за мной следил?! — осознание вырывается словами, чуть ли не одновременно с мыслью.

— Поразительная догадливость.

— Зачем?!

— Затем, что кто-то должен тебя вывести на чистую воду, Ларо.

— И ты решил, что это сделаешь ты?

— Почему нет, — он пожимает плечами и смотрит на меня сверху вниз. Мне же приходится приложить все усилия, чтобы успокоить мечущиеся в панике мысли, их в принципе очень сложно успокоить, но я стараюсь.

Думай, Лена, думай.

Думай, как выкрутиться, если уж не сумела сохранить свою тайну.

Но... как это вообще могло произойти?! Я ведь была осторожна. По-настоящему осторожна.

— Твой братец постоянно выходил из мужского туалета, а как-то был замечен рядом с полигоном.

Он что, мысли мои читает?

— Вот я и решил разобраться, что к чему.

— Разобрался? — Меня уже потряхивает, поэтому приходится обхватить себя руками, скрестив их на груди.

Взгляд Люциана снова цепляется за кольцо и становится таким злым, что меня начинает тошнить. Буквально. Может, у меня интоксикация темной магией? А ведь как просто было бы снять браслеты, и тогда... тогда мы бы посмотрели, кто из нас кого трахнет!

Если бы в этом мире был хоть намек на справедливость, я бы так и сделала. Определенно, так бы и сделала. А в противном случае я прямо вижу, как Эстре пьёт свой ранх, и тут к ней приводят меня и говорят, что я напала на принца (плевать, что ненаследного) темной магией. Она сначала давится, а потом радостно вызывает Лэйтора, и в Даррании случается звездец.

Когда обо всем узнает Валентайн.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? — тихо спрашиваю я. Тихо, чтобы успокоиться, потому что мне нужно успокоиться! — К чему это может привести?

— Я все понимаю, Ларо. А вот ты, видимо, не понимаешь. Видимо, твой темный не объяснил тебе, — его голос дрожит от злости, — чем заканчивается применение темной магии в быту. И чем оно заканчивается для плохих девочек. Не объяснил он — объясню я. Раздевайся!

— Что?!

— Раздевайся, — говорит он. — Или проваливай и продолжим в другом месте.

Это уже просто какая-то комедия абсурда. Потому что с точностью то же самое говорил мне Валентайн.

— Не боишься? — рычу я. — Последствий?

— Последствий? Да если бы ты могла, а главное — если бы хотела, темный уже был бы здесь. Но ты не можешь. Или не хочешь. И мне плевать на причины. — Люциан шагает вперед, и между нами больше нет расстояния. — Так что приступай. Или проваливай. Выбор за тобой.

Я глубоко вздыхаю. Мне требуется больше воздуха, чтобы это произнести:

— Нет.

— Нет, так нет, — ему плевать. Ему совершенно плевать, ему важно меня размазать, морально, физически, на уровне законов этой страны и мира — неважно. Вот только я буду не я, если ему это позволю. Поэтому еще раз глубоко вздыхаю и, до того, как он откроет портал, говорю:

— Не так. И не здесь.

— Условия здесь буду ставить я, Ларо, — сообщает он, оглядывая меня с головы до ног. После чего кивает: — А впрочем, ты права.

Пойдем.

Знакомый золотой портал открывается раньше, чем я успеваю ответить, а после Люциан издевательски-галантно отступает в сторону:

— Прошу.

Как он не захлебнулся собственным ядом, остается только догадываться, но я молчу. Смотрю на знакомую комнату — его комнату, в которой в последнее наше нормальное утро мы проснулись вместе. Я в его рубашке. Меня даже корежит от этого воспоминания, хотя казалось бы, корежиться уже нечему. Все, хватит. Чтобы это перебить, надо просто шагнуть туда и выполнить его условия, и тогда вспоминать — из хорошего — мне будет окончательно нечего.

Сжав зубы, я все-таки шагаю в портал и останавливаюсь в центре комнаты, Люциан проходит следом. На столике, который сейчас стоит у окна, у него весенне-летний натюрморт: в огромной хрустальной вазе с головой дракона, хвостом и крыльями фрукты, ягоды, на столе графин с водой. Легкие занавеси подбрасывает и подтягивает обратно к массивным окнам ветерок. Здесь, в отличие от разогретого последним весенним месяцем сада, не то что не жарко, даже прохладно.

За моей спиной с шипением закрывается портал, и я оборачиваюсь. А зря. Люциан уже стоит у шкафа, стянул свою парадно-военную форму. То есть брюки там остаются те же, а вот верх... не знаю, какой там будет верх, потому что сейчас он обнажен по пояс. Со спины, правда, но мне хватает. Чем они там занимаются на военном факультете? Он явно стал шире в плечах, и мышцы обозначились четче.

Он стягивает с вешалки рубашку, поворачивается, и я едва успеваю вернуться к созерцанию натюрморта, чтобы не выдать, что пялилась на него.

Господи, Лена. Что у тебя в мозгах? Если в анекдоте «Что не хватает в организме котенка, если он жрет полиэтилен» ответ был очевиден, то в моем случае его можно перефразировать так: «Что не хватает Лене, если она продолжает пялиться на Люциана».

Варианты ответа:

- 1) Мозгов
- 2) Самоуважения

- 3) Характера
- 4) Силы воли
- 5) Всего вместе

Что-то мне подсказывает, что выбирать надо пятый пункт, но злиться на себя бессмысленно. На него — тем более. К счастью, сегодня все это закончится. Все закончится в этой комнате, здесь и сейчас.

— Сначала уничтожь записи. При мне, — говорю я, поворачиваясь.

— Разлетался. Сначала ты сделаешь то, что я скажу. — Он уже накинул форменный пиджак, и значок военного факультета полыхает на нем синим пламенем.

— Я похожа на идиотку?

— Ты похожа на девицу, которая крупно вляпалась, Ларо. Похоже, у нас проблемы с доверием, но в данном случае твоя проблема гораздо обширнее, чем моя, и я уже начинаю терять терпение. — Он подошел к креслу и плюхнулся в него. — Насчет вставалки. Она мне не потребуется, потому что я к тебе не притронусь. Трогать себя ты будешь сама, поэтому раздевайся и приступай.

Вот теперь, несмотря на то, что моя жизнь никогда не была пуританской, я краснею, кажется, до корней волос.

— Ты хочешь, чтобы я...

— Ага. Сама доставила себе удовольствие. С чувством, Ларо, — он вытаскивает ягоду, похожую на земную черешню, и отправляет ее в рот. Точнее, зажимает между губами, пальцами тянет за черенок. — С наслаждением. Зажимашки не считаются. Не считается, если ты не кончишь.

— И что потом? — справившись с первыми чувствами, интересуюсь я.

— Потом я уничтожу записи. При тебе, — хмыкает он. — Обещать, что новых не появится, не могу, так что...

— Какая же ты тварь! — выплевываю я.

Люциан недобро прищуривается.

— Хватит болтать. А то я могу и передумать, или цена станет выше.

«Выше — это как?» — хочется спросить мне, но я молчу. От того, кто способен на такое, можно ожидать всего чего угодно. Моя

фантазия с его на этом поприще явно не сравнится, поэтому экспериментировать нет ни малейшего желания. Подхожу к кровати. Сажусь.

Я что, действительно собираюсь это сделать?

Дергаю пиджак так, что от него чуть не отлетают пуговицы.

— Я же сказал, с чувством, Ларо, — ухмыляется он. — Это не совсем похоже на чувства.

Сказала бы я, что сейчас к тебе чувствую... да чтоб ты ежурога, взрослою особь, три дня рожал без обезболивающих заклинаний!

Я никогда не была вот прям скромницей-скромницей, но сейчас все внутри и снаружи продолжает полыхать. От корней волос до кончиков пальцев, я как будто превращаюсь в большой, в человеческий рост факел. Особенно когда наталкиваюсь взглядом на его взгляд, а он цепляет губами очередную ягоду. У меня в голове шумит, а перед глазами темнеет.

Точно.

Надо закрыть глаза, закрыть глаза и представить, что его здесь нет. Тогда будет проще...

— Глаза не закрывать, Ларо. Смотри на меня.

Он почти рычит, и меня прошивает током от этих ноток в его голосе. Шума в ушах становится больше, а голова кружится все сильнее. По ощущениям я или хлопнусь в обморок, или отключусь, как случилось, когда голос в голове во время поцелуев с Валентайном заорал: «Нет». Но сейчас этот голос молчит, тело становится горячим и тяжелым, а пальцы — непослушными. Они цепляются за пуговицы на рубашке, срываются, снова цепляются.

Грудь тоже тяжелая, а от прикосновения запястья к соску даже через белье я вздрагиваю. В меня словно снова ударяет разряд: от ощущений? Или от взгляда Люциана? Который становится раскаленным, звериным, в вязком клубящемся золоте магии королей плавают две вертикальные щели зрачков.

— Можешь не раздеваться до конца. Освободи грудь. И поиграй с ней.

Кажется, я перестаю быть собой, а еще кажется, что схожу с ума. Потому что одна часть меня в шоке, а другая... другая наслаждается тем, что происходит. Медленно тянет кромку лифа вниз, накрывает

ладонями грудь. Сжимает чувствительные острые вершинки между пальцами, и при этом еще и облизывает губы.

Тело становится не просто чувствительным, оно все как оголенный нерв, и уже кажется, что это не я ласкаю себя, а он. Взглядом. Совершенно жутким, затягивающим, как золотой водоворот, взрезающим яркость чувственных ощущений, делая их еще острее. Дыхание срывается, а следом за ним — стон. Я сама не понимаю, как это происходит, почему он такой низкий, такой глубокий... и почему так хочется выгнуться. Выгнуться всем телом, добавляя порочной откровенности.

— Ниже, — командует он, и ладонь сама собой стекает по животу, по юбке вниз, между разведенных бедер. От прикосновения к самой чувствительной точке тело превращается в сгусток желания, и в том, чтобы двигать пальцами там, внизу, больше нет никакого стыда. Не остается сомнений в правильности происходящего, только это горячее чувство, рождающееся внутри.

Только взгляд глаза в глаза.

Миг — и Люциан оказывается рядом, от такой дикой близости меня выносит волной драконьего жара, меня опрокидывают на кровать, и поверх моих пальцев ложатся его. Нажим становится сильнее, резче и жестче, перед глазами плавает золотой взгляд, и, почему-то — в точности такой же, только прошлогодний, и поцелуй в беседке, и рассыпающееся над нами звездное небо.

Его пальцы резко врываются в меня, и звездное небо действительно рассыпается, только уже здесь. В этой комнате. На его кровати.

Я выгибаюсь, хватая губами воздух, а звезды все падают, падают, падают и отражаются в его глазах до тех пор, пока внутри накатывают волны острого, упоительного наслаждения.

После чего меня резко выбрасывает в реальность.

В осознание того, что только что произошло.

Глава 10

Глава 10

Сказать, что я была в шоке — значит, ничего не сказать. Внутри еще прокатывались отголоски сладкой дрожи, а снаружи я пялилась на Люциана, не представляя, как вообще позволила ему это сделать. Не представляя, как вообще могла получать от этого удовольствие, и еще больше — что мне со всем этим делать дальше.

«Как минимум, белье поправить, Лена», — прозвучала в голове ехидная мысль. А внешне прозвучала совсем другая:

— Мне кажется, или мы не договаривались, что ты будешь меня касаться?

Он отдернул руку. Так, будто обжегся или что похуже.

— Мне кажется, мы договорились, что условия здесь ставлю я.

— Договорились. Еще мы договорились, что ты удалишь все записи после представления. Представление окончено, можешь удалять.

Люциан наградил меня злым взглядом, но мне было не до этого. Я поправила верх белья и сосредоточилась на том, чтобы застегнуть блузку. Понимала, что если не сделаю это быстро и не уберусь отсюда, у Эстре будет очень чудесный день. Темная магия или светлая, или просто кулак в нос — дело десятое. Избиение принцев в драконовых королевствах вряд ли законами одобряется, поэтому я подхватила пиджак и поднялась.

Что касается вышеупомянутого принца, он по ощущениям тоже готов был убивать. И, что самое веселое, в этом случае Люциан скорее всего отделается легким выговором.

— Каждый день таким развлекаешься, Ларо? Выглядишь довольной.

— А ты нет. Видимо, давно не трахался, и мозги съехали окончательно. — Я на всякий убрала руки за спину, посмотрела на него в упор. — Удаляй.

Он приподнял брови. А потом усмехнулся и поднес к моему лицу пальцы. Те самые, которые только что побывали во мне.

— Оближи.

Я держалась. Я правда держалась, но в этот момент моя рука сама собой совершила предсказуемый резкий выпад и влетела в нос Драгона. Настолько отточенным, четким жестом, что он не успел закрыться, и получилось смачно. Его шатнуло назад, он схватился за лицо, а я показала ему знакомый по собственному миру жест.

— Облизывай сам, отрыжка драконьего мира.

После чего подхватила валявшуюся на полу сумку и направилась к двери.

— Насчет удовольствия, — бросила на ходу. — Это было легко. Я просто представляла Валентайна.

Шарахнув дверь от души, я окончательно успокоилась. Причем по всем пунктам. Ему придется удалить эту запись, потому что в противном случае я всем расскажу о том, что здесь произошло. От моей репутации уже давно остались лоскутки, а вот шантаж и принуждение девушки к такому... ну посмотрим, как местное общество на такое реагирует. Не говоря уже о том, что даже если и это сойдет ему с рук, то в глазах друзей заминусит сразу тысячу баллов.

Именно потому, что я — это я.

Да и не только друзей. В глазах всей Академии.

По-хорошему, мне бы сейчас в душ, смыть с себя все это, но в душ я катастрофически не успевала. Даже если прыгнуть темным порталом в магистрериум, что само по себе риск, я все равно могу опоздать и начнутся вопросы от Валентайна, а вопросы от Валентайна мне сейчас точно ни к чему. Поэтому я предпочла пройти пешком через парк, глубоко дыша и стряхивая с себя остатки чувственных прикосновений, от которых горели ладони, пальцы и все внутри.

Ленор, судя по ощущениям, еще не успела познать опыт плотской любви, поэтому случись Драгону потребовать «право брачной ночи» на полном серьезе, я бы познала все эти прелести за нее. Но к слову, я в своем мире тоже не успела ничего попробовать (и слава всем богам всех миров, что Земсков не стал моим первым мужчиной), поэтому все самое интересное мне еще предстояло.

Парк, который я впервые увидела чуть меньше года назад, сейчас тоже преобразился. Цветы пахли так, что от ароматов начинала кружиться голова, лепестки кружились над дорожками и оседали мне под ноги. А в Питере мы с Соней ходили смотреть на сакуру. Не только

смотреть, но и фоткаться. Сейчас же у меня не осталось даже моего старенького Самсунга, чтобы просмотреть фотки, воскресить те дни в памяти.

С каждой минутой я становилась все дальше от своего мира, все дальше и дальше, образы близких людей стирались, оставляя только обманку воспоминаний, а в этом... Даже Дракуленок ко мне больше не приходит, драконяка такая. В Академию-то не может по понятной причине, но дома у Валентайна мог бы навестить. Тем более что там повсюду его родственная магия.

А как говорил! Какую лапшу на уши вешал!

Эх.

Мне оставалось пройти еще несколько поворотов, когда я услышала из-за ближайшего дерева:

— Пс-с-с! — и остановилась.

Наверное, если бы оттуда выглянул Дракуленок, я бы и то не так удивилась. Как тому, что оттуда выглядывает Драконова, по-шпионски озирающаяся, которая машет мне рукой, приглашая подойти ближе.

Своим глазам, в отличие от всего остального, я верила, поэтому, зыркнув по сторонам (паранойя такая паранойя), все-таки влезла на газон через цветущие кусты, потревожив местных аналогов пчел. Небольшие красные насекомые с золотыми полосками на спинах назывались въялл, и в этом мире они были ответственны за опыление. Правда, мед не делали, но зато и не кусались, жал у них не было. Несмотря на это, недовольное жужжание заставило инстинктивно поежиться и быстрее рвануть в заросли, где пряталась Драконова. А в том, что она пряталась, сомнений никаких не было: София нырнула за дерево сразу, как только я направилась к ней, и скрылась в самой гуще парковых зарослей, на небольшой, образованной высокими кустами полянке.

Вспомнив, чем наше с Соней пребывание на полянке закончилось в прошлый раз, я даже замерла, перед тем как пролезть в арку веток. Но все-таки пролезла: раз уж пошла в кусты, надо идти до конца. Не говоря уже о том, что София Драконова и Соня Драгунова — как небо и земля.

— Привет, — шепотом сказала София и следом добавила *subrire silencial*: — Вообще-то меня не должно тут быть, так что потом никому ни слова, хорошо?

— Я как бы догадалась, что не должно, — хмыкнула я. Непривычно было видеть ее в кустах и без формы, в смысле, одетой в домашний легкий сарафанчик, со стянутыми в хвост волосами. Опять в голову пришла сумасшедшая мысль, что так могла бы ходить Соня, и я пнула ее изо всех сил. Мысль, разумеется, а не Драконову. Что только в голову не придет.

— В общем, я открыла портал прямо из своей спальни. С маминной виритты. У нее доступ, она может вот так открыть портал в любую точку Академии, потому что она папина жена... ну, ты понимаешь.

Понять я могла, точнее, понять, о чем она. Драконову, как прямому потомку отца-основателя, доступ предоставлен круглосуточно без запроса взлетно-посадочной полосы, и его жене тоже. А вот почему Драконова так волнуется — нет.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, — выдохнула она. — Но рассказать это по виритте я не могла. Папа заблокировал мои сообщения с тобой и внедрил просматривающее и прослушивающее заклинание.

Я приподняла брови.

— Это касается твоего дела... То есть того, что вынесли на рассмотрение. Ну, суда. Я случайно услышала, как папа с Годарханом — это наш... ну, семейный... короче, тот, кто будет выступать одним из обвинителей, обсуждали одну вещь. И решила, что тебе лучше об этом знать. И магистру Альгору тоже. — Она глубоко вздохнула, а я всерьез задумалась о том, узнаю ли что-нибудь сегодня. А еще о том, что Соня тоже любила начинать все рассказы издалека. Очень издалека.

Я ущипнула себя за руку и Драконова, которая открыла было рот, осеклась.

— Ты чего?

— Нет, ничего, — покачала головой. — Продолжай.

— Хорошо. Так вот. Они откуда-то подняли материалы по делу, в котором твоя мама — она же была ученой — работала над каким-то секретным проектом. Этот проект был связан с темной магией, и, если не ошибаюсь, во время работы над ним она уже была беременна. Они хотят использовать это в... ну, в общем, на заседании, хотят доказать, что Эвиль Ларо намеренно ставила на себе эксперименты, чтобы

вживить в своего ребенка, то есть в тебя, темную магию. И раскрутить эту историю по полной. Так что вот. Я просто хотела, чтобы ты знала. Если это как-то поможет... Потому что я считаю, что это отвратительно! Что так быть не должно. И вообще я очень сожалею о том, что произошло, и что никто тебе не верит.

Выпалив все это, Драконова замолчала, чтобы перевести дух. Что же касается меня, мне тоже нужно было его перевести. Основательно. Подумать, сопоставить факты. Значит, мама работала над секретами темной магии. Но для кого? И — даже если принять как данность, что Драконов с местным прокурором хочет поковыряться в этой истории, София пришла, чтобы обо всем мне рассказать.

Поразительно. Если только не...

— Как ты узнала о том, где я буду?

— Ну это единственное место, где я могу тебя поймать. Мне пришлось пообщаться с бывшими подружками — с теми, кто не дружит с Клавдией, и выяснить, что ты ходишь на занятия к Альгору каждый день. Именно так и именно этим путем. Я это не один день готовила, — с гордостью заявила София. После чего добавила, неожиданно округлив глаза: — Пстой. Ты мне не веришь?!

Ну... да. Говорить это в лицо девушке было как-то странно, хотя, после всего что было, может и не странно.

— Мы с тобой, мягко говоря, не подруги, — напомнила я.

— Но это не помешало тебе броситься меня спасать, — резонно возразила София.

Да, и ведь не поспоришь. Но Драконова уже обиделась. Тряхнула головой, сбросила мешающее другим подслушать наш разговор заклинание, нахмурилась.

— Ладно. Дело твое. Я тебе все рассказала, а дальше решай сама.

Портал через виритту Драконовой-старшей раскрылся в каких-то сантиметрах от меня, и я увидела комнату Софии. Ненадолго.

— Подожди! — успела только крикнуть, но она уже ушла.

Насмешливо шикнув, погасла последняя искра пространственной светлой магии, а я, попытавшись поймать ее ладонью, вздохнула. Вот и поговорили.

Драконова, похоже, в самом деле обиделась, но и я хороша. Конечно, после всего, что между ними было, мне тоже можно придумать оправдание, но ведь я правда бросилась ее спасать,

невзирая на то, что происходит (или было) между нами. То есть между ней и Ленор. Так почему сейчас отказываю ей в искренности намерений?

Вздыхнув еще раз, я выгреблась из кустов. Сначала из одних, потом из других, снова подняв недовольное жужжание, и направилась к Валентайну. Из головы не выходили слова Драконовой об эксперименте, или, точнее, о работе мамы Ленор с темной магией, а еще, как ни странно, сама Драконова.

О том, что она рисковала, когда пришла сюда, чтобы мне помочь. О том, что это вообще не похоже на Софию Драконову — по крайней мере, на ту, которую я знала, и о том, что стоило ее хотя бы поблагодарить. Что теперь у меня физически не получится, потому что связь через ее виритту нам заблокировали.

Прямо те же методы, что и у Хитара с Максом.

Погруженная в свои мысли, я уже не замечала красот цветущего парка, очнувшись только окунувшись в прохладу холла магистрериума. Прохладу в том числе и по свету, прямо под окнами у него росли раскидистые деревья, создающие тень и пропускающие дневной свет в строго ограниченных количествах. Глянув на увековеченный на магическом «бронзовом» свитке девиз Академии — «Магия есть жизнь и все сущее, но истинная магия — это знания» — мерцающий над портретами выдающихся магистров, которые ныне уже не с нами, я направилась коридорами в знакомый мне кабинет.

Валентайн стоял у окна в привычной позе, сцепив руки за спиной.
— При...

Он обернулся так резко, что я подавилась окончанием фразы. Не столько потому, что глаза его были залиты тьмой, сколько потому, что он спросил дальше:

— У тебя был секс, Лена. С кем?

«С Драконовой!» — хочется выдать мне, но я не выдаю. Мне нельзя выдавать Драконову, тем более что она мне только что помогла, а вот выдать Валентайну все, что я о нем думаю, очень хочется. Но ему, по-моему, без разницы вообще. Даже если я скажу, куда он может идти, и приложу пеший путеводитель с соответствующими знаками, один из которых недавно показала Люциану.

Как он вообще об этом узнал?!

— Если ты настолько осведомлен, в следующий раз настраивай свою осведомлялку и на то, чтобы она тебе показывала, с кем. Можешь даже процесс записывать, если хочешь. — Сарказма во мне хватит на десяток Валентайнов, а не на одного, и нечего мне тут глазами темнеть и сверкать. — Отвечать на твой вопрос я не буду, поскольку а — это мое личное дело, и б — в нашем мире это называется «личные границы», спрашивать о таком в приличном обществе не принято.

— Где ты здесь увидела приличное общество, Лена?

Действительно, где?

— Очень самокритично, — хмыкаю я. — Но если ты не планируешь заниматься со мной магией, я, пожалуй, пойду. Обсуждать мою сексуальную жизнь с тобой я точно не собираюсь.

— А с кем собираешься? — вкрадчиво интересуется Валентайн, шагая ко мне.

— С ректором! — выдаю я и с наслаждением отмечаю, как вытягивается его лицо. — Мы с ней так часто видимся, что скоро станем закадычными подружками. Будем звать друг друга на чай и беседовать о мужчинах, так что ты уж постарайся, чтобы ей было что вспомнить.

— Что такое чай? — справившись с первыми чувствами, а судя по серебряным искрам во тьме его глаз, их много, холодно интересуется Валентайн.

— Это напиток такой. Здесь похожий на него называется ранх. Могу устроить тебе небольшой ликбез по миру, в котором я обитала, — пожимаю плечами.

От Валентайна полыхает (если так можно выразиться, потому что темная магия — это холод) силой, настолько яростной и мощной, что кожа покрывается мурашками вмиг. Чисто на физиологическом уровне, а я просто развожу руками:

— Так что? Ликбез по моему миру или занятия?

— Занятия.

Киваю.

— Вот и отлично.

У нас с ним 1:1. Впрочем, с Люцианом у нас тоже 1:1, счет открыт, игра продолжается.

— Садись, Лена, — он указывает взглядом на стул.

Я же думаю о том, как он меня вычислил. И не спросишь ведь теперь, сама слезла с темы, а возвращаться не хочется вот вообще.

Валентайн устраивается за столом, и я следую его примеру. Раздумываю, как бы сказать о том, что мне выдала Драконова и не выдать ее, когда он снова интересуется:

— Как прошел день?

Да чтоб его! Лучше пусть про секс спрашивает, потому что от таких вопросов я теряюсь. Особенно после наших отношений «на удаленке», в смысле отношений, которых нет. Он несколько месяцев моими днями и ночами не интересовался, стоило мне столкнуться с Драгоном, как у Валентайна мигом проснулся исследовательский интерес. У меня вообще ощущение, что я его интересую только при наличии Драгона в радиусе действия, а когда Драгона нет...

— Чудесно, буду покупать новую сумку, — я киваю на свою измазанную.

— Что с этой не так?

— В нее случайно попала очень грязная грязь.

— Случайно?

— Совершенно.

Он молчит так долго, что я уже хочу спросить, не выйти ли мне, когда Валентайн произносит:

— Меня тоже не очень любили в Академии.

Моя челюсть. Моя челюсть!

— Ты здесь учился?

— А где я, по-твоему, должен был учиться? — приподнимает бровь Валентайн. — Несмотря на то, что я зачастую знал больше магистров, меня отправили сюда. Военный факультет дался мне нелегко. Не потому, что меня травили, а потому что я каждый день вынужден был думать о том, как бы кого-нибудь не убить, и о том, что с идиотами связываться себе дороже.

Э-э-э-это определенно был нежданчик. Для меня так точно.

— Зачем ты вообще учился?

— Это было одним из обязательных условий, чтобы я мог остаться в Даррании. Мне даже выделили отдельные апартаменты. И четверых сильных боевых магов, которые дежурили рядом с ними. Якобы, чтобы защитить меня от провоцирования конфликтов, но на самом деле, чтобы защитить всех от меня. Что, впрочем, не мешало им

отворачиваться, когда во время занятий на полигоне мои однокурсники решали что-нибудь выкинуть.

То есть мне еще повезло, что за мной не ходят четверо сильных боевых магов? М-да-а-а-а.

— Друзей, как я поняла, у тебя не было.

— Моя попытка подружиться закончилась не лучшим образом. Меня подставили так, что я как минимум должен был вылететь из Академии, как максимум — из Даррании. Если бы не вмешался Ферган, так бы и произошло.

Он говорил, и в его словах не было чувств. Никаких. Вообще. Я не была уверена, что он тогда их испытывал, но ситуация, конечно, все равно отстой. Я вот еще несколько месяцев с этим живу, а Валентайн сколько?

— А Фергану ты был нужен, чтобы заниматься с Сезаром, — сказала я.

— Примерно так. Ему и Эстре.

— Уволь меня от истории твоего знакомства с Эстре, — фыркнула я. — Это не для моих ушей.

— Ревнуешь, Лена? — Вопрос почему-то выбил меня из колеи, а пока я вбивалась обратно, Валентайн подался вперед и взял мою руку в свою.

Я отдернула пальцы. Прикосновение обожгло, напоминая о ненужных эмоциях, пережитых в ту «новогоднюю» ночь.

— Нет. Просто подробности чужой личной жизни — в отличие от некоторых, меня не интересуют, — резко ответила я, и, дабы не развивать эту тему и не смотреть лишний раз в опасно сверкнувшие глаза Валентайна, добавила: — У меня есть информация о том, что Драконов собирается использовать работу моей матери... то есть матери Ленор с темной магией на разбирательстве по моему делу. Оказывается, она проводила какие-то опыты или какие-то эксперименты до моего... тьфу ты! До рождения Ленор. Точнее, когда носила ее. Ты что-нибудь об этом знаешь?

В глаза ему все-таки смотреть приходилось, а вот тему я перевела удачно. По крайней мере, пока.

— Откуда информация?

— А это критично? — я пожала плечами. — Не все враги, как может показаться на первый взгляд.

— И правда не критично, — подозрительно легко согласился Валентайн. — Совет на будущее, Лена. Привыкай говорить «моего», так будет проще. Не одергивай себя.

— Одергиваю только в твоём присутствии, — заметила я. — Потому что только ты знаешь обо мне все.

Он чуть подался назад и сцепил пальцы. Глядя на меня поверх, из-за чего создавалось ощущение, что меня гипнотизируют.

— Хорошо, — неоднозначно произнес Валентайн.

— Хорошо — что?

— Хорошо, что только я знаю о тебе все.

Не уверена. Но то, как он это произнес, с привычными драконособственническими нотками, мне не понравилось.

— Темная магия. Эвиль Ларо, — напомнила я. — Ты что-то знаешь?

— Нет, — он покачал головой.

— Нет?!

— Нет.

— Но ты же единственный, кто владеет ей в Даррании! Ладно, еще Сезар, но Сезар в то время был ребенком.

Валентайн улыбнулся уголком губ и тут же нахмурился. Это переключение было гораздо более заметным из-за того, что его улыбки в последнее время были редкими. Тем более улыбки, адресованные мне.

— В темной магии многие заинтересованы, Лена. Она сложнее поддается управлению и контролю, чем светлая, но все же при знании нужных ритуалов и достаточной силе мага вполне возможно заимствовать ее элементы и внедрять их в светлые уравнения. В таких случаях она поглощает свет и заклинание становится усиленным тьмой.

— Ой-ой, а можно попроще?

— Проще можно. Таким образом было совершено покушение на Керуана. В те времена в Даррании темным был только я, и я сидел в подземелье. Точнее, принимал правила игры светлых, потому что возвращаться домой мне совсем не хотелось.

— Но каким образом темные знания попадали к светлым?

— Мало ли. Наши земли не всегда были так строго разграничены. Более того, тайные знания, темная власть... хорошее искушение.

Особенно если знаешь, где взять. Или, — он произнес это как-то на удивление спокойно, — если кто-то подсказывает.

— Например, кто?

Валентайн промолчал.

— Твой отец?!

Он поморщился:

— Адергайн воспринимает всех как игрушки. Ему нравится стравливать людей и драконов, так что не стану исключать. Хотя в данном случае для него это слишком мелко. Вот ты — другое дело.

Теперь поморщилась я.

— Ты так и не разобрался в том, что произошло?

— Да нет, Лена. Я во всем разобрался. Тебя каким-то образом, почему-то именно тебя, зачем-то именно тебя привели сюда для меня. Ради черной страсти или чтобы натравить на тебя светлых — при наличии в тебе темной магии такое рано или поздно случилось бы.

— Зачем?! — вырвалось у меня.

— Затем, что Адергайну нужно, чтобы я вернулся.

— А я-то тут при чем?!

Валентайн снова подался вперед. Больше он меня не касался, его рука замерла в миллиметрах от моей ладони.

— При том, что ты — та, ради кого я порву глотку любому. Даже если на моем пути встанет Ферган, и мой отец это знает.

Глава 11

Глава 11

Вместо того, чтобы спать, я лежала и рассматривала потолок. На потолке моей комнаты ничего интересного не было, разве что тени, вставать и задергивать шторы мне было лень. Спать, видимо, тоже, потому что как я ни пыталась плотнее слепить веки, они расклеивались, и перед глазами снова стояли тени, а в ушах — весенне-летний шум листвы.

Залетавший в окно ветерок щекотал мне кожу моими же собственными короткими волосинками — из тех, что для связи с космосом, то есть которые новорожденные и заново отрастают. Помимо щекотки он приносил с собой ароматы цветения и весны, и я понимала, что еще чуть-чуть — и птицы начнут орать на все голоса. Ну то есть петь, конечно же, а еще спустя какое-то время, подменяя смену трех лун, взойдет местное солнце, и все, привет, новый день.

Вчера я чуть не дала еще и в нос Валентайну после его заявления. Глотку он, видите ли, Фергану перегрызет. За меня.

А нормально поговорить?

Эстре он, видимо, тоже за меня трахал. Ну и молчал все это время, и ходил, как морозильник — тоже исключительно за меня. Из-за меня. Как бы я ни пыталась понять этого темного, получалось смутно. Хотя я даже понимала, из-за чего. Расти я с детства рядом с Адергайном Ниихтарном, я бы тоже больше беспокоилась за его планы, и держалась подальше от причины, которая может спровоцировать не пойми что.

Наверное.

Не знаю.

Обидно все равно было, но я проглотила эту обиду, запила ее водичкой и даже относительно нормально позанималась темной магией, резко свернув этот разговор. Мне больше не хотелось вникать в темные планы темных, мне хотелось как можно скорее а) выяснить, что произошло с моими родителями, б) сдать экзамены и в) доказать всем, что я не верблюд. В смысле, доказать это во время

разбирательства, а не тем, кто считает меня злом во плоти, на них мне плевать.

Еще мне плевать на Валентайна.

Я могла бы понять, если бы он сразу мне все сказал, а не вел себя так, будто своим поступком я перечеркнула все, что могло между нами быть. Я ведь правда ничего не понимала, думала, что все дело во мне, в том, что я тогда накосячила. В том, что осталась с Люцианом. На балу в смысле.

На Люциана мне было не плевать. В том самом смысле, что я размышляла о перспективах дальнейшего нашего общения. Нет, по доброй воле я с ним общаться не стану, думаю, как и он со мной, но, если он в очередной раз вздумает выкинуть что-то подобное, я должна быть готова. По-настоящему готова, чтобы дать ему отпор, а не то, что он хочет.

Насчет хотелок... стоило вспомнить, и тело само превращалось в сгусток чувственных ощущений, не имеющих ко мне никакого отношения. Для меня это было дико! Но это было. И что это было, я пока понять не могла, поэтому и ворочалась, и крутилась в постели, пока не устала и не начала смотреть на потолок.

А то, что рассказала Драконова? Нет, мне даже в голову не приходило, что мать Ленор могла ставить на ней эксперименты, или на себе, будучи беременной, но если у Драконова хватит возможностей это доказать, что тогда? Как вообще можно называть темную магию злом, а самим такое устраивать?

И как Валентайн вообще все это терпит? Все эти годы.

Я представила себе, как он был в Академии совсем один. Как его сила росла, и его репутация — несмотря на то, что он спас Керуана, становилась все более и более темной до тех пор, пока его не пригласил Ферган, чтобы учить Сезара. Подозреваю, что именно с этого момента все изменилось: связи с королевской семьей, мощь темных, возможность через него укрепить связь с королем — все это привело к тому, что из изгоя он превратился в одного из самых влиятельных персон Даррании. И при всем при этом оставался таким вот... чужим. Тем, о ком принято говорить за глаза.

Тем, связь с кем что-то вроде постыдного удовольствия.

Или вынужденной необходимости.

Эстре, похоже, была единственной, кто своих удовольствий не стыдился. Эх, жаль, что я не дослушала историю их знакомства. А может быть, и не жаль. У них там своя жизнь, в которую я не вписываюсь. Непонятно только, зачем было лгать?!

«У меня с Эстре ничего нет!»

Хорошенькое такое ничего.

Я перевернулась на живот, накрыла голову подушкой, когда из лежащего на тумбочке браслета вылупилась Эвиль.

— Я заметила, что ты не спишь, Ленор, — произнесла она. — Твой брат отправил тебе срочное сообщение. Принять?

Макс?!

— Конечно! — я подскочила, схватила браслет.

И тут же увидела на вспыхнувшем магическом экране: «Ты даже не представляешь, что я нашел, Ленор!»

— С ума сойти, — сказала я, глядя на то, что показывал мне брат. — Патент! Мама изобрела виритт...

— Да! Представляешь?! Она придумала все. Всеее! Придумала, как это ввести в головное заклинание артефакта, не считая даже того, что она сама структуру виритт создала. Все эти контуры. Все магические расчеты. А для всех она... заговорщица.

Макс скривился, и я положила руку ему на плечо.

Мы стояли у могилы родителей Ленор, расположенной в самом дальнем углу кладбища, пусть она и была чистой, но очень-очень скромной и неприметной. Не такой, какой могла бы, не сложились все так, как сложилось. Два камня, на которых не было даже имен. Было только: «Предавший да лишится истории».

И все.

Кладбище Хэвенсграда оказалось очень, очень ухоженным и по-своему красивым. Подстриженные газоны, фигурные памятники, целые фамильные склепы на центральных аллеях. И дальние квадраты, где хоронили тех, чью память чтить не положено.

А я ведь еще не говорила брату о том, что мне рассказала Эвиль. Не говоря уже о том, что сообщила Драконова. Но если этот бред, который собирались использовать против меня в разбирательстве, можно было не сообщать, то рассказать о том, какое послание мне, то

есть Ленор, оставила мама, стоило. Валентайн был прав: я больше не одергивала себя даже в мыслях, когда думала «мама», потому что иначе можно было что-нибудь сказануть. Но что самое интересное, думать «мама» было гораздо проще, чем «мама Ленор». Хотя временами я чувствовала, что предаю память своих родителей.

Потому что я — из другого мира.

И к ним с папой я уже точно никогда не приду... вот так.

Макс, словно почувствовав что-то, обнял меня, и я прижалась к нему. Будучи младше меня, брат вымахал примерно как Люциан, поэтому головой я едва доставала ему до плеча.

На камни падала тень, делая их еще более темными, чем они есть, а надпись — еще более невзрачной. Глядя на нее, я снова и снова думала о том, что только что узнала. Эвиль Ларо, оказывается, изобрела виритт и получила патент. Патент небывалой ценности, потому что вириттами очень заинтересовались все, и все начали прикреплять их к своим артефактам. Современные браслеты с вириттами, которые мы все носим, появились только благодаря моей маме. Моей... не моей.

Мотнув головой, положила цветы на камни, и Макс последовал моему примеру.

День был жаркий, но поскольку мы стояли в тени огромного раскидистого дерева, свариться нам не грозило. Закусив губу, я думала о том, что после нападения на Керуана патент был аннулирован, но так и остался лежать у Хитара в сейфе. Оказывается, после того, как опекун запретил ему со мной видеться, Макс решил, что найдет на него какой-нибудь компромат, и развил целую шпионскую деятельность. Компромата не нашел, зато узнал, что любовницы у Хитара нет, что он часто встречается с Драконовым по утрам (это неподалеку от его дома он тогда попросил водителя высадить его пораньше), а еще — что у мамы был патент. Хитар хранил его, несмотря на то, что он был аннулирован, а виритты назывались королевской разработкой (ха-ха-ха) группы ученых, имена которых не разглашались. Вот и верь после этого тому, что пишут.

Хотя... ничего нового.

— После восемнадцати зим пойду работать и стану жить отдельно. Зато с тобой сможем нормально видеться.

Голос Макса выдернул меня из мыслей, и я подняла голову:

— Как работать? А школа? А подготовительные курсы?

— Ничего. Справлюсь. Там две недели до конца школы останется, потом экзамены. Потом еще одни экзамены. А летом так вообще много времени на учебу не потребуется.

— Подожди хотя бы до того, как закончишь, — попыталась уговорить я. — Две недели погоды не сделают. А лучше вообще уже после того, как поступишь...

— Сделают, — мрачно сообщил брат. — Не хочу больше ни минуты находиться в этом доме. Хитар... тварь. Да, нас лишили истории, но он мог бы нам рассказать. Хотя бы чуть-чуть поддержать, показать этот патент. Если бы я его не нашел, мы бы с тобой так и не узнали ничего.

Я вздохнула.

— Макс... это же Хитар.

— Вот я и говорю: пошел он.

Мой брат вырослел просто на глазах, я видела это. И продолжать убеждать его в том, что он должен отказаться от своей идеи и еще немного потерпеть, сейчас было бы лишним. Он не откажется, я поняла это по выражению его лица. А еще поняла, что не хочу, чтобы он отказывался. И что безумно, очень сильно им горжусь.

— Я горжусь тобой, — сказала тихо, и увидела, как Макс изменился в лице. Посмотрел недоверчиво и изумленно. — И хочу тебе кое-что рассказать. Надеюсь, ты меня выслушаешь и злиться не станешь.

— Круче того, что ты мне *уже* рассказала?

— Не знаю, будет ли оно для тебя круче. Вот уже несколько месяцев я расследую то, что произошло во время нападения на Керуана. Правда, пока существенно не продвинулась.

Взгляд Макса из изумленного стал яростным. А это я ему еще про Эвиль и послание мамы не сказала...

Он перехватил меня за плечи и толкнул к дорожке с криком:

— Ленор, беги! — раньше, чем я успела понять, что происходит.

Даже толком не успела напугаться, когда развернулась в ту же сторону, что и закрывший меня собой брат. Прямо на нас, радостно разинув пасть с лезвиями зубов, несся основательно вымахавший Дракуленок.

Я уже вижу, что мой брат собирается драться и даже, кажется, складывает какое-то заклинание, потому что чувствую колебание магического фона.

— Макс, нет! — это все, что я успеваю сказать, потому что вылетаю вперед, заслоняя брата от Дракуленка, а Дракуленка от брата.

Не знаю, на что я рассчитывала, потому что многокилограммовая туша, размером с лошадь, на полном ходу врезается в меня. Мне повезло, что она только наполовину материализована, поэтому и удар получается слабее. Но все-таки достаточно, чтобы мы с Максом опрокинулись на землю в формате бутерброда, а сверху колбаской пристроился Дракуленок, лизнувший меня в лицо.

Так и лежим, втроем. Перед глазами летают звездочки, снизу — земля и надгробные камни. Сверху — потустороннее создание, которое меня оглушило, в ушах звенит. Я прихожу в себя от того, что из-под меня доносится болезненное кряхтение, упираюсь в Дракуленка ладонями и сталкиваю с себя. Сама сползаю с брата, с тревогой вглядываясь в его лицо:

— Макс, ты как?

— Нормально, — брат морщится, потирая затылок. — Повезло. Я в цветы упал.

Он действительно упал в цветы, напоминающие наши страстоцветы. Здесь они растут рядом с местами погребения или в местах скопления темной магии (привет, Мертвые земли) и считаются цветами-проводниками в загробный мир. С ними даже какие-то зелья можно делать, Валентайн как-то пару раз обмолвился. Но сейчас мне не до Валентайна, я протягиваю брату руку, чтобы помочь подняться.

— Ну вот. Ни привета тебе, ни радости, — раздается сзади, и у Макса округляются глаза.

— Ч-что это? Это Валентайн Альгор?!

— Тьфу, — немедленно оскорбляется Дракуленок. — Так меня еще не называли. И не назовут, если хотят жить. Этот ваш Валентайн Альгор перекрыл мне доступ в свой дом, чтобы я тебя навестить не мог, Ленка.

— Ленка? — У Макса окончательно раскрываются глаза, а еще медленно отвисает челюсть.

— Он странный, — говорю я. — Но если коротко, то это мой знакомый. Дракуленок, это Макс, Макс — это Дракуленок.

— Очень приятно, — фыркает зверь, усаживается на траву рядом с могилами и начинает вылизывать себе то, что под хвостом.

Я прикрываю глаза ладонью, потому что несмотря на полуматериальность, у него все там задумано как у материального. Непонятно зачем, кстати, но я правда не хочу это выяснять.

Пока брат приходит в себя, я интересуюсь:

— Что значит — перекрыл доступ?

— То и значит, — фыркает Дракуленок, закончив с туалетом, — защитил от меня свою обитель скорби. Я, честно говоря, думал его подкараулить и покусать, но потом понял, что ты расстроишься.

— Конечно, расстроюсь, — фыркнула в тон ему. — Если тебя убьют.

— Это кто еще кого убьет! — Зверь вскочил на четыре лапы и подбочился. Если можно так выразиться.

— Так ты поэтому не приходил? — меняю тему «у кого больше» очень быстро, чтобы не утонуть в ней.

— А ты как думала?! Я все это время только и искал возможность тебя увидеть. Но пока ты шаталась по улицам, я материализоваться не мог — визгу было бы. В Академии его было бы еще больше. Че как там у тебя?

— Это вообще кто?! — Наш диалог нарушает голос Макса, и Дракуленок заглядывает мне за плечо.

— А с ним точно стоит общаться? А то он ущербный какой-то. С первого раза не понимает.

— Это я ущербный, ты, монстра рогатая?!

— Ты кого назвал монстрой?! — очень тихо шипит зверь голосом Валентайна Альгора, от которого даже меня пробирает до мурашек.

Я скидываю руки:

— Стоп! Мы здесь не ругаемся, не ссоримся, никого не едим и не убиваем.

— Точно? — зверь облизывается, и радужка у него разгорается от угольков до демонически-алого.

Я закатываю глаза.

— Дракуль! Это уже несерьезно.

— Я как раз очень серьезно, — сообщает он. — Я не монстра! Я монстр.

— Это звучит гордо, — вздыхаю я. — Но Макса я очень люблю и съесть его не позволю. Я вообще никого не позволяла тебе есть. Ты ел?

В глазах брата читается один-единственный вопрос: WTF?! Что касается Дракуленка, он флегматично отводит глаза. Делая вид, что рассматривает небо. В этот момент меня пробирает холодом — что, если он и правда кого-нибудь сожрал?

— Ел?! — переспрашиваю я.

— А если и ел — то что?

— Ты сейчас торгуешься? Или не хочешь отвечать?

— Не ел, — мрачно сообщает Дракуленок. — Только птиц и животных. Совсем гордость растерял из-за тебя, Ленка. Рожден хищником, превратился непонятно в кого, а ты даже видеть меня не рада... И выговариваешь при свидетелях. Эх!

Он исчезает раньше, чем я успеваю что-либо ответить, но сейчас я даже этому рада. Потому что напротив меня брат с приподнятыми бровями и глазами на пол-лица.

— Макс, — тихонечко говорю я. — Я сейчас все тебе объясню.

— Да уж, пожалуйста, — хмыкает он.

Еще одной тайной между нами становится меньше. Спасибо, Макс слушает меня и не перебивает, только качает головой.

— И ты не сказала, что тебя опять кто-то хотел убить?! — спрашивает он, когда я замолкаю.

— Не опять, а примерно в то же самое время, когда я использовала сеть Грихмира. Так что с наибольшей вероятностью, это тот же самый человек... или дракон.

— Ты не задумывалась, почему? — спрашивает он.

— Что?

— Почему. Почему тебя хотят убить. Ты занимаешься мамой и папой, а о себе ты подумала? Это же... монстра!

— Монстр, — поправила я автоматически.

— Да неважно.

— Важно. И он на моей стороне. Правда. Он мне несколько раз помогал... в трудных ситуациях.

Макс снова качает головой:

— Наградила ж Тамея сестренкой.

— Что-о-о?! —

— В расследования без меня лезет, с монстрами дружит. И вообще, буду тебя теперь снова Ленка звать. А что? Ему можно, а мне нельзя?

Я вспомнила, что Ленор бесило это имя, и что Макс так ее называл, когда хотел позлить. До того, как отношения между нами стали налаживаться.

— Зови как хочешь, — отмахнулась. — Только дракону в пасть не пихай.

У Макса пиликнул браслет. Стоило этому произойти, как он помрачнел, и кивнул в сторону дорожек, ведущих к центральной аллее.

— Соглядатай беспокоится. Говорит, слишком долго тут торчу, чтобы возвращался.

Я коснулась его плеча.

— Тогда возвращайся.

— Увидимся как обычно перед моими подготовительными? Там и обсудим все по расследованию.

«Конечно», — хотела сказать я, но вспомнила Люциана. Вспомнила, что наши с братом тайные встречи и единственное никому не нужное в Академии место, где мы могли видеться, раскрыто. Чтоб Драгону импотентом стать недели на две. А можно и на пять лет.

— Я напишу, — сказала, глядя на брата. — У нас там перед экзаменами активно все, уже начинаются всякие проверочные и так далее.

— Хорошо.

— Но мы обязательно будем видеться, — сказала скорее для себя, чем для него.

И мы обязательно будем. Просто мне нужно найти способ как прищучить Драгона так, чтобы он от меня отстал и никогда больше не посмел ко мне сунуться.

Макс кивнул, мы обнялись, и он, бросив на прощание взгляд на могилы родителей, зашагал по дорожкам к центральной аллее. Я же поправила цветы, которые мы принесли Эвиль и Симеону, с сожалением взглянула на безымянные камни и открыла портал. Прямо в кабинет Валентайна в его доме. Да, его там могло не оказаться, но он оказался, к счастью. Метнул на меня убийственный взгляд, а я шагнула к столу. Оперлась ладонями о поверхность и яростно поинтересовалась:

— Ты почему запретил Дракуленку ко мне приходить?!

Глава 12

Глава 12

Валентайн поднимался очень медленно. Так медленно, что все операторы замедленной съемки просто удавились бы от зависти, как у него это получается. Но он вообще все делал эффектно, что уж говорить. Даже выглядел злым. Вот как сейчас.

— Что я говорил о визитах в мой кабинет, Лена? О том, что надо стучать? И давно ты настроила сюда портал?

— Провела парочку расчетов, подумаешь.

Все порталы настраивались по координатам. Для персональных, таких, как этот, просто нужно было грамотно все просчитать, но когда я поняла, как это делается, проблем больше не возникало. Я разложила схему на составляющие и теперь теоретически могла отправиться в любую точку Даррании самостоятельно. Главное, чтобы магии хватило, остальное детали.

— В твою парочку расчетов не закралось сомнений, что когда меня нет в кабинете, здесь стоит защита. И мыслей о том, что с тобой могло произойти в этом случае?

— А что могло произойти? — поинтересовалась я.

— Парализующее заклинание для начала, — Валентайн оперся ладонями о стол.

— А, ну голову, руки-ноги не оторвало бы — и ладно. Ты вообще добрый. — Я хотела мимо улыбнуться, но вспомнила, зачем пришла. — Дракуленок. За что ты заблокировал ему доступ ко мне?

— Затем, что через него могут за тобой следить, — хмыкнул он. — Если ты о Призрачном мяснике, разумеется.

— О к... ком?

— О том чудовище, которому ты умудрилась дать имя.

Да кто бы говорил, про чудовищ.

— Мы с ним разговариваем! И дружим. Он мне очень помог в свое время. Когда, между прочим, кое-кто морозился, — возмущенно заметила я.

— А ты не думала, что все это для того, чтобы втереться к тебе в доверие?

Вот что за архимаг такой, а? Все изгадить надо. Не архимаг, а голубь просто какой-то. После прикорма.

— Нет. Не думала, — призналась честно. — И знаешь что, Валентайн? Мне надоело, что ты все делаешь за моей спиной. Самоустраняешься из моей жизни, самовключаешься, запрещаешь мне общаться с теми, кто может меня поддержать. В моей жизни не так много тех, с кем я нашла общий язык, и, может быть, тебе никто и не нужен, но мне нужны. Мне нужны люди — и не люди, я умею привязываться, и я умею любить. Но что самое главное, я этого не боюсь! Поэтому либо ты снимаешь барьер, или что ты там поставил, либо я снимаю квартиру! Или дом. Или что получится. Все!

Высказав ему все это, я вздохнула. Как, оказывается, здорово, когда все говоришь. Просто как пару гор с плеч скинула и еще с десяток валунов.

— Садись, Лена, — неожиданно произнес он.

— Нет. Спасибо. Мне достаточно твоего ответа: да или нет, и я пойду.

— Лена, садись. Поговорим.

Помимо таланта все изгадить и эффектных выходов, Валентайн Альгор еще обладал завидным упорством (или упрямством?), хотя скорее всего, и тем и другим, а я поняла, что у меня есть желание закрыть тему раз и навсегда, и закончить все здесь и сейчас. Поэтому села, взглянула на него в упор и приготовилась внимать.

Он опустился в кресло, из которого только что эффектно встал. Несмотря на то, что пришла весна, он по-прежнему ходил исключительно в черном и белом. То есть брюки — черные, белая рубашка, либо черные брюки, черная рубашка, жилет, запонки, поблескивающие платиной, либо такие же пуговицы — вот единственное украшение. Сегодняшний день исключением не стал, он был в черной рубашке и черных брюках. Зимой и летом одним цветом — это не про елку, это про Валентайна, но кто я такая, чтобы комментировать его одежду.

— Итак? — спросила я, потому что молчание слишком затянулось.

Он рассматривал меня, как мог бы рассматривать карту мира или Мертвых земель, или что там его еще интересует. Или откровенные фото, например. Потому что на карту мира все-таки не смотрят так. Глубоко. Скользя по ней взглядом от бровей к ресницам, от ресниц — к щекам, скулам и губам.

— Итак, я высказал тебе свои предположения про твоего Дракуленка.

— Давно ты о нем знаешь?

— Что?

— Давно ты о нем знаешь? — переспросила я. — Мне все время кажется, что мы с тобой ходим кругами по одним и тем же граблям. Сколько можно, Валентайн?

— Я тебя услышал, Лена.

— И что дальше? Услышал и забыл записать, как обычно? Что это изменит? — я подалась вперед. — Предположу, что ничего. У тебя свои тайны, которые ты носишь с собой, я о них узнаю постфактум. Потому что они перестают быть тайнами, потому что теряют свою актуальность для тебя, по какой-то еще причине, неважно. Ты просто решаешь мне их сообщить вот так, с королевского плеча.

— Лена.

— Что — Лена? Ну что — Лена?! — Я правда не собиралась, но эмоций во мне становилось все больше и больше, я разгоралась все сильнее и сильнее, как костер на сухих ветках эмоций. — Я не права? Я просто хотела, чтобы ты со мной говорил. Нормально. А не когда сочтешь нужным. Я не маленькая девочка, и не надо так ко мне относиться. Я вполне способна принять то, что со мной происходит, или может произойти...

— Тогда прими то, что я сказал. Призрачный мясник опасен. Эти существа всегда ведомы, и даже если он сейчас обладает относительной свободой воли, это не значит, что завтра ему не прикажут тебе навредить. Или убить.

Я прикрыла глаза.

— Завтра. А сегодня? Что в моем сегодня есть, Валентайн? Кроме опасности, знания того, что я — дичь для Адергайна, и переходящий приз, девочка из другого мира, черная страсть. Ты мной снова заинтересовался исключительно тогда, когда подумал, что у меня был

секс. До этого я была тебе не нужна. Что это за извращенное чувство собственности? Или что? Ты сам то хоть понимаешь, что это?

— А его не было?

До меня даже не сразу дошло, о чем он спрашивает. А когда дошло, я поднялась. Все, что его интересует — это был ли у меня с кем-нибудь секс. И плевать на все то, о чем я говорила сейчас. Женщина же, а женщина для темного дракона нечто среднее между игрушкой и объектом сексуального желания.

— Прощай, Валентайн.

Я не успела дойти до двери: он оказался быстрее. Рывком притянул к себе, буквально впечатал в глыбу груди спиной.

— Ты — не черная страсть, Лена, — произнес он, накрыв мои ладони своими. — Ты сплошное, безграничное, бесконечное наваждение.

У-у-у-у, ненавижу его! Как же я его ненавижу!

— А ты мое бесконечное наказание! — вывернувшись из его рук, рывкнула я. — Не мог твой папа меня сразу себе забрать?! Если я ему так нужна?! А не вот это вот все!

Валентайн мгновенно изменился в лице.

— Поверь, в Мертвых землях тебе не понравится.

— А ты поверь, что я живой человек! Живой! Живая... да пофигу! — я махнула рукой, глубоко вздохнув. — Мне все равно, Валентайн. Мне уже все равно. Я ведь приходила к тебе тогда...

Почему-то особенно остро вспомнился момент в столовой, когда я пыталась сесть к нему на руки. Не просто пыталась. Села. И все, что за этим последовало. И мой танец. И то, что могло бы быть... и как я проснулась одна, а потом обнаружила голую Эстре в его комнате. И что? Побежала выяснять отношения?! Нет!

— Я не лезу в твою жизнь, Валентайн, — сказала, пытаюсь вытряхнуть из себя остатки эмоций. — А ты не лезь в мою. Мы вроде как договорились, что никто никому ничего не должен...

— Мы ни о чем не договаривались.

Его правда.

— Именно. Мы даже не разговаривали. Это было ниже твоего достоинства — рассказать, с какого момента ты решил, что я мячик, которым можно играть в футбол! Так же, как и моими чувствами.

— Что такое футбол?

Р-р-р-р-р!

— А давай ты сам заглянешь в мой мир с помощью темной магии и узнаешь, что это?

— Я хочу, чтобы мне рассказала ты. Я хочу говорить с тобой.

— И давно? — как ни старалась я избавиться от эмоций, получилось ну очень саркастично. Да что говорить, после нашего уютного общения у меня опять внутри поднялись две магии и вступили в неравную схватку. По ощущениям. — Хотя можешь не отвечать. С той самой минуты, как почувствовал, что у меня был секс. Но если ты еще сейчас про него спросишь, я тебя...

Валентайн перехватил мои руки раньше, чем я успела обрисовать, что я с ним сделаю. Правда, сомневаюсь, что мне бы позволили осуществить хотя бы малейшую часть из того, что пришло мне в голову, но какая разница.

— Лена, у меня никогда и ни с кем не было отношений.

— А я тут при чем?

— При том, что я не могу быть с тобой. И не быть не могу тоже.

Обычно от его ладоней исходил холод, но сейчас было тепло. Обманчивое тепло, к которому я уже однажды потянулась, хотя... какое тепло?

— Супер, — сказала я. — Очень печально. Но мне от этого ни горячо, ни холодно.

Хотя иногда очень даже горячо и холодно, но это лишняя информация. Не для его ушей.

— Моя сила возрастает. С тех пор, как появилась ты. Чем ближе мы с тобой. После той ночи, — он сделал паузу, — тьмы во мне стало еще больше. Я приближаюсь к тому, чтобы стать темным, полностью темным. И я очень четко уловил момент, когда был всплеск. В ту праздничную ночь. Чем ближе я становлюсь к тебе, тем сильнее во мне магия отца. Тем быстрее я стану тем, кем быть не хочу. Пока во мне есть хоть что-то человеческое, я могу чувствовать так. Потом не станет даже этого.

— С Эстре твоя сила не возрастает, — хмыкнула я. — Вот и развлекайся с ней.

Может, это было несправедливо. Или нечестно. Может, и то и другое — но разве честно было выгонять меня из своей жизни молча,

как сделал он? Неужели нельзя было все рассказать сразу? Я что, не поняла бы?

А ты сейчас поняла, Лена?

— Я не хочу об этом говорить, — мягко вытянула свои ладони из его. — Это все прошлое. Ты снимешь заклинание, чтобы я могла видеться с Дракуленком, или нет?

— Сниму. При условии, что он согласится, чтобы я его изучал.

— Ой, да развлекайтесь на здоровье, — я все-таки махнула рукой и вышла из кабинета.

Вроде бы все было правильно, все, как должно быть. Но почему-то мне не давали покоя его слова «Пока во мне есть хоть что-то человеческое, я могу чувствовать так. Потом не станет даже этого». Почему я за них зацепилась, я понять не могла. Почему я вообще цепляюсь за этого мужчину, снова и снова, раз за разом? Когда уже все должно тысячу раз перегореть, истлеть, превратиться в выжженную пустыню.

У него черная страсть, все понятно.

Папа там, в отягчающих, плюс папины грандиозные планы.

А у меня? Что у меня?

Я вошла в свою комнату, хлопнула дверью и упала на постель, раскинув руки. Комнате, в которой я жила, могла позавидовать королевская особа. Валентайн действительно делал для меня все, начиная от защиты и заканчивая обучением, вот только пропасть между нами это не отменяло. И, вопреки тому, что он думал, пропастью была не черная страсть. Не планы Адергайна. Даже не его возрастающая рядом со мной сила, способная полностью вытравить из его крови человечность.

Пропастью между ним и мной был он сам.

Глава 13

Глава 13

Люциан Драгон

— Не тошнит еще от притворства? — поинтересовался Люциан, привалившись к стене.

Сезар, до этого момента упражнявшийся с двумя мечами, остановился. Злить его было опасно, особенно в таком состоянии, но очень приятно. А еще очень будоражило. Заводило. Потому что руки буквально чесались с кем-нибудь подраться. Так почему не с этим идеальным папочкиным неидеалом, кровь которого отравлена темной магией.

— Тебе заняться нечем? — холодно произнес Сезар. — Могу подобрать тебе оружие.

— Себе подбирай.

Люциан качнулся с пяток на носки и снова привалился к стене. Вообще-то ему тоже полагалось тренироваться — умение обращаться с оружием входит в навык любого мужчины королевской крови, не говоря уже об адептах военного факультета, но ему не хотелось. Ему хотелось реально с кем-нибудь сцепиться, и желательно до крови, до разбитых костяшек, до звона в ушах, до хруста ребер. Да все что угодно, лишь бы вытравить из себя стоны Ларо и то, как она сжималась на его пальцах.

Он же и двинуть ими толком не успел, как ее чувственность ударила по нему с такой силой, до одури, что потемнело в глазах. Хорошо хоть в штаны не кончил, как подросток, и на том спасибо.

Спасибо, но нет.

Сколько раз она так вот кончает с Альгором? С ним, под ним, на нем.

— Проваливай, Люциан. — Сезар перехватил мечи поудобнее и отвернулся, а он оттолкнулся от стены и шагнул вперед.

— Не хочешь говорить с Женевьев о Софии — поговорю я.

Вот теперь высочайший братец наконец-то обратил на него свое высочайшее внимание. Мечи полетели на пол, Сезар развернулся, резко шагнул к нему:

— Ты чего добиваешься?

— Справедливости, — Люциан усмехнулся. — За время тесного общения с Софией я узнал много всего интересного. Она мне столько о тебе рассказывала...

Ложь, конечно, София старалась избегать темы Сезара настолько, насколько это возможно. Но очень приятно увидеть, как глаза брата становятся сначала серебряными, а потом насыщенно-черными. Вот она, его истинная суть. Суть, от которой даже в каменных стенах тренировочного зала становится еще холоднее. Когда там следующий визит Альгора? Они здесь все уже пропитали своей мертвечиной.

— Я сказал: проваливай, Люциан! — эти слова брат уже процедил.

— А если нет? Я, может быть, о тебе забочусь. О твоём благополучии и состоянии, чтобы не мучился, трахая одну, а представляя другую. Или тебе без разницы?

Удар справа получился сильным, но таким ожидаемым! Боль обожгла, запустила адреналиновую волну, и рывок вперед — выпад, от которого Сезар не успел закрыться, получился настолько сильным и яростным, что отозвался сумасшедшим будоражающим диким кайфом.

«Кайф» — это словечко Софии, они на пару с Ларо умудрялись сыпать какими-то странными словами, но очень четко подходящими ситуации. Так ярко, как никогда. Вот сейчас это был настоящий кайф, до звона в костях ощутить собственный удар, а дальше они сцепились уже не как принцы или адепты военного факультета, так могли бы драться пьяные моряки в таверне. Без лишних техник, без лишней защиты, блоков, правильных разворотов.

Боль он почти не чувствовал, только короткие яркие вспышки — но какой же это был кайф — врезать папочкиному идеалу. А самое главное, когда этот идеал валялся на полу вместе с ним, с силой врезая его в камень, а после дергался от резкого удара. Напрямую в нос, по крайней мере, Люциан метил в нос. Как Ларо врезала ему с недевчоночьей силой, но Сезар уклонился, и удар пришелся по скуле.

В глазах брата полыхнула такая темная ярость, что сначала обожгло холодом, и только после — болью. Сначала от того, что кулак

Сезара ссадил кожу, потом — от того, что голова встретилась с ледяным камнем пола.

— Тэрн-ар Драгон! Тэрн-ар!

— Что-то я не пойму, вы к кому сейчас обращаетесь? — процедил Люциан, сплевывая кровь.

Лоэрхарт Довин, мастер по обращению с оружием, шагнул вперед. Он был одним из папочкиных командующих, поэтому сейчас рявкнул:

— Встать! Я кому сказал — встать?!

— Ты мной не командуешь, — хохотнул Люциан, но Сезар рывком вздернул его на ноги и прошипел:

— Забыл, что ты на военном?

— А ты — будущий король Даррании — так и будешь прогибаться передо всеми? Да он скоро сапоги твои целовать будет.

За это прилетело уже от Довина. Люциан пошатнулся, но удержался на ногах. Точнее, удержался только благодаря тому, что его удержал Сезар. Перехватил за руку и не позволил опрокинуться на спину, как набитый продовольствием куль.

— Вы сейчас не принц, — прошипел военный, глядя ему в глаза, — а младший по званию. И так будет до тех пор, пока вы учитесь на военном факультете. Следуйте за мной.

«Следовать за ним» пришлось недолго: оказывается, папочка самолично присутствовал в замке. Пред его светлы очи их и привел Довин, и было очень приятно наблюдать, как этот раскомандовавшийся драх вытягивается перед ним в струну.

— Тэрн-арх.

— Вольно, — рычит камень голосом отца. — Что произошло?

— Мы подрались, — отвечает Сезар.

— Подрались, значит, — рычание становится уже более явным. —

Причина?

— Люциан дерзил. Я не сдержался.

Люциан с трудом подавил желание сплюнуть еще раз, но под взглядом отца почему-то замер. Поразительно, как этот драхов дракон умудрялся пригвоздить к месту одним-единственным взглядом.

— Не сдержался. Будущий правитель.

— Прости, отец.

Нет, сплюнуть здесь мало. Лучше сразу блевануть.

Правда, ни то ни другое сделать не получилось, Ферган поднял лапу. Массивную, способную погрести под собой любое двуногое, осмелившееся бы ему возразить в этот момент. Золотая дымка ударила сначала в него, потом — в брата, окутывая их облаками и растворяясь.

— Исцелиться не сможете, — пророкотал Ферган. — Будете ходить так, в том числе в Академию, смотреть на себя в зеркало и думать о том, какое поведение достойно принцев. Особенно наследного. Свободны. Ловин, оставайтесь.

Что?

ЧТО?!

Люциан попытался вытащить из себя силу, которая в одно мгновение перекрыла удар Ларо, но не почувствовал даже ее отголосков. Что за драх?! Чтобы на нем все заживало, как на обычном человеке?!

— Т...

Сезар рывком выдернул его за дверь раньше, чем он успел открыть рот и сказать отцу все, что о нем думает.

— Пойдем к Глатхэну. — Придворный целитель и его помощники жили в правом дальнем крыле, поэтому Сезар сразу открыл портал. — Нужно, чтобы он тебя осмотрел.

Глатхэн, мягко говоря, удивился, но удивился в собственном стиле. Вопросов задавать не стал, разве что уточнил, от кого блокирующее исцеление заклинание, а получив ответ, тут же пригласил помощников и занялся делом. «Нужно, чтобы он тебя осмотрел» в данном случае относилось и к Сезару — у него лицо тоже было хорошо разукрашено. Сейчас почему-то это не вызывало ни малейшего удовольствия, особенно когда всякие драховы зелья начали печь ссадины, а потом еще и заныли скула и что-то в районе ребер.

Хорошо так заныли.

Но еще противнее почему-то стало, когда в замковом лазарете открылась дверь и вошла Женевьев.

Эта девушка всегда вызывала в Люциане смешанные чувства. От желания высказать ей все, что он думает о ее правильности, до того, чтобы опустить глаза, когда она проходит мимо. В ней удивительным образом сочетались чистота и свет, и, наверное, она действительно идеально подходила Сезару, чтобы блокировать его тьму.

Она вписалась в их семью чуть ли не на самом первом балу, у нее даже оттенок волос был такой же, в золото, как у Драгонов. С тем лишь исключением, что ее золото было более светлым.

Да ну ее к Лозантиру.

Люциан демонстративно отвернулся, чтобы не смотреть, как Женевьев подходит к Сезару и забирает у помощника Глатхэна самые обычные человеческие примочки, чтобы обработать брату рассеченную скулу. Причем все это — без единого слова, и все ей безоговорочно подчиняются.

Будущая правительница Даррании, ха.

Что ей Сезар там наплел про Драконову, что она все это терпит? Да еще и раны ему обрабатывает, хотя, по-хорошему, добавить бы надо.

— Сильно болит? — негромко спросила Женевьев.

Он постоянно цеплялся за ее голос. За это растущее из груди или из самого сердца звучание, которое рождалось внутри нее как огонь. Помнится, первое, обо что он вообще изначально споткнулся, при первом знакомстве — именно это ее «Рада знакомству, Люциан». Сколько ему тогда было? Тринадцать, кажется. Он и на ужине-то присутствовал исключительно потому, что отец разрешил и пригласил, как Нэвьери — на их ужине с Ларо.

— Все в порядке, — Сезар мягко взял ее руку в свою и поцеловал пальцы.

Скривившись (на них все же не получалось не коситься), Люциан оттолкнул целительского помощника, обрабатывающего ссадину над бровью каким-то пекучим зельем.

— Достаточно.

— Но тэрн-ар, — пробормотал молодой человек, — мы еще не закончили.

— А я сказал: закончили, — Люциан рывком поднялся со стула и, невзирая на крик брата, ударивший в спину:

— Вернись!

Вышел.

Не оставаться же там, посреди этой уютно-фальшивой милоты.

Правда, он не успел пройти даже двух шагов, и портал открыть не успел, когда из-за спины донеслось:

— Люциан.

— Братец решил использовать секретное оружие? — криво усмехнувшись, он повернулся на пятках и оказался лицом к лицу с Женевьев.

— Ссадины надо обработать. Не заставляй меня бегать за тобой, пожалуйста, как за десятизимними воспитанниками приюта по всему этажу.

— Не заставляю, — он развернулся, чтобы уйти, но Женевьев легко коснулась его руки.

— Ты же не хочешь, чтобы все это воспалилось, и у тебя бровь стала на пол-лица? Поверь, если тэрн-арх решил вас таким образом проучить, исключений не будет.

— Все-то ты знаешь, — Люциан расплылся в улыбке, насмешливой — но тут же опять скривился. Лицо болело знатно. — Откуда?

— Знаю только то, что мне рассказал Ловин, перед тем как открыть для меня портал к вашему целителю.

— Ловин слишком много на себя берет. И ты тоже, — он оттолкнул ее руку. — Лучше бы занималась своей жизнью. И тем, что тебе предстоит выйти замуж за парня, который путается с другой. Даром что он будущий тэрн-арх, правда. Может, при таком раскладе и правда без разницы.

Женевьев не изменилась в лице. Вообще. Что у нее там творится в голове? И в глазах — не тени расстройства или боли.

— Мы с Сезаром говорили про Софию Драконову. Разобрались с этим раз и навсегда, — спокойно ответила она. Так спокойно, будто вела привычные светские беседы. — Когда София потеряла память после дуэли, он ей очень помог. Разумеется, между ними возникла привязанность, но эта привязанность осталась в прошлом.

— Ты правда ему веришь? — рассеченную бровь дернуло, когда Люциан ее приподнял.

— Верю, — Женевьев по-прежнему спокойно встретила его взгляд. — Иначе бы меня здесь не было.

— Веришь в то, что между ними ничего не было?

Она прикрыла глаза.

— Люциан, твое расставание с Ленор Ларо — не повод доставать всех. Другие могут предложить тебе помощь, но исцелить себя можешь только ты сам. И да, за тобой я бегать не буду, твое лицо —

это твое дело. Я хотела, чтобы между нами все было предельно ясно, и чтобы мы больше никогда не возвращались к этому разговору. Чтобы ты оставил в покое своего брата и занимался своей жизнью. Сезару сейчас нелегко, но драха с два он в этом признается.

Услышать из уст Женевьев «драха с два» было сродни тому, как если бы Валентайн Альгор встал сейчас перед ним на колени и поцеловал ботинки.

— Ему очень нелегко, и, помимо прочего, на нем висит поручительство за тебя, а ты только и делаешь, что создаешь сложности. — Ее голос стал жестким. Жестким, но резким. — Только и делаешь, что всех провоцируешь и нарываешься. Если тебе хочется портить жизнь себе — на здоровье. Но Сезара оставь в покое. Оставь в покое и имей уважение хотя бы к тому, что ты сейчас не в гарнизоне на границах с землями Ниихтарна.

— Тебе не кажется, моя дорогая Женевьев, что это не твое дело?

— Моя семья — это мое дело. Мой мужчина — это мое дело. — Она шагнула к нему, посмотрела в упор. Светло-серые глаза потемнели как грозовое небо, до свинца. — Не стоит портить со мной отношения, Люциан. Поверь, я умею защищать тех, кто мне дорог.

— Это угроза?

— Это предупреждение.

Развернувшись, Женевьев скрылась за дверями лазарета. Оставив его мысленно поминать Лозантира, всех его драхов, да еще и в компании с будущей королевой.

Кор-р-ролева.

Думает, она сможет им командовать?

Ну-ну.

Одним взмахом руки Люциан открыл портал, и спустя какое-то время уже был у себя в комнате. Вообще-то они собирались вечером встретиться с Дасом и остальными в Хэвенсграде, но идти куда бы то ни было с такой рожей не было ни малейшего настроения, поэтому он плюхнулся на кровать. Снова поморщился от боли в ребрах, выругался.

Чтоб Лозантир побрал папочку. Вместе с Сезаром. И его Женевьев.

«Твое расставание с Ленор Ларо — не повод доставать всех».

Да что она вообще знает! О Ларо, о нем. Обо всем.

«София, ты там вообще как?» — отправил Драконовой короткий вопрос.

«Только вернулась из Академии, отчиталась за учебную неделю. А что?»

«Хотел напроситься в гости. Если, конечно, твоего зверского отца нет поблизости».

«Нет, он уехал по делам. Попрошу, чтобы подготовили и открыли портал».

«Я сам открою. Главное, предупреди свою службу, чтобы в истерике не бились».

«Ок».

Вот и что это значит — Ок? Люциан мотнул головой и прикрыл глаза. Выждал какое-то время, после чего сдернул себя с кровати и открыл портал в холл дома Драконовых. Они с Софией виделись очень редко — не считая того, что он отправил ей подарок на праздник, ну и, пожалуй, того, что пару-тройку раз приходил, словив кислую злобную физиономию Ивана Драконова. Папаша-архимаг был категорически против их встреч, но напрямую запретить не мог, вот и злобствовал, как умел. Например, разрешал видаться только в своем присутствии и делал все, чтобы это изгадить по полной программе.

Сейчас, слава Тамее, Дракона Иванова не было, а встречавшая его вместе с дворецким София широко распахнула глаза:

— Люциан! Что случилось?!

— На войну ходил.

— Я серьезно! — Она оглянулась на высоковатого тощего старика, тут же закусил губу. — Ранх будешь? Я попросила нам накрыть в малой гостиной.

— Буду, — сказал Люциан. — Я все буду.

И, когда София без лишних слов кивнула, последовал за ней в уводящий в правое крыло коридор.

Глава 14

Глава 14

Лена

Не знаю, почему, но я дико не высыпалась в последнее время. При том, что спала беспробудным сном, безо всяких там жутиков или просто красочных картин, которые иногда подсовывает нам подсознание, как сны. Что с этим делать, я не представляла, потому что начинала зевать на занятиях и пропускать важные вещи, которые стоило запоминать. Особенно перед экзаменами!

А если учесть еще и мое расследование, которое после разговора с Максом круто изменило вектор... Теперь я думала в сторону патента, который получила мама, и который вполне мог заинтересовать кого-то еще. Да того же Хитара, например! Дмитрий, старичок-преподаватель моей матери, с которым я столкнулась в Портуале, говорил, что Хитар всегда завидовал Эвиль. А где зависть, там и пакость. Даже несмотря на то, что для такой подставы опекун казался мне чересчур трусоватым, проверить эту версию точно стоило в первую очередь.

Вот только как?

И как со всем этим увязать то, что собирался использовать против меня Драконов? Помнится, Дмитрий говорил, что Эвиль перевели в Академию Драконова по королевскому гранту, когда узнали о ее таланте. Могла ли она и впрямь заниматься темной магией, чтобы... чтобы — что?! Чем она могла быть полезна Фергану? Если не каким-то исследованием, связанным с Сезаром. Вопрос только в том, каким.

О таких вещах точно надо думать на свежую голову, а моя напоминала пивной котелок или горку-воронку в аквапарке, где вода бултыхается, как при сливе унитазного бачка, и постоянно шумит. Как бы там ни было, надо было начинать смотреть в сторону Хитара, и каким-то образом изучать его жизнедеятельность в те годы. Возможно, получится найти хоть какую-нибудь зацепку, от которой я смогу оттолкнуться.

Валентайн слово сдержал и Дракуленка ко мне пустил. Правда, при том самом условии, в ответ на которое зверь возмутился так, что у меня вяли уши. Вообще когда Валентайна Альгора кроют местным трехэтажным его же собственным голосом (пусть даже из другой глотки) — есть в этом что-то шизофреничное. Хотя и глубоко забавное, не без этого. Осознав, что ни разжалобить, ни испугать Альгора не удастся, Дракуленок перешел в манипулятивное контрнаступление:

— Используешь слабость девочки, чтобы ставить на мне свои бесчеловечные опыты, — он глубоко вздохнул.

— Я не человек, — не повелся на манипуляцию Валентайн.

— Но так же нельзя!

— Я тебя здесь не держу.

— А может быть я хотя бы пару раз побуду без изучения, а? А потом начнешь изучать?

— Нет. И смени голос.

В общем, преодолев все стадии по учебнику психологии — гнев, торг, депрессия, отрицание, Дракуленок перешел к принятию, а мне оставалось только радоваться. Что эти двое не поубивали друг друга (даже не попытались), что они вообще разговаривали, но главное — что я смогу с ним видаться, когда захочу. Хотя скорее когда захочет он, разумеется.

— Вам бы семейный портрет сделать, — хмыкнул Валентайн, заглянув ко мне в комнату в последний вечер выходных. Мы с Дракуленком обсуждали бесчеловечные эксперименты, я восседала на кресле, а он рядом. Такая грозная лошадь с зубами и когтями-кинжалами. То есть конь. То есть драконь. И на самом деле он — милейшей души зверюга, но Валентайн моего энтузиазма не разделял.

А Дракуленок не разделял его исследовательских интересов. Поэтому в ответ на такое заявление только огрызнулся:

— Завидуй молча. Полудракон.

Я быстро вскочила из кресла и захлопнула дверь перед носом Альгора, пока он не опомнился и не решил показать, кто в доме хозяин. Шикнула на Дракуленка:

— Не драконь его!

В ответ он показал мне язык.

Вот как-то так сейчас и строилось наше общение, и еще один его плюс заключался в том, что Дракуленок мог помочь мне и Макс у в

расследовании. Особенно в том, что касалось Хитара — например, подстраховать брата, пока тот изучает содержимое опекунских ящиков и сейфа. Разумеется, Макс уже горел желанием присоединиться к расследованию как можно скорее, о чем неоднократно писал через свою шпионскую виритту.

Встретиться у нас пока не получалось, потому что я не представляла, что еще придет в голову Драгону. Который появился в Академии с разукрашенным лицом: таким его еще не видели. Когда с таким же появился Сезар, по Академии активно поползли слухи, что братья не поделили Софию Драконову.

Об этом реально шептались на каждом углу — так, что даже я, будучи одиночкой, умудрялась слышать. Клавдия (к сожалению, ее не забрали из Академии под предлогом, что тут учусь страшная я) была одним из главных источников этих слухов, просто местная кладезь желтой прессы. Что касается Софии, я ей не завидовала. С такими подружками никаких врагов не надо, это было понятно еще зимой.

Сейчас стало еще понятнее, потому что Лузанская пустила новый слух, якобы София и Сезар тайно встречаются, и Люциан об этом узнал. Официально Люциан и София не расставались и, хоть и виделись сейчас реже, он якобы не стерпел такого и набросился на брата. Туда же прилагалась душещипательная история, о том, как София разлучает самую чудесную пару Даррании, то бишь Сезара и Женеьев.

После такого в очередной раз я не выдержала. Отбегав, отпрыгав и отмагичив простенькие щитовые заклинания на физподготовке для людей-первокурсников, я пошла напрямик в раздевалку, где эта красота собрала женский круг гремучих змей. И, выразительно постучав Клавдию по плечу, поинтересовалась:

— Чего ты добиваешься?

Местная элита бледнеет. Все же я достаточно страшная, но, видимо, недостаточно для того, чтобы бежать, сверкая пятками, пока Лузанская не отпустила. Поэтому они просто изображают статуи, а Клава поворачивается ко мне. Судя по выражению ее лица, она в теме, что мне нельзя бить ее с ноги. Не только темной магией... хотя, возможно, если совсем без магии, то можно? Эта ехидная довольная рожа просто просит кирпича, как любила говорить тетя Оля.

Выражение мне понравилось, и Клаве оно подходит. Особенно когда она так же ехидненько, нараспев, тянет:

— А тебе какое дело, м-м-м-м? Вы вроде с Драконовой никогда не дружили. Или... ой! Зимой сошлись на почве любви к Люциану?! Как считаете, девочки?

«Девочки» — из тех, кто посмелее, начинают похихикивать. Остальные просто кивают, я же вздыхаю. Некоторым людям бессмысленно что-либо объяснять, да и не надо.

— Нет, зато ты дружила. Вот я и думаю, с чего тебя так на ней переклинило?

Клава, осознав, что на Люциане меня зацепить не удастся, слегка теряет боевой запал. Нет, ухмыляться-то продолжает, но уже не так ехидно, как раньше.

— Перед тобой я точно не стану отчитываться.

— Передо мной нет, а перед Иваном Драконовым? — Я пожимаю плечами. — Один раз тот, кто здесь за все и всем платит, спустил тебе твою выходку на почве «против кого дружим». Но если ты продолжишь в том же ключе, не думаю, что он сильно обрадуется. Пока, девочки.

Я мило улыбаюсь и машу рукой собравшимся, прежде чем уйти.

Сама не знаю, что заставило меня вообще все это сказать, но в следующий раз эту группа недооципанных куриц десять раз подумает, прежде чем заниматься тем, чем они занимаются. Не Клава, так ее девочки, а если поддержки сарафанного радио «Драконова желтизна» у нее не будет, любая «жареная» новость затухнет сама собой.

С этой мыслью я выхожу из женской раздевалки и натыкаюсь на Ярда. Мы буквально влетаем друг в друга на полном ходу, в лучших традициях романтических фильмов. С той лишь разницей, что романтики между нами ноль, а отношения — так себе. Точнее, никак.

— Прости, — бормочет он и собирается уже, обогнув меня, нырнуть в арку, ведущую в коридор, но я его останавливаю.

— Как там Дана и Джиа?

Это не праздный интерес. Я действительно хочу знать, как там девочки, потому что попали они — пусть даже по собственной глупости — между двумя жерновами. Мне правда хотелось бы, чтобы им удалось вернуться в Академию, но пока что об этом ничего не слышно.

— Не очень, — бурчит он и снова хочет пройти, но я снова его останавливаю.

Вообще Ярд очень сильно изменился: у него не осталось той залихватской челки, короткая стрижка, волосы сейчас одного цвета, а взгляд уставший. Такой, замученный что ли. Мы с ним не подходили друг к другу достаточно долго. После всех моих безуспешных попыток хоть как-то пообщаться, не говоря уже о том, чтобы наладить отношения, он меня обходил десятой стороной. Даже «столик аутсайдеров», за которым мы сидели все вместе, мне уступил, дожидался, пока я поем, чтобы войти в столовую, когда я оттуда уйду. Поэтому рассмотреть усталость в его глазах как-то не было времени и возможности, но вот сейчас это мне удалось, и вдруг так жаль стало нашей потерянной дружбы.

Всего, что я потеряла по вине этих зазнавшихся куриц, возомнивших, что все им сойдет с рук — впору хоть возвращайся и действительно бей Клаву с ноги.

Но я удержалась. Просто смотрела на него и ждала ответа.

— Родители Даны подавали прошение о восстановлении, но им отказали. Из салона ее уволили — по той же самой причине, а родители отказались пускать ее обратно домой. Сейчас она работает у стойки информации на портальном вокзале, а я помогаю, чем могу. С Джиа мы не общаемся, ее как раз содержат родители, и кажется, это они запретили ей с нами общаться. На нее были очень большие надежды, но она их не оправдала. Последнее, что я слышал, что они собираются переезжать к морю. Вроде как там жизнь дешевле, а теперь в Хэвенсграде нет смысла оставаться.

— Прямо как наследник Буроджольда Хаусского, — хмыкнула я.

— Чего?

— Ничего, забей. Я могла бы помочь...

— Ты уже помогла, — огрызнулся он. — Помогла так помогла.

— То есть по-твоему, мне нужно было разрешить им провернуть с Драконовой то, что они провернули?

— Нужно было! Она заслужила, ничего, побыла бы на месте тех, кого подставляла и третировала регулярно. — Ярд яростно сверкнул глазами. — Но ты же везде лезешь! Тебе все нужно, за всех заступаешься. В итоге страдают невинные.

— А по-моему, Дане и Джиа нужно было думать головой, прежде чем связываться с Аникатией и Лузанской! — впервые за все это время рывкнула я. — И да, я не считаю, что с ними поступили справедливо, но расхлебывают они то, что натворили сами, а не то, что натворила я. Подумай об этом на досуге.

Я оставила его в покое с его обидками и шагнула в тот самый коридор. В самом деле, как легко все повесить на Лену! Которая, к слову, шла и буквально засыпала на ходу. А ей еще к Валентайну на занятия, где точно будет весело! Особенно после соглашения про Дракуленка. Альгор был бы не Альгор если бы не припоминал мне это все и не гонял по изученному, как будто я уже на экзамене.

Я настолько устала, что почти созрела, чтобы открыть портал прямо к его кабинету, даже не переодеваясь и не принимая душ, но вовремя себя остановила. Понятное дело, что это просто портал, но «нырять» вот так в магистрериум, без допуска, да еще и на силе темной магии — чистейшей воды самоубийство. И я еще не выяснила, как меня отследил Люциан! Всю свою комнату облазила, сама и с помощью заклинаний, но ничего не нашла. Поэтому пришлось возвращаться к себе.

В душе я относительно приободрилась во всех смыслах. Не знаю, надолго ли, но, в тот момент, когда я собиралась выходить на дополнительные занятия, мне прилетело сообщение от Валентайна: «Задержусь. Жду тебя сегодня на два часа позже».

Слава драконам, драконессам и драконятам!

Я села за стол с твердым намерением сделать домашнее задание, но мысли в голове устроили канкан. Дотанцевались до того, что я всерьез задумалась о Буроджольде Хаусском, стремительно почившем после неудачного нападения на Керуана, и о его наследнике, отказавшемся занимать пост архимага, тоже стремительно переехавшем на юга. Что, если дело было не только в patente мамы, но и во власти? Что, если там не один Хитар замешан, а целый заговор?

Мысль пришла и ушла, я на минуточку положила голову на руки и закрыла глаза.

А открыла уже на кровати. На которой, рядом со мной, полулежал Валентайн.

Спасибо хоть не голый, и то хлеб. За то, что не голая я — отдельное спасибо.

— Ты чт... — начинаю было я, но он закрывает мне пальцем рот.

— Лена, помолчи пожалуйста.

Я, не удержавшись, закатываю глаза. Сама не знаю, с чего, но меня накрывает. Я даплюсь смешком.

— Что? — переспрашивает Валентайн, мгновенно становясь холодным и отстраненным.

— Да... ну... ты же... просил молчать, — вместо ответа получается рваное такое, между смехом, относительно членораздельное общение.

— И все же?

— Д-да... ничего. Все мужчины одинаковы. Лена, помолчи. Лена, делай, что я скажу. Вообще лучше повернись и тихонечко нагнись...

Вот что я несу, спрашивается? А Валентайн мрачнеет еще сильнее.

— Такого ты обо мне мнения?

— Ну прости, — я фыркаю и утираю непроизвольно текущие слезы ладонями. Надеюсь, что они от смеха, и что это не истерика от переутомления или перенапряжения, или Лозантир его знает, чего еще!

Валентайн касается моей щеки, стирая пальцем соленую дорожку, и я дергаюсь. В сторону, потому что подо мной кровать и подушка, и вообще, мне пора. Вот только куда, я же в собственной комнате.

— Хочешь, чтобы я ушел? — он мрачнеет еще сильнее.

— Да! — выдыхаю резко. — Нет. Не знаю... как же вы все меня задолбали!

Мне кажется, что последнее уж точно должно заставить Валентайна уйти, по крайней мере «вы все», если уж он не отреагировал на «все мужчины одинаковы», но вот чудеса — он не уходит и даже не начинает выяснять, кто все, почему во множественном числе, и какое отношение к этому всему имеет Люциан.

— Я пришел, когда не пришла ты, — произносит он. — И увидел, что ты спишь на столе.

— На стуле, — вздыхаю я.

— За столом. Можем выяснять это еще долго. Я решил, что тебе стоит отдохнуть, и перенес на кровать.

— И себя заодно перенес.

— И себя, — он почему-то улыбается, мгновенно молодея.

А у него ведь вообще не было детства. И юности тоже, как таковой. Для отца он был зверьком подопытным, а для дарранийцев — опасностью, носителем темной магии. Я пытаюсь его представить мальчишкой, и у меня не выходит, перед глазами только этот образ, который я вижу сейчас. Мне кажется, он всегда таким был. Но какой он на самом деле?

— По-моему, тебе стоит больше отдыхать, — произносит он. — Понимаешь, Лена?

— Понимаю, но у меня скоро экзамены.

— Экзамены ты не отменишь, но мы можем убрать занятия темной магией. Все важное у тебя сейчас есть, основу ты знаешь. И ты можешь перестать заниматься совершенствованием моего дома.

— Я почти закончила, — отмахиваюсь. — Ерунда осталась. Там, в саду самую малость и на первом этаже. Второй вроде готов. Тем более что мне это в удовольствие, я так отвлекаюсь.

— От чего?

— От того, что Сони больше нет.

Мы ведь так и не поговорили об этом. Я это так и не пережила. Зачем я это вообще сказала?

— Она есть. Здесь. — Валентайн касается моей груди, но не как обычно. Просто чуть ли не до сердца дотрагивается, и у меня начинает кружиться голова. Я не хочу, чтобы у меня от него кружилась голова, я не хочу, чтобы она вообще кружилась, и уж тем более я не хочу говорить про Соню. Каким-то образом он это чувствует, потому что мгновенно убирает руку и переводит тему.

— Ты безумно напряжена, Лена. Просто как струна.

Есть с чего, хочется сказать мне. Но вместо этого я только вздергиваю бровь.

— Есть идеи, как с этим справиться?

— Есть. Тебе нужен массаж. — Раньше, чем я успеваю ответить, он добавляет: — Прямо сейчас.

Я давлюсь возражением, потому что моя одежда, то есть форма, просто на мне растворяется.

— Валентайн! — с моих губ срывается возмущенный крик, но, пока я ищу, чем прикрыться, он перехватывает мои руки и разводит их. Смотрит так, что во мне разом заканчивается весь воздух, если бы

можно было как-то визуализировать черную страсть, то его взгляд и есть — черная страсть.

Все, что кроме нее, все, что в ней, и нечто гораздо большее, настолько глубокое, что если бы можно было трахнуть одним только взглядом, я бы уже задышалась от наслаждения. Правда, сейчас все мое тело разом превратилось в огненный сгусток, и кажется, что мир сократился до точек, по которым движется его взгляд.

С губ на ключицы, с ключиц — на грудь, на мгновенно заострившиеся соски.

На живот, во впадинку пупка и ниже. По мне будто течет огненная река, раскрывая во мне нечто дикое, невыносимое, жаркое.

Несколько мгновений — и мы цепляемся друг за друга взглядами, будто крючками, после чего он разворачивает меня на живот, а его ладони ложатся на плечи.

— Валентайн... — хрипло выдыхаю я, но остановить это уже не могу. Потому что если взгляд — это огненная река, то его прикосновения — нечто запредельное. То, от чего вся кожа вмиг становится единым чувствительным полотном, на котором можно написать любую бесстыдную картину.

Все эти мысли сжимаются во мне, когда его ладони сжимаются на моих плечах. Расслабляются — и чувственные картины вспыхивают сверхновой. Мне, кажется, достаточно было бы, чтобы он просто на меня смотрел, но сейчас... Еще никогда его ладони не были такими горячими.

Он что, в самом деле где-то в подпространстве зачерпнул лавы?

От огненных прикосновений мышцы и кожа горят, и неожиданно становятся безумно мягкими и податливыми. Движения действительно массажные, круговые — Сониная мама любила массаж, она нас просвещала на эту тему и даже как-то подарила нам на восьмое марта поход в тайский салон. Мысль приходит и уходит, растворяясь, как нечто несущественное в возрастающей с каждой секундой неге.

— Мне нужна форма, — сообщаю я. — Куда ты дел мою форму?

— Я сказал: расслабься, Лена, — его голос словно поглощает остатки мыслей.

Он меня что, гипнотизирует? Или это какие-то очередные штучки-дрючки вроде тайн темной магии?

Не удивлюсь, если честно. Вот вообще ни разу не удивлюсь.

Мысль превращается в поток и уходит, когда его ладони спускаются на поясницу, а после — еще ниже. Разминая, кажется, каждую клеточку тела, которое вместе с мыслями превращается в поток, и я уже смутно отдаю себе отчет, где он, а где я. Потому что его прикосновения втекают в мое тело, и я прохожу сквозь них, как горная река гладит камни, а камни врываются в реку.

Он настолько близко, настолько рядом, что это сложно осознать даже чувствами. Между нами сантиметры? Миллиметры? Нет ничего.

Валентайн точно был одет, когда все это начиналось, но сейчас — вряд ли. Или мне просто кажется? Потому что я чувствую жар его тела, его близость, как никогда раньше. Странно было бы, если бы не чувствовала — его ладони сжимают мои ягодицы. Почти невинно. Почти... вот в этом почти и кроется та самая разница, между массажем и откровенными прикосновениями. Эта тонюсенькая грань, когда желание в каждом движении пальцев и в каждом вздохе.

И я почти разочарованно выдыхаю, когда он проходится сильными, почти болезненными, но такими приятными движениями по моим ногам. Спускается к ступням, а после снова переворачивает меня на спину.

Его взгляд как удар молнии. Черной.

В глубине его глаз не осталось зрачков, только бесконечная черная ночь, сила, мощь и ярость темной магии, ее суть, ее истинная природа, ее бесконечный холод и забвение. Удивительно, как остро я ощущала этот холод раньше, как нечто чужое, опасное, страшное, и насколько сейчас оно чувствуется... родным. Мне не хочется отшатнуться, не хочется сбегать на край света, мне хочется жить и чувствовать сейчас, как никогда.

И я позволяю себе это, когда закусываю губу, закрываю глаза, позволяя его рукам скользить теперь уже по моей груди. Реальность, сон или транс? Это что-то на грани, потому что прикосновения Валентайна — каждое, отдается внутри меня сначала ударом тока. Потом вздохом. И только потом — ответным ударом сердца и осознанием, как это прикосновение впитывается в меня запретным чувственным наслаждением.

Не знаю, что он испытывает сейчас, но, если бы он не чувствовал того, что чувствую я, это бы не было так.

Бесстыдно.

Невыносимо хорошо.

Сладко.

«Тебе нужен массаж, Лена».

Хорошо. Пусть это будет массаж.

С закрытыми глазами ощущения острее, любые — даже мягкие обволакивающие движения ладоней вокруг груди. Перекатывания чувствительных вершинок между пальцами. Несильные надавливания на живот.

Я ловлю их, одно за другим, ловлю и падаю в них, как в пропасть. Валентайн не касается меня между ног, но это и не нужно. Сладкая нега, затягивающая меня, не похожа на вспышку оргазма. Это что-то совершенно иное, в это иное я соскальзываю с каждым мгновением все глубже, глубже и глубже.

Согревшаяся. Расслабленная. Спокойная. Счастливая. Умиротворенная.

Никогда бы не подумала, что эти слова применимы к Валентайну Альгору...

И это последняя на сегодня осознанная мысль, потому что потом, под его руками, я проваливаюсь в сон.

Глава 15

Глава 15

Не знаю, что бы я делала, если бы, проснувшись, обнаружила рядом с собой Валентайна. Но, к счастью, когда я проснулась, Валентайна рядом со мной уже не было. Было утро, меня разбудила Эвиль, и я поняла, что уже давно так потрясающе не высыпалась. Как будто всю усталость стряхнула разом, взамен получив бодрость, счастье и потрясающее настроение.

Давно у меня такого не было, этого забытого ощущения из прошлой жизни — когда открываешь глаза, улыбаешься новому дню и знаешь, что сегодня он обязательно будет чудесным. Как дома, в детстве, на выходных, когда можно подольше поваляться, никуда не надо спешить. Когда можно гулять весь день (особенно летом), и впереди только счастье-счастье-счастье.

Я поймала это ощущение настолько отчетливо, что почти напугалась. Напугалась — потому что вчерашнее до вчера не вписывалось в картину моего мира. Потому что с чего бы мне быть счастливой? На этой мысли я себя тоже остановила и поинтересовалась — а с чего быть несчастной? Мне вчера было хорошо. Мне было настолько хорошо, что я забыла обо всем и обо всех впервые за долгое время.

Так и с чего теперь заморачиваться?

Мне до смерти надоело быть хорошей девочкой, а еще заморачиваться. В конце концов, захотелось Валентайну сделать мне массаж — он сделал. Захотелось мне массаж от него — я кайфанула и пошла дальше.

Правда, как выяснилось, не совсем пошла, потому что у меня на браслете обнаружилось непривычное сообщение: «Доброе утро, Лена».

От Валентайна.

И вот это было уже совсем странно.

Хорошо, что мы отменили занятия, и у меня была передышка до выходных. Как выяснилось чуть позже, не совсем даже до выходных,

потому что, когда я в конце недели прибыла в особняк, узнала, что Валентайн уехал по делам в гарнизон на границе с Темными землями, и вернется ближе к вечеру завтра.

Передышка продлилась, и я не представляла, радоваться этому или огорчаться. А еще не представляла, каким образом стряхнуть с себя ищейку-Люциана и начать снова встречаться с Максом, а не только урывками-сообщениями через тайную виритту. Ему пока не удалось найти ничего интересного, а общаться становилось все сложнее и сложнее. Потому что в его браслет Хитар вплел еще и следящее заклинание, как будто подозревал что-то.

Мне не хотелось думать, что Люциан все же отправил ему анонимку, но думалось именно об этом. Еще — о том, что теперь Макс рискованно стало даже доставать мой подарок с другой вириттой, потому что если Хитар узнает, мало точно никому не покажется.

Обо всем этом я размышляла, устроившись за своим любимым столиком у окна, в чайной, то есть ранховой, тэрны Хлит. Дожидаясь, пока хозяйка, с которой, когда было мало посетителей, мы уже болтали как старые знакомые, приготовит мне ранх — сливочно-молочный на травах, я вертела в разные стороны тарелочку с сезонной выпечкой. То есть с теми ягодами, которые надкусывал Люциан, когда созерцал меня, и внутри невольно поднималась не то ярость, не то дикие, яростные мурашки.

Если бы они и впрямь могли быть войском, я бы их натравила на этого недодракона, и они бы его покусали! А еще, при всех моих «нежных» чувствах к нему, по телу шел жар, стоило мне об этом вспомнить. Как будто части меня это нравилось!

Бр-р-р-р!!!

Зажмурившись, я сунула в рот как всегда невероятно вкусную слойку, и перед глазами полыхнула картина склонившегося надо мной Люциана. А еще, почему-то, продолжение — как он наклоняется ниже, целует меня в губы, и у этого поцелуя вкус этих самых ягод.

— Ленор?! Привет!

Я широко распахнула глаза, увидев стоявшую передо мной Драконову, и судорожно вдохнула. Зря. Что-то из «воспоминательной» выпечки пошло не туда, как говорила тетя Оля, потом до кучи не туда

пошел образ целующего меня Люциана, и я натурально так подавилась.

Настолько, что вдох встал в горле комом, а я вцепилась побелевшими пальцами в столик и даже кашлянуть не могла. Да-а-а-а, Лена! Пережить переход в другой мир, удар темной магии, Лэйтора, дофига всего еще, подавиться булочкой и сдохнуть. Это точно по-нашему, выкуси, Адергайн Ниихтарн!

До того, как я эпично завалилась на спинку, София подскочила ко мне, резким рывком вздернула на ноги и приемом, который часто показывали в голливудских фильмах, и которому обучали на курсах первой медицинской помощи, выпихнула из меня то, что меня душило. Настолько отточено и профессионально, что впору было подозревать ее в нехорошем. В смысле, в причастности к моему миру.

Пока я кашляла, на меня подозрительно косились посетители ранховой, а тэрна Хлит принесла поднос с чайником и чашкой.

— Все хорошо, девочка? — поинтересовалась участливо.

— Все хорошо, — вытирая слезящиеся глаза салфеткой, произнесла я.

Хозяйка поспешила к стоявшим у витрины покупателям, а я перевела взгляд на Софию.

— Где ты вообще такому научилась?

— Какому — такому? — поинтересовалась София.

— Ну... вот этому вот спасению жизней.

— А, это наш домашний лекарь показывал. Семейный в смысле.
— Она пожала плечами. — И пожалуйста.

Тут только я поняла, что так ее и не поблагодарила за все, что она сделала. В смысле, за то, что не позволила моей жизни прерваться так позорно и вопреки всем планам Адергайна Ниихтарна.

— Спасибо, — искренне произнесла я. — Хочешь ранха? И булочек. Я угощаю.

София моргнула, как будто не ожидала, а потом, закусив губу, кивнула.

— Кто же в здравом уме отказывается от булочек?

— У того, кто отказывается от булочек, речи про здравый ум не идет, — фыркнула я. — Тогда выбирай, тэрна Хлит все принесет. А я пока попрошу дополнительную чашку.

Пить чай не в одиночестве для меня будет очень непривычно, это я поняла сразу. Во-первых, я привыкла к тому, что все либо от меня шарахаются, либо я не доверяю, а во-вторых, сидеть вот так, за маленьким столиком в уютной кафешке (ну ладно, ладно, ранховой) — это очень похоже на то, как было у нас с Соней. Судя по виду Драконовой, она тоже чувствовала себя не в своей тарелке, потому что долго молчала и делала вид, что ее интересуют чайники, то есть ранхинки, кружащиеся в чашке. Перед тем как спросить:

— Ты часто здесь бываешь?

— Да. Это мое любимое место.

— Мне тоже нравится. Правда, у меня часто не получается.

— Почему?

— Ну... это заведение как бы не совсем соответствует ценностям моей семьи. А после случившегося зимой отец редко выпускает меня из виду. Сегодня вот я пораньше закончила в Академии и попросилась с мамой по магазинам, а потом отпросилась у мамы погулять до того, как она закончит свой ш... шедевральный поход по всем прекрасным местам с прекрасной одеждой. Зная маму, до вечера я свободна, поэтому так. — София улыбнулась и отпила чай, а я подумала, какой же это все-таки триндец — когда папаша так наседает. С другой стороны, не поставь я сразу Хитара на место, тоже по струночке ходила бы и по стенке. И тряслась, чтобы не схлопотать наказание. Вот только София Драконова почему-то не вязалась у меня с девушкой, которая всего боится.

— Почему бы тебе не послать его подальше и не жить одной? — поинтересовалась я. — Хотя это не мое дело, понимаю.

— Я... — Она закусила губу и отхлебнула чай. То есть ранх. — Я думала об этом. Как раз закончу первый курс, и хочу начать жить одна.

— Да? Круто. Я тоже хочу.

— А разве ты не... — ее взгляд невольно коснулся кольца у меня на пальце.

К счастью, тэрна Хлит принесла выбранный Софией рогалик. Пока она ставила тарелочку на стол, мне все равно не удалось придумать ничего толкового на тему «разве я не».

— С этим все сложно, — сказала я.

У нас с Валентайном фиктивная помолвка, фиктивное совместное проживание и фиктивные отношения. Массаж вчера, правда, был

настоящим. То, что не случилось в праздничную ночь — тоже. Потом появилась голая Эстре и все испортила. Хотя ладно, не Эстре все испортила, а Валентайн, который позволил голой Эстре все испортить.

— Понимаю, — София вгрызлась в рогалик, подозреваю, чтобы не продолжать неудобный разговор, а я... я сама не понимала, что чувствую. Ни по поводу Валентайна, ни по поводу того, что сижу с этой девушкой за одним столиком и так свободно обо всем говорю. Хотя свободно — это относительное понятие. С одной стороны мне было жутко стремно, а с другой — удивительно легко. Невероятное странное чувство, какое-то дикое — довериться Софии Драконовой и все ей рассказать. Прямо впору подозревать тэрну Хлит в том, что она в лучших традициях Амстердама добавляет что-то в свои чудесные рогалики и не менее чудесные булочки и пирожные.

Сначала мне Люциан глючился, теперь вот — доверие Софии Драконовой.

— Еще я хотела попросить прощения, — сказала я. — За то, что тогда отреагировала так тогда, в парке. Когда ты хотела помочь и предупредить.

— Аф? — переспросила София, проглотила кусочек и добавила, почему-то покраснев. — Да ничего. Все в порядке. После того, что с тобой происходит, я бы тоже никому не доверяла. Особенно мне.

Последнее она произнесла со смешком.

— Наверное. Но я правда очень тебе благодарна.

— Я тоже. — Она снова закусила губу. — И мне очень приятно, что ты пригласила меня к тебе присоединиться.

Я улыбнулась.

— Как тебе ранх?

— Удивительно вкусный. Рогалик тоже. Хорошо, что я не могу часто здесь бывать, иначе уже стала бы шариком.

Я не выдержала и расхохоталась.

— По-моему, тебе это не грозит.

— Мне да. А у тебя какое оправдание?

— Ну что я могу сказать? Темная магия.

Теперь уже расхохоталась София. Причем так, что поперхнулась ранхом, и мне пришлось хлопать ее по спине, чтобы она прокашлялась.

— Так, теперь мы по два раза друг друга спасли, и в полном расчете, — подвела итог я, возвращаясь на свое место.

— Да уж, — София посмотрела на меня в упор. — А что ты собираешься делать после того, как перекусишь?

В принципе никаких особых планов у меня не было, поэтому и выдумывать я не стала.

— Да ничего особенного. Собиралась заглянуть еще кое-куда, и домой. Погулять в общем.

— Можем погулять вместе, — предложила София.

И я вдруг с удивлением осознала, что не хочу отказываться.

— Да. Классная идея.

Мы допивали ранх, болтали о предстоящих экзаменах и о закидонах магистров в точности так же, как могли бы болтать о таком с Соней в моем мире, но меня почему-то это совсем не смущало. Больше того, вообще не хотелось сегодня грустить, переживать, заморачиваться, это было странное и совершенно позабытое чувство, какое раньше действительно возникало только рядом с лучшей подругой. Может быть, у меня закончился адаптационный период, а может быть, я наконец-то окончательно осознала: к той, другой жизни возврата не будет никогда. Может быть, я просто поняла, что в этой тоже достойна счастья, радости, удовольствия, и решила наслаждаться этим чудесным днем рядом с Драконовой.

Как бы там ни было, из ранховой мы обе вывалились счастливые, хохочущие и довольные. Едва успели пройти несколько улочек по направлению к Алой площади и выйти на широкую, лесенкой убегающую вверх между домами, как я увидела выходящего из цветочного магазина Валентайна. С букетом в одной руке и подарочной коробкой в другой.

Вот только этого мне сейчас и не хватало!

Отъехавшего в гарнизон Валентайна, который на самом деле бегают с цветами и подарками по Хэвенсграду. Настроение, которое умудрилось достигнуть предельной отметки за последнее время, стремительно начало опускаться вниз, как заряд старенького смартфона с покалеченным аккумулятором.

Нет, ну что за мужчина, а?

Вот уж кто, как мне казалось, вообще не должен лгать — так это он. Ему же... тьфу на него!

Я остановилась:

— Давай пойдем куда-нибудь еще.

София приподняла брови, а после на удивление догадливо кивнула:

— Это из-за него?

Вот же глазастая!

— Да. Не особо хочу с ним встречаться.

— Не хочешь или хочешь это разведеть?

Я чуть было не выдала, что это не ее дело, но потом вспомнила, что у нас с ней сегодня было много неловких вопросов. Ну несколько так точно, поэтому что толку рычать на нее, когда хочется нарычать на Валентайна. Если уж быть до конца откровенной, нарычать на себя. За то, что повелась в очередной раз на этот массаж и на «Доброе утро, Лена». А еще на то, что он уехал в гарнизон.

Хотя кто его знает, может, он квартиру Эстре называет гарнизон, и у них там ролевые игры по защите границ от темной магии. Меня даже перекосило, когда я представила, как все это будет происходить, и в этот момент София крепко схватила меня за руку.

— Пойдем! — и потащила за собой.

Я даже опомниться не успела, как она все это провернула: так лихо, что затормозить я попыталась спустя несколько метров, глядя на маячащего впереди с цветами и подарком Валентайна.

— Что?! Стой! Куда ты меня тащишь?

— Как — куда? За ним. Увидишь все своими глазами, все ему выскажешь. А то любят они изобразить, что ни при делах.

Я хотела было возразить, что мне без разницы, и что его дела меня совершенно точно не интересуют, а потом поняла, что Драконова права. Надо в этом поставить точку для себя раз и навсегда. В массажах, его походах с цветами и подарками, и прочим. Увидеть все своими глазами, потом посмотреть в его, и сказать, что я съезжаю. И пусть сам доделывает свои негостеприимные хоромы, в которых, по большому счету, нужна только спальня — для игр в темный гарнизон с Эстре и жральня — чтобы его темное высочество аппетита другого рода удовлетворял!

Разозлившись, я сама ускорила шаг, и Софии уже не приходилось тащить меня на буксире. Скорее, это я тащила ее, я осознала это, уже когда мы следом за Валентайном повернули на широкую улицу,

поднявшись (и даже не запыхавшись) по ступенькам между домами. Правда, на той улице он замедлил шаг, и нам тоже пришлось замедлиться, а потом София и вовсе начала тормозить.

Буквально.

Я просто почувствовала, как меня тянет назад.

— Стой! — зашипела она. — Стой, Ларо. Стой, ну пожалуйста!

Я поняла, в чем дело, только когда проследила ее взгляд. Он был прикован к стоявшей у ворот старинного особняка девушке. Женевьев. Будущей королеве, невесте Сезара, и... ой, блин! У Драконовой что, правда есть что-то с Сезаром? Если бы не было, она бы на нее так не смотрела.

Все эти мысли пролетели у меня в голове со свистом ветра, следом вдогонку полетело осознание: так это же тот самый приют, детский приют, который основала Женевьев. Это место я видела на картинке в дарранийском аналоге соцсети. Этот особняк Женевьев выбирала лично, он являлся историческим памятником и требовал основательной реконструкции. Все это она сделала на свои личные средства, и...

Я перевела взгляд на резко помрачневшую Софию, потом вспомнила, как мы вообще здесь оказались. Валентайн Альгор разбил мою картину мира вдребезги уже в следующее мгновение, потому что остановился рядом с воротами приюта и поздоровался с Женевьев. Спустя буквально какие-то секунды, из-за ажурных ворот выскользнула маленькая девочка, и он присел рядом с ней. А девочка с разбегу бросилась ему на шею.

Глава 16

Глава 16

Пока я пялилась на все происходящее, София развернулась и быстро-быстро зашагала назад, к улице, с которой мы пришли. Я догнала ее уже на ступеньках, где она споткнулась и чуть не упала, потому что сейчас почти бежала вниз. Не схвати я ее за локоть, София Драконова спикировала бы прямо на камни. Похоже, у нас карма такая — друг друга спасать после того, как чуть не угрохали на дуэли. Точнее, чуть не угрохала она Ленор, или Ленор чуть не угрохала ее, а я вот тут отдуваюсь.

При воспоминании о дуэли, а еще о стычке, которая ей предшествовала, мои чувства слегка поменяли вектор, поэтому слезы в глазах Драконовой я восприняла спокойнее, чем могла бы. Чем если бы, скажем передо мной была Соня.

Хватит, Лена! Хватит. София Драконова не Соня и никогда ей не станет. То, что ее зовут в точности так же — не повод вешать на нее обязанности лучшей подруги. Которой, к слову говоря, уже нет. При мысли об этом у меня у самой чуть не навернулись слезы, но я сдержалась. Тем более что у меня была проблема поважнее: как реагировать. И что ей сказать.

Забей?

Да, потрясающе. Очень дельный совет в том, что касается чувств.

Вообще промолчать, сделать вид, что ничего не было?

— Зря мы за ним пошли, — ну хоть так. Хоть что-то сказала.

— Почему... зря? — София судорожно вздохнула, видимо, проглотив вставший в горле ком. — Теперь ты знаешь, что он просто навещает девочку в приюте.

— И совершенно ничего не знаю о том, кто она такая.

Да я вообще ничего о нем не знаю! Валентайн Альгор, навещающий в приюте сироту, для меня оказался просто ударом под дых. Не знаю, как это вообще вязалось с его образом, но эта искренняя детская радость, улыбка на ее лице — такое не подделаешь. Она была

счастлива, что он пришел. А он... внезапно меня как молнией ударило. Неужели тот подарок на праздник, зимой, был для нее?

— Знаешь, я лучше пойду, — София кивнула в сторону, откуда мы пришли. Туда, где находилась ранховая. — Не хочу портить тебе настроение своим кислым видом.

— Мне сложно испортить настроение, — сказала я, все еще слегка ошарашенная своей очередной догадкой. — Да и вообще я впервые за долгое время отдыхаю, как обычная девушка, а не как дочь заговорщиков и носительница темной магии. С тобой очень уютно, София.

Сама не знаю, зачем я это сказала. Но все же сказала, и лицо Драконовой неожиданно озарилось улыбкой.

— Спасибо, Ленор. Мне просто нужно побыть одной.

— Понимаю.

— Но мы можем встретиться у тэрны Хлит на следующих выходных. Если хочешь.

Честно говоря, предложение вышло несколько неожиданным, и еще более неожиданным вышло то, что я без малейших колебаний ответила:

— С удовольствием.

— Тогда договорились. Давай в то же время. Как сегодня.

Я кивнула, и София быстро пошла по улице, а я развернулась и поднялась обратно. Туда, откуда мы так быстро исчезли. Ни Валентайна, ни Женевьев, ни девочки у ворот уже не было — подозреваю, они зашли внутрь, и я остановилась чуть поодаль, разглядывая здание. Трехэтажное, с эркерными окнами, горельефами и барельефами, мятно-салатового цвета, с красивым парком и выстриженной просторной лужайкой, на которой установили красивые беседки. Сейчас, когда все цвело, это не выглядело как школа, и уж тем более как школа-приют, но я больше чем уверена, что стараниями Женевьев здесь во все времена года красиво.

А как внутри, интересно?

Посмотрев немного на школу, я двинулась дальше. Никакой особой цели у меня сегодня не было, встреча с садовником и доделывающими особняк Валентайна была назначена на вторую половину дня, поэтому я погуляла и по Алой площади, и по набережной реки, по которой, если долго идти пешком, можно было

выйти к особняку Альгора. Что, собственно, я и сделала. Притащилась домой уставшая, с гудящими ногами (благо, мозоли мне здесь не грозили), переделала все запланированные дела, попрактиковалась в магии, почитала теорию по нескольким предметам, а ближе к вечеру, когда вернулся Валентайн, я сидела у себя на постели в позе лотоса и медитировала на наш разговор.

В смысле, пыталась представить, каким он будет. Между нами никогда не было настоящей откровенности, только мое палево про попадание в этот мир, а еще всякие зажимашки. Массаж вот. Не совсем то, чего мне хотелось бы от отношений, но, насколько я поняла, отношения мне никто и не предлагал. Только фиктивные.

Я слышала, как хлопнула дверь в его кабинет, как она потом снова открылась.

Пожалуй, «Доброе утро, Лена» и «Я больше никуда тебя не отпускаю», — это верх его откровений. А мне, пожалуй, и правда лучше съехать. Если я не хочу однажды оказаться как София Драконова при виде Женевьев с глазами на мокром месте. Только в моем случае при виде ректора Эстре или еще кого-нибудь.

В момент моих эпичных размышлений на этот счет раздался стук в дверь.

Надо же! Галантность какая. Как будто мой отказ мог его остановить. Как будто его вообще могло что-то остановить.

— Не заперто, — сказала я, выпутываясь из скрещенных ног и усаживаясь нормально.

Как раз в тот момент, когда зашел Валентайн.

Приблизился. Протянул мне руку.

— Поужинаешь со мной, Лена?

«Зачем?» — захотелось спросить мне, а потом я поняла, что это отличная возможность поговорить обо всем. Сказать, что я съезжаю. Правда, пока не знаю, куда, но найду, куда. Мне хватит собственных ресурсов на небольшую квартирку, а еще я могу оставаться в Академии, по крайней мере, до того, как не сдам экзамены. Ну а что? Буду сидеть в своей комнате, когда туда будет приходить Драконова.

При воспоминании о Драконовой я улыбнулась. Давно у меня не было такого теплого общения и такого теплого дня. Поразительно, как с таким отцом получилась такая девушка. Хотя, если верить тому, что я о ней знаю, да даже их истории с Ленор, девушка вполне

соответствовала отцу. А изменилось все когда? После той ночи, когда ее подставили лучшие подружки?

— Поужинаю, — согласилась я, смахнув мысли о переменах в Драконовой «на потом». — Только мне надо переодеться.

— Ты и так потрясающе выглядишь.

Правда, что ли? Я скептически осмотрела домашний костюм, в стиле пижамы. Из тех, что были на пике моды, когда я провалилась сюда, в таких даже по улицам ходили. Нет, надо признаться, что те, в которых ходили по улицам, пижамы напоминали чуть меньше, но тот, в котором сидела я — чуть больше. Если не сказать прямо: это — пижама! Да, вот так, с интонациями Маяковского.

Но на самом деле мне было без разницы, хочет Валентайн лицезреть меня в пижаме — пожалуйста, я-то себе в любом виде нравлюсь. Поэтому я вложила пальцы в его ладонь и не успела даже вздохнуть, как он меня подхватил. Вспышка портала — и спустя мгновение мы стоим на крыше особняка.

Набережная, фары маджикаров, лента реки в россыпи огней. Можно было бы на это любоваться долго, если не замечать накрытый на двоих столик. На крыше. Белоснежная скатерть, красивущая сервировка, многоярусная тележка с блюдами, и... никого. Ах, да. Еще я забыла упомянуть свечи, сейчас они красиво бликовали на бокалах, и цветы. Здесь было целое море цветов.

Я бы сказала, я никогда столько не видела.

От аромата, ночной летне-весенней свежести, от близости воды и ощущения того, что все это неправильно, закружилась голова.

— Что это? — спросила я.

Валентайн приподнял брови:

— А на что это похоже?

— Это ты мне скажи. Потому что в случае с тобой все, что на что-то похоже, либо не работает, либо переворачивается с ног на голову. Кстати, о головах — я понятия не имею о том, что в твоей. Ты хоть сам понимаешь, что ты делаешь, и зачем?

Можно было трещать еще минут десять, но я и так понимала: это романтический ужин. Такой, какого мне никогда и никто не устраивал. Ладно, будем честны, мне вообще романтических ужинов не устраивали, но я была достаточно подкована, чтобы оценить масштабы.

— Я учусь быть рядом с тобой, Лена. Я учусь понимать тебя.

— Понимать *меня*?!

Теперь уже по ощущениям мои брови приподняли мою весьма заурядную, под стать пижаме, прическу — распущенные волосы, которые топорщились во все стороны, как после неудачного эксперимента с магией в самом начале моего с ней знакомства. Просто незадолго до прихода Валентайна я расчесалась вниз головой, и теперь напоминала не то стог сена, не то пушистую горку.

— Да что меня понимать-то? — Я прикрыла глаза даже, чтобы сосредоточиться. — Я же все говорю прямо. У меня все чувства, все эмоции как на ладони. Я обо всем говорю сразу!

— Обо всем?

— Почти обо всем. Ты... — Я обвела руками все это великолепиие.
— Это все прекрасно, Валентайн, но зачем это? Для чего? Чтобы потом в очередной раз исчезнуть, не разговаривать со мной, а спустя несколько месяцев просто прийти и сделать мне массаж?

— Тебе не понравился массаж?

Нет, он просто невыносим.

— Понравился! — рыкнула я. — Но я не вижу за этим ничего больше. И за этим — прости — тоже ничего не вижу. Я хочу уехать, Валентайн.

Садиться с ним ужинать в столовой и за ужином рассказать о переезде — одно, а садиться за такой стол, в окружении моря цветов — совсем другое. Поэтому лучше уж совсем не садиться.

— Я буду жить в Академии до того, как сдам все экзамены. Потом что-нибудь найду. Я очень тебе благодарна за то, что ты сделал. За то, что ты делаешь. За то, что неоднократно меня спасал, но вот это вот — вся вот эта история с черной страстью, твоими перепадами настроения и бесконечным подвешенным состоянием — не для меня. Я не хочу так, я так не могу. У меня так не получается. Может быть, получается у Эстре... — Я закусил губу, потом продолжила: — Ты даже не сказал мне, что ходил в приют. К девочке. Что подарки ты даришь ей. О чем вообще можно говорить?

Я развернулась, чтобы уйти, но Валентайн перехватил меня за руку. Развернул лицом к себе.

— Как я уже сказал, я учусь быть рядом с тобой, Лена. Я учусь быть с тобой. Я дважды поменял плоскость этого мира: первый раз —

когда оказался в Даррании, второй раз — когда появилась ты. Твой мир не похож ни на Дарранию, ни на Мертвые земли. Ты другая. Ты видишь жизнь по-другому. Ты все воспринимаешь по-другому.

— Да как еще можно это воспринимать?! — Я тряхнула руками, пытаюсь сбросить его. — Я о тебе все узнаю случайно. Гуляя с подругой...

Я снова закусила губу, потому что нам с Драконовой вроде как не полагалось видеться, но Валентайн улыбнулся:

— Я заметил тебя и Софию. Тоже, мягко говоря, удивился.

Удивился он! Еще и заметил!

Я выдохнула все это и пожала плечами.

— Это не отменяет того, что...

— Ты сказала, что понятия не имеешь, что в моей голове.

— И?

— Я тебе покажу.

Я моргнула, а открыла глаза уже совсем в другом месте. В ночной, залитой лишь светом трех лун долине. Сверкающий водопад разбивался о темную гладь, подсвеченную указателями лунных дорожек и серебряной бахромой отблесков. Шумела, лениво покачиваясь река, недовольно перекатываясь легкими волнами между высоченными камнями, а ближе к берегу, по пояс в воде, стоял Валентайн.

Я даже замерла: настолько яркой и живой, настолько настоящей была эта картина, хотя меня в ней было быть не должно. Валентайн, стоявший в воде, был моложе — это было видно и по телосложению, и по лицу. Не было в нем еще настолько привычной жесткости, холода и безразличия, высокомерной надменности и отстраненности, в одно мгновение способных провести границу между ним и собеседником.

Лунные блики путались в его волосах серебром, а подсвеченная вода синевой отражалась в темных глазах, придавая им цвет ночного неба, густой и насыщенный. Наверное, я слишком залипла на его обнаженный торс, даже в те годы весьма рельефный, и на разворот плеч. В общем, увлеклась, поэтому не заметила просвистевшего мимо камня. Первого, за ним второго, третьего.

К счастью, они не попали в него, их с бульканьем поглотила вода, а я развернулась. Десятки, может быть, сотня адептов — я опознала их

по форме, стояли на берегу, вперед выступил один темноволосый парень.

— Убирайся к своим, темная тварь! — прорычал он. — Таким, как ты, не место в Даррании. Не место, и никогда не будет!

Он махнул рукой — и в Валентайна полетели уже новые камни и комья грязи. Только в отличие от первого раза они вполне способны были достигнуть цели, если бы не...

Валентайн даже не пошевелился, но пейзаж мигом утратил краски. Утонул в вязком мареве ледяной тишины, грязь с шипением растворилась на подлете, камни, словно состарившись вмиг, посыпались вниз, разваливаясь на части. Такого поворота явно никто не ожидал, адепты вмиг вооружились магией, но тщетно. Тьма плеснула из реки на берег, поползла к ним, с шипением растворила первое же боевое заклинание, зацепив ногу и форму стоявшего впереди. Он первым взвыл и бросился в раскрытый портал, за ним гроздьями посыпались остальные.

Спустя мгновение на берегу не осталось никого, кроме рыжеволосой девушки. Не без труда я узнала в ней ректора Эстре: слишком юной она была, а еще без агрессивного макияжа и без этого своего снисходительного-надменного выражения, когда дерьмом положено начинать себя чувствовать еще до того, как она откроет рот.

Темная магия потянулась к ней, но она не отступила. Упрямо сложила руки на груди:

— Я хотела тебя предупредить, — негромко произнесла она, глядя на Валентайна. — Но ты не стал со мной разговаривать.

— Мне не о чем с тобой разговаривать. Убирайся. — Его голос напоминал звучание Смерти, холодный и безжизненный, если бы Смерть могла говорить, разумеется.

— Ты хочешь стать одним из нас. Но ведешь себя, как один из них.

— Не твое дело.

— Может быть. Но ты никогда не вольешься в мир светлых, пока будешь противопоставлять себя всем.

— Мне не нужна ваша милостыня и подачки! — Темная магия взметнулась вверх, осыпав крошку песка и камней на Эстре. Она ощутило побледнела, застыв в каких-то миллиметрах от способной все

обратить в тлен темной грани. Побледнела, но не двинулась с места. Портал открыть тоже не попыталась.

— И что дальше, Валентайн? — спросила, глядя ему в глаза. Спокойным, неестественно-спокойным голосом.

Не представляю, сколько их дуэль продолжалась на самом деле, мне же показалось, что вечность. Или мгновение?

Валентайн отвернулся, и берег вмиг обрел краски, цвета и даже казавшийся сейчас невероятно живым лунный свет хотелось потрогать. Чтобы убедиться, что ты все еще жив.

Эстре стряхнула песок с форменного пиджака и шагнула вперед. Видеть ее такой было необычно, непривычно, и вообще. Рыжие тугие колечки волос, сверкающие глаза, упрямо сжатые губы.

— Я, кажется, сказал: уходи, — Валентайн повернулся снова. Брови сдвинуты, взгляд как ночная буря, того и гляди снова хлестнет тьмой. Наотмашь.

— А я не хочу. И я тебе не подчиняюсь. — Эстре зашла в воду прямо как была, в форме. Приблизилась, положила руки ему на плечи, но за миг до того, как она поцеловала бы его, меня вернули обратно в реальность. Мираж воспоминаний развеялся перед глазами, и я изумленно уставилась на стоявшего передо мной Валентайна. Разумеется, того, к которому я привыкла, а не того, кого видела только что.

— Амильена стала для меня своеобразным якорем, — произнес он. — Мостиком между двумя мирами. Да, Лена, мы были любовниками, но друзьями — гораздо больше. И, прежде чем ты выдашь с десяток ехидств по поводу укрепления нашей дружбы, сейчас между нами ничего нет. Не было и в ту ночь. Когда ты заглянула ко мне и увидела ее.

— Правда? — Я сложила руки на груди. — А что, прости, это тогда такое было, если не очередное укрепление вашей дружбы?

— Она ночевала у меня в комнате.

— Невероятно! Как трогательно!

— Потому что я хотел сделать тебе больно. Так же больно, как ты сделала мне. Хотел тебя оттолкнуть, потому что наши отношения ведут меня к краю.

— Хотел? У тебя получилось. Доволен?! Нет больше никаких отношений, которые подведут тебя к краю, а насчет сделать больно —

будем считать, что мы в расчете.

Я развернулась в поисках двери, через которую отсюда можно было выйти. Честно — лучше бы он сказал, что бурно трахал ее всю праздничную ночь во всех позах. Это я по крайней мере могла пережить, это, а не то, что он выдал. Все-о-о-о, с меня хватит!

Дверь обнаружилась чуть дальше, в небольшом таком флигеле, к которому я и устремилась. Или, почти шагнула, потому что Валентайн перехватил меня сзади и прижал к себе.

— Лена, — выдохнул он, скользнув дыханием и моим именем по коже, как лаской. — Лена. Лена-Лена-Лена... мы с тобой наделали столько ошибок. И я безумно хочу все исправить.

Глава 17

Глава 17

Исправить он хочет!

— Валентайн!

Мне было невыносимо спокойно в его руках. Мне так давно и ни с кем не было спокойно, но оставаться там дальше — значит, предавать себя. Ведь я, по сути, для него девочка, которую можно оттолкнуть. Которую можно приблизить. Которой можно сделать больно. Постфактум сказать, что ты хочешь все изменить — и что?

— А завтра ты опять захочешь сделать мне больно, — отрезала я. — Тот факт, что через несколько месяцев ты попытаешься все исправить, ничего не изменит. Эстре была права, Валентайн. Тебе проще отталкивать всех, чем открыться по-настоящему. Чем перешагнуть через свое прошлое, через свою силу, которой ты придаешь слишком большое значение. Темная магия, может быть, и сильна. Но она не сильнее того, на что способен любой из нас... во имя любви. Прости, но то, что ты мне предлагаешь — не про любовь.

Он разжал руки, и я отступила. Повернулась.

Не стоит убегать, это правда. Я же шла, чтобы расставить все точки над «i» здесь и сейчас. Во время ужина.

— Я перееду в Академию, — повторила я. — Пока, до конца учебного года. Сдам все экзамены, потом найду жилье. И потихоньку верну тебе все, что потратила. Пока могу отдать все, что сейчас есть. Чтобы...

— Считаешь, что я дал тебе магию, Лена, чтобы ты ее мне возвращала?

Он смотрел на меня, и мне невыносимо хотелось вернуться в его объятия. Просто чтобы закрыть глаза и забыть все, что было, но я сказала правду — пока Валентайн не решит, что темная магия — это всего лишь магия, пока он заиклен на планах отца, на черной страсти, на том, что я — попаданка, ничего у нас не получится.

— Не знаю, — я пожала плечами.

— Я знаю. Не для этого. Я никогда не дарил тебе ничего, чтобы потом забрать. Ты ничего мне не должна.

Почему-то от этих слов стало особенно горько. Наверное, гораздо проще расставаться, когда бойфренд истерит и требует вернуть даже трусы, которые подарил тебе для романтической ночи, которая не состоялась. С другой стороны, Валентайн никогда не был мне бойфрендом. Мы просто жили в одном доме, я носила его кольцо. Носила... ношу. Кстати, о кольце.

— В Академии я под защитой. С ректором Эстре я договорюсь, буду либо уходить на время прибытия неприкосновенных, либо что-то еще...

— Я поговорю с Эстре сам. Проблем с переездом у тебя не будет. Ладно. Хорошо. Он не против.

— Кольцо...

— Кольцо будет на тебе по меньшей мере до завершения слушания. Потом решим, что с этим делать.

— Хорошо.

Я собиралась уйти, но он кивнул.

— Ужина это не отменяет, я надеюсь.

— Зачем? — я все-таки это спросила.

— Я не могу тобой надыхаться, Лена, — он почему-то улыбнулся, — но я все же попробую.

Это точно было неправильно, но я все-таки позволила проводить себя к столу, отодвинуть для себя стул. Хотя в наших с ним отношениях все изначально было неправильно, так что теперь. Удивительно, но именно сегодня, на грани расставания, я поняла, что по ощущениям знаю его целую жизнь, хотя не знаю о нем почти ничего.

— Та девочка, — спросила я, когда Валентайн сел напротив меня. — Кто она?

— Элея. Мать бросила ее, когда ей было два с половиной, сбежала с каким-то моряком. Девочку подобрала банда, сначала ее использовали, чтобы собирать деньги — сажали рядом с грязной оборванной женщиной, женщине и ребенку всегда подают лучше. Потом, когда она чуть подросла, лет в пять, она уже промышляла самостоятельно. За хороший «улов» ее кормили и не били. Я оказался рядом, когда она попалась. Мужчина хотел сдать ее стражам, я дело

замял. Так Элея оказалась в приюте Женевьев, правда, после основательного разговора со мной. Она сама хотела сбежать от банды, но боялась, потому что тех, кто пытался уйти до нее, находили с перерезанным горлом. Там было много детей, в основном они использовали детей. Они и до нее попытались добраться.

Он замолчал.

Я не стала спрашивать, что случилось. По моим ощущениям, банды больше не существовало, и что-то мне подсказывало, что я не захочу знать, как они отправились по ту сторону. Странное дело, раньше я все воспринимала по-другому. Раньше я бы стала задавать вопросы, выяснять, наверняка ужаснулась бы ответу. Сейчас же я поняла, что Валентайн просто поступил так, как он поступил.

Сделал то, что сделал. Так, как посчитал нужным. С теми, кто использовал детей в своих гнусных целях случилось то, что случилось.

Валентайн предложил мне вино, но я отказалась. Попросила воды. В итоге теперь свечи раскаляли его напиток до насыщенно-бордового, а мою водичку просто слегка согревали отражением огоньков на фитилях.

— Она тебя очень ждет, — сказала я, когда принялась за салат.

Он усмехнулся.

— К сожалению, я не так часто позволяю себе бывать у нее. Не позволяю себе привязываться. Ей тоже не стоит.

Я вспомнила, как девчужка его обнимала, поморщилась. Но ничего не сказала.

— Женевьев обещала, что найдет ей родителей, — уверенно произнес Валентайн.

Я тоже не стала ничего комментировать.

Родители так родители. Не мое дело, что Элея видит своим отцом и спасителем Валентайна. По крайней мере, именно это я увидела в той короткой, но такой невыносимо-пронзительной встрече.

— Кстати, дом почти готов, — сказала я сама не знаю зачем. — Там совсем чуть-чуть осталось.

— Хорошо.

— Вещи я потихоньку перевезу. Чтобы не создавать драмы и не отвлекать Академию.

Валентайн как-то странно на меня посмотрел, и в это время пространство зашипело, как пончик в масле.

— Так, ну и чего сидим с постными рожами?! — материализовавшийся прямо на крыше Дракуленок облизнулся, почуввав мясо даже под укрытием металлической крышки. — Как вообще можно сидеть с такими лицами рядом с едой?

— Мне кажется, или тебя сюда не звали? — флегматично поинтересовался Валентайн.

Хотя под этой флегматичностью я отчетливо уловила раздражение и ярость.

— От вас дожدهшься. Лена, а, Леночка? Угости знакомого мяском. От этого не дожدهшься, — зверюга покосилась на Альгора и томно вздохнула. Учítывая, что говорил Дракуленок его голосом, выглядело это ну очень странно. Наверное, к этому я никогда не привыкну. Никог-да! Вот вообще.

Хотя с другой стороны, теперь, наверное, и привыкать не придется.

— Я же смогу приезжать, чтобы с ним встретиться?

— Приезжать? — Дракуленок сдвинул материально-призрачные брови. — Ты куда собралась-то, а? Только не говори... ой, маму вашу за ногу!

Валентайн вопросительно посмотрел на меня. Я слегка покраснела:

— Это ругательство из моего мира.

— Занимательно, — озвучил свои мысли Альгор.

— Очень. — Дракуленок подкрался поближе к тележке с подносами, посмотрел сначала на меня, потом на Валентайна. — Валюша...

— Валюша?!

Теперь я слегка сбледнула. Ну сказала пару раз, по русским мотивам в сердцах, с кем не бывает.

— Изыди, — зашипела на бессовестного зверя, но тот ни ухом ни повел, ни шипастым хвостом. Ни даже мощной спиной не дернул.

— Так вот, пока вы тут горюете друг по другу, можно я поем?

— Брысь!

Это уже Валентайн от меня нахватался. Одно движение его пальцев — и Дракуленок исчез. Вместе с мечтами о мясе.

— Зачем ты с ним так? — укоризненно спросила я.

— Ему можно вторгаться в мое личное пространство, а мне нельзя его отправить туда, где ему самое место?

Я вздохнула и вернулась к салату.

— Драконова поделилась планами отца на твой счет?

Я поперхнулась листиком.

— Да брось, Лена. С моей стороны ей быть раскрытой не угрожает. Я просто хочу понимать, что задумала эта девушка, и можно ли ей доверять.

Можно ли доверять Драконовой? Как-то раньше я над этим вопросом не задумывалась. Сейчас же...

— Можно, — сказала я.

— Ты уверена? — Валентайн испытующе посмотрел на меня.

Уверена ли я? Да, я уверена.

— Абсолютно. Если она и притворяется, то очень качественно. Но я бы поставила на то, что она не притворяется. Потому что я... — Я хотела сказать, что чувствую такое, но для Валентайна это явно будет не аргумент. — Потому что ей совершенно точно не нужно втираться ко мне в доверие и развлекаться таким образом. Ее подставили ее подружки, а не я. Все, что они могли, они уже сделали. Ее отец продолжает, но София его в этом не поддерживает.

— Мне бы твою веру в людей, Лена, — Валентайн усмехнулся.

— А ты попробуй. Вдруг тебе тоже понравится?

— Что именно?

— Доверять. Людям.

Судя по скептическому выражению лица Валентайна, доверять людям он не собирался, а мое предложение ему показалось по меньшей мере эксцентричным. Что ж, после увиденного мне сложно судить за такое.

— Расскажи мне еще про Эстре, — попросила я.

Валентайн, который в этот момент потянулся за мясом, так и не доставшимся Дракуленку (уверена, он мне еще это припомнит), замер.

— Вопрос без подвоха, — сказала я. — Мне правда интересно.

— Правда интересно?

— Правда. Прошное — это прошлое. Ну, если, разумеется, это не нарушает твое личное пространство, — последнее я произнесла с улыбкой.

Он молчал достаточно долго. Настолько долго, что я уже решила, что мне не светит ничего больше узнать об Эстре, тем не менее, когда передо мной очутилось блюдо с мясом и овощами, Валентайн все-таки заговорил:

— Амильена из очень древнего рода светлых. Одно время ее даже прочили в невесты Сезару Драгону. В смысле, предполагали, что ее отец договорится с Ферганом, но...

— Женевьев оказалась шустрее.

— Нет, — теперь уже улыбнулся Валентайн.

— Нет?

— Амильена отказалась.

— Отк... — я поперхнулась водичкой. — В смысле...

— Еще до того, как они начали договариваться. Отец ее любит безумно, поэтому он даже не стал рассматривать такой вариант.

— То есть вот так все легко? И просто? Она отказалась, отец сказал: «Пофиг, детка, пошлем наследного принца»?

— Случай не совсем обычный для Даррании, согласен, — Валентайн улыбнулся снова. — Но тем не менее он имел место быть. У Амильены с отцом особая связь, она его перворожденная. Но дело даже не в этом, он действительно всегда и во всем ее поддерживал, поддержал даже ее решение остаться преподавать в Академии.

— Вы на одном курсе учились?

— Нет. Она старше меня на три года. Единственное, пожалуй, в чем ее отец не поддержал... а точнее, поддержал не сразу — это наша дружба.

Он нахмурился, а я тут же сдала:

— Если не хочешь, не надо об этом говорить.

— Все в порядке, Лена. Этот период, скорее, не захотела бы обсуждать она. Он был достаточно для нее тяжелым, они чуть не поругались с отцом. С тем, кто был для нее дороже всех, с ее первым и единственным на тот момент авторитетом. Он согласился принять ее выбор, когда речь зашла о возможном предложении Фергана, а вот что касается меня...

— Я рада, что у тебя был такой классный друг, — серьезно сказала я.

Поймала искреннее удивление в глазах Валентайна и кивнула:

— Правда. Для меня такой была Соня.

Он нахмурился еще сильнее.

— Лена...

— Да, я знаю, что ее не вернуть, и бла-бла-бла, — я проглотила ком в горле. — Просто рассказываю. Она тоже готова была ради меня на все. Тоже всегда вступалась. Мы с ней...

Я мотнула головой.

— Ладно. Спасибо, что поделился.

— Ты тоже.

— Что? — я вскинула на него глаза.

— Ты тоже поделилась. Расскажешь о ней?

Сначала я хотела отказаться. Просто отказаться — и все, но учитывая, что он только что раскрыл передо мной душу... да и не в этом даже дело. Соня достойна того, чтобы о ней узнали, какая она была. Во всех мирах.

— Она была классная, — сказала я. — Мы познакомились детьми, я только что потеряла родителей, пришла в новую школу, где мне грозило стать затравленным нелюдимым зверьком, но она первая предложила дружить. А потом...

Я рассказала ему обо всем. Действительно обо всем. О нашем первом походе в зоопарк. Как мы вместе ходили в кино. Как сидели на берегу Финского залива, как она всегда выгораживала меня перед учителями и тетей Олей, перед директором, когда я врезала Земскову. О том, как мы впервые сбежали с уроков и вместе получили нагоняй от ее мамы. О том, как она помогала мне с биологией, а я ей — с математикой. О том, как мы вместе тренировались в английском и французском, выбирая какую-нибудь тему и болтая часами. Все-все-все, до той самой последней минуты, последнего дня, когда я согласилась поехать в тот лес. Лучше бы мы пошли в студию.

В студии тоже можно было сделать классное портфолио...

Или, если бы мы пошли в студию, вместе с нами ее бы снесло и разворотило все здание?

Я поняла, что не притронулась к еде с того самого момента, как начала говорить. А еще поняла, что в тарелку падают прозрачные кляксы.

Валентайн поднялся, протянул мне руку, и я ее приняла. Стоило мне тоже встать, он мягко привлек меня к себе, и так мы с ним и стояли. На крыше. А снизу, повторяя течение времени и жизни, несла

свои воды река, подсвеченная лентой огней набережной. Струился бесконечный людской поток, а удары сердца Валентайна гулко, словно перетекая в меня, били в мою ладонь.

Глава 18

Глава 18

Ближе к экзаменам домашки стало столько, что в первый же день после выходных я зашивалась. Вот где логика у этих дарранийцев? Надо было освободить как можно больше времени, чтобы мы готовились, но препода везде одинаковы. Каждый считает, что его предмет самый важный, важнее не бывает, а на подготовку к экзаменам отведено свободное время — вот и готовьтесь в свое удовольствие. В итоге вместо того, чтобы заниматься практической, расчетной и прочими магиями, я сидела и делала доклад об особенностях и отличиях ежеорога и ежекрыла.

Ежерог больше напоминал ежика, если бы его скрестили с единорогом. На его роге тоже были шипы. Ежекрыл напоминал ежика с крыльями, и, как можно было догадаться не глядя в учебники и на самих представителей вида, он еще и умел летать. Ежерог плевался галлюциногенами, в смысле, его слюна обладала такими свойствами, а ежекрыл отличился «морозным дыханием», то есть сунув палец ему в пасть, можно было вполне остаться без пальца. Когда я впервые оказалась на зоомагии, чуть не завопила:

— Так это ж ежики!

К счастью, не завопила, потому что ежики в этом мире тоже были. Но эволюционировали — очень быстро, одни иглы не спасали от местных магических обитателей. Так что в общем-то ежерог и ежекрыл произошли от одного вида, но сейчас, в современном мире уже разделялись на два. Слишком много у них стало отличий в результате дальнейшей эволюции.

Ежероги, например, были гермафродитами.

А ежекрылы впадали в спячку на лето.

Весело, что уж. Таких мелочей было воз и маленькая тележка, поэтому, когда я закончила, за окном уже смеркалось.

Эх, а ведь можно было бы еще по парку пройтись. И у Макса скоро день рождения... Восемнадцать зим, полная свобода от Хитара — и в моем случае, от Люциана. Или нет? Даже если Хитар отвалится,

то что делать с поступлением брата в Академию? Могут ли встречи со мной навредить ему на самом деле?

Что-то мне подсказывало, что могут. Учитывая воспоминание, которое мне показал Валентайн. Я у него, кстати, спросила — когда немного пришла в себя — как такое возможно. Он рассказал, что это одна из сторон усиления темной магии, возможность транслировать воспоминания. Дополнительно он рассказал, что после той ночи, когда у нас чуть не случилось все, что может случиться между взрослыми людьми, стремительно возрастает сила. Что рано или поздно это приведет к тому, что он станет чистокровным темным, и что будет дальше — непонятно.

Я ответила, что кем бы он ни был, он все равно останется собой. На этом мы практически и разошлись. В смысле, попрощались. Хотя мы потом попрощались еще раз, вечером следующего дня, и еще сегодня утром. Он обещал, что привезет мне все вещи, которые я попрошу, и что сообщит, когда можно будет их забрать. Список я написала, но Валентайн ничего не привез. И не сообщил. И вряд ли уже привезет сегодня.

Сама не знаю, чего я больше хотела, чтобы уже привез, или чтобы не привозил никогда.

Надо ж было так вляпаться! И ведь вроде все уже решила, но... Но сейчас почему-то, подперев ладонями подбородок, смотрела на невероятно теплые весенние сумерки, на залитое всеми оттенками сиреневого небо и думала о том, что он делает. Почему-то.

Зачем-то.

А еще думала о том, как мне связаться с Максом. Проще всего было бы попросить помощи у Валентайна. Проще всего... но и ни разу не проще, потому что во-первых, если я решила, что я самостоятельная, то теперь уже самостоятельная до конца. А во-вторых, именно сейчас, когда мы расстались, я вообще не понимала, что со мной происходит. Почему я три раза с ним прощалась, и почему сейчас продолжаю о нем думать.

Когда уже все.

Точка поставлена.

В парк я в итоге так и не выбралась, пошла в душ, а потом — спать. Хотя за день ощутимо устала, заснуть получилось не сразу. Я успела посчитать дракончиков, подумать о том, выплыву ли сегодня

(у Валентайна, кстати, я отлично высыпалась в последние дни), и покрутить в голове варианты сдачи экзаменов на тему «что может пойти не так». На этом я все-таки заснула, а проснулась от того, что по коже тянет сквозняком из окна.

Все тело затекло, будто меня основательно спрессовали, одна рука отказывалась шевелиться, а еще я замерзла, потому что...

Лежала на полу!

— Что за...

Я подскочила и треснулась головой о край чего-то деревянного. Хорошо что не металлического, тащиться к магистру Симрану в лазарет не было ни малейшего желания. Но все равно, что за...

Уже рассвело, а я выползала по полу в короткой пижамке.

Из-под мольберта!

Мольберта?!

Что за...

Обернувшись, я чуть не подавилась воздухом. Потому что на мольберте, в смысле, на холсте, натянутом на мольберт, обнаружился готовый портрет.

Люциана Драгона.

«Что за?!» — чуть было не завопила я уже во весь голос, рассматривая этот чудо-шедевр. Я уже привыкла к тому, что местная магия позволяет создавать почти живые картины, ну или даже не почти: все местные произведения искусства выглядят так, будто изображенные на них вот-вот сойдут в грешный мир, но это...

Во-первых, нарисовано было потрясающе. Так красиво, словно тот, кто это сделал, с детства учился на художника. Во-вторых, портрет был изображением Люциана в тот момент, когда он смотрел на меня. В смысле, когда я делала то, что делала — в его комнате, разве что фон был темным, сменив день на ночь, и в него вплетались огненно-золотые искры его магии. Темнота утяжеляла цвет его формы, делая ее практически черной, полыхал синим разве что дракончик, значок военного факультета. Зато сам Люциан казался практически золотым, а насмешка в его глазах была не такой уж насмешкой. Скорее, в ней было нечто глубоко порочное, желание, прикрытое пренебрежением.

Завершала образ вишенка на торте, в смысле, вишенка на Люциане. То есть ягода, которую он отправлял в рот. Кто бы это ни нарисовал, сценой он явно проникся. До глубины души. А еще...

Кто бы это ни нарисовал, он был в курсе.

Раньше, чем я впала в истерику, я опустила взгляд на свои пальцы. Перепачканные краской. Такая же краска обнаружилась и на пижамке, в которой я ложилась спать. Вообще эти пятна элементарно убирались магией, но... но...

— Я схожу с ума, — заявила я Люциану.

Мне показалось, или он усмехнулся?

После случившегося уже точно ни в чем нельзя быть уверенной. Хотя картины и были почти живыми, дышащими, наполненными магией, но эта вообще была какой-то особенной. Начать хотя бы с того, что я ее нарисовала... написала? Как такое возможно? Я, конечно, умею рисовать, и неплохо, но уж точно не магическими красками и не так.

— Я лунатик, — сделала вывод я. Посмотрела на Люциана и добавила: — Лунатик-фетишист. С замашками извращения.

Потому что кому еще может прийти в голову такое написать? Но главное — за одну ночь?! Я лунатик-фетишист, извращенка и гений.

Бр-р-р!

Краски стояли тут же, все необходимое — тоже. Пока я пялилась на Люциана, «проснулась» Эвиль и даже немного удивилась, что меня не стоит будить.

Эвиль!

— Эвиль, что тут произошло? — спросила я, ткнув в портрет.

Виритта недоуменно проследила направление моей руки.

— Не знаю. О чем ты, Ленор?

Чтоб я сама знала, о чем я.

— Ты же видела... в смысле, ты наверняка включалась, когда я это рисовала... писала. Да?

— Нет.

— Нет?

— Нет, всякий раз, как ты просыпалась ночью, ты меня отключала. До утра, до пробудки.

Всякий раз?!

— То есть это не первую ночь у меня?!

— Ты отключала меня всю прошлую неделю, Ленор, — словно сомневаясь в моем рассудке на пару со мной, укоризненно произнесла виритта.

Э-э-э...

— Но я буду не я, если не напомню, что тебе пора собираться на занятия. Сегодня...

— Я помню расписание, спасибо, — отмахнулась я и поплелась в душ, на ходу стягивая пижамку. Краску на пальцах и на руках растворила с помощью магии, а потом очень быстро вылетела из ванной и, стянув Драгона с мольберта, запихала поглубже под кровать. Краски решила оставить, равно как и кисти, и прочий инвентарь.

Сказать, что я была ошарашена — значит, ничего не сказать. Вот почему в этом мире так всегда: стоит моей жизни мало-мальски начать входить в нужную колею, как случается что-то еще?! Мало мне было темной магии, непоняток в личной жизни, подставы родителей, невозможности встречаться с Максом и большой проблемы в лице Люциана Драгона! Так теперь еще и это!

Вот скажите мне пожалуйста, как с таким справляться, а?

Уж чего-чего, а лунатизма за мной никогда не наблюдалось. С другой стороны, за мной много чего не наблюдалось, что наблюдается в теле Ленор!

Зато теперь хоть понятно, почему я не высыпалась! Потому что писала портрет Драгона!

На этом я так сильно стянула воротник блузки, что мне грозило задушиться. Накинула форменный пиджак, схватила сумку и вылетела за дверь: вся эта суета с портретом стоила мне драгоценных минут на выходе. У меня в расписании, в том числе и в заново настроенной побудке было все рассчитано на секунды, а сегодня я возилась, запихивая Драгона под кровать так, чтобы ничего не торчало.

К счастью, не самого Драгона, а его портрет.

На этой мысли я одной из последних влетела на завтрак, чтобы наткнуться на ехидное:

— О! Ларо!

Ко мне достаточно давно не обращались, поэтому я даже затормозила от неожиданности. А однокурсница, девица из бывшей свиты Драконовой, ухмыльнулась:

— Что, ты умудрилась даже Альгора достать настолько, что он выпер тебя из дома?

Так, а вот это интересные новости. Откуда она знает? Откуда они все знают? Сам тупой наезд меня не цепляет совершенно, а вот то, что

все в курсе... я понятия не имею, почему это так неприятно, и не особо хочу разбираться. Так почему тогда взгляд скользит по столовой, чтобы наткнуться на Ликарин Эстре. Сестрица ректора гаденько ухмыляется — лично для меня, и быстро отворачивается: мол, я тут ни при чем. Популярнее она особо не стала, но до сих пор таскается в свите Аникатии, видимо, драконесса за что-то ее терпит.

В этом я тоже разбираться не хочу, как и во всем том дерьме, что в головах у некоторых, поэтому просто молча двигаю девицу плечом и иду к раздаче. Ответить я могу, причем ответить так, что мало никому не покажется, но мне лень. Мне не хочется никому ничего доказывать. Никому ничего не хочется объяснять, что я — это я, а не ходячая угроза, не сгусток темной магии и не марионетка Адергайна Ниихтарна. Что бы он там себе ни вообразил, я никогда не буду играть по его правилам и его роли. Так что...

— Что, сказать нечего? — шипит девица мне вслед, но ее злоба отскакивает, как слабенькое заклинание от магического щита.

Нет ничего хуже игнора, причем не показного, а игнора по правде. Можно сделать гордый вид и пройти мимо, но, если тебя это цепляет, вряд ли ты это скроешь. Меня не цепляло. Поэтому, забрав свой поднос, я направилась к столику, из-за которого поспешно поднимался Ярл. На это мне тоже было уже все равно. Почти.

Ладно, вот здесь было не все равно, и я даже ускорила, чтобы ему кое-что сказать, но тут уже меня толкнули плечом. Проходящий мимо Драгон с компанией. Точнее, компания-то просто мимо прошла, толкнул Драгон.

— Ларо, у тебя глаза на заднице? — поинтересовался его дружок Дас.

По столовой полетели смешки.

Еще один дешевый наезд я бы тоже проигнорировала. Вот только совершенно не ожидала того, что Люциан процедит:

— Заткнись, — и смешки разом стихнут, а Дас слегка изменится в лице.

Что они там дальше между собой выясняли, я не представляю, потому что компания имени Драгона уже вывалилась за дверь, а Ярл успел слинять следом за ними. За столиком я опять оказалась одна, и только недоуменно посмотрела вслед вышедшим. Мне показалось, или Люциан сказал «заткнись», потому что наехали на меня?

Да нет, точно показалось. Наверное, у него с Дасом передел драконьей территории, или что-то вроде.

С этой мыслью я принялась за еду, больше не обращая внимания на окружающих. Окружающие, к слову, на меня почему-то обращали сегодня неприлично много внимания: то ли из-за новости Эстре (подозреваю, что Валентайн говорил с ректором обо мне, как и обещал, а Лика оказалась в нужное время в нужном месте), то ли из-за того, что только что произошло.

Это они еще не знают, что я портреты Драгона в бессознанке рисую.

Поперхнувшись соком патойи, я даже закашлялась, представив, что будет, если об этом узнают. Особенно Люциан. Сегодня же уничтожу портрет, мольберт выкину, а краски дематериализую. Или тоже выкину. Ну его. Как, откуда у меня вообще краски?! Я, что, ночью еще и в телепорт сходила в какой-то магазин в Хэвенсграде?!

Тут было впору за голову хвататься, но, к счастью, времени не было. Быстренько поесть, потом бежать на теоретическую зоомагию, где рассказывать про ежерогов и ежекрылов, потом сдавать тест на знание драконьего, после обеда — опять тест по теоретической магии, потом интенсив по практической расчетной. Так что я была более чем занята, чтобы думать о портретах и хвататься за голову, а когда занятия наконец-то закончились, я вышла с мыслью о том, что завтра у Макса день рождения, а он мне до сих пор ничего не писал!

На мои сообщения тоже уже пару дней не отвечал — видимо, следилка Хитара работала на полную. Для себя я уже решила, что, если не ответит до завтрашнего утра, попробую подобраться к его школе, и плевать мне на прогулы. Отработаю.

Чтоб Люциану Драгону на ежекрыла сесть голой задницей!

Я пожелала это от души, а потом на полном ходу врезалась в... потенциально дырявую задницу. Я поняла это еще до того, как подняла глаза — эти ощущения: память тела, аромат его парфюма — легкий, древесный, раскаленный как золото в его глазах, который прочно засел в голове после того, что случилось в его комнате, ни с чем не спутаешь. Я на автопилоте выставила ладони, чтобы его оттолкнуть, но Люциан их перехватил. Перехватил и толкнул меня в аппендикс коридора, чтобы зажать между собой и стенкой.

— Это правда? — поинтересовался, глядя на меня сверху вниз, раскаляя воздух пламенем глаз и своим присутствием. — Правда, что ты больше не живешь с Альгором?

Глава 19

Глава 19

Люциан Драгон

Драх его дернул пойти за Ларо.

Опять.

Но эта новость — новость, которую принесла Эстре-младшая, просто не давала покоя. Возможно, дело было не только в ней, потому что с недавних пор они опять хорошо общались с Драконовой. И вот весь выходной Драконова рассказывала о том, как классно они погуляли с Ленор. Словечко, конечно, было прикольное — «классный», и необычное, но Люциан уже привык, что Драконова и Ларо выражаются странно. Если бы не их изначальное противостояние, впору решить, что они близнецы с другой планеты, например, свалились с одной из лун. Но нет, раньше они терпеть друг друга не могли! Настолько не могли, что цеплялись буквально на каждом шагу, а еще устроили дуэль, на которой чуть друг друга к Лозантиру не отправили. Ну или Драконову к Тамее, а Ларо — к Лозантиру.

— Прости, я забыла, что у тебя свои заморочки, — заметив его мрачный вид, тогда заявила София.

Сегодня Драконов по какой-то причине был в духе и даже позволил им расположиться вдвоем в малой гостиной, где светло-зеленые занавеси, легкие, как духи Софии, трепал ветерок. Его же трепануло серьезно, когда он услышал ее заявление.

— Что, прости? Заморочки?!

— Ну да.

— Темная магия — это не заморочки, Драконова. Рано или поздно ты это поймешь. Лучше рано. Чем поздно.

— Знаешь, — София сложила руки на груди и посмотрела на него примерно как Женевьев, — судить человека... или дракона, не суть, по цвету магии — это как-то...

— Как? — Люциан прищурился. — А впрочем, если бы ты знала, ты бы такое не говорила.

— Знала — что? — София приподняла брови.

«Про мою мать», — хотел сказать он, но осекся. Не потому, что не хотел сейчас снова все это цеплять, а потому что о матери он говорил разве что с Ларо. Ни с кем больше. Точнее, так, как он говорил тогда, так, как он ей открылся... Не было у него до нее таких разговоров. Но, что самое главное, и не хотелось. Не говорилось. Вообще рот не открывался, все просто сидело замороженным камнем в груди, а с ней...

— Неважно, — буркнул он и сменил тему.

София тоже сменила, и с радостью: явно была счастлива, что он не стал больше комментировать ее прогулку с Ларо, но эти слова в голове все равно засели. Слова, сияющие глаза Драконовой — да она, кажется, вообще никогда так не сияла, как когда говорила о дне, проведенном с Ларо. И это, кстати, была не единственная странность. Если «дружбу» Софии и Ленор еще как-то можно было натянуть на драконий хвост, например, Ленор могла к ней подбираться, чтобы та защищала ее перед остальными, то новость, которую ему принесли еще — нет. Оказывается, Ларо вступилась за Драконову перед Клавдией и, насколько он понял, ей удалось заткнуть рты этим сплетницам. Хотя по-хорошему, этим бы стоило заняться ему.

Или Сезару.

Но нет, это сделала Ларо, и это невероятно, до жути, до зубовного скрежета бесило. Явно же она к ней подбирается! К Драконовой. Вопрос только в том — зачем? Для каких еще своих грязных планов?

Об этом он и хотел спросить, а еще посоветовать ей держаться от Софии подальше, но спросил почему-то то, что спросил. Вообще ляпнул, не думая, и в глазах Ларо сверкнуло такое, что на миг показалось — сейчас придется ставить щит.

— Руки убрал, — скомандовала она в своем привычном тоне.

— А если нет?

— Проверим?

Это ее «проверим» тоже цапануло воспоминаниями из прошлого, а Ларо, воспользовавшись моментом, стряхнула его ладони и с силой толкнула.

— Как найдешь компромат — приходи, пообщаемся. А пока просто отвали, Драгон. — Не глядя на него, она вышла из закоулка, в который он ее запихнул. Запихнул на инстинктах, иначе как объяснить то, что вообще происходит, то, что у него крыша едет сейчас, снова, от ее запаха.

Нормально же все было. Все было нормально.

Но сейчас точно не было. В первую очередь от этого ее «как найдешь компромат», во вторую — потому что она просто прошла мимо, как мимо пустого места, а в третью... драх его знает почему еще. На самом деле разговор с Софией начался не просто так, он действительно нашел способ следить за Ларо, способ, который она пока не раскрыла, да и вряд ли раскроет.

Не работал он только дома у Альгора и в ее комнате (потому что там защиту Альгор проверял лично) — это было слишком опасно, а так, в целом, он знал о ней все. Или почти все. Знал даже о встрече с братцем на кладбище, куда они ходили к родителям. О прогулке с Драконовой тоже, поэтому он и попытался аккуратно выкрутить на разговор с Софией о том, что от Ларо лучше держаться подальше, в итоге выслушал, как «классно» они провели время. А вчера утром узнал о том, что Ленор защищала Драконову перед Лузанской и остальными, сегодня — о том, что она больше не живет с Альгором.

Бред какой-то!

Какое это все вообще имеет значение, если у нее темная магия, и она сделала все, что сделала?

А что, собственно, она сделала?

Если верить словам Драконовой, она ее спасла. Но Драконова была под зельем и наверняка все просто-напросто перепутала, хотя убеждать ее в этом было бессмысленно. София стояла на своем и даже с отцом ругалась по этому поводу, заявляя, что будет свидетельствовать в защиту Ленор, и что тот не сможет ее удержать. Лучше бы молчала уже, в случае с Драконовым «не сможет удержать» звучало по меньшей мере странно. Он просто запрет ее, и все. В день, когда состоится слушание.

Но София, похоже, пребывала в каком-то своем мире, потому что продолжала верить, что сумеет его переубедить, и все такое.

Может, и сумеет.

В мире розовых дракончиков.

В таком полуфилософском-полураздраженном состоянии Люциан открыл портал в комнату Даса, где все собирались позаседать с тайком привезенным Невсом и Милли вином, добытым из погребов отцовского виноградника.

— Люц, ты чего такой мрачный? — поинтересовалась Лил, сидящая на диванчике рядом с Дасом. В одной руке она крутила бокал с рубиновым ароматным напитком, в другой — традиционно темный блестящий локон.

— У него дилемма, — насмешливо прокомментировал друг, дувшийся на него с самого утра и вроде как с ним не разговаривающий.

— Какая? — оживилась Милли.

— Трахать или не трахать Ларо, которая теперь не живет с Альгором.

— Что ты сказал? — спросил Люциан во внезапно воцарившейся тишине. Такой, что любой порыв ветра мог показаться громким, как хлопанье крыльев дракона.

— Что я сказал, ты прекрасно слышал, — процедил Дас, поднимаясь. — А вот переварить, пожалуй, не можешь. Но это уже твои проблемы.

— Дас... — начала было Лил, но Люциан уже шагнул к нему.

— Скажите мне, что он уже успел напиться, — глядя на друга, процедил он.

— Я-то абсолютно трезв, а вот ты совсем на Ларо помешался. Скоро дойдет до того, что будешь готов к ним с Альгором в постель третьим запрыгнуть.

Прямой удар в лицо отшвырнул Даса к стене, в ответ полетело слабенькое боевое заклинание. Слабенькое — потому что в боевой магии тот никогда не был силен, и разбилось оно о мгновенно выставленный щит в крошку. Только искры посыпались в разные стороны, а в руках Люциана мгновенно полыхнул золотой хлыст.

Девчонки завизжали, Невс набросился на него сзади, обхватывая руками и мешая сделать замах.

— Люц! Люц, хватит. Это же усиленное боевое, с военного. Тебе прилетит!

— Да не прилетит ему, — тяжело дыша и вытирая разбитый нос, произнес Дас. — Он же у нас тэрн-ар. Ему можно все.

Хлыст, извиваясь, зашипел под пальцами. Он создавался мысленным заклинанием на основе расчетов, с применением потоковых контуров и усложненных боевых схем, и он, драх его подери, был чуть ли не единственным из первокурсников, у которого этот хлыст получался. Но сейчас, именно сейчас, Люциан замер, стряхивая магию с руки, мысленно повторяя заклинание деактивации и размыкая собственную силу, превращенную в оружие.

Не из-за слов Даса. Нет.

Просто потому, что отчетливо вспомнил, что произошло зимой. Что он почти ударил этим Ларо.

— Да, — сказал, глядя на бывшего друга. — Я — тэрн-ар, и отныне ты будешь называть меня именно так. Скажешь еще что-нибудь в духе того, что выдал сегодня — очень сильно пожалеешь. Мы уходим.

Это был даже не комментарий, приказ. Он и не сомневался, что Лиллея, Невс и Милли мгновенно последуют за ним в портал, так и случилось. Друг тащил вино, сестра ему помогала, Лиллея не забыла захватить недопитый бокал. Вслед им неслись ругательства Даса:

— Это ты пожалеешь, Драгон! Думаешь, ты самый крутой?! Вот и проверим...

Люциан не удержался, развернулся перед закрытием портала и приложил Даса слабенькой волновой атакой, от которой тот даже закрыться не смог. Проехавшись на спине по полу, затормозил почти у окна, а Люциан посмотрел на него сверху вниз:

— Даже проверять не надо. Я приказал обращаться ко мне тэрн-ар. Третий раз повторять не буду.

Портал с легким шипением закрылся, теперь уже в его комнате воцарилась тишина.

— Э-э-э... Люциан, а это не слишком? — осторожно спросил Невс, прижимая к груди тяжеленный кувшин. — Мы все-таки дружим давно, и... ну, Дас просто психанул из-за того, что произошло после завтрака.

— Он же не твоя сестра, чтобы психовать.

— Эй! — Невс повысил голос, Милли возмущенно на него посмотрела.

— Ладно. Я имел в виду, не девчонка.

— Эй! — теперь уже Лил сложила руки на груди.

— Что? — переспросил Люциан. — Хотите поговорить на тему равенства драконов и драконесс?

— Да нет, — Лиллея фыркнула. — Но Дас прав, Люциан, ты стал абсолютно невыносим. Я понятия не имею, с чем это связано...

Она подняла руки, давая понять, что ссоры не хочет.

— Но у тебя переключин на Ларо. Ты когда ее видишь, просто... просто... — Драконесса не стала подбирать слова, просто махнула рукой. — Ты лучше с этим разберись, хорошо? Пока не стало поздно.

— Что ты подразумеваешь под «поздно»? — вкрадчиво поинтересовался Люциан, приближаясь к ней.

— Да что угодно! У тебя только-только с лица все отметины сошли. — Лиллея покачала головой. — Не хочу, чтобы ты влип во что-то еще.

— С какой стати тебя это волнует?

Драконесса покачала головой.

— Это называется друзья, Люциан. — Она залпом допила вино. — Д.Р.У.З.Б.Я. Среди друзей принято волноваться друг о друге, когда что-то идет не так. И вообще, налейте мне еще.

Она плюхнула бокал на столик с такой силой, что чуть его не расколотила, а Милли украдкой покачала головой. Похоже, пока ждали его, пила одна Лиллея, а у нее еще была такая особенность, необычная для драконессы: она быстро хмелела. На удивление быстро несмотря на то, что сила драконов почти сразу нейтрализует воздействие вина. Почти сразу — это значит, что ему надо было бы выпить примерно три таких кувшина, чтобы почувствовать себя как подруга. Которая отошла и плюхнулась на его кровать, раскинув руки.

— Полетать бы... — донеслось с кровати. — Эх!

— Да поставь ты его уже, — раздраженно произнес Люциан Невсу, вцепившемуся в кувшин.

Пить вино расхотелось, хотя именно виноделы отца Невса и Милли делали совершенно потрясающий, легкий напиток. Но почему-то именно сейчас он почувствовал себя тем, кого сам обычно высмеивал — занудой, который не дает другим веселиться. Поэтому пришлось присоединиться к остальным, и делать вид, что все хорошо. В смысле, что он совершенно не думает о словах Даса и о том зимнем

хлысте, и о том, что произошло в этой самой комнате. На этой самой кровати.

— Слушай, а ведь ты правда западал на Ларо. Всегда, — произнес Невс, совершенно не в тему.

Они только что обсуждали специальные тесты по боевой магии, и тут на тебе.

— Может, хватит уже про Ларо? — жестко поинтересовался он.

— Да нет, я про то, что было в прошлом. Помнишь, мы перед выходными, после подготовительных думали, где отмечать? И Ларо позвала нас к себе. Потому что у нее опекун был на два дня в отъезде.

— Да. Что-то такое помню. И что?

Тот вечер Люциан помнил смутно. Они действительно большой компанией пошли к Ларо, потому что у нее в парке была такая беседка, и вообще можно было устроить пикник на траве.

— Так вот, когда мы уходили, ты там зажимался с ней. В беседке.

— Не было такого.

— Да было! Точно! Дас еще шутканул, а я потом проверил — ты вышел из беседки, а Ларо там стояла вся красная и смотрела на тебя. В смысле, как ты уходишь. Ну меня она не заметила, не до меня ей было...

Кувшин с остатками вина взмыл вверх, подчиняясь потокам магии, а после грохнулся на пол.

— Люциан! — три возмущенных вопля слились в один.

— Я же сказал: ни слова о Ларо.

— Да ну тебя! Ты правда психованный. Мил, пошли отсюда. — Невс выдернул сестру за руку из кресла, потащил за собой. Она на ходу пожалала плечами, Лиллея подскочила:

— Подождите! Я с вами!

Когда за друзьями захлопнулась дверь, Люциан не двинулся с места. Он смотрел на свой нетронутый бокал. Тот поцелуй он не помнил, зато помнил другие. Плывущий взгляд Ленор на этой самой постели, ее тонкие пальцы, скользящие по ее телу, ее вздохи, ее взгляды, ее стоны. Он помнил все это так хорошо, что никакая темная магия не способна была выжечь это из его памяти. Выжечь это из него.

Глава 20

Глава 20

Соня

Драхов Сезар, драхов Сезар, драхов Сезар!

Эта мысль крутилась в голове все то время, пока Соня шла, а точнее, почти бежала к чайной, чтоб ее, ранховой тэрны Хлит. Сама не представляя зачем, потому что есть не хотелось — ее тошнило, да и собеседница из нее тоже была так себе.

Вселенная словно издевалась и подсунула ей сначала жениха, которого «папочка» пригласил для знакомства с ней вчера вечером. Андрэ Сималон был старше нее на десять лет (что, в общем-то, пережить можно), но Соня не собиралась замуж! Она вообще не представляла, что с ней такое может случиться, но с ней именно так и случилось.

На их ужине, к которому мать Софии готовила ее с особой тщательностью (уже тогда стоило что-нибудь заподозрить!), появился этот Андрэ. Внезапно, как, чтоб его, снег в пустыне! Если бы Соня знала, она бы точно сбежала, но она не знала! Отец, мать, даже эта хитрая вредная мелочь, сестра Софии, сделали все, чтобы она не знала. Она просто шла на ужин, на который ее собирали, как на бал, а ей даже в голову такое прийти не могло.

И вот — бац, позвольте вас представить друг другу, то есть: привет, София, я твой будущий муж. Помолвка после экзаменов, свадьба в следующем году. Вот так, в приказном порядке.

Этот Андре Сималон задержался с отцом Софии после ужина в кабинете — видимо, обсуждали условия выгодной сделки, то есть этого брака, поэтому поговорить с Драконовым вечером не получилось. Получилось с утра, и, разумеется, ничего хорошего из этого не вышло. Когда она попыталась сказать, что не хочет замуж, Драконов только вскинул бровь и поинтересовался:

— А я спрашивал твоего мнения, София?

— Это вообще нормально — не спрашивать моего мнения?! — взвилась Соня.

— Нормально. Девушка твоего возраста еще не в состоянии понять, что для нее лучше. Особенно если допустила, — Драконов навис над ней, — чтобы злые языки ставили ее в один ряд сразу с двумя принцами. Один из которых, между прочим, регулярно появляется в нашем доме.

— Но ты сам разрешил Люциану приходить!

— Разрешил, потому что скоро ты будешь помолвлена, и эти визиты сами собой прекратятся.

Замечательная дипломатия. То есть чтобы не портить отношения с дракономонархом, ее можно продать замуж, а Люциан — ну чего уж там, пусть приходит. Какая разница.

— Я не хочу за Андрэ замуж! Я его совсем не знаю.

— Год — достаточное время, чтобы узнать друг друга.

— Но я не...

— Достаточно, София. У меня нет времени выслушивать твои нелепейшие претензии. Я вложил в твое будущее всеми возможными способами, а твоя неблагодарность переходит все допустимые границы. Если не ошибаюсь, тебя ждут в Академии, поэтому немедленно собирайся, и больше не смей говорить со мной на эту тему и в таком тоне. Вопрос решенный.

— Я не пойду за него замуж! Я не кукла! — выпалила София, вылетая из кабинета.

А в Академии обсуждали две новости: то, что Ленор Ларо больше не живет с Альгором, и то, как трогательно Сезар и Женевьев выглядели, когда вместе приехали в приют. Да-да. В тот самый.

— Ненавижу его! — прошипела Соня. — Ненавижу!

Хотя ненавидеть, по сути, было особо не за что. Сезар сделал свой выбор, а она свой, и все вроде было хорошо... или хотя бы так казалось какое-то время, но что-то пошло не так.

Узенькая многолюдная в выходные улочка привела к уже знакомому заведению. Ленор привычно сидела у окна, правда, сегодня почему-то в него не смотрела и вообще уткнулась в чашку с таким видом, будто в ней плавали ответы на все нерешаемые вопросы.

— Привет, — Соня на всякий заглянула в чашку, но в ней плавали только чайинки. Ранхаинки?

— Ой! Привет! — Ленор подняла взгляд. — Ты быстро.

— Да, быстро сдалась. Меня сегодня почти не мучили.

Не магистры так точно.

— Хочешь ранха?

— Не особо. Но я подожду, пока выпьешь ты.

— Я тоже не особо, если честно. Можем сразу пойти гулять.

Удивительно, но рядом с Ларо почему-то стало легче. Просто в одно мгновение. Соня и сама не могла объяснить этот удивительный факт, но прямо легче дышалось. Даже будущий муж и выход Сезара с Женеьев воспринимались чуть менее остро.

— Пойдем, — обрадовалась Соня.

Просто потому, что ей не хотелось сидеть на месте. Энергия требовала куда-то пойти и что-то сделать. Вот хоть что-нибудь, чтобы это окончательно ушло, пропало, растворилось в небытие, кануло в Лету! Раньше она даже представить себе не могла, что одна встреча с каким-то парнем... ну ладно, не с каким-то, а с принцем, но это дела не меняет, может настолько изменить жизнь. Она не особо верила в любовь с первого взгляда, во всю эту чушь с непреодолимой химией и гормонами, с которой нельзя справиться разумом. Лена — вот она верила, да. Но Лена...

Вот еще только об этом сейчас думать не хватало!

Попрощавшись с хозяйкой, они вышли из ранховой.

— Куда пойдем? — спросила Соня. — На Алуу площадь?

Ленор не ответила, мрачно глядя куда-то. Проследив ее взгляд, Соня наткнулась на указатель «Туасон ле Фре». Магазин дорогих, очень статусных подарков, мама Софии была в нем частой гостьей, для нее всегда было важно подчеркнуть свой статус, одарив кого-нибудь вещицей в коробочке с известным логотипом — закольцованный золотой дракон, под которым красовался магический оттиск первой подписи основателя.

Ленор продолжала смотреть себе под ноги, и тут только Соня вспомнила про новость номер два.

Точнее, номер один.

«Ларо больше не живет с Альгором».

Значит, в прошлые выходные все же произошло что-то серьезное.

— Все хорошо? — осторожно поинтересовалась Соня.

Ленор перевела на нее взгляд.

— Нет.

— Это связано с Альгором? — Соня сболтнула это раньше, чем успела прикусить язык. Но что уж говорить, она всегда была такой, привыкла говорить напрямую.

— Что? Нет. Нет, — Ленор покачала головой. — Это связано с моими родителями. Точнее, с тем, в чем их обвинили. С темной магией и с тем, что я не смогла даже толком поздравить единственного близкого человека. Моего брата.

Соня изумленно приподняла брови, а Ленор даже запнулась о брусчатку. Выглядела она как человек, который только что сказал лишнее. Или так подумал — о том, что сказал лишнее. Для заклятых врагов, которыми, в общем-то, были София Драконова и Ленор Ларо, это действительно перебор. Вот только она не София, хотя Ленор об этом не знает. И не узнает.

— Это не пойдет дальше меня, — сказала она, чтобы успокоить идущую рядом девушку. — Можешь не сомневаться.

— Да я и не сомневаюсь, — почему-то со смешком сказала Ленор. — Тем более что я не сказала ничего такого... пока.

— А есть что-то еще?

Ларо пожала плечами.

— Максу исполнилось восемнадцать зим, но мы не смогли увидеться. Потому что Хитар... мой, наш опекун ему запретил после того случая. У него есть инструмент давления: темная магия, а мне важно, чтобы жизнь моего брата не пошла наперекосяк из-за этой самой темной магии. Поэтому мы не смогли увидеться. Хотя я очень хотела. Даже подарок ему купила. А потом пришла к школе и обнаружила, что там стоит несколько шпионов Хитара, со всех сторон, и они меня увидели. Сунуться туда — означало подставить Макса. Я ушла.

— Мне жаль, — искренне сказала Соня. Ей действительно было жаль.

Многое бы она отдала за такие отношения, как были у Ленор и Макса. За такое... у нее ведь было такое. Лена была ей как сестра, не родная по крови, но родная по сердцу. По духу. Гораздо ближе, чем могут быть даже родные сестры. В каком-то смысле, они были как близнецы: чувствовали друг друга даже на расстоянии. До того, как все это случилось. Через границы миров, видимо, связь не работала.

Поэтому ее немного пугала откровенность Ленор. И еще больше — собственное к ней отношение. Удивительное желание довериться тоже. Рассказать хотя бы про Сезара.

Соня прикусила язык и кивнула:

— Ты смотрела на «Туасон ле Фре». Это из-за подарка?

Теперь уже Ленор приподняла брови:

— Подарка?

— Да. Ты говорила, что купила. Там?

— Нет, — она покачала головой. — Макс не любит пафос, он вообще такой простой парень. С ним удивительно легко. «Туасон ле Фре» — это про моих родителей. Там был куплен этот проклятый сувенир, который подсунули Керуану.

Соня понимающе кивнула. Точно! Как же можно быть такой невнимательной? Ленор же сказала, что ее родителей оболгали. С этого все и началось: с того, что супруги Ларо совершили покушение на архимага, Верховного архимага Даррании. А после все завертелось. За это Ленор травили в Академии. София Драконова в том числе, если верить рассказам Клавдии и остальных.

Мерзкие девицы!

— Ты сказала, что твоих родителей подставили? — уточнила она.

— Да. Я даже расследование проводила. Карту составила.

— Какую карту?

— По... в смысле, такую, для расследования. На нее наносятся всякие точки, всякие лица, чтобы проще было увидеть картину в целом.

Прямо как в детективных фильмах. Соня внимательно посмотрела на Ленор:

— И?

— Ну и все. Я в тупике. Вроде как были подвижки недавно, а теперь... я хотела узнать в «Туасон ле Фре» про тот сувенир, были ли копии, можно ли сделать подделку, все такое. Но меня там не стали слушать, а когда поняли, кто я, просто вежливо выставили в сопровождении охраны на улицу.

— Поразительно! — воскликнула Соня.

— Что именно?

— Все! Ты решила самостоятельно вести расследование! Это так... — Она посмотрела на идущую рядом девушку уже совершенно

иначе. — Это невероятно круто!

Ленор вздохнула.

— Круто было бы, если бы я нашла, кто их подставил.

— Возможно, я смогу помочь.

Вот теперь Ларо затормозила. Резко так.

— То есть?

— Я кое-что знаю про «Туасон ле Фре», — пояснила Соня. — Моя мама... ну в общем, она большая их поклонница, все уши прожужжала всем, кому только можно обо всем, что касается этого магазина. Словом, в прошлом, когда основатель только начинал свое дело, и оно пошло в гору, среди ушлых умельцев начались подделки и копирования. Тогда он придумал магический оттиск — свою подпись, над которой трудились лучшие создатели заклинаний, которую подделать физически невозможно. При попытке ее подделать, подделка начинала дымиться...

— Это как так?

— Пока не знаю. Это высшая магия, мы такое на пятом курсе проходим. Ну то есть, будем проходить, — Соня пожевала губы. — Так что подделать их сувенир нереально. Ну и насчет копии... копий у них не бывает. У них все подарки в единственном экземпляре. Это тоже наследие основателя. Он строил свое дело на уникальности. Эксклюзивности. С самого начала. Поэтому... вот так. Если это тебе поможет, я буду рада.

— Поможет ли мне это?! — воскликнула Ленор. — Да конечно поможет! Спасибо тебе огромное!

Она обняла ее так порывисто и так неожиданно, что Соня вздрогнула. Дернулась было, собираясь отстраниться, но Ленор уже сделала это сама.

— Прости. Это было лишнее. Просто это значит, что все посторонние исключаются! — возбужденно произнесла она. — Кто-то подменил эту шкатулку... но кто-то из приближенных. Либо во дворце, либо вообще дома... Я слишком много говорю. И не о том, это правда.

Она мотнула головой.

— Пойдем гулять. С этим я потом разберусь.

Соня улыбнулась:

— Рада, что смогла помочь.

Ленор сверкнула глазами, кивнув на изгиб улицы.

— Мы что-то только обо мне сегодня. Как у тебя? Что нового?

Соня фыркнула.

— Ну... — Про Сезара она была пока не готова говорить, поэтому и сказала то, что сказала: — Отец решил выдать меня замуж.

— Что?!

— Замуж. Решил, что пора меня пристроить в хорошие руки. Мужчину зовут Андрэ, он старше меня на десять лет, и совершенно не горит желанием интересоваться мнением невесты по поводу предстоящего.

— Ты, надеюсь, сказала все, что о них думаешь?

— Я-то сказала, — Соня пожалала плечами, отскакивая в сторону от решивших не заметить ее двух старушек, идущих навстречу, — но с тем же успехом можно было просто промолчать. Боюсь, что отца не смутит даже то, что я уйду из дома. Если он вообще меня отпустит. Я уже не понимаю, как быть в такой ситуации. Я к такому не привыкла... в смысле, я не понимаю, как можно заставлять свою дочь, взрослого человека, выходить замуж!

— А с будущим мужем точно не получится договориться? — Ленор нахмурилась.

— Да нет. Я так подозреваю, что его интересует мое приданое. И расположение Драконова. В смысле, отца.

— Да уж, не Жоффрей де Пейрак, — хмыкнула Ларо.

И Соня врезалась в мужчину в котелке. Потому что дыхание неожиданно перехватило, а еще перехватило все мысли. Они разлетелись в разные стороны, голова превратилась в пустой котелок — примерно как тот, который от удара слетел с головы мужчины. Тот начал активно возмущаться, но Ларо, как ни в чем не бывало, подняла, отряхнула и подала ему шляпу, извинилась даже. На что тот что-то возмущенно пробурчал (Соня не расслышала что, в голове гудело).

Это же был любимый фильм ее мамы! Она даже книжки собрала и прочла в молодости, хотя в принципе читала только профессиональную литературу. Эти книги со старым советским оформлением стояли у них в шкафу, Соня помнила их как сейчас.

— Эй. Все в порядке? — Голос Ленор прорвался сквозь это гудение, и Соня уставилась на нее, не в силах поверить.

Да нет, не может такого быть. Не может!

Или может?! Значит, Горбачев не был оговоркой? И все это время... то есть они здесь — вдвоем? Это что, правда?

Вновь прибывшие мысли смешались в кашу и прежде, чем они снова разбежались бы, Соня выдала севшим тона на два голосом:

— Ты сказала: Жоффрей де Пейрак.

Ларо как-то резко побледнела.

— Да, и что?

— У меня вопрос: откуда ты знаешь это имя?

Только не говорите, что это тоже какой-то местный... изобретатель!

— У меня встречный вопрос, — голос Ленор тоже как-то подозрительно дрожал. — Откуда его знаешь ты?!

Глава 21

Глава 21

Лена

Про Жоффрея де Пейрака я сказанула без задней мысли. Да вообще без мысли, если задуматься, это был любимый фильм и книга Сониной мамы, поэтому не быть в курсе было просто невозможно.

Не такого эффекта я ожидала. В смысле, я совсем не ожидала, что Драконова вцепится в меня взглядом со словами: «Откуда ты знаешь это имя?» За те несколько коротких мгновений, что до меня доходило — честно, понятия не имею, сколько прошло времени в секундах, минутах и прочем — я поняла, что Драконовой это имя не сказало бы ровным счетом ничего. Как и любому другому из этого мира.

Поэтому сейчас я совершенно нереально взвизгнула:

— Соня! — и повисла у нее на шее.

Может, стоило сделать что-то еще, но меня хватило только на это. Со стороны, наверное, смотрелось дико, но мне было плевать. Мне было плевать вообще на все, даже если этот мир сейчас сойдет с орбиты и вырвется в открытый космос, по дороге раскидав три луны в стороны.

Окончательно меня проняло, когда Драконова — да-да, именно Драконова, голосом Драконовой, в теле Драконовой, полупридушенно поинтересовалась:

— Лена?

Я отстранилась. Не знаю, как насчет этой планеты, но у меня в голове творилось нечто невероятное. Не только в голове, во всей мне. Я полагала, что очень хорошо себя контролирую, но сейчас смотрела в знакомое-незнакомое лицо и не находила слов. Слез не было, я в какой-то момент поняла, что не могу даже вздохнуть, поэтому просто кивнула. Кивнула и закусила губу, не в силах поверить, что все это произошло.

Может, я сплю? Может, у меня галлюцинации?

Я даже за руку себя ущипнула. Больно.

— Лен... — сдавленно выдохнула Драконова. То есть София. То есть Соня. А после так же порывисто меня обняла: — Лена-а-а!

Я уткнулась лицом ей в плечо, чтобы перевести дыхание. Учитывая, что Соня в прошлом мире... то есть в нашем мире, была ниже меня, а Драконова на полголовы выше, получилось очень непривычно. Но так знакомо! Мне все еще продолжало казаться, что я сплю, но щипок на руке пульсировал и наливался синяком, а Драконова продолжала меня обнимать. Она продолжала меня обнимать! А это значит, что...

— Как?! — хором спросили мы, отстранившись.

Посмотрели друг на друга и расхохотались, как сумасшедшие. Настолько громко, что нас обошли по дуге, неодобрительно покосившись.

— Что... как это возможно?! — выдала Соня, вглядываясь в мое лицо. — Я думала, что ты осталась там...

«А я — что ты умерла».

Я не стала это озвучивать, потому что все, что было до, обнулилось. Оно больше не имело смысла. Оно просто стало незначительным, развалилось, рассыпалось тленом, как под ударом темной магии, которая сейчас от эмоций разгулялась во мне и холодила все, до чего могла дотянуться. К счастью, у нас с Валентайном было много занятий на контроль, и я через пару глубоких вдохов отправила ее в стазис.

— Я не представляю, что сказать... — растерянно выдохнула Соня. — Мне столько всего надо тебе рассказать!

— Ничего пока не говори, — попросила я. — Теперь у нас есть все время, теперь все время в нашем распоряжении...

— Совсем ничего?

— Нет. Совсем ничего не надо. Пойдем, а то на нас уже и так все пялятся.

На нас и правда пялились, то ли от нас фонило иномирьем, то ли две обнимающиеся и глядящие друг на друга сумасшедшими глазами девицы для Даррании были чересчур. Поэтому мы, не стовариваясь, направились туда, куда шли. В сторону Алой площади. Я, правда, не шла, а летела. Не знаю, как там у драконов, но у меня сейчас за спиной выросли крылья. Мне кажется, я на полном серьезе могла взлететь.

— Ты все это время была здесь? — шепотом спросила я.

— Да! Я очнулась после дуэли с Ларо.

— А я после дуэли с Драконовой...

Мы переглянулись.

— Столько времени... — простонала Соня. — Я столько времени понятия не имела, что с тобой! Не знала, что делать... к кому пойти. Что сделала та молния. Я даже боялась, что что-то случилось, что-то серьезное, а ты осталась в лесу одна, и тебе некому помочь...

— Кому ты рассказываешь, — фыркнула я. — Я тоже... всякого понадумала.

— Всякого?

— Неважно. Главное, что ты здесь. Что с тобой все в порядке.

— И с тобой.

Мы снова переглянулись. Переглянулись, потому что не могли друг на друга насмотреться. По крайней мере, я не могла. Если раньше я видела перед собой Софию Драконову, то сейчас... Соня. Моя Соня! Она здесь! С ней все в порядке! Она жива! Мы вместе! Мы снова вместе!

— Как вообще это произошло? Что это было? Откуда у тебя темная магия? — Соня засыпала меня вопросами. — Или это магия от Ленор? Я вообще ничего не понимаю... постой! Альгор?! И Люциан?!

И Сезар... кажется, говорить нам — не переговорить. Не один день и даже не два.

— Давай по порядку, — я улыбнулась. — Только с мыслями соберусь, потому что... ну, их слишком много.

— Да у меня тоже! Я просто не могу молчать! Знаешь же! Просто я когда волнуюсь, выдаю все сразу и все сразу говорю напрямую.

Про эту особенность Сони я тоже знала, поэтому кивнула. Снова улыбнулась. Не могла не улыбаться: мне казалось, что к моим уголкам рта привязали веревочки и старательно тянут их в разные стороны. Соня не улыбалась, но она вообще больше выглядела ошарашенной, потрясенной. С глазами на пол-лица. Сейчас в ней точно не осталось ничего от Драконовой, это была моя подруга. Это была на двести процентов моя лучшая подруга, Соня Драгунова, и мне не хватало сил вместить это счастье в себя.

— Лен, ты почему молчишь? Я дурацкие вопросы задала, да? Не нужно было спрашивать?

— Сонь, ты чего? — я даже остановилась. — У меня просто шок и стресс. В хорошем смысле.

В кои-то веки! Видать, Тамея там слегка подобрела, ну или отвесила люлей Лозантиру, и он обратил свой взор с меня на кого-то еще.

— Да. Да, я понимаю, — она кивнула. — Я понимаю. Просто... ой...

Соня больше ничего не успела сказать, а меня уже дернули за руку. С такой силой, будто хотели оторвать, к счастью, рука осталась. А вот виритта слетела и покатила по земле, под ноги мужчины, который изо всех сил наступил на браслет каблуком. Браслет жалобно хрустнул, а мужчина, вытянув руку, ткнул в меня пальцем. Его бородатое лицо, изрытое чем-то вроде местной оспы, исказилось:

— Что стоите? — заорал он окружающим. — Это же Ленор Ларо! Дочь тех, кто совершил покушение на Керуана! Вместилище темной магии!

В этот миг, в это самое мгновение во мне просыпается нечто очень темное. Да что там, я знаю, что во мне просыпается — моя тьма. Моя темная магия, которой все так боятся, и на которую намекает этот урод. Этот урод, который посмел испортить мое воссоединение с Соней!

Эта мысль мелькает во мне такой звенящей яростью, таким ледяным высокомерным холодом, что я чувствую, как под кожей ладоней вспыхивает смертоносная мощь тьмы. Вспыхивает — и тут же гаснет, я закрываю собой Соню и встаю перед ним.

Впрочем, оказывается, что уже не только перед ним. Горожане, обычно спешащие по своим делам куда-то, замедляются. Или, наоборот, ускоряются?

— Лена! Ле-ен, — Соня дергает меня за рукав, и я понимаю, что мы окружены. Толпа сдвигается, отрезая возможность просочиться сквозь нее.

— Темная тварь! — визжит какая-то женщина.

— Ее родители чуть не убили Верховного архимага!

— А она? Ей что, все сойдет с рук?

Это какой-то бред! Не может быть этого. Посреди дня, в центре Хэвенсграда... но оно есть. Сотни лиц, глаза горят страхом и ненавистью. Я не сразу понимаю, что в меня летит камень, и не

успеваю закрыться, но щит ставит Соня. Простенький такой, он прогибается под ударом, но камень все-таки рикошетит и отлетает в толпу.

— А это что за девица? — вопит какой-то парень, брызгая слюной.

— Неважно! — орет бородатый. — Она с ней! А от таких надо избавляться.

Тьма снова рывком раскрывается в груди. Как черный цветок, поглощающий биение сердца, самую мою суть, все чувства — даже чувства к Соне, и ее шипение, шипение заполняющего меня холода втекает словно потусторонним голосом в мой разум. «Убей, убей, они все ничтожества. Одного взмаха твоей руки хватит, чтобы...»

Я усилием воли стряхиваю дикое вымораживающее наваждение, а люди бросаются на нас. У меня остается мгновение, чтобы защитить себя, Соню, и в этот момент я не думаю, действую на инстинктах. Вложив весь внутренний светлый ресурс в портал в то место, где нам никто и ничто угрожать не будет.

— Быстрее! — ору, толкая Соню в дом Валентайна, прыгаю за ней, но чья-то рука хватает меня за волосы и дергает назад. Я вижу только ошарашенное лицо подруги, схлопнувшийся в точку портал, от боли на глаза наворачиваются слезы, но и... все. Мир начинает темнеть, потому что сил во мне не осталось. Только тьма, только та самая суть, которой так опасались все. То, о чем говорил Валентайн.

Я валюсь под ноги беснующейся толпы без сил и без мыслей.

Хотя последняя, пожалуй, у меня все-таки есть: не может все так глупо закончиться. Не сейчас, когда я только-только нашла Соню. Бородатый замахивается, и я невольно зажмуриваюсь. Готовясь к удару, к боли, но слышу только отчаянный вой. А следом приказ:

— Расступитесь.

С трудом разлепив тяжеленные веки, вижу, как воеет бородатый, перехватив обоженную руку, стянутую золотым хлыстом. Толпа стремительно начинает редеть, настолько стремительно, что в топоте ног едва получается расслышать:

— ... Драгон...

— ... тэрн-ар...

Люциан склоняется надо мной раньше, чем смысл этих обрывистых реплик сложится в какую-то ясную картинку. Да,

пожалуй, стоило всех разогнать, чтобы добить меня самому. От этого становится смешно, почему-то именно сейчас с губ срывается смешок. Я плаваю в вязком тумане бессилия, я всю себя вложила в этот портал, и моих сил не хватит на то, чтобы даже вякнуть.

— Пошел вон, — цедит Люциан, стряхивая золотой хлыст с руки бородатого, и тот с воплями бросается бежать.

Меня неожиданно подхватывают на руки, и от этого голова запрокидывается назад. Тяжелая, как невесть что. Уже в следующий момент Люциан перехватывает меня поудобнее, вглядывается в мое лицо, что-то говорит. Правда, я ничего не слышу: шевеление губ, его голос фонит, как из трубы или как из неисправных колонок. День стремительно превращается в ночь, так стремительно, что мне становится холодно уже безо всякой темной магии, а потом перед нами раскрывается золотой портал.

Мне так хочется отключиться, так хочется провалиться в этот бесконечный сон, но мне не позволяют. Сначала перехватывают мои руки, потом мое лицо. То, что я лежу на знакомой постели, отмечаю как факт. Это же кровать Люциана, где я делала то, что делала.

Мир то расплывается в разные стороны, то стягивается в точку. И его лицо... его лицо перед глазами так близко. Совсем как тогда. Я пытаюсь что-то сказать, но губы Люциана неожиданно врезаются в мои. Так неожиданно, что во мне не остается ни воздуха, ни дыхания, зато сквозь этот бесконечный поцелуй в меня вливается сила. Мощь его магии. Тепло.

Жизнь.

Глава 22

Глава 22

Валентайн Альгор

Артефакт нагрелся неожиданно. Он просто почувствовал его тепло в вырезе рубашки, которая сейчас была наглухо застегнута, как и жилет. Этот артефакт связи, по которому с ним в срочном порядке могла связаться прислуга, появился у него с тех самых пор, как в его доме впервые появилась Лена. Начиная с того самого дня он ни разу его не использовал, точнее, ни разу этот самый артефакт не оживал. Беспокоить его на заседаниях архимагов, достучаться до него можно было только по этому каналу связи и только в одном-единственном случае. Что-то чрезвычайно важное, связанное с ней.

Поэтому сейчас он поднялся, к вящему неудовольствию говорившего Керуана:

— Архимаг Альгор, вас не смущает, что я говорю? — скупое поинтересовался Верховный.

Лучше бы уж молчал, честное слово. После того предательства с Лэйтором Валентайн на многое посмотрел иначе. А впрочем, давно пора было. Керуан держал его при себе, потому что ему было выгодно. Он был его персональным весомым доводом для всех, включая Фергана.

— Это срочно, — коротко отозвался он и поймал внимательный, пристальный взгляд Драконова.

Среди них он всегда был чужим, но сейчас — особенно. Сейчас, когда Драконов активно продавливал ужесточение условий на границе и в городах, а если уж говорить откровенно, то это был первый шаг к ужесточению условию по контролю над темной магией. В его лице. В лице Лены. Потому что через нее проще всего было зацепить его. Что бы ни планировал Адергайн, когда привел ее в этот мир, цепную реакцию он уже запустил.

Керуан согласился вынести предложение Драконова на встречу с Ферганом, и Валентайн прекрасно понимал, к чему все идет. Не считая

того, что Лена — его Лена или уже не его — продолжала прочно сидеть у него в голове. В сердце. Там, куда еще никому не удалось достучаться. Смириться с этим — означало проиграть Адергайну. Но остановить это — означало перестать дышать. Валентайн уже смутно представлял, что убьет его быстрее, что быстрее убьет в нем человечность: отказ от Лены или наваждение, поддаться которому он имел все возможности. Которые теперь упустил.

— Надеюсь, срочное дело оправдает твое неуважение ко всем собравшимся, — Керуан произнес это резко, но Валентайн никак не отреагировал.

Просто направился к выходу из кабинета, оставив за спиной недовольство, раздражение и удовлетворение. Короткая вспышка удовлетворения промелькнула в чередке эмоций собравшихся, растворившись так же быстро, как и появилась. Разбираться в том, чья она, у него не было ни малейшего желания. Равно как и времени.

— В чем дело? — коротко поинтересовался, оказавшись за дверями и защитив разговор темным аналогом *subire silencial*. У этого заклинания была схожая структура, разве что при попытке его вскрыть желающий подслушать получал удар магии, после которого в себя приходил от получаса до двух.

— Архимаг Альгор... здесь София Драконова, и она говорит, что дело срочное... что на них напали...

Он дослушивал служанку уже в холле собственного дома. Дома, который расцвел благодаря Лене. Стоило ему появиться, как на втором этаже раздались шаги, и связавшаяся с ним женщина уже бежала вниз по ступенькам.

— Где Драконова? — резко спросил он.

— Я здесь, — София выбежала следом. — Мы были на улице, когда на нас набросилась разъяренная толпа, Лена... Ленор выпихнула меня в портал, сюда, а сама осталась там. Ой!

Она уткнулась в браслет, замерцавший входящей магией.

— Ой, — повторила.

— Вы будете продолжать ойкать или дадите мне координаты Ленор? — резко поинтересовался он.

— С ней.... — София замялась. — С ней уже все в порядке. Кажется. Ну то есть не кажется. Мне Люциан прислал сообщение... Он ее забрал. Она потеряла слишком много магии, когда открыла

портал, почти весь свой ресурс, но он все исправил. Они сейчас в Академии. Вместе. Ей ничего не угрожает...

София осеклась и прикусила губу.

— То есть не вместе, он ее просто спас. Я... в общем... — Она сконфуженно опустила глаза, потом снова подняла. — Вот.

Он понятия не имел, что чувствует, глядя на эту девушку. Драконова была врагом Ленор, врагом его Лены, но именно ее Лена запихнула в портал. А еще именно Драконова не далее как сейчас назвала ее по имени. Ее настоящим именем. Не считая того, что она только что сказала: «Она с Люцианом. Он все исправил».

Пожалуй, это главное, что имело значение. Если Лена в Академии, если ей ничего не угрожает. Все остальное... все остальное он как-нибудь сможет пережить.

— Это точно? — спросил сухо.

— Что?

— Что ей ничего не угрожает?

— Да. Это она попросила его написать мне.

— Хорошо.

Можно было сколь угодно долго себя обманывать, но ничего хорошего в этом не было. Для него так точно. Спящая сила раскрылась в груди пропастью холода, затягивая в глубокую непроглядную тьму, где не было места даже злости и ярости. Служанка, замершая между ним и Софией, с артефактом в руках, переводила взгляд с него на нее и обратно.

— Вы свободны, — коротко произнес он. Потом посмотрел на Драконову:

— Куда вам открыть портал, тэри?

— Э-э-эм... — Она замялась, будто собираясь сказать одно, но потом все-таки пробормотала: — К дому моего отца.

Координаты Валентайн задал в одно мгновение, равно как и построил магический переход. Спустя миг Софии уже не было в доме, а он вернулся на заседание. Прошел мимо вскинувших на него глаза архимагов, не глядя ни на кого, опустился в кресло.

— Срочность закрыта? — поинтересовался Керуан.

— Да.

Он снова почувствовал на себе пристальные взгляды, только на этот раз — Драконова и Равена одновременно. Вместе с этим его

полоснуло кратким изумлением, кажется, исходящим от бывшего опекуна Лены.

Эмпатия — тонкая способность улавливать каждую эмоцию в каждом мгновении — просыпалась у темных драконов вместе с сокрушающей мощью их магии. Потому что выдержать бесконечный поток эмоций способен лишь тот, кто к ним равнодушен. Еще один признак стремительно возрастающей темной силы Валентайн заметил у себя буквально пару недель назад. Пока что ему удавалось ставить щиты и отстраняться от того, что должно было утащить его в бездну, окончательно обратить в того, кем всегда желал его видеть отец.

Заседание закончилось спустя пару часов, и все эти два часа он упорно сражался с собой, стараясь не думать о Лене. О том, что она сейчас с Люцианом. О том, каким ярким и манким стал ее аромат, в который вплетался запах лозантирова Драгона, как фонили ее эмоции — чувственностью, сексом, когда она пришла к нему в кабинет. Ему стоило немалых усилий удержать себя тогда, но если получилось тогда, значит, сейчас точно получится?

У нее получалось. Темная магия вела в ней себя абсолютно непредсказуемо, но Лена поразительно быстро училась с ней справляться. Она умело закрывалась, сдерживала ее, хватала все на лету. Она настолько быстро научилась контролировать себя и свою силу, что впору было испытывать гордость за то, что он хороший учитель.

Не «полное днище», как она сказала когда-то. Впрочем, тогда он действительно вел себя с ней как полное днище. Выражение из ее мира как нельзя кстати подходило для описания его действий. Она же... она же на самом деле достойна была восхищения с самого начала.

Справившись с потерей привычного мира, близких людей, всего, что ей было дорого, Лена не сдавалась и здесь. Даже когда все обернулось против нее. Даже когда Драконовой нужна была помощь, она рисковала всем. А он не нашел в себе слов просто сказать ей об этом — о том, что ее поступок достоин восхищения. Не нашел сил, чтобы сказать, как его вымораживает тот факт, что она продолжает выбирать этого мальчишку. Снова и снова, раз за разом, хотя он ее недостоин.

Недостоин.

А что насчет него самого?

Он вытолкнул Драконову в портал на эмоциях, даже не подумав о том, чтобы расспросить, что там произошло. Что привело к нападению. Что ему предшествовало. Он не спросил вообще ничего, потому что в голове были только Лена и Драгон. Драгон и Лена.

И то, что он мог себе представить, хотя не имел на это никакого права. Он сам от нее отказался, сам ее отпустил. Хоть и не смог переслать все вещи, которые она собрала вместе с горничной: сумки стояли в ее комнате, так и стояли, на тех самых местах. Она передумала собираться частями и сложила все сразу, но...

Валентайн поймал себя на том, что потерял счет времени. Бездумно глядя из окна домашнего кабинета на улицу, где жизнь Хэвенсграда бурлила, как всегда летним вечером выходного дня. Сумерки в это время собирались долго, вот и сейчас свет заливал улицу, плескался в реке лучами заходящего солнца. Изрезанная узорами парашюта, она напоминала небрежно брошенную портнихой шелковую ткань, собравшуюся тонкими волнами складок под порывами ветра.

Стук в дверь заставил его обернуться.

— Привет. — Лена улыбнулась — как-то неуверенно, и шагнула в кабинет. — Ты просил стучать, я стучу. Валентайн, у тебя такой вид... я не вовремя?

Наверное, стоило ей сказать все, что в одно мгновение пронеслось в мыслях. В том числе и о том, что он думал, что это горничная. Что не ожидал ее увидеть. Что это безумие, так сходить по кому-то с ума, особенно когда сам ходишь по грани.

К счастью, он вовремя понял, что ни одну свою мысль и ни одно свое чувство просто не сможет передать словами. По крайней мере, не сейчас. Поэтому и сказал только то, что сказал:

— Ты всегда вовремя, Лена.

Он шагнул к ней навстречу. Она к нему.

И как-то так само собой получилось, что спустя мгновение ее губы уже вливались в его, а мир вокруг отдалился и стал далеким, ненужным и тусклым. По сравнению со светом, который исходил от нее. По сравнению с тем чувством, которое рождалось от близости этой женщины.

Глава 23

Глава 23

Лена

Несколькими часами ранее

Только что я чувствовала себя выжатой, как лимон, или даже как мармеладная лимонная долька, вывалившаяся из пакета во времена Советского Союза и пролежавшая там до наших дней, и вот я уже полна сил, энергии и готова на новые свершения. Всего лишь от одного поцелуя... Хотя ладно, дело не в поцелуе. Дело было в исцелении, которым светлые обладали, и сейчас именно Люциан Драгон вытащил меня из разъяренной толпы, а еще именно Люциан Драгон вернул мне силы.

Именно он продолжал меня целовать. Правда, чтобы продолжать это, ему стоило исцелять меня помедленнее, потому что я уперлась ладонями ему в грудь и толкнула. Назад.

— Хватит!

— Это вместо «спасибо»? — Люциан был бы не Люциан, если бы не задал этот вопрос.

— Нет, это вместо «какого хрена»?!

— Какого чего?

Я прикрыла глаза.

— Какого драха, Люциан. Какого драха?! А впрочем, мне плевать, какого. Напиши Драконовой, что со мной все в порядке. Что я в Академии, что у меня все хорошо, что ты меня спас.

Пожалуй, если бы я продолжала сыпать колкостями, Люциан бы еще долго не заткнулся. А так заткнулся, нахмурился, перевел взгляд на мое запястье без виритты, нахмурился еще сильнее, как если бы что-то вспомнил, и пошел связываться с Драконовой. То есть с Драконовой для него, а для меня — с Соней. Сейчас это было важнее всего: во-первых, чтобы Соня успокоилась по поводу случившегося, во-вторых, чтобы не напугала Валентайна. Нет, я сомневаюсь, что

Валентайна можно так просто напугать, но явление его в Академию и очередные разборки с Драгоном я не переживу.

Или переживу?

— Все. Довольна? — Люциан обернулся и посмотрел на меня в упор.

— Да. Спасибо.

— Поразительно!

Я приподняла брови, наконец-то стряхнула себя с кровати и одернула задравшуюся блузку.

— Тебе совершенно без разницы на то, что я тебя спас, но за сообщение Драконовой я даже удостоился благодарности.

— Учитывая, сколько раз ты упомянул мое спасение, — я сложила руки на груди, — вряд ли твой поступок можно назвать бескорыстным. Спрашивать, как ты меня нашел, я не буду.

Он усмехнулся и вмиг стал похожим на того, кто сидел — на минуточку, в этом самом кресле, глядя как я... Щеки вспыхнули, и я прижала к ним ладони. С меня хватит!

Я попыталась его обойти, но он перегородил мне путь.

— Спроси, Ларо. Может быть, я отвечу.

Я закатила глаза.

— Уйди с дороги, Драгон. Просто уйди.

— Это моя комната.

— Вот я и говорю: дай уйти мне.

Несколько мгновений мы буравили друг друга взглядами, а после он все-таки произнес:

— Я следил за тобой через твою виритту. Теперь она...

— Через Эвиль?! Как?!

— Ну, технически не через Эвиль. Через нее с помощью особого заклинания, которое создал Ярд, и которое он внедрил в твой браслет ночью, когда ты спала. Он же мог входить в твою комнату, ты ему не запрещала. Вот он и нашел способ обойти ночную защиту, а поскольку доступ ему по-прежнему был открыт... в общем, с его талантами труда ему это не составило. Войти к тебе, внедрить в твой браслет особое плетение.

Чем дальше Люциан говорил, тем гаже мне становилось.

Нет, мы с Ярдом, конечно, перестали общаться, он даже умудрился меня обвинить в том, что из-за меня Дану и Джиа выкинули

из Академии, но чтобы такое... Теперь все его попытки сбежать, как только он меня видит, и нежелание смотреть мне в глаза обрели совершенно иной смысл. Я-то думала, что он на меня злится, а злиться здесь полагалось мне. Причем, что самое удивительное, злости у меня сейчас не было. Была горечь. А еще желание пойти помыться.

— Дай пройти, Люциан, — повторила я.

Просто потому, что ничего другого цензурного в голову не пришло.

Драгон сложил руки на груди.

— Ничего не хочешь мне объяснить? Например, кто такая Соня, кто такая Лена, и что произошло в ночь дуэли с Драконовой?

Я отзеркалила его позу.

— Нет.

— Уверена? Потому что то, что я услышал, выглядит ну очень подозрительно.

— Уверена, — сказала я, глядя ему в глаза. — А еще... знаешь, Люциан, можешь прямо сейчас валить к Эстре. К стражам порядка. Да хоть к своему отцу, и рассказывать им все, что ты знаешь, и что ты слышал изо всех своих достоверных и не очень источников. Меня от тебя тошнит, тошнит от твоей самоуверенности, тошнит от того, что ты считаешь, что тебе все и всегда все должны.

Я попыталась его обойти, но он снова шагнул в сторону, мешая мне.

— Мы не закончили разговор, Ларо. Или не Ларо? Ты хоть понимаешь, что одного моего слова будет достаточно...

— Мы закончили, Люциан, — я шагнула к нему вплотную. — Этот разговор закончен давно. Хочешь меня остановить? Валяй. Я сделаю так, что сюда сбежится полкакадемии, и тебе придется спасать свою популярность, объясняя, почему светлый прекрасный принц связался с ходячей опасностью.

На этот раз он то ли поверил в серьезность моих намерений, то ли просто решил никому ничего не доказывать, но мне удалось беспрепятственно ему обогнуть. В спину мне ударило:

— Я правда хочу поговорить, Ларо.

Я остановилась.

Обернулась, столкнулась с ним взглядом:

— Я не хочу, — сказала откровенно. — Не хочу больше никогда тебя видеть и с тобой говорить. Просто не о чем. Возможно, когда-нибудь, когда ты будешь вынужден пропустить праздник самого близкого, потому что за вами следят и угрожают все кому не лень, или когда от тебя отвернется тот, кому ты доверилась, просто потому что в тебе какая-то не такая магия, у нас снова появятся общие темы для разговора, но пока — увы. Их нет.

Я вышла из его комнаты, даже не дожидаясь ответа. Наверное, не случись всего того, что случилось, меня бы просто перетрясло: от осознания того, что Люциан подслушал нас с Соней, от осознания того, что все, что между нами, между ним и мной было, перевернулось с ног на голову, превратилось в какое-то дерьмо. От понимания, что Ярд, которого я действительно считала другом, пусть даже недолго, просто взял и подставил меня.

Что Люциан ему пообещал? Да скорее всего ничего.

Я устала.

Устала сражаться с собой, устала скрывать правду о том, кто я есть. Возможно, если всем станет известно, кто мы с Соней такие, это обернется еще большими неприятностями, чем знание о моей темномагической составляющей, но... Но.

Сегодня я второй раз пережила то, что не пожелала бы никому. На миг, когда на нас бросилась эта толпа, я подумала, что они меня растерзают. Ее растерзают. Они бы и растерзали, если бы я не открыла портал и не успела закинуть Соню туда, куда закинула. Я на автопилоте отправила ее не в Академию, не куда-то еще, а в дом Валентайна. Именно к Валентайну.

Самое дорогое, что было в моей жизни, я отправила к Валентайну.

И это было серьезное «на подумать». Хотя вообще-то, и думать тут было особо нечего.

У себя в комнате я переделалась, приняла душ, привела мысли и себя в порядок. То, что сегодня произошло, то, какая информация оказалась у Люциана — обо всем этом точно не стоит молчать. Но главное, молчать не стоило о том, что я нашла Соню. Соню, которая сейчас в безопасности: наверняка уже у себя дома, где ей ничего не грозит. Мне очень хотелось с ней связаться, поговорить, рассказать все, но у меня не было виритты. Виритта осталась на мостовой Хэвенсграда, и, подозреваю, восстановлению она уже не подлежала.

Непонятно почему на этот счет мне тоже было грустно.

Эвиль была для меня просто образом, она никогда не была моей мамой. По большому счету, она даже для Ленор матерью не была, просто магическим слепком с ее внешностью, тем не менее мне было искренне ее жаль. Я читала, что виритты неодушевленные, но тем не менее магические создания, у которых формируется собственное сознание. Что-то вроде искусственного интеллекта, который мог бы развиваться самостоятельно.

С этой мыслью я вытащила из-под кровати портрет Люциана (да, до этого дня у меня просто рука не поднималась его выкинуть) и порвала на мелкие клочки. С помощью магии, потому что холст был прочный. Швырнув все обрывки туда, где им было самое место — в мусорное ведро, я направилась в магистрериум.

Ректора Эстре на месте не оказалось, зато оказался секретарь.

— Добрый день, — поздоровалась я. — Отправьте меня, пожалуйста, в Хэвенсград. Я потеряла виритту и не могу сделать это самостоятельно.

Секретарь мгновенно принял очень важный вид и тряхнул шапкой кудрей.

— Сожалею, адептка Ларо, но бюджет Академии не предусматривает внеплановые порталы.

— Сожалею, Номбри, — в тон ему ответила я. — Но в таком случае я пойду туда, где сейчас занимаются адепты, которые очень меня боятся. А точнее, где они отчитываются за неделю перед магистрами — я точно знаю, что еще не все вернулись домой. Наверняка адепты потом отчитаются родителям, что приходила адептка Ларо, которую все очень не хотят видеть. А мы с вами совершенно точно не хотим такой ситуации, правда?

Секретарь слегка побледнел.

— Д-да, но бюджет...

— Бюджет я восполню лично, как только у меня появится новая виритта.

После этих слов уговаривать секретаря не пришлось, он очень шустро запросил разрешение выхода на Центральный Хэвенсградский и воспользовался резервом для экстренных случаев.

До дома Валентайна топать пешком было прилично, но мне это было даже в тему. Мысли, которые окончательно прочистились к тому

моменту, как я переходила улицу с набережной, были кристальными, как слезы или вода в далеком от цивилизации озере. Я больше не сомневалась в том, чего я хочу. Я больше не хотела терять время на всякие сомнения.

Сегодняшний день показал мне, что даже обретая все, о чем ты мечтала, потерять это можно так же легко. Сегодняшний день стал наглядным примером того, что самое главное, самое важное, что у меня есть — это здесь и сейчас. Что только от меня зависит, каким будет это «здесь и сейчас».

Дверь мне открыла горничная, и, если и удивилась моему появлению таким образом, вида не подала. А я поднялась по ступенькам, прошла знакомыми коридорами в сторону его кабинета. Даже остановилась ненадолго, прислушиваясь к тишине, в которую был погружен дом. Прислушиваясь к тишине, которая звенела из-за двери. Постучала. Вошла.

Валентайн стоял у окна и обернулся мгновенно.

На миг показалось, что я его вижу впервые, потому что его лицо стало каменным и настолько холодным, насколько вообще могло быть. Да, для него это была обычная история — отстраниться, закрыться, возвести между нами стену, но чтобы так, как сегодня... так, как сейчас?!

В этот момент я вспомнила о том, что просила Люциана написать Соне, и что Валентайн наверняка в курсе. Вспомнила, чем обычно заканчивались наши разговоры про Драгона, и что это стало причиной нашего отчуждения на долгие месяцы. Первым порывом было сбежать, но я себя удержала.

Сдержалась и просто сказала:

— Привет. — Поняла, что все еще стою на пороге, шагнула внутрь. — Ты просил стучать, я стучу. Валентайн, у тебя такой вид... я не вовремя?

— Ты всегда вовремя, Лена.

После всего я ожидала какого угодно ответа, но только не этих слов. И вместе с тем они оказались настолько простыми, настолько правильными, настолько к месту... Наверное, если бы он признался мне в любви, это бы не возымело такого эффекта. Он шагнул ко мне первым, или я к нему — не уверена, не помню, не знаю. Я просто столкнулась с ним, и кто из нас кого целовал — уже стало неважно.

Его губы накрыли мои, раскрывая мой рот, раскрывая меня всю, какие-то новые грани во мне: грани моей чувственности, нашей близости, удивительного и непонятого ощущения единства, которого я никогда и ни с кем раньше не испытывала. Это было яростно — и на удивление спокойно, невыносимо — и удивительно нежно. Мои пальцы запутались в его волосах, его клеймили меня даже через одежду. Мы оторвались друг от друга только когда перестало хватать воздуха. Когда сила, текущая сквозь меня, яростно устремилась к нему, а его — ко мне.

На миг я уткнулась лицом ему в плечо. Потому что оно горело. Потому что горела я вся, от кончиков пальцев до корней волос, и только потом осторожно приподняла голову. Посмотрела ему в глаза. В которых сейчас клубилась черная непроглядная ночь, расплосованная лишь серебром вертикальных зрачков.

Да. Таким я его еще не видела.

Ни разу.

Таким я его еще никогда не чувствовала: наполненным первозданной мощью самой убийственной в мире силы, раскрывшейся в нем на полную. Серебро зрачков словно перетекало на его кожу, скулы заострились, подчеркнутые пластинками серебристо-черной чешуи.

Кого угодно это, наверное, напугало бы.

Кого угодно, но не меня.

Я коснулась этих пластинок, впитывая их опасный холод кончиками пальцев. Он перехватил мою руку. Сжал ее почти до боли.

— Уходи, Лена. Уходи, пока можешь уйти.

— Не хочу, — ответила я. — Не хочу. И никуда не уйду.

Приподнялась на носочки и снова коснулась губами его губ.

Не закрывая глаз. Его почернели еще больше, а в зрачках стало еще больше серебра. Такого сияющего. Магического. Ни разу до этого дня не видела, чтобы радужка была безгранично черной, а зрачки — как провалы в серебряную потустороннюю колыбель. Разве это может кому-то казаться страшным?

Мысли пришли и ушли в мгновение ока, растворились в ставшем гораздо более откровенным, горячем, яростном поцелуе. Валентайн подхватил меня под бедра, усаживая на стол, и все это — не размыкая

губ, лаская мой рот своим на пределе какого-то сладкого, бесстыдного, откровенно-порочного безумия.

Меня никогда *так* не целовали.

Настолько, будто мы уже были единым целым, будто я принадлежала ему, а наши тела сливались в самом откровенном танце всех времен и народов. Его ладони надавили на мои плечи, а после — скользнули по телу, по одежде, сменяя ее возможно за миг до того, как ее не станет.

— Ва... — я оторвалась от его губ, глотнула неожиданно показавшегося безумно холодным — или слишком горячим? — воздуха, — ... лентайн.

Его имя заставило зрачки стянуться в человеческие. На миг. Сейчас они подрагивали или пульсировали, как звезды, готовые полыхнуть ослепительно-ярким светом.

— Хочу тебя раздеть. Хочу, чтобы ты раздел меня. Без магии, — произнесла, глядя ему в глаза.

Крылья его носа дрогнули, на губы легла хищная улыбка.

— Что еще ты хочешь, Лена? — вкрадчиво спросил он, раскатав мое имя на языке так, настолько низким, тяжелым, глубоким голосом, что мне на миг стало нечем дышать.

— «Что еще» оставим на потом, — ответила я и облизнула губы. — А так желаний у меня много, можешь не сомневаться.

Сияющие щели зрачков сузились и снова раскрылись. Затопили своим серебром всю радужку, всю эту непроглядную тьму, особенно когда я потянулась к его жилету. Пуговицы охладили горячие пальцы, по ощущениям я будто коснулась обжигающе-морозных льдин. С моим жилетом обошлись гораздо менее почтительно: я почти не почувствовала рывка, но пуговицы полетели на пол, звякнули, закружившись.

— Твой гардероб, Лена, заслуживает внимательного пересмотра, — сообщили мне.

— Неужели? — уточнила я, разводя полы его жилета и касаясь ладонями напряженных мышц. Под тонкой тканью рубашки угадывался не просто рельеф, каждое их движение.

— Точно, — ладони Валентайна легли на мою блузку.

Справедливости ради, с высоким, под горло, кружевным воротничком. Нет, я себе не позволяла ничего такого особенного, но

мне по привычке было удобнее в брюках. Именно поэтому сегодня я и надела свою обновку, которая здесь считалась моветоном — «мужской» одеждой, допустимой разве что «для простолюдинки с окраины» (с) цитата Клавы, увидевшей меня утром. Брюки, подчеркивающие талию, достаточно свободные и сужающиеся на лодыжках, мне шили на заказ. Чуть ли не по моим чертежам, потому что девочки здесь ходили исключительно в платьях и юбочках, но я была бы не я, если бы не нашла модистку, готовую пожертвовать репутацией за хорошие деньги... то есть магию. Правда, она просила никому не говорить, где я их нашла.

В следующий момент все мысли про модисток, гардеробы и прочее вылетели у меня из головы, потому что Валентайн прошелся пальцами по моей коже в открывшейся ложбинке груди, в отместку я царапнула его кожу, расстегивая рубашку.

— Игр-раешь, Лена? — выдохнул он.

— Что? — Я невинно приподняла брови. — Нет. О чем ты?

В вырезе рубашки сияли чешуйки. Черные с серебром тонкие пластинки растекались по его телу, делая его каким-то совсем неземным. И я не выдержала, подалась вперед сокращая расстояние между нашими телами до минимума, прижалась губами к одной из таких еще не набравших силу пластинок на его груди, под которой пылала кожа. На миг, мне показалось, лишив его дара речи и вообще введя в ступор.

Но только на миг.

Потому что уже в следующую секунду его пальцы стянули мои волосы в горсть, заставляя запрокинуть голову, края блузки растеклись по моей коже, открывая тонкое кружево белья. Губы Валентайна накрыли мою грудь, сминая ткань вместе со стянувшейся в горошинку чувствительной вершинкой. Получилось так остро, что я едва удержала стон, глотнув горяче-холодного воздуха и вытолкнув его из себя.

Рвано.

Попыталась перехватить инициативу, но мне не позволили, единственное, что мне позволили — уцепиться за край стола, когда я оказалась опрокинутой на спину. А второй рукой — за его плечо, раскаленное, позволяя чувствовать перекачивающиеся под кожей стальные мышцы.

Это была последняя осознанная мысль до того, как ладонь Валентайна легла на вторую грудь, и мир, почему-то подернувшись дымкой бесцветия, отозвался во мне столь острыми чувственными ощущениями, что реальности не осталось. Реальность стала другой, в ней были его ласки — откровенно-настойчивые, заставляющие меня выгибаться на столе, его рука, по-прежнему вплетающаяся в мои волосы и не позволяющая мне как следует треснуться о стол, когда я под ним ерзала.

Когда то цеплялась за него, скользя пальцами по сильной груди и животу, то впивалась ногтями в ладони, чтобы не начать кричать. Особенно когда он оставил ставшую невыносимо-чувствительной грудь в покое и опустил ниже.

Каждое движение пальцев между разведенных бедер отдавалось коротким и ярким импульсом наслаждения в каждую клеточку тела. Я попыталась справиться с этим, закусив губу, но Валентайн тут же накрыл мои губы своими. Хотя, если быть совсем точной, он в них ворвался. Отчаянно, яростно, жестко, и я все-таки застонала ему в рот. Так откровенно, так бесстыдно... но сил держаться просто больше не было. Особенно когда перед глазами возникла картина, как я, наверное, выгляжу: со стянутыми брюками и бельем, с разметавшимися по столу волосами и абсолютно диким взглядом.

Наверное.

Его так точно был диким, и в ответ на мой стон чешуя на скулах и на груди полыхнула, как отражение силы в зрачках. Я ойкнула, отдернув руку: ставший в миг острым край вонзился в палец, и Валентайн, оторвавшись от моих губ, перехватил его. Втянул в себя раньше, чем я успела сказать: «Ах», порез защипало холодом, а в следующий миг меня уже опять целовали.

Солеными от моей крови губами, что окончательно выбило из меня ощущения реальности и нереальности.

— Хочу тебя, — выдохнула ему в губы. Впиваясь в них зубами в каком-то совершенно диком порыве, чувствуя металлический привкус.
— Хочу тебя, Валентайн, прямо сейчас.

Движение пальцев вниз заставило дернуться — почти на грани, а после он рванул пряжку ремня. Одним рывком прижимаясь бедрами к моим, одним движением делая нас единым целым. Низ живота

дернуло острой болью, до вспышки перед глазами, на миг разорвавшей импульсы наслаждения.

Я судорожно выгнулась, понимая, что если остановлюсь сейчас, просто сойду с ума. Какой там остановиться, я хотела его до безумия. До умопомрачения, каждой клеточкой тела, каждой точкой нашего соприкосновения.

— Сильнее, — прошептала, вцепляясь пальцами ему в бедра. — Сильнее, пожалуйста...

И боль сдалась перед нашим единым безумием. В том ритме, когда я уже перестала понимать, где начинаюсь я, где кончается он, и были ли мы когда-то двумя существами. Я кусалась, царапалась, его поцелуи-укусы клеймили меня ожогами, а движения рождали болезненно-сладкое, изматывающее, надрывно-острое наслаждение, волной идущее по нарастающей.

На пике я вцепилась пальцами в стол, чувствуя, как внутри взрывается яростное, невыносимое удовольствие. Снова и снова, снова и снова, то разгораясь, то угасая, то разгораясь снова со все возрастающей силой. Его удовольствие я тоже почувствовала, на нем мы просто врезались друг в друга губами, и его рычание мне в рот отозвалось эхом той пульсации, что шла снизу.

Перед распахнутыми глазами искрило.

Серебром.

Комната была темной, без красок, вот только что — а потом взорвалась таким буйством цвета, что я едва успела закрыть глаза, чтобы не ослепнуть.

— Лена-аааа, — выбил он мое имя мне прямо в губы, подхватывая меня под бедра.

Я всхлипнула и обхватила его руками, ощущая себя такой наполненной, такой принадлежащей ему... снова и снова.

В этом кабинете у стены.

В его спальне.

В его ванной.

Я пришла в себя, когда он нес меня на руках ко мне в комнату, а я понимала, что не то что двигаться, не могу даже говорить. Кажется, от рычания сорвала голос или что-то вроде.

— Опять побежишь по делам? — поинтересовалась ехидно, хотя язык едва ворочался.

Валентайн изумленно вскинул брови. А потом покачал головой:

— Не хочу, — повторил мои же слова. — Не хочу расставаться с тобой даже на минуту, Лена. И я никуда не уйду.

Он завернул нас в одеяло, которое я думала уже не увижу, прижал меня к себе так крепко, словно боялся, что я сбегу. А я... все, на что меня в этот момент хватило — это прижаться к его плечу губами и прошептать:

— Я нашла Соню, Валентайн. Я ее нашла.

Глава 24

Глава 24

Люциан Драгон

После перепалок с Ларо Люциан всегда чувствовал себя на взводе. Она заставляла его кровь кипеть, и так было всегда. Точнее, так было с той самой ночи дуэли.

«Я очнулась после дуэли с Ларо».

«А я после дуэли с Драконовой».

Если бы все не происходило так быстро, если бы не шок от услышанного, от того, что вообще творилось, от этих их непонятных слов, вряд ли он отпустил бы Ларо так просто. Или не Ларо?

Что вообще происходит, драх их всех задери?!

Он чувствовал себя как маленький ребенок, который впервые узнал, что Тамея не приносит подарки лично, что она вообще ничего не приносит. То, о чем говорили Драконова и Ларо, больше напоминало какой-то бред, но он слышал это своими собственными ушами!

Поэтому, когда ему надоело мерить шагами комнату, запуская пятерню в волосы и пытаясь понять, что к чему, он все-таки открыл портал к дому Драконовой. Встречала его ее мамаша, озабоченная исключительно нарядами и удачным замужеством дочерей. Поэтому, можно сказать, ему повезло. Мария Драконова всегда была рада его видеть, и неудивительно: она не переставала надеяться на их с Софией удачный союз. Сейчас, когда смешанные браки были разрешены, а особенно после его истории с Ларо, многие аристократические семейства с дочками на выданье навострили уши. Учитывая, что Ферган не отказал даже дочери заговорщиков, это было намеком на то, что у всех есть шансы. Возможность выдать свою дочь за ненаследного принца.

Вот и Мария Драконова была в первых рядах, правда, совершенно не замечая, что Софии он нужен как дракону вторая задница. В смысле

замужества, потому что другом она была отменным. Пожалуй, лучшим из тех, что у него были когда-то.

— Тэрн-ар, — Мария выплыла ему навстречу, сияя, как внезапно обнаружившийся источник магии, — вы к нам прямо зачастили. И я, признаюсь, от всего сердца этому рада!

«Еще бы ты была не рада», — подумал Люциан, а вслух сказал:

— Могу я увидеть Софию?

— Да, она недавно вернулась и сразу поднялась к себе.

И ничего не сказала родным о нападении, иначе бы здесь все на хвостах стояли. Да, что ни говори, а разобраться во всем ему точно не помешает. Срочно. Здесь и сейчас.

— Я смогу поприсутствовать с вами, — произнесла Мария. — Мой муж настаивает, чтобы вы с Софией не оставались вдвоем. Но вы меня даже не заметите. А я не замечу, что вы используете *subrire silencial*.

Люциан изобразил улыбку.

— Правда, гостиные у нас сейчас заняты, — продолжала женщина. — В одной Алина встречает подруг, в другой очень важная уборка перед званым ужином. Вас устроит музыкальный салон?

Люциан кивнул, потому что раздражение набирало обороты. Мало того, что он был в ярости от того, что произошло — от того, что он ничего не понимал, хуже нет, чем ничего не понимать! — так еще и Мария явно вознамерилась обаять его по полной. Если она так поступает со всеми, то Софии не грозит выйти замуж вообще никогда.

Он позволил провести себя в салон, где стояло несколько известных музыкальных инструментов, естественно, сверкающих золотом. Один был полностью им залит, другой впитал узоры в идеальную полировку, третий поблескивал пряжкой футляра. Всю эту ослепительную роскошь немного смягчали пастельно-голубые и легкие кремовые тона, спасавшие глаза от рези.

Дожидаась Софию, Люциан предпочел остановиться у дивана, рассматривая картину музыкального театра, заполненного зрителями. Картину тоже очень дорогую, потому что ее живые детали и техника их исполнения были на высоте. Ну и потому что внизу он заметил подпись одного из известнейших магических живописцев прошлого столетия, Агоана Фи-э.

— О да, это наша гордость! — приблизившись, Мария остановилась рядом с ним. — Ивану пришлось пожертвовать щедрую сумму, чтобы ее получить. Не то чтобы он пожертвовал только чтобы получить картину...

— Люциан?

Слава Тамее!

Слава Тамее, что он не сказал это вслух, повернувшись к Софии. Мария, если и выглядела недовольной от того, что ее прервали, тут же заулыбалась, заметив его искренний интерес. Она мгновенно отошла к окну и устроилась в кресле, пока впорхнувшие вслед за Софией горничные расставляли чашечки, ранх и угощения на столике у дивана.

— Надо поговорить, — стоило служанкам выйти, Люциан использовал *subrire silencial* мгновенно.

— Что-то случилось?! С Лено... р все в порядке?

— Ага. С Ленор. Почему-то только ты называла ее Леной.

Глаза Софии широко распахнулись. Настолько, что тут уже не надо было быть особо одаренным, чтобы понять: просто не будет. Мария на них посматривала, поэтому Люциан решил сделать то, что наверняка ее отвернет к окну — изобразить галантность. Что же касается Софии, она смотрела-смотрела, как он наливает ранх, а потом выдала:

— Тебе показалось. Когда? Когда я такое сказала?

— Сегодня перед тем, как на вас напали. — Он перебил ее раньше, чем она успела возразить: — Еще ты сказала, что думала, что она осталась там. Потом упомянула дуэль с Ларо. А она — дуэль с Драконовой. При этом говорили вы как о посторонних людях, и вот что я тебе скажу, София-Соня. Лжи я больше не потерплю. Или ты говоришь со мной, или с отцом и его следователями, с которым, я больше чем уверен, никто в Даррании говорить особо не хочет.

София побледнела.

— Это тайна, которая может стоить нам жизни.

— Да я уже понял, — хмыкнул Люциан, откинувшись на спинку диванчика и со светским видом пригубил ранх. — Ты пей, пей. А то мама может что-нибудь заподозрить. Или не мама?

София побледнела еще сильнее. Потянулась за чашкой, но она звякнула о тарелку, и девушка вернула ранх на место. Зажмурилась,

глубоко вздохнула, а после выпалила:

— Мы из другого мира.

— Очень смешно, — сказал Люциан, мгновенно зверея. Тонкий фарфор хрустнул под пальцами, и он поставил чашку на блюдце раньше, чем ручка осталась бы у него в руках. Мало ему было издевок Ларо, так теперь и эта туда же!

— Смешно? — Девушка распахнула глаза.

Очень искренне. Точнее, очень похоже на искренность — в точности так же она выглядела, когда Люциан сказал про Лену.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в этот бред?!

— Ничего я от тебя не хочу! Ты пришел сюда мне угрожать или узнать правду? — София сверкнула глазами. Или не София. Лозантир их всех разберет!

Мамаша Софии, вот тут уж сомнений не было в том, что она именно мамаша Софии, уставилась на них, и Люциан коснулся ладони сидящей рядом девушки, мысленно глубоко вздохнул, стремясь справиться с охватившими его чувствами. Их — этих чувств — было много: ярость, раздражение, злость... непонятно, на кого только. И какая-то странная, тянущая тоска, вяло пробивающаяся из-под всего этого букета.

— Да. Я хочу правду, — произнес он, стараясь, чтобы его голос звучал не свысока подавляюще. — Но я не верю в то, что ты сказала.

— Прости, но тут уж я тебе не помощница. Если бы ты подумал — хорошенько подумал, то обратил бы внимание, что мы говорим иначе, ведем себя иначе, потому что в нашем мире другие традиции и другие выражения. Некоторые слова... — София закусила губу, потом продолжила: — Они как бы не похожи на ваши, вообще с вашими не стыкуются и звучат странно. Я несколько таких насчитала и старалась их избегать, но они продолжают вылезать и всплывать. Или вот, например, традиции. У вас мир больше похож на наш конца девятнадцатого — начала двадцатого века, только с магией. В нашем сейчас власть захватили технологии, и никакой магии, разумеется, нет. Поэтому я чуть не рехнулась, когда оказалась здесь. Потому что...

— Ты говорила, что потеряла память после дуэли, — перебил он.

— А что я должна была сказать?! Привет, я из другого мира, и меня зовут Соня Драгунова? А где ваша София Драконова, я понятия

не имею, так же, как и не имею ни малейшего понятия, почему оказалась в ее теле?! И что бы со мной после этого сделали?

Люциан нахмурился. Если она и врала, то врала как-то очень складно. Такое за пару часов не придумаешь, не говоря уже о том, чтобы придумывать на ходу. Но межмировые перемещения?! История о таком молчала, такого никогда раньше не было. Какая магия на это способна? А главное — зачем, для чего?!

Темная. Темная способна.

Почти наверняка.

Эту сторону магии, секреты, оставшиеся за границами Темных-Мертвых земель, мало кто знал. Кроме тех, кто с таким сталкивался.

Например, Валентайн Альгор.

— Люциан, мне больно! — София ойкнула, и он разжал пальцы: оказалось, сдавил ее руку, забыв о том, что они в музыкальном салоне дома Драконовых. Да вообще обо всем забыв. Что ни говори, а у него есть отличное оправдание: после такого себя не забыть бы.

— Значит, ты уверяешь, что вы из другого мира. И что понятия не имеешь, как оказались здесь после дуэли.

— Не представляю, — София покачала головой. — Но я могу тебе рассказать, как это произошло... в смысле, что я помню до того, как очнулась Софией. Может быть, у тебя возникнут идеи.

Чем больше она говорила, тем больше он убеждался в своей правоте. Неожиданный холод, купол тьмы, серебро, удар молнии. Молнии были одним из видов боевой магии темных: вызываемые смещениями подпространства между мирами живых и ушедших, которые провоцировали черные смертельные грозы. Вот же драхство!

— Если бы я знала, что Ленор — это Лена, моя Лена, все было бы гораздо легче. Гораздо. Но я не знала. Узнала только сегодня, случайно.

И это тоже было похоже на правду. В прошлый раз, когда они встречались, общались совершенно иначе.

— Жоффрей де Пейрак, — повторил странное имя Люциан. — Это кто?

— А... — София, то есть Соня, поперхнулась ранхом, который все-таки пригубила. — Это просто выдуманный книжный персонаж. Его любила моя мама. Любила... любит.

Она замолчала и погрузилась в мысли, и Люциан замолчал тоже. Просто потому, что сейчас не находил слов. Можно было посчитать все сказанное бредом, происками темных, какой-то подставой, но София говорила искренне. Больше того, она была права насчет странных словечек и всего того, да и насчет перемен в поведении. Ларо никогда не была такой, какой была... эта девушка. Девушка, которая не боялась говорить ему (да и всем) в лицо то, что думает, защищать друзей. Дерзить.

Лена.

Впервые в своих мыслях он произнес ее настоящее имя так, как сейчас. Не производное от Ленор, к которой она не имела ни малейшего отношения. Да, если бы он сразу был повнимательнее, заметил бы много странностей в ее поведении. Не только в ее, в поведении Софии-Сони тоже. Но он всегда был заиклен исключительно на себе. Исключительно на своих желаниях, поэтому ничего и не видел. В том числе тех странностей, что проявились у «Ленор», очевидно, тоже с потерей памяти. С потерей памяти Ларо и попытками освоиться в новом мире.

— Откуда у твоей подруги темная магия? — задал самый волнующий вопрос.

— Понятия не имею. Люциан! Да что ты на ней так заиклен! Это просто магия, просто вид магии! А Лену я знаю всю свою жизнь. Она такой человек, каких я никогда не встречала, — София-Соня прижала руки к груди. — Она настолько добрая, я даже не представляю, кого еще могу привести в пример... вот, например, кто бы бросился спасти злейшего врага — Софию Драконову, рискуя всем? Она ведь действительно рисковала всем. И она все потеряла, когда засветилась. Против нее был весь мир. Ну если не мир, то Академия точно, да и многие дарранийцы... судя по тому, что произошло сегодня.

— Что она тогда делает рядом с Валентайном Альгором? — сощурившись, спросил Люциан.

В груди снова полыхнуло. И на этот раз как-то подозрительно остро и горячо. Гораздо горячее, чем могло бы.

— Не знаю, — Соня развела руками. — Но могу предположить, что он помогал ей справиться с темной магией. Если она взялась ниоткуда, а ты знаешь о ее мощи, Лене нужен был тот, кто поможет ей

не вредить людям. Это только мое предположение, мы ни о чем не успели поговорить, как ты знаешь... Кстати. А откуда ты знаешь?

Взгляд девушки стал цепким и пристальным, вонзился в него. В упор.

Правда, Люциану уже было все равно. В ушах звучали слова Софии: «Если она взялась ниоткуда, а ты знаешь о ее мощи, Лене нужен был тот, кто поможет ей не вредить людям».

Это не может быть правдой. Не может, учитывая, как она обжималась с Альгором... хотя много ли раз он видел, как она «обжималась» с Альгором? Или просто большую часть дорисовал в своем сознании?

Нет, это не может быть правдой. Просто не может. У Ленор Ларо не было темной магии... Или была? Или это следствие того, что произошло с девушками при переходе между мирами?

— Люциан, — напомнила о себе Соня. — Откуда ты знаешь?

— Я следил за ней.

— Следил?! Зачем?!

— Чтобы вывести на чистую воду, — Люциан смотрел на сидевшую перед ним девушку, но мыслями был далеко. Очень далеко.

— На чистую воду?! Из-за... твоего отношения к темной магии, да? То есть то, что я тебе говорила, вообще для тебя ноль?! — Соня, кажется, искренне оскорбилась, но ему сейчас было не до нее.

Не до того, чтобы разбираться по поводу чьих-то раненых недоверием чувств, потому что все, что осталось в прошлом, сейчас представилось ему в совершенно ином свете. Не ей обижаться из-за недоверия, они столько дружили, и София, которая Соня, ему ничего не сказала. Хотя, если так уж задуматься, понятно, почему. С его отношением к темной магии, с его отношением ко всему, что с ней связано...

Разговор, навсегда оставшийся в прошлой осени, почему-то сейчас вспыхнул перед глазами, как запечатленный заклинанием памяти для особых случаев. Разговор в кабинете Эстре, перед тем, как он вышел, оставив Ларо одну, наедине с тем военным.

— *Это правда?*

— *Я не знаю.*

— Не знаешь? Ты не знаешь, проводила ли манипуляции с темной магией, или нет? Не знаешь, использовала ли эту дрянь? Как так? Провалы в памяти? Или избирательное восприятие?

— Нет. Я не понимаю, что происходит! На прошлой неделе я была в парке, и на меня напали... точнее, кто-то запустил в меня огненным шаром. Тогда все это случилось — то, о чем говорит Лэйтор, я просто вскинула руки, и меня закрыло сетью Грехмира.

— ЧТО?

— Я... Я хотела тебе обо всем рассказать, но вчера ты сказал про маму, и я...

— Не смей упоминать мою мать.

Тогда он просто вышел. Просто бросил ее там, раздираемый ненавистью, яростью, болью, отчаянием. Люциан ей не поверил, не поверил ни единому слову, просто бросил ее одну.

— Я тебе доверял, Ларо. Ты это понимаешь?! Я. Тебе. Доверял.

А ведь она ему доверилась тоже. Что она могла бы сказать еще, не прерви он ее тогда? Забери ее с собой от военных, от Эстре, от Альгора, да, к драхам, вообще ото всех?

Она рассказывала ему про Соню — эхом мелькнула сумасшедшая мысль. Про эту самую Соню, которую считала погибшей. Доверилась ему. Открылась. А он бросил ей в лицо:

— Я думаю, что ее убила ты.

Странно, что после такого она вообще с ним разговаривала. Странно, что он помнил этот разговор так четко, хотя прошло столько времени, но, как оказалось, не только разговор. Перед глазами вспыхивали картины самых разных мгновений с Ларо. Точнее, с Леной, и все они были настолько яркими, настолько живыми, настолько искренними. Ни на мгновение, ничем не напоминая тусклятину, в которую превратилась его жизнь сейчас.

Зато отменно выделив, подчеркнув в памяти все то, что он успел сделать. И золотой хлыст на празднике, и то, что произошло с ее

братом. Не с ее? Но Лене он по какой-то причине был дорог, этот мальчишка из семьи Ларо.

— Мне нужно идти, — Люциан поспешно поднялся, Соня вскочила следом.

— Что ты собираешься делать?! — спросила встревоженно.

— Ничего такого, что вам навредит. — Он сбросил *subrire silencial* раньше, чем этот разговор продолжился бы.

К ним уже спешила Мария, поэтому он немедленно добавил:

— Прошу прощения, тэрна Драконова, мне срочно нужно уйти.

— Ох, понимаю. Вы же теперь еще и военный, тэрн-ар, — женщина присела в реверансе, как положено. — Но я бы хотела сказать, что мой муж сейчас активно занимается устройством нашей Софии. Он вознамерился выдать ее замуж в ближайший год и уже нашел весьма перспективного супруга. Поэтому если вы все же планируете сделать моей дочери предложение, я бы порекомендовала вам поспешить...

— Мама!!! — рявкнула София. То есть Соня.

Натурально рявкнула. Мария от такого опешила, и тогда Люциан просто открыл портал, пренебрегая всеми правилами этикета и вообще всем, чем только можно.

В Академии Лены-Ларо не оказалось, а наводка на открытый на Центральный Хэвенсградский портал вообще ничего не дала. В доме Альгора Люциану тоже ничего нового не сказали: темный был во Дворце правления, а его горничная, пожав плечами, сообщила, что не имеет ни малейшего представления о том, «где может быть тэри Ларо, тем более что она уже собрала вещи и не планирует сюда возвращаться».

Скакать по городу порталами оказалось утомительно и бессмысленно. Ни в одном из тех мест, где она любила бывать, Люциан Лену не нашел. Только схватил несколько штрафов и, в конце концов, снова вернулся на место, где на девушек напали. То, через что он мог ее отследить, по-прежнему валялось поломанным безжизненным хламом на мостовой. Подняв браслет, Люциан бездумно сунул его в карман, после чего открыл портал прямо в замок.

— Мне нужно поговорить с братом, — резко дернул за руку первого попавшегося по дороге слугу.

Сезар темный, может, он найдет способ отследить Лену. Хоть как-то.

— Тэрн-ар Сезар сейчас ужинают в малой столовой с тэрн-ари Женевьев...

— Отлично.

Люциан открыл следующий портал и вышел прямо у дверей малой столовой. Игнорируя предупреждения изумленных слуг, рванул двери на себя — пусть радуются, что он не посреди стола возник — и шагнул к брату и его будущей жене.

Глава 25

Глава 25

Сезар Драгон

Малая столовая отличалась сдержанностью обстановки и приглушенностью тонов. Высокие стены, подчеркнутые пастелью гобеленов с пейзажами, серебристо-стальная обивка мебели, такой же металл на ручках и в обрамлении.

Говорят, ее любила Тэйрен. Его мать. Из-за того, что Даррания так и не приняла темную принцессу, она предпочитала небольшие комнаты, где как можно меньше слуг и постороннего присутствия. Может статься, Тэйрен просто не любила толпу, он понятия не имел, какой она была. Отец не говорил о первой жене, а сам Сезар ее помнил смутно. Поэтому приходилось узнавать мать по сплетням и остаткам воспоминаний. Если им верить, Тэйрен была чужой. Страшной. Опасной.

Такой же, как магия, которую она передала ему.

Родная сестра Адергайна Ниихтарна обладала невероятной силой, и эта сила способна была уничтожить весь привычный уклад знакомого дарранийцам мира. Да что там, и сам мир. Эта сила, ее часть, сейчас текла в его венах, с ней он учился справляться с малых лет. Учился с помощью Валентайна Альгора, учился сам — каждый миг, каждую минуту. Он и сам чувствовал, какая это мощь. Светлая сила правителей Даррании была похожа на солнце. Такая же яркая, яростная, обжигающая. Темная суть — на абсолютное ничто, способное поглотить даже самый сильный источник света.

Даже такой как Женевьев. Она сидела по левую руку от него, рядом, уткнувшись в тарелку, застыла ее сопровождающая: седая, как туманы Зарийских гор. Фрейлин Женевьев не звала, и к счастью. Ему вполне хватало присутствия старой девы, для всех остальных следившей за тем, чтобы не нарушались приличия. Впрочем, приличия были забавной историей в том, что касалось их рода. Особенно когда речь заходила о Люциане.

— Я слышал, что ты опять весь день провела в подготовке к свадьбе, — он посмотрел на будущую жену, и она улыбнулась.

— Так и есть.

— Если недостаточно тех, кто ей занимается...

— Ты разве не знал, Сезар? Девушкам нравится предсвадебная суэта. — Она наклонила голову, и золото волос волной скользнуло с ее плеча на грудь.

Женевьев избегала глубоких декольте, но скрыть ее красивых форм не могла ни одна тряпка. К сожалению (или к счастью?) Сезар не испытывал к ней и сотой доли тех чувств, что мог бы. Даже сотой доли тех чувств, которые он испытывал к Софии Драконовой. Поразительно, но эта девушка никогда ему не нравилась — высокомерная, заносчивая, жестокая. Все изменилось после дуэли, когда София после удара магией потеряла память и превратилась в совершенно другого человека.

Он сам не заметил, как чувства накрыли его с головой. Казалось бы, не было ничего особенного в том, чтобы помочь девушке восстановиться, чтобы никто не узнал о том, что она утратила память. Он помогал ей вернуть утраченные знания, подсказывал, кого и как зовут, с кем она дружила, как себя вести... вот только София все равно вела себя иначе. И в один момент он поймал себя на том, что потерялся в ее легком искреннем смехе, а потом — во внимательном взгляде. Таким... откровенно неравнодушном. Немного смущенном, что тоже совершенно не вязалось с привычным образом наследницы Драконова.

Тем не менее этого взгляда хватило, чтобы мир перед глазами поплыл. Хватило, чтобы он сошелся на одной-единственной девушке, а после перевернулся, чтобы никогда не стать прежним. Он почти поцеловал ее тогда. Почти — потому что вовремя вспомнил о том, что у него обязательства. Не только перед отцом или Женевьев, перед всей Дарранией. В том числе обязательства стать достойным правителем, умеющим держать свои чувства и эмоции под контролем. Умеющим держать под контролем свою темную суть.

Да, ему определенно повезло, что с Женевьев у них договорной брак. Брак его матери и отца разрушила черная страсть, а черная страсть к тому, кто для тебя всего лишь друг, в перспективе — партнер и мать твоих детей — невозможна.

— Если тебе так нравится, я не возражаю.

— Иногда мне кажется, ты не будешь возражать даже если я выпаду в окно.

Сопровождающая Женеьев подскочила, и вовремя: по ощущениям, пожилая тэрн-эри собиралась заснуть над тарелкой.

— О чем ты? — спросил Сезар, глядя на будущую жену.

— А ты о чем? — Женеьев приподняла бровь.

Она редко показывала свои чувства, признаться честно, он уже привык к тому, что у нее нет к нему никаких чувств. Да, он совершил ошибку с Драконовой на глазах у всех. Возможно, и не одну, но они с невестой обо всем поговорили и все выяснили.

Или нет?

— У меня тоже есть крылья, Сезар, я не разобьюсь. — Женеьев промокнула губы салфеткой и грациозно отложила ее в сторону. — Мне просто нужно понять, рассчитывать мне только на себя, или мы полетим вместе.

Двери громыхнули, разлетевшись в стороны, являя взорам ошарашенных слуг и повторно подскочившей старой девы младшего брата. Глаза Люциана сверкали, он шагнул к столу и без каких-либо предисловий выпалил:

— На пару слов.

— Ты что себе позволяешь?! — В голос Сезара вплелись отцовские холода, и Люциан прищурился.

— На Ларо и Драконову напали в городе. Нужна твоя помощь.

Сезар поднялся, на ходу откладывая салфетку.

— Прошу меня извинить.

— Они извинят, — Люциан вперил взгляд в Женеьев, а после вышел, не оставляя ни малейшего шанса остаться.

— Что. Происходит?! — оказавшись за дверями, процедил Сезар. — Что с ней?!

— Так что происходит, или что с ней? — ехидно поинтересовался Люциан, а потом открыл портал. — Не здесь.

Они вышли в лабиринте, под теплыми красками весенне-летнего неба. Среди раскрашенной, согретой лучами солнца листвы живой изгороди.

— Люциан... — предупреждающе начал Сезар, но брат его перебил.

— София в безопасности дома. Ларо исчезла. Мне нужно, чтобы ты помог мне ее найти.

— Я?!

— Да. Ты. Твоя магия. Темные поисковые заклинания — самые сильные, я сам не могу ее найти.

По большому счету, он прав. Светлые заклинания поиска — неповоротливые, с ними можно сидеть два-три дня в ожидании результата. Темные сделают все за пару минут. Вот только...

— Я не использую темную магию, и ты это прекрасно знаешь, — сухо произнес Сезар. — Не говоря уже о том, что *именно ты* просишь меня об этом.

Люциан скривился.

— Не лучшее время припоминать старые обиды, братец.

— Дело не в обидах.

— Дело в том, что она может пострадать!

Их взгляды скрестились, и Люциан продолжил:

— Она одна, на улицах Хэвенсграда. Скоро ночь. Сегодня с какой-то радости на нее, на них просто набросилась разъяренная толпа. Я еле успел, потому что следил за ней, но больше не могу, и сейчас мне нужно знать, где она. Где Лен... ор. Ты поможешь, или мне идти к Альгору?

Представить, что Люциан зачем-то идет к Альгору, Сезар не мог в принципе. Зато мог представить масштабы: на двух девчонок нападает толпа, они могли пострадать... его София могла пострадать.

Его София.

При мысли об этом все внутри сжалось, а после окатило знакомым темным пугающим холодом. Не бояться его он привык давно, пугали проявления темной магии скорее окружающих. Поэтому сейчас Сезар прикрыл глаза, глубоко вздохнул.

— Для заклинания мне все равно понадобится ее вещь...

— Ее вещь! — Люциан выдал это так громко, что спугнул стайку птиц, прикорнувших на ветках перед закатом. Что же касается Сезара, он его просто не узнавал. Смотрел на него — и не узнавал. Этого парня, вытащившего из кармана поломанный браслет, чьи глаза сверкали такой радостью, какую Сезар раньше видел только один раз. Когда отец несколько лет назад отчитал его в присутствии Люциана.

Да, их отношения были далеки от братских и дружеских, но сейчас он только протянул руку:

— Давай.

Люциан сунул ему браслет, который только чудом не развалился, когда его коснулась темная магия. Надломанные звенья слабо дернулись, соприкоснувшись с разрушительным холодом, Сезар же сжал зубы, пропуская через себя эту силу и выстраивая поисковые контуры. Соединяя сквозь пространство браслет и его владелицу, и стараясь держать магию отдельно, а себя отдельно.

Это было сложнее всего: тьма проникала в каждую клеточку тела, заполняя ее собой. Наслаждаясь новой возможностью скользнуть в этот мир через такой удивительно мощный сосуд. Нелегко чувствовать себя сосудом, но именно так эта вторая суть и ощущалась. Если светлая магия всегда подчинялась ему, темная всегда стремилась его подчинить.

Сначала ничего не происходило, и Сезар позволил себе шагнуть чуть глубже. Туда, где краски теряют цвета, а мир становится беззвучным, без чувств. Именно в этот момент перед глазами возникло темное облако, растекшееся кляксой по пространству в живой изгороди лабиринта. Тонкая серебристая искра заметалась во тьме, соединяя точки — видимо, перемещения Ленор Ларо по городу. Остановилась, рассыпая серебристый свет, ударилась о преграду, отозвавшуюся всплеском боли в висках и ослепительной, яркой вспышкой перед глазами, когда он мгновенно разрушил поисковое заклинание и выстроил отражающую защиту.

— Ленор Ларо в доме Валентайна Альгора, — процедил Сезар, сдавливая виски и пытаясь стряхнуть отголоски темного заклинания.

— Как ты это понял?

— Защита. На его доме стоит защита, похожую он учил ставить меня. Поиск привел туда.

Голову все еще ломало от попытки вторжения туда, куда не следует, но уже меньше. По крайней мере, теперь больше не хотелось согнуться пополам и расстаться с внутренностями — Сезар успел отступить раньше, чем это случилось бы. Один из уроков Альгора заключался в том, что когда натыкаешься на опасную защиту, главное — отрезать источник всеми возможными способами. Вот он и отрезал: сначала убрав поиск, а после создав контрзаклинание.

Спасибо Альгору, иначе валяться бы ему сейчас на траве, без сознания.

А то и что похуже.

— Хорошо, — неожиданно произнес Люциан.

— Хорошо?

— Да. Это значит, что она в безопасности. — На обычно очень живом лице не дрогнул ни один мускул, брат протянул руку: — Верни браслет.

Сезар вложил браслет в раскрытую ладонь, неожиданно для себя сжимая ее.

— Люциан... как она?

Люциан на рукопожатие не ответил, забрал браслет, сунул руки в карманы.

— Спросил бы ты сам, Сезар. А то она скоро выйдет замуж и больше никогда с тобой не заговорит.

— Что? — переспросил он. — Выйдет замуж? София?! О чем ты?

— О том, что Драконов уже нашел для дочери жениха. С другой стороны, тебе-то какая разница. Ты у нас тоже скоро женишься.

От портала, через который брат ушел к себе, остались только искры. От темной магии все еще фонило внутри. Но ярче всего звенели слова, словно замороженные заклинанием повторения: «А то она скоро выйдет замуж и больше никогда с тобой не заговорит».

Никогда.

Никогда.

Никогда.

Соня

Этот вечер мог бы стать одним из тысячи вечеров... ну ладно, пока что одним из сотни ничего не значащих вечеров, проведенных в этом мире, но конкретно этот, который сейчас мягкой теменью укутал весенний Хэвенсград, был самым чудесным. Лена нашлась. С ней все хорошо. Не просто нашлась, не просто все хорошо, она здесь, рядом, и теперь... Что теперь, Соня пока смутно представляла, но была уверена, что вдвоем пройти через что бы то ни было, справиться со всем будет в разы проще.

Ее даже не смутило, что мама устроила перед Люцианом. Мама Софии. С появлением Лены она гораздо отчетливее ощутила, что ее присутствие здесь — просто присутствие, потому что это не ее семья. Эти люди никогда ей не были и никогда ей не станут, как бы она ни пыталась убедить себя в обратном. Как бы ни пыталась приспособиться с самого начала, понимая, что обратный путь для нее закрыт.

Закрыт просто потому, что такого уровня магии не было ни в одной библиотеке. Она очень мало знала о том, что случилось, но понемногу привыкала к новому миру. К тому, что бытовые заклинания упрощают жизнь. К тому, что можно передвинуть стул с помощью магии, и все в том же ключе. Конечно, если бы была возможность вернуться, она бы сделала это не задумываясь: тоска по маме давала о себе знать постоянно. Тоска по маме, тоска по Лене... с которой они все это время были рядом.

Начиная с этого момента все будет совсем по-другому. Иначе.

Соня немного переживала по поводу того, что рассказала Люциану, но потом поняла, что если бы он что-то хотел сделать, ему не надо было бы даже выходить из музыкального салона. Одно движение его пальцев, обращение к браслету — и здесь были бы и стражи порядка, и следователи его отца, и много кто еще. Поэтому сейчас оставалось только сидеть и ждать, когда Лена найдет новую виритту и свяжется с ней. В том, что она свяжется сегодня, максимум завтра, Соня не сомневалась. Равно как и не сомневалась в том, что вместе они придумают, что со всем этим делать.

А еще... ей действительно столько всего нужно Лене сказать! И рассказать.

На этой мысли Соня поднесла пальцы к губам, чтобы привычно куснуть ногти от переполнявших ее чувств, но вовремя себя одернула. Ни читать, ни заниматься уроками, ни тем более готовиться к экзаменам не получалось, поэтому она сидела на постели в пижамке и время от времени поглядывала на виритту. Снежана (или попросту Снежа) застыла над браслетом с философски-отрешенным выражением лица. Ее создавали для Софии Драконовой с нуля, и имя полностью соответствовало внешности: светлые волосы, светлые брови, льдисто-голубые, ближе к бесцветным, глаза. По преданиям, Снежа была одной из фрейлин Тамей, сотканной из зимней магии в

честь великого праздника рождения этой самой магии. Ни дать ни взять Снегурочка.

Поглядывая на нее, Соня снова и снова думала о Лене. И о том, что происходит сейчас у нее. Чем она занята? Неужели так долго найти новую виритту? Закусив губу, Соня спрыгнула с кровати, направилась к распахнутому окну спальни — как раз в тот момент, когда прямо за ним метнулась огромная тень. Взвизгнув от неожиданности, девушка отпрыгнула, запнулась пяткой о ковер и плюхнулась прямо на попу.

Очень в тему, потому что из окна вылезал, а точнее, в окно влезал Сезар Драгон собственной персоной!

— Ты что здесь делаешь?! — рассерженной кошкой зашипела Соня, пытаясь подняться так, чтобы еще больше не уронить достоинство.

Сезар протянул ей руку, и она совершила самую большую глупость в своей жизни: ее приняла. От простого прикосновения ударило током так, что потемнело в глазах. Или в глазах потемнело лишь от того, что в этой комнате был он? От одного лишь присутствия, от его близости?

Взгляд Сезара и правда был темным. Таким темным, как никогда. Он прошелся по ней, скользя по лицу, по плечам, по груди, животу, ногам. Так откровенно, что Соня даже несмотря на наличие короткой светло-зеленой пижамки, весьма красивой, почувствовала себя раздетой. А вот надо было надевать сорочку! И халат. И поверх халата еще что-нибудь.

Соня выдернула пальцы из обжигающей ее ладони и сложила руки на груди.

— Так и будешь молчать?

— Люциан мне все рассказал. — За спиной старшего принца таяли черные крылья, и, засмотревшись на них, Соня сначала упустила смысл сказанных им слов.

Только потом до нее дошло.

— Рассказал — что? — холодея, спросила она.

— Что на тебя напали. Что ты выходишь замуж, София, — последнее он произнес, будто выплюнул, и Соня вскинула брови. Она хотела сказать, что ни за кого не выходит, и что если отцу нравится найденный им кандидат, пусть сам с ним под венец и идет, но в этот

момент вспомнила Женевьев. Вспомнила все, что видела, слышала, чувствовала. Поэтому сейчас наклонила голову и поинтересовалась:

— И что?

Взгляд Сезара потемнел еще сильнее. Настолько, что в нем за клубились серебро искр темной магии.

— И что?! Ты его не любишь, София. Он тебе никто!

— Правда?! — искренне изумилась Соня. Хотя скорее искренне разозлилась. — И когда ты настолько хорошо успел меня изучить, Сезар?! Когда выходил в свет со своей Женевьев...

Она прикусила язык. Нельзя этого говорить, нельзя, нельзя!

— Женевьев для меня никто, — произнес Сезар, в одно мгновение сокращая расстояние между ними. Соня даже ойкнуть не успела, когда его пальцы сталью сомкнулись на плечах, а взгляд — глаза в глаза — ударил, как штормовая волна. Сбивая с ног, накрывая, затягивая по острым камням туда, откуда вернуться уже не получится.

В детстве Соню в точности так же сбilo с ног на море, она помнила это ощущение, это чувство беспомощности, когда тебя волочет под водой, как какую-то водоросль, подбрасывая то вверх, то вниз, а ты цепляешься за камни, пальцы соскальзывают, а вода над головой давит, давит, давит и давит, утягивая на глубину. Все дальше от берега. Все дальше от мамы с отцом. От тех, кого ты любишь.

Лена!

Именно мысль о ней помогла вырваться из этого полуоцепенения, и Соня уперлась ладонями ему в грудь.

— Для тебя никто я, Сезар. Ты скоро женишься, поэтому убери руки! — Она вложила всю свою силу в то, чтобы его оттолкнуть, а он этого не ожидал. Возможно, поэтому получилось. — И никогда больше не смей ко мне прикасаться! Мы с тобой не виделись уже очень давно, и я предпочту, чтобы так было и впредь.

Может, она и лгала, в том числе и себе самой, но он действительно женится. Слова о том, что Женевьев для него никто — это просто слова. Они ничего не изменят, чуть больше чем через месяц Сезар станет мужем другой женщины, и сама мысль об этом болью пронзила сердце.

— Уходи, — Соня указала на окно. — Я не знаю, зачем ты вообще пришел, но уходи.

— Нет.

Это было сказано спокойно, ровно, но у нее почему-то мурашки побежали по коже. Сам по себе этот Сезар, который сейчас стоял рядом с ней в комнате, ничем не напоминал того, кого она знала. От него исходили то жар, то холод — но если жар был скорее ее внутренним ощущением, то холод, растягивающийся вдоль стен щупальцами, точно принадлежал ему. Этот холод давил, распластываясь над ними, вплавлял в пол, и от него сердце словно пропускало удары.

— Нет? — Соня в упор посмотрела на него. — Мне позвать отца?

— Попробуй.

Заклинание, которое их накрыло, явно было каким-то темным высшего порядка. Потому что на миг Соня перестала слышать даже собственное дыхание, а после Сезар снова шагнул к ней. Рывком притягивая к себе, вжимая ладони в ее плечи.

— Ты не выйдешь за него замуж, — произнес он, и Соня вздрогнула. Если бы могла — дернулась бы назад, таким незнакомым был его голос, а глаза — как провалы в черную бездну. — Ты ни за кого замуж не выйдешь. Ты — моя, София.

— Что... Сезар, отпусти! Ты меня пугаешь! — Соня рванулась, но тщетно.

Он притянул ее к себе с легкостью, как пушинку, вздернул наверх, заставляя привстать на носочки. Его губы коснулись ее виска, и шепот обжег, как могло бы обжечь пламя:

— Ты сводишь меня с ума, София. С самого начала сводишь меня с ума. Ты — мое наваждение. — Его губы скользнули по щеке, вызывая столько противоречия, что Соня на миг испугалась, что ее сердце просто сейчас остановится. — Я столько тебя не видел... так давно об этом мечтал.

Одна ладонь Сезара скользнула в ее волосы, другая легла на талию, вдавливая ее в него. Не оставляя ни малейшего пространства для маневра, распластывая по себе. Голова закружилась, в ушах зашумело, особенно когда их губы соприкоснулись. На миг потерявшись в его объятиях, Соня тут же пришла в себя и забилась, но он держал крепко. Не оставляя ни малейшей возможности вывернуться. Не позволяя даже на миг отстраниться, чтобы вдохнуть.

Его язык ворвался в ее рот столь же бесцеремонно, сколь бесцеремонно он сейчас сжал ее ягодицы. От неожиданности она

замерла, а потом с силой впила зубами в его губы и, когда Сезар на миг отстранился, вlepила ему пощечину. Так, что у самой зазвенело в ушах, а ладонь словно укололи тысячи мелких иголок.

— Пусти! — прошипела она. — Да, я выхожу замуж, и если ты сейчас не уйдешь...

— Любишь кусаться, София? Да, я предполагал, что любишь. Маленькая плохая девочка. — Он будто ее не слышал совсем, или слышал только то, что хотел?

Сезар облизнул окровавленные губы, мгновенно подернувшиеся серебром дымки, как льдом. Его взгляд затопила тьма, которую расплосовало серебро зрачков, вытянувшихся в вертикаль, и Соню накрыло силой. Страшной, темной, от которой хотелось визжать, но не получалось издать ни звука. Последнее ощущение — словно она стояла перед стеной пламени и крошащегося прямо ей в лицо льда — исчезло, растворившись в этой бесконечной тьме.

Особенно когда Сезар швырнул ее на кровать, лицом прямо в подушку. Она попыталась подняться, но его руки уже скользили по ее телу. Под этим скольжением пижама расплзлась клочьями, и Соня осталась полностью обнаженной, полностью обнаженной, распластанной под ним. Горячие губы впились в основание шеи, он оторвался от нее только чтобы произнести:

— Моя София. Только моя. Запомни это!

Один рывок разрушил хрупкую преграду ее тела, и Соня закричала бы, если бы могла. Но не могла, ее заглушала не только мощь заклинания и давящей страшной магии, была еще под лицом подушка.

«Сейчас задохнусь. Я сейчас задохнусь...» — подумала она, и на миг захотелось, чтобы это было действительно так. Потому что рывки внутри нее были звериными, ужасными, злыми, и мир разламывался на части так, как сейчас разламывалась она. Одной частью оставаясь в его руках, в теле, которое сейчас полностью сливалось с его, второй — в сознании, почти теряя его от ужаса.

От того, что это делает Сезар. Мужчина, которого она... любит?! Любила...

Соня позволила себе эту мысль, и мир взорвался рычанием, ударившим прямо ей в спину, силой тьмы, яростью, пустотой, злостью.

Она с радостью нырнула во тьму, раскрывшую ей объятия, поэтому уже не слышала яростного: «Моя. Будешь моей всегда!»

Глава 26

Глава 26

Лена

Проснувшись, я не сразу поняла, почему над уютным теплом надо мной тяжесть. Только открыв глаза, обнаружила острый изгиб накрывающего меня тяжеленного черного крыла. Это крыло было затянута массивной черной чешуей, края которой посверкивали серебром, и унизано черными шипами, от одной только мысли прикоснуться к которым любому нормальному человеку стало бы дурно. Но я же ненормальная, поэтому осторожно высунула пальцы из-под одеяла и потрогала.

Красивое.

Как и он сам. Серебро чешуи на его скулах поблекло, стало полупрозрачным, как какой-то водный грим, черты лица будто обозначились резче, четче, хищнее. Вспомнив о том, что произошло вчера, я сглотнула и, оставив крыло в покое, коснулась пальцами его губ.

— Доброе утро, Лена.

Валентайн сказал это неожиданно и так же неожиданно открыл глаза. По-хорошему, мне нужно было испугаться, шарахнуться и все такое, но то ли время, когда я пугалась, прошло, то ли что еще, сейчас я только облизнула губы и произнесла:

— Доброе утро, — получилось немножечко хрипло.

В следующий миг крыло взметнулось ввысь, а после на глазах стало таять. Вместе со вторым: его я увидела, приподнявшись — оно протянулось по диагонали от спины Валентайна, по полу, метра на два. Я смотрела, как контуры крыльев становятся все менее четкими, все менее материальными, и вот уже от них осталось одно только воспоминание и серебристо-черный флер.

— Вау! — вырвалось у меня.

— Что?

— Вау — это... вау. — Я не представляла, как это перевести, но все-таки попыталась: — Ух. Круто. Невероятно. Волшебно. Незабываемо.

— Рад, что тебе понравились крылья, — произнес Валентайн.

— Мне нравишься ты. Крылья идут в комплекте.

Он приподнял бровь и улыбнулся. Улыбка ему шла. Тамея, как же ему все-таки шла улыбка, вот такая, живая.

— Можно считать это комплиментом?

— Можно, — подтвердила я, возвращаясь в его объятия. Вылезать из них не хотелось. Хотелось лениться и лежать вот так, чувствуя биение его сердца под пальцами. Может даже вывести какой-нибудь узор у него на груди...

Валентайн перехватил мою руку раньше, чем я этот узор закончила.

— Если ты сейчас не остановишься, Лена, потом уже не остановлюсь я. А тебе после вчерашнего вряд ли захочется повторять наши подвиги.

Да уж, после вчерашнего марафона я с кровати буду вставать враскоряку. Это я поняла, поерзав по простыне, равно как и то, что повторять «подвиги» сейчас точно не стоит. Сегодня не стоит. Как минимум сегодня, если только я не применю какие-нибудь зелья или исцеление темной магией. У нее там своя специфическая методика, непохожая на исцеление светлых, но в принципе рабочая. Вот только я не хотела. Хотела чувствовать все последствия, по-настоящему. Как в нашем мире.

— Соня, — напомнил Валентайн, продолжая сжимать мои пальцы в своих и не отпуская. — Ты вчера перед тем, как заснуть, сказала, что ты ее нашла.

— Я это сказала? — прошептала одними губами. — Не помню.

— Это было вместо «Доброй ночи, Валентайн, ты был бесподобен».

— Фу, какая пошлость, — я прижалась к нему покрепче. — Банальщина.

— Да, я тоже так подумал, но будить тебя все-таки не стал. Расскажешь?

— Это невероятно, и в это сложно поверить...

— Особенно мне.

Я подняла на него взгляд. Глаза в глаза.

— Ты не мог знать, что она будет в теле Софии Драконовой. Вероятно, ее тело осталось в том мире, и поиск привел тебя именно к нему, а ее разум... душа, сознание, я уже смутно понимаю, как это назвать, переместилось вместе со мной в Софию. Я в Ленор, она в Софию. Во время дуэли.

— Я действительно многому тебя научил, — произнес Валентайн.
— Да, ты права. В том, что касается поискового заклинания, которое привело меня к ее телу.

Меня слегка передернуло. Я вспомнила тот вечер в лабиринте, который предпочла бы не вспоминать, мотнула головой.

— Скажи, что ты рад за меня. Пожалуйста.

— Я рад за тебя. Правда. — Он коснулся моего лица пальцами. — Я рад за Соню, рад, что она жива. Я рад, что ты первым делом поделилась этим со мной.

— А могло быть иначе? — Я потянула ладонь на себя, и вместе с ней притянула ладонь Валентайна, которая легла на мои ключицы. В опасной близости от груди: и кто тут говорил на тему «остановиться»?! — Я сказала тебе, потому что для меня это важно. Я словами не могу передать, как это важно. Соня здесь! Понимаешь?! Соня здесь!

— Что дает нам новые исходные данные.

Прозвучало как ушат ледяной воды.

— Что?

— Вы вместе попали в этот мир, Лена. Это многое меняет.

— Многое? Например, что?

— Например, то, зачем в этот мир попала она.

— За компанию?

— Мой отец никогда ничего не делает просто так.

— Считаешь, что у него были мотивы привести нас вдвоем?

— Однозначно. Все, что он делает, взаимосвязано, как звенья одной цепи. То, что твоя подруга рядом с тобой — не просто так.

— Валентайн, — я все-таки осторожно освободила пальцы и накрыла его ладонь своей, — а может быть, пусть будет просто так? Пусть... ты говорил про черную страсть, про то, что если мы будем вместе, все рухнет, но посмотри — дом еще стоит. Даже кровать не шатается...

— Это потому что мы здесь просто спали.

Несколько секунд до меня доходил смысл его слов, потом я расхохоталась. От души, громко, так, что из глаз брызнули слезы.

— Ну, знаешь ли... — произнесла сквозь смех, отсмеявшись и отдышавшись. — Как тебе удастся говорить это с таким серьезным лицом?

— Потому что я знаком с темной магией, с ее сутью. Знаком с тем, на что она способна. Я родился с ней, я чувствую ее с первого вдоха.

Он повернулся на спину, привлек меня к себе.

— Да, тебя она не пугает, но поверь, Лена, должна бы. Эта сила способна изменить изнутри настолько, что тебе станет все равно на меня. На Соню. На весь мир. У тебя будут другие цели и другие масштабы, но чувствовать ты уже не сможешь. Человеческая жизнь станет игрушкой, игрушками станут события, время, и смерть, и жизнь. Тебе это сложно понять...

— Нет, — перебила его. — Не сложно. Там, на улице, когда на нас с Соней напали, я на себе испытала все то, о чем ты говоришь. Я чувствовала этот холод. Чувствовала, что могу легко разбросать, уничтожить их всех. Просто размазать, как каких-то букашек, и это ощущалось так естественно... для нее. Для того, что живет внутри. Поэтому я очень хорошо понимаю, Валентайн. Но я этого не сделала. Ты не сделал. Ничего плохого, ты даже Лэйтора отпустил. Тогда, в камере. Помнишь?

Его грудь под моими пальцами стала каменной, а я поудобнее устроилась у него на плече и продолжила:

— Вот в этом и заключается наша сила. Ты выбрал спасти меня, а не убить его. Я выбрала спасти Соню, а не убить людей. Ты говоришь, что темной магии в тебе становится больше, но вот мы были вместе, и ты по-прежнему обнимаешь меня. Ты по-прежнему чувствуешь все то же самое, что чувствовал вчера. Потому что...

— Думаю, нам стоит принять душ, Лена. По отдельности. — Валентайн поднялся стремительно, правда, при этом осторожно переместив меня на подушки.

А говорил, что не будет больше сбегать.

— Можно позаимствовать твой браслет? Не знаю, как работает твой виритт...

— У меня его нет.

— Нет?

— Нет, у меня нет образов, за которые я цепляюсь.

Так, ладно. По-моему, нам действительно стоит немного побыть по отдельности. Даже если это всего лишь душ.

— Хорошо, тогда просто покажи мне, как он работает. Я хочу поговорить с Соней.

— Тебе доставят новый в ближайшее время. — Валентайн коснулся браслета, парой коротких касаний видимо, отправив запрос. — Наслаждайся общением, я пришлю за тобой, когда будет готов завтрак.

— И вам доброго утра, — проворчала я, когда абсолютно обнаженный Валентайн (не считая браслета) ушел порталом в свою спальню. Надо отдать ему должное, за собой он следил очень хорошо, поэтому картина обнаженного тыла — широкие плечи, спина, переходящая в поясницу и узкие бедра, крепкие ягодицы и сильные ноги — стояла у меня перед глазами даже тогда, когда портал уже закрылся. Впрочем, хорош он был однозначно не только с тыла, со всех сторон разом. В анфас и в профиль, и если вспомнить, как он стоял передо мной вчера в ванной, скользя ладонями по моему телу — весь такой как древнегреческий бог с соответствующими формами и размером...

Зажмурившись, я потерла глаза и пошла за одеждой. Мы с Соней, конечно, очень близки, но вот так сходу всем своим видом сообщать о том, что произошло ночью, я была не готова. Честно говоря, я вообще не собиралась пока говорить об этом: нам и так было, что обсудить.

Пока я принимала душ и надевала легкое домашнее платье (из тех, что не успела собрать), мне уже доставили новый браслет. Коробочка с логотипом «Туасон ле Фре» лежала прямо на комод, поблескивая знакомой эмблемой, напоминая о том, что вчера всплыл еще один факт, который может помочь мне в расследовании! Спасибо Валентайну, что заказал именно у них, потому что из головы вылетело абсолютно все. Вчерашний день по событиям равнялся примерно одной жизни, плюс-минус, а еще...

Еще у меня новая виритта, и это значит, что я смогу связаться не только с Соней, но и с Максом. Пусть разово, но смогу же! Учитывая, что и Драконов и Хитар действовали схожими методами, блокируя наше общение, сегодня они оба обломятся. Я едва удержалась, чтобы

не показать неприличный жест воображаемым Ване и Хите, а потом, активировав новую виритту без отличительных черт, пока что представляющую собой просто сгусток магической энергии, задала координаты Софии Драконовой. Сейчас решим, где нам встретиться, и наговоримся за целый год!

На том конце долго не отвечали. Так долго, что я уже подумала, что надо отменять связующее заклинание, потому что Соня еще спит, но полыхнула вспышка приема. Тут же развеиваясь, чтобы показать спальню Софии и мою подругу на кровати. Завернутую в покрывало по самый подбородок.

— Лен...

Я, по-моему, впервые видела Соню такой. Растрепанную, с зареванным лицом, красными глазами, серо-зеленого цвета. Я настолько впала в протрацию, что задохнулась словами: «Что произошло», а в следующий момент Соня обиженно, отчаянно и по-детски громко, навзрыд, заплакала.

— Соня... Сонь, что произошло? — Я не узнаю собственный голос, он мне кажется чужим и корявым. Потому что я реально не понимаю, но, чтобы так плакать, нужна причина, и она мне уже не нравится.

— С... Сезар, — выдает она.

— Что — Сезар? Что с ним случилось?!

— С ним... ничего. С... он меня... и... изн... я-я-я не хотела...

По отрывистым, выбитым из контекста словам что-то сложно понять, но я понимаю. Я вообще с удивительной четкостью понимаю, что произошло, и, хотя в голове не укладывается все это дерьмо, у меня перед глазами встает очень четкая картина. Которая мгновенно теряет цвета, и я соскальзываю в черно-белый мир, знакомый мне холодом, мощью, убийственной силой.

Убить. Разорвать эту тварь.

Мысли вспарывают сознание, когда я открываю портал. За миг до того, как в него просто шагну, рядом раскрывается второй. Меня дергают на себя с такой силой, что из груди выбивает дыхание, а из сердца — стук. Я врезаюсь в мокрого после душа Валентайна, ударяюсь о его каменную грудь, как о стену. Капли с его волос падают мне на лицо, когда он меня встряхивает, а я рычу. Натурально рычу, пытаюсь вырваться, и в этот момент в меня ударяет знакомой мощью.

Как будто ледяной рукой в самое сердце, и тянет, тянет, тянет, вытягивая весь холод и черно-белое, подернутое серебром, его черты лица заостряются на глазах, а потом меня выталкивает в мир.

Мир полный ярких красок, живых чувств и боли. Боли, которую я чувствую, как свою.

— Соня! — кричу я, понимаю, что просто отключилась. От нашего разговора, ото всего, когда меня так накрыло.

Накрыло — чем?

«Ты знаешь, чем», — приходит ответ.

Сейчас меня знобит, трясет как при температуре, но я вцепляюсь в плечи Валентайна.

— Отведи меня к Соне! Срочно, пожалуйста, это срочно!

Спасибо ему, он ни о чем не спрашивает, просто забирает меня в свою спальню, на ходу подсушивает волосы магией и одевается. Спустя, наверное, минут пять мы уже стоим у дома Драконовых, потом начинается вообще какой-то трэш, когда дворецкий сначала не хочет докладывать хозяйке о нашем визите, но под одним взглядом Валентайна мигом меняет свое мнение. Появившаяся Мария Драконова сообщает нам, что мы должны уйти, но, разумеется, узнает от Валентайна, что это приказ архимага — пропустить меня к ее дочери. Ахов, охов и суеты столько, что у меня начинает болеть голова, но все это время рука Валентайна лежит у меня на плече. Не тяжестью, а поддержкой, совсем как тогда, когда зимой на празднике меня все обвиняли.

В конце концов Мария срывается на повышенный тон и говорит, что она немедленно посылает за мужем, но меня все равно уже провожают наверх. На остальное мне, честно говоря, сейчас плевать.

Горничная, которая открывает передо мной дверь, застывает в шоке: Соня сидит, подтянув колени груди в том самом виде, распахнутое окно подбрасывает и бьет занавески под сильным ветром — на улице собирается дождь. Скомканное одеяло, сбитые простыни, и взгляд моей лучшей подруги — такого отчаяния в нем не было никогда. Я бросаюсь к ней, забираюсь на постель, обнимаю.

Соня вцепляется в меня, как в спасательный круг, прижимается и дрожит. А я понимаю, что это, что бы тут ни произошло, оно произошло здесь не пару минут назад. Даже не два часа, но она никому не сказала, просто вот так просидела всю ночь, пока я не обзавелась

новой вириттой и не связалась с ней. От этого хочется выть, но я усилием воли вытряхиваю из себя все лишнее, тем более что чувства мне сейчас ни к чему. Если я в них провалюсь, следом опять провалюсь в то, из чего меня выдернул Валентайн, поэтому я просто обнимаю Соню, прижимаю ее к себе и глажу по голове.

Сосредоточившись только на этих простых объятиях и прикосновениях. На том, что я ей нужна. На том, что если темная магия опять ворвется в меня, я уже не смогу ей помочь.

Фоном плавают слова Валентайна: «Да, тебя она не пугает, но поверь, Лена, должна бы. Эта сила способна изменить изнутри настолько, что тебе станет все равно на меня. На Соню. На весь мир».

По какой-то черной иронии эту практику я прошла сразу же за теорией, и поняла, что это не просто слова. Это — когда в один миг от чувств и переживаний за лучшую подругу я превратилась в жаждущее мести и крови существо — надолго останется у меня в памяти. Может, оно и к лучшему. Потому что я больше никогда не позволю такому случиться.

Ни-ког-да. Даже если мне придется посадить под замок все мои чувства на ближайшее время. Или на всю жизнь.

Судя по тому, что в комнату прибегает Мария, горничная ей все доложила. В кои-то веки глаза у этой женщины вылезают из орбит по делу, а не как у собачки, решившей обляять велосипедиста. Очень скоро вокруг нас становится очень много суеты, а потом я слышу:

— Я буду у Фергана, Лена. Если что — просто зови.

Валентайна в комнате нет, но я же помню, как мы с ним «общались». Поэтому сейчас мысленно отвечаю: «Хорошо», — и надеюсь, что он услышал. Да, я думаю, что он услышал, иначе и быть не может.

Спустя еще несколько минут в комнате появляется семейный целитель Драконовых, меня пытаются выставить, но в ответ на попытку взять меня за руку я смотрю на слугу так, что он невольно шарахается в сторону. А потом Соня говорит на удивление резко и твердо:

— Она остается. А вы все уходите.

Как ни странно, целитель кивает в поддержку, и всех во главе с Марией сдувает. Правда, до того, как закрывается дверь, я вижу на лестнице Драконова, который, не стесняясь никого, орет на жену, что у

нее ежерожьи мозги, и что теперь полштата слуг в курсе случившегося. На этом, к счастью, дверь закрывается, и мы остаемся втроем.

Пока целитель осматривает Соню, я держу ее руку в своей, ее голова лежит на моей груди. Отпускаю только когда мужчина — седовласый, с крючковатым носом и пальцами как у пианиста — просит меня отойти, чтобы он мог накрыть ее проверяющим, а затем и исцеляющим заклинанием.

Со стороны это выглядит, как золотая паутинка, невесомая, но в то же время с достаточно плотным узором. Она окутывает Соню, ложится на нее, и прямо на этом золоте я вижу вспыхивающее красным. Там, где этим красным вспыхивает, целитель мгновенно добавляет заклинание, и еще одно, и еще — до тех пор, пока золотой цвет не выравнивается.

Магия исцеления людей и драконов отличается, я уверена, что Люциан справился бы в разы быстрее, но спустя полчаса мужчина уже заканчивает. Я все это время, оказывается, стою на одном месте как вкопанная: это я замечаю только когда мужчина произносит:

— Все.

И Соня, которой горничная перед его приходом успела подать халат, неуверенно садится. Снова подтягивает к себе ноги.

— Чувствуете что-то? — уточняет мужчина, потирая переносицу: видно, что он оставил на лечении много сил. — Я имею в виду неприятные ощущения, тэри Драконова.

— Нет, — Соня качает головой. — Нет. Сейчас все хорошо.

— Хорошо, — мужчина снова трет переносицу, потом виски. — Вот здесь зелья, которые вам нужно будет пить три-пять раз в день. Чтобы восстановить равновесие... гм... чтобы ваш разум не перенапрягался.

«Да, психологом ему не быть», — мрачно думаю я, пока он выгружает из саквояжа несколько склянок с искристо-зеленой жидкостью.

— Они сильнодействующие, поэтому больше пяти раз в день не принимайте. Две-три капли за один раз. — Мужчина делает акцент на «не принимайте», потом добавляет: — И, если вдруг почувствуете что-то, любое малейшее недомогание, сразу же вызывайте меня. Не молчите. Вы меня поняли, тэри Драконова?

— Да, — очень тихо отвечает Соня.

— Что ж... хорошо. Желаю вам скорейшего выздоровления, — целитель закрывает саквояж и с явным облегчением нас покидает, а Соня, прежде чем я успеваю ее остановить, хватает стоящую на тумбочке склянку и делает несколько глубоких глотков.

Глава 27

Глава 27

Люциан Драгон

С утра в замке, конечно, бывало шумно, но чаще всего это случалось по большим праздникам, когда к ним готовились. Сейчас же творилось нечто невообразимое, и Люциан ощущал это даже на магическом уровне. Волнение людей, волны силы отца, набирающей мощь, и его ярость. Последние навыки он приобрел на занятиях на военном факультете, неотъемлемая часть обучения — знать, что ощущает противник, чтобы на ходу прогнозировать атаки и действия. Вот и сейчас он проснулся скорее от этого, а даже не от возбужденных голосов слуг, доносящихся из-за двери, и так же поспешно удаляющихся. Равно как и шаги.

— Да чтоб их, — пробормотал Люциан, перевернувшись на живот и натягивая на голову подушку.

Вставать не хотелось категорически. Особенно когда вспоминалось, какую ошибку он совершил и что понятия не имеет, что теперь с этим делать.

Снизу что-то гроыхнуло. Натурально так, в полную силу.

— Это замок тэрн-арха или скотный двор гарнизона?! — зло рявкнул Люциан, садясь на постели.

Сон уже ушел, взамен вернулась реальность. Та самая реальность, в которой Ларо когда-то рыдала, а он ее утешал в этой самой комнате. Пальцы сдавили простынь так, что она жалобно затрещала, ткань разошлась, и Люциан, отшвырнув покрывало, поднялся. День обещал накрыть дождем всех и вся, тучи надвигались со стороны Хэвенсграда. Тяжелые, темные, низкие — такие только летом бывают, поэтому в комнате было достаточно пасмурно. Спать бы еще и спать, но не судьба.

Завернув в ванную, он оделся, а после вызвал прислугу:

— Что происходит? — спросил у перепуганной горничной с большими глазами на круглом миловидном лице.

Та была белого цвета, аккурат в тон накрахмаленному воротничку, переднику и чепцу.

— Я... тэрн-ар, вам лучше спросить об этом у вашего отца.

Люциан прищурился.

— Ладно. Спрошу. Завтрак уже подавали всем?

— Сегодня никто не завтракал.

Даже так?!

— Там что, свадьбу Сезара перенесли, пока я спал? — уточнил Люциан, и горничная сменила белый цвет на цвет своего платья, став какой-то серо-лиловой. Посмотрев на все это, он только рукой махнул: — Ладно, иди.

Девушка с явным облегчением выскользнула за дверь, а Люциан, глянув в окно на простирающийся внизу лабиринт, где вчера говорил с братом, шагнул в коридор. Что такого могло случиться за одну ночь, что тут все на ухах стоят? Не просто стоят, они бегают. Конечно, причиной могла быть сила отца — не случайно же Ферган стал правителем. Его сила могла воздействовать на любого присутствующего, и от ее колебаний сейчас давило виски. Отпускало. Потом накрывало опять.

Сколько Люциан себя помнил, он ни разу не ощущал ничего подобного, поэтому и направился напрямик в тронный зал, откуда это все тянулось. На подходах настройка на эмоциональный фон ударила еще двумя сильными ощущениями. Первое — темное, как глубина столь ненавистной ему магии, закрытое на тысячи замков — не пробиться. Второе — полное такого отчаяния и боли, что ему стоило немалых усилий туда не свалиться аккурат с головой. Пришлось применить даже заклинание блокировки, хотя на занятиях им рекомендовали практиковать навык как можно чаще и учиться чувствовать эмоции на лету, но такое Люциан однозначно чувствовать не хотел.

Да и незачем. Здесь явно Альгор, а вот кто там еще, с отцом? Чем его так полоснуло?

У дверей предсказуемо стояла стража, которая в ответ на попытку войти сдвинула искрящиеся магией гарды.

— Вы совсем ополоумели? — неестественно-спокойно поинтересовался Люциан. — Я — тэрн-ар, или вы хотите завтра дворы мести?

— Приказ тэрн-арха: никого не пускать.

— Что значит — никого?! Я его сын!

— Приказ тэрн-арха, — как заведенный повторил стражник, второй стоял с непробиваемым лицом.

Да что там происходит-то, драхи их всех дерите?!

Выяснить или даже основательно разозлиться Люциан не успел, потому что ему пришел странный запрос от неоформленной виритты. Чего он точно не ожидал — так это увидеть еще и Ларо. Тоже белого цвета. А за ее спиной — спальню Софии Драконовой, в которой творилось какое-то безумие.

И уж тем более услышать того, что услышал:

— Люциан, ты мне нужен. Спаси ее.

Наверное, он мог ожидать всего чего угодно, только не такого. Тем более не того, что Ларо сама скажет слова «Люциан, ты мне нужен». Но что-то в ее голосе подсказывало, что нет времени выяснять, что она имела в виду, поэтому он и открыл портал сразу. К дверям дома Драконовой, и, как ни странно, дворецкий сразу же распахнул ему дверь, а потом девушка-горничная, лицо у которой было залито слезами, быстро проводила его наверх.

Там собрались все, кто мог: и Драконов с совершенно зверской физиономией, и белая как снег Мария, и... в общем-то на всех остальных ему было плевать, не плевать было только на Ларо. Она вообще была серая. И на Драконову. Та тоже цветом напоминала свежесвыпавший на радость Тамеи снег.

— Она хлебнула этого зелья, — Ларо показала ему пузырек.

— Это гвеалидж, — как-то виновато произнес стоявший у кровати целитель, у которого дрожали руки.

Сильное успокаивающее? Расслабляющее и погружающее в сон? Но зачем ей...

Люциан не додумал, потому что увидел контуры жизни Драконовой. Этот навык тоже активно практиковали на военном, на поле боя всякое бывает, и ее контуры жизни размывались на глазах.

— А ты что застыл? — рявкнул он на целителя.

— Я пытался, но у меня все силы ушли на восстановление после изнасилования. Там же не только тело исцелять нужно...

— После чего? — переспросил Люциан.

— Может вы все заткнетесь и поможете ей?!

Голос Ларо привел в чувство, в который уже раз. А еще напомнил о том, что медлить нельзя, и он быстро шагнул к погружающейся все глубже в магический сон Софии. Все глубже, глубже и глубже, настолько глубоко, что дальше — только смерть. Он на ходу вспоминал все, чему учился всю сознательную жизнь, в школе, на военном. Зелья действуют мгновенно, поэтому сейчас вытаскивать девушку можно, только вливая силы и потихоньку вытягивая из этого состояния.

София ушла глубоко. Очень глубоко, он почувствовал это по тонкой, едва дрожащей ниточке пульса, которую первым делом выровнял, направляя в ее жизненные контуры собственный ресурс. Да, человек здесь однозначно не справился бы, просто не хватило бы сил. У него у самого даже пальцы дрожали, когда он вливал в нее силы, понемногу избавляя от попавшей в ее кровь концентрации самого сильного успокоительного зелья. Разрушая его изнутри светлой магией, поглощающей крупичу за крупичей усиленной волшебством настойки.

Когда София глубоко вздохнула и открыла глаза, с него, кажется, десятый пот сошел. Она обвела всех собравшихся плывущим, непонимающим взглядом — остатки зелья в ее крови еще продолжали действовать, и Люциан предпочел остановиться. Предпочел и не замечать бы, как Ленор, то есть Лена, бросилась к ней и сжала ее руку:

— Зачем?! Зачем ты это сделала?!

— Я просто хотела, чтобы не было так больно... я просто хотела заснуть.

Люциан повернулся к ним спиной. Было в этом что-то глубоко личное, настолько, что даже ему смотреть было стремно. А вот всем остальным...

— На выход, — скомандовал он.

Мария сразу развернулась к дверям, целитель тоже, на ходу бормоча Драконову, что дал правильные рекомендации. Иван же посмотрел на него в упор:

— Не забывайте, что вы в моем доме, тэрн-ар.

— А вы не забывайте, что я тэрн-ар, и считайте, что это приказ. Можете пожаловаться папочке, он как раз в настроении, а сейчас вышли все.

Драконов сверкнул глазами, но все-таки вышел, забрав с собой свое превосходительно-мрачное настроение. Люциан хлопнул за

ними дверь, впервые в жизни не имея ни малейшего понятия, куда девать себя. От того, что произошло, от того, что он услышал, увидел, узнал, остатки мира доосыпались к драхам в то место, о котором в приличном обществе говорить не положено. Наверное, он бы так и стоял, уткнувшись взглядом в закрытую дверь, если бы не услышал за спиной:

— Люциан... спасибо.

Заставив себя обернуться, он увидел, что Драконова спит. Теперь уже реально спит, лицо у нее порозовело, губы больше не напоминали лепестки амидастрии, цветка, который называют «туманной грозой» за его свинцово-серый цвет. Наверное, нужно быть конченным уродом, чтобы смотреть на девушку, которая только что чуть не умерла, на девушку, которая твой лучший друг, и которую изнасиловали, и думать только о другой. О той, которая сейчас кусает губы, глядя на разворошенную постель.

Если бы речь шла о Ленор, он бы сказал, что она сейчас устроит истерику, но речь шла о Лене. Поэтому он понятия не имел, что устроит она.

— Помоги мне здесь все перестелить.

— Что?!

— Это все надо поменять, — Лена посмотрела на него, указав на простыни и одеяло. — Попроси горничных принести свежее белье, а я пока постараюсь все снять так, чтобы ее не разбудить.

— Она теперь до вечера не проснется, — пробормотал Люциан, но за дверь все-таки вышел. Горничная нашлась очень быстро. Оказывается, Мария «дежурила» под дверью и наверняка подслушивала.

Разумеется, она же и позвала горничных, и в другой момент Люциану бы в голову не пришло перестилать постель кому бы то ни было. Кому бы то ни было, но не Софии Драконовой, когда об этом попросила Ленор... Лена. В удивительно синхронном молчании, а еще удивительно слаженно, они скинули грязное покрывало на пол. Поднять Софию у Лены, разумеется, не получилось, ее поднимал он, пока Лена стягивала простынь со следами того, что произошло. В голове роились тысячи вопросов, но он понимал, что не время и не место их задавать. Равно как понимал, что рядом с ней продолжает сходить с ума.

Буквально. Потому что как еще объяснить, что в таких обстоятельствах он все смотрит, смотрит и смотрит на нее. Как быстро она стягивает наволочки, как надевает новые, и все это так легко, как если бы всю жизнь это делала. Люциан готов был поспорить, что Ленор Ларо даже понятия не имеет, как это делается — даже при учете того, что с опекуном ей несильно повезло.

— Все. Клади ее. Теперь одеяло, — сказала Лена. — Здесь тоже потребуется твоя помощь.

Как вообще можно было их перепутать?

И почему ее аромат стал другим? Настолько ярче. Сильнее. От нее и раньше одуряюще пахло — какими-то луговыми цветами, свежестью, как на высокогорье, но сейчас просто голова кружилась. Кружилась от того, что она рядом. От этого аромата. Просто рехнуться можно!

— Люциан! — Она щелкнула пальцами у него перед носом. — Ау? Это одеяло тяжелее меня. Поднимешь?

Теперь пальцами щелкнул он, и одеяло взмыло в воздух. Люциан набросил *subríte sílencial* (Марии придется найти себе другой источник информации) и произнес:

— Что случилось сегодня ночью, Лена?

Глава 28

Глава 28

Лена

— Что случилось сегодня ночью, Лена? — почему-то мне показалось, что спрашивает он обо мне. Не о Соне. Но я тут же себя одернула: во-первых, Люциан всегда *так* спрашивает и *так* смотрит. Как будто хочет разложить на ближайшей поверхности на предмет допроса с пристрастием. А во-вторых, мы здесь точно не про меня.

— Ты уверен, что хочешь это знать? — переспросила я, чтобы взять паузу и выстроить мысли в нужный ряд. Они отказывались выстраиваться, и неудивительно.

— В чем я точно уверен, так это в том, что ты даже не дернулась, когда я назвал тебя Л.Е.Н.А.

Вот теперь мне стало по-настоящему дико. Это вообще что? Это о чем? Да, это имя вполне можно построить как сокращенное от Ленор, но сейчас Люциан Драгон стоял, скрестив руки на груди, сбоку от парящего одеяла и смотрел так, будто все знал. Когда я говорю все, это значит... Я набрала в грудь побольше воздуха и вздохнула.

— Не понимаю, о чем ты, — запихнув, наконец, нужный конец одеяла в нужный угол пододеяльника, ответила я.

— София-Соня мне все рассказала.

Здесь мне полагалось эпично упасть в обморок или удивиться, но если уж я не упала в обморок после того, что произошло с Соней, а главное, если она ему доверилась... Но ведь она не знает, понятия не имеет о том, что происходит между нами, что он меня шантажировал.

— Не переживай, — Люциан криво усмехнулся. — Дальше меня это не пойдет.

— С чего ты взял, что я вообще по поводу тебя переживаю?

— Прочитал по глазам.

— Переводчик свой проверь.

Я с такой силой дернула пододеяльник, что он слегка затрещал.

— Это тоже от того, что ты не переживаешь?

— Тамея, Люциан! Ты хоть когда-нибудь думаешь о чем-нибудь или о ком-нибудь кроме себя?! Мою подругу сегодня ночью изнасиловали!

Я решила называть вещи своими словами и больше не заморачиваться. Слишком много заморочек. Слишком много всего. Если Соня ему все рассказала — когда, кстати? — а я еще не сижу в какой-нибудь темной башне, а у дома Валентайна не толпятся военные во главе с Лэйтором, то все хорошо. Относительно, конечно, потому что то, что случилось с Соней, я все еще не могу переварить, но в остальном хорошо.

Не знаю, что его проняло, то ли «моя подруга», то ли «изнасиловали», но он помрачнел и перестал пялиться на меня, как на сочный персик в пустыне после трех дней голодовки.

— Кто?! — мрачно спросил он. Так мрачно и так жестко, словно готов был прямо сейчас идти убивать. — Это ее новый так называемый жених? Если ее отец это допустил...

— Это Сезар.

Сказать это получилось быстрее и легче, чем я рассчитывала. В груди опять заворочалось нечто темное и злое, но я послала его в баню парочкой глубоких вздохов. Зато Люциан теперь выглядел так, что ему самому вот-вот понадобится помощь. Растерянность, недоверие, изумление, что-то еще — все это промелькнуло в его глазах в один миг, сменилось яростью, злостью, холодом.

— Да уж, в прямоте тебе не откажешь, Лена.

— Прости. Не представляла, как по-другому это сказать.

За что я извиняюсь? По сути же сказала правду, но тошно от этого всего было как никогда.

— Ты знаешь подробности?

— Не знаю, но могу предположить. Судя по тому, что творилось у Сони с ним, их тянуло друг к другу. Потом они решили все это закончить, но притяжение никуда не делось. В Сезаре это кипело с каждым днем все сильнее и трансформировалось в черную страсть.

— Это что еще за дрянь?

— Одно из побочных явлений обладания темной магией. Опускай, — последнее относилось к покрывалу, которое подчиняясь заклинанию Люциана, мягко спикировало на Соню и окутало своим теплом. — Так вот, черная страсть — это когда срывает крышу при

виде объекта желания. Настолько, что его чувства, обстоятельства и все остальное становится неважным. Единственное, что становится приоритетным — это желание обладать, сделать своим или своей любой ценой. Вот такая дрянь.

Я потерла кончик носа, прикрыла глаза. Потом все-таки продолжила:

— Я смутно представляю, как это работает, и, надеюсь, никогда не узнаю, но ее последствия — вот, — я кивнула на Соню.

Сейчас, когда я уже немного успокоилась и могла мыслить здраво, естественно, мне бы и в голову не пришло, что Сезар в здравом уме способен на такое. Правда, с отношением к нему это не помогало: мне по-прежнему хотелось двинуть ему между ног, а руки засунуть в задницу. Озвучивать свои мысли я не стала, потому что для Люциана это явно было ударом, к которому он оказался не готов.

А кто был бы готов?

— Драхство, — произнес он и отошел к окну.

Привычно сунул руки в карманы, я очень хорошо помнила эту его позу. Хотя он и изменился: отрастил волосы чуть подлиннее, почти до плеч, все его жесты, движения, все это было настолько во мне живо, что впору просить стирать себе память. А еще лучше освежить, Лена! Благодаря ему ты перестала общаться с Максом, благодаря ему ты занималась тем чем занималась на его постели. Ну это не считая того, что недавно он спас тебя, а сегодня Соню.

Все, пауза. Мне нужен свежий воздух.

Я подошла к соседнему окну, раздвинула шторы, глядя на щедро поливаемую дождем улицу. В лицо пахнуло свежестью, которая бывает только во время и после сильного дождя, вот так я и стояла, дышала ей, дышала, дышала, пока не услышала:

— Это я отправил его к ней.

— Что? — Я, видимо, грозой передышала, потому что не сразу поняла, о чем он говорит. Или, наоборот, слишком сразу? В этот момент за окном сначала сверкнуло, а потом громыхнуло так, что даже если бы Люциан ответил, я бы ничего не услышала. Ответил он, когда эхо раскатов грома уже заглушил шум дождя:

— И спровоцировал на темную магию. В смысле, если все так, как ты говоришь... я здесь тоже не сильно в стороне постоял.

Я потрясла головой, пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Ты? На *темную* магию?!

— Верится с трудом, да? — усмехнулся Люциан.

Он так и стоял лицом к окну, только весьма ощутимо напрягся. Я даже видела, какая у него каменная спина под рубашкой.

— Зачем?!

— Затем, что тебя хотел найти. Ты же исчезла. После случившегося. В Академии тебя не было, у Альгора тоже.

Я еще раз покачала головой.

— Люциан, мне очень неудобно разговаривать с твоей спиной.

Он повернулся как раз в тот момент, когда опять полыхнуло. Вспышка молнии запуталась в его волосах, на миг даже показалось, что они сейчас вспыхнут, той самой золотой королевской магией. Как глаза. Глаза, правда, и без молнии сияли расплавленным золотом, пышущим жаром.

— Ну? Что ты хотела сказать, Лена?

Да Лозантир его знает, что я хотела сказать.

— Только то, что ты не Сезар. Штаны ты ему не снимал, свечку здесь не держал. И, что бы там между вами ни произошло, к тому, что произошло здесь, это не имеет ни малейшего отношения.

Он почему-то нахмурился. Как раз в тот момент, когда снова раздался гром. На этот раз такой, что зазвенели стекла, а у меня, по ощущениям, внутри тоже началась гроза. Раскат был такой мощный, что я невольно посмотрела на Софию: не проснулась ли, но нет. Она по-прежнему спала, уютно укутанная одеялом.

На улице продолжал шуметь дождь, а мы с Люцианом продолжали смотреть друг на друга. Находясь в одной комнате и при этом осознавая, что между нами пропасть я даже не представляю каких размеров. Такой бездонный обрыв, как между двумя скалами. По крайней мере, так это чувствовала я.

— Мне нужно идти, — неожиданно произнес он. — Что я могу сделать, чтобы помочь тебе увидеться с братом?

Я моргнула.

— Не знаю. — Это получилось слишком неожиданно. — Хотя... постой. Если сможешь найти его в школе, скажи, что «Туасон ле Фре» подделать не получится. И если у него получится через два дня, пусть приходит вечером в ранховую тэрны Хлит. Это...

— Я знаю, где это, Лена, — перебил он. — Передам.

— Спасибо, — сказала я.

Он пожал плечами и вышел за дверь. Хотя вполне мог бы открыть портал прямо здесь, но почему-то не стал. Я сняла оставленное им *cubrire silencial*, понимая, что абсолютно ничего не понимаю. Вот вообще. Люциан Драгон, который вышел из спальни Сони, был вообще не похож на парня, которого я знала.

Наверное.

Но это сейчас и неважно.

Важно только то, что... Соня заворочалась, сдвинув брови. Прямо во сне у нее из глаз полились слезы.

— Мама... мам... Лена...

— Я здесь, — мгновенно оказавшись рядом с ней, перехватила ее ладонь, сжала в своей. Она продолжала спать, и я осторожно устроилась рядом, прямо поверх покрывала. Обняла ее, устроив голову у себя на плече. Соня прямо во сне вцепилась мне в руку, и я мягко накрыла ее второй ладонью.

— Все будет хорошо, — пообещала, хоть она и не могла меня слышать. — Вот увидишь.

Слезы литься перестали, Соня перестала хмуриться, и я тоже улыбнулась. Все действительно будет хорошо. По крайней мере, я сделаю для этого все от меня зависящее. И с Максом ее познакомлю. Моя разовая попытка связаться с ним через виритту ни к чему не приведет — до тех пор, пока Макс является воспитанником Хитара, он имеет право диктовать ему, что делать и вообще всячески портить жизнь. А вот если с ним поговорит Люциан, больше того, если у брата получится выбраться в ранговую, это уже совсем другое дело. Я смогу подробно объяснить то, что сказал Соня, про «Туасон ле Фре». Может быть, и у Макса появились какие-то новые сведения, а это значит, что наше расследование может наконец-то продвинуться, сдвинуться с мертвой точки. Особенно учитывая, что Макс лучше знает окружение родителей Ленор, возможно, каких-то слуг, которые могли подменить подарок, сейчас каждая деталь на вес золота.

Громыхнуло еще сильнее: видимо, гроза раскрылась над домом Драконовых, но я даже не пошевелилась. Уютные обнимашки с Соней действовали умиротворяюще: так же, как и шум дождя за окном.

— Я здесь, — повторила я, сжимая пальцы подруги, когда она дернулась во сне. — Я здесь, Соня. Я больше никогда тебя не оставлю.

Глава 29

Глава 29

Сезар Драгон

Слова Валентайна доносились словно откуда-то издалека, он в них даже вслушивался первое время, потом провалился в совершенно другое воспоминание: отец, в глазах которого не просто тлеет, полыхает яростный огонь. Он мог только представить, как бы отец смотрел на него, если бы не принял драконоформу и не провел полный оборот. Тогда в его взгляде презрение наверняка мешалось бы с разочарованием. И слова, которые переводил камень, звучали бы холодно, жутко.

— Вчера вечером, после вашего ужина, ко мне пришла Женевьев, Сезар. Она просила моего дозволения расторгнуть вашу помолвку без участия ее отца, а сегодня... Что я узнаю сегодня?

В *это воспоминание* он боялся даже заглядывать. Воспоминание, в котором он сминает столь желанные губы своими, потом швыряет Софию на кровать, а потом...

— Сезар.

Валентайн ни разу не повысил голос, но это короткое ледяное «Сезар» взрезало сознание и вытряхнуло из собственных мыслей на поверхность.

— Я повторю свой вопрос еще раз: по какой причине ты мне не сообщил о том, что у тебя страсть к Софии Драконовой?

— А должен был? — огрызнулся Сезар. Хотя «огрызнулся» — слабо сказано, сил почти не осталось. Все, что были, он вытряхнул из себя сам, когда ночью пришел в себя. Здесь, в замке, в клубящихся сгустках темной магии, с наполненной потусторонней силой темными крыльями, сильный, как никогда. Вся эта мощь обрушилась на него вместе с осознанием того, что произошло. Оно, это осознание, для темного не имело никакого значения. Для темного все было в порядке вещей.

Он просто хотел эту девушку, и он ее взял. Несколько раз. Брал бы и снова, когда захотел. В любое время. Невзирая на ее желание или сопротивление.

Для того, кто очнулся потом, первой мыслью было лететь к Софии. Второй — никогда больше к ней не приближаться. Третьей — что он сходит с ума и сейчас рехнется на месте. Сезар никогда не считал себя трусом, но сейчас он боялся того, что произошло, и собственных мыслей, собственных воспоминаний, поэтому просто накрыл себя заклинанием, вытягивающим силу. Боевым заклинанием высшего порядка, бьющим по противнику и лишаящим его магических сил.

Поэтому с утра он едва переставлял ноги. Едва, но достаточно для того, чтобы дойти до отца и все ему рассказать, а потом появился Валентайн. Сейчас отец отпустил их на перерыв — поскольку прибыл Драконов, и Сезар с наставником находились в том самом зале, где Альгор учил его владеть темной магией. Учил его владеть собой.

Видно, плохо учил. Или просто ученик из него паршивый.

— Должен. — Голос Валентайна по-прежнему был спокоен, для него как будто в самом деле не произошло ничего из ряда вон. — Ты знал про свою мать и про черную страсть.

— Про свою мать я знаю ничтожно мало, — Сезар покачал головой. — Про черную страсть и того меньше.

— И все же. Ты знал, что Тэйрен пыталась убить мать Люциана. Просто потому, что Ферган оказывал ей знаки внимания.

Сезар запустил пальцы в волосы. Ему было не до всего этого. Не до воспоминаний, не до поступков матери. Он сидел на полу, привалившись спиной к стене, откатом боевого заклинания и его действия были озноб и бесконечная слабость.

— Ты знал, что любые сильные чувства способны спровоцировать черную страсть.

— Я не думал, что они настолько сильны! — рявкнул Сезар. На это силы почему-то взялись: то ли они шли из боли, которая когтями полосовала и драла грудь, то ли из ярости, направленной на себя.

— Не думал — это наиболее точное определение твоего молчания, — процедил Валентайн, и в кои-то веки в его словах Сезар уловил эмоции. На мгновение открывшись, Альгор стал гораздо более человечным, хотя то, что сквозило в его словах, то, чем фонили его

чувства, имело мало отношения к человечности. На миг показалось, что он сейчас его просто ударит, размажет по стенке. И будет прав. Сезар даже начал подниматься: возможно, это наилучший выход. Спровоцировать Альгора, чтобы тот... что?

— Не помешаю?

С каких это пор Люциан интересуется, помешает он или нет?

— Уже помешал, — коротко отозвался Валентайн.

— Если уже, то продолжу. Я в курсе происходящего. — Люциан прошел в зал и шваркнул дверью с такой силой, что от нее чуть не полетели в разные стороны щепки.

— Значит, должен быть в курсе, что твое появление и присутствие здесь не к месту, — холодно парировал Альгор.

— Должен. Но я прошу разрешения поговорить с братом, пока у нас есть время.

Определенно, этой ночью мир перевернулся раз десять. Сезар поймал себя на этой мысли с какой-то ужасающе отчаянной горечью. Люциан был непохож на Люциана, но и он перестал быть собой. Потому что стал монстром.

Он ожидал, что Альгор откажет, выставит Люциана взащей, как делал обычно, но мир действительно перевернулся. Валентайн бросил на него короткий взгляд, произнес:

— Недолго, — и вышел, оставив их вдвоем.

Сезар опасался поднять глаза, впервые в жизни он не представлял, как смотреть в глаза младшему брату. Подняться оказалось невыносимо сложно, ноги словно превратились в перебитые сваи, грозя обрушить его в волны, из которых не будет возврата. Он все же вдавил ладонь в стену, пытаясь медленно выпрямиться. Может, даже лучше, если ему врежет не Альгор, а Люциан.

— Сезар.

Тяжелую голову все же пришлось поднять, как и посмотреть брату в глаза. И обнаружить, что Люциан протягивает ему руку, чтобы помочь встать.

Чувствовать себя бессильным — отвратительно. Но куда более отвратительно чувствовать себя бессильным изменить то, что произошло, помнить то, что произошло, осознавать, что это сделал ты. Темная магия — не оправдание, у Валентайна тоже темная магия, и он с ней успешно справляется. По крайней мере, представить себе

берущего женщину силой Альгора у Сезара не получалось в принципе. Даже если бы он сходил по этой женщине с ума, даже если бы она стала его наваждением.

Кто для него Ленор Ларо?

Эта мысль приходит в тот самый момент, когда он все-таки принимает ладонь Люциана и поднимается. Они почти одного роста, разница в палец от силы, поэтому сейчас действительно приходится смотреть ему в глаза.

— Ну? Так и будешь молчать? — хмуро интересуется Люциан.

— Я не представляю, что сказать.

— Скажи хоть что-нибудь. Эта темная... — Он осекается, потом кивает на дверь: — Альгор скоро вернется, а мы так и не успеем поговорить.

Сезар приподнимает брови. Понятно же, что хотел сказать Люциан. «Темная тварь». Так многие за глаза думали об Альгоре, но, похоже, так стоило думать о нем.

— Если ты все знаешь, тогда ты знаешь, что произошло, — слова даются с трудом, он глубоко вздыхает. — Я знаю, что этому нет оправдания, и, пожалуй, добавит мне больше нечего.

Люциан вроде как собирается что-то сказать, но обрывает себя раньше, чем успевает это сделать. Получается такое рваное молчание-недосказанность, и Сезар спрашивает, глядя на него в упор. Потому что только сейчас доходит, *откуда* он мог узнать.

— Ты был у нее? Как... она? — эти вопросы даются еще сложнее.

— Паршиво, — говорит Люциан то, что он и так сам знает. Вот только от этого становится еще больнее. — Но с ней Ленор, думаю, сейчас это лучшее.

— Ленор? С какой радости с ней Ленор?

— Сезар, ты вообще хоть что-то знаешь о девушке, на которой помешался?

Это звучит не как упрек, скорее, действительно как вопрос. Что он на самом деле знает о Софии? Ничего. Он понятия не имеет, почему сейчас с ней Ленор, как давно они дружат. Он не знает всякие мелочи вроде того, что она любит, о чем мечтает. Они просто сошлись — как столкнулись — а после их разбросало в разные стороны, но осталось это дикое, глубоко естественное, живое чувство, которое он пытался в себе задушить раз за разом. Если бы не пытался, если бы хоть раз

позволил себе ее поцеловать, рассказать обо всем, как есть — что Женевьев для него всего лишь долг, что он сходит с ума по ней, по Софии, что готов просто быть рядом, даже если сможет касаться ее только по дружески, что это безумие, представлять, что он сможет касаться ее только по дружески — возможно, все повернулось бы иначе.

— Нет. Я ничего о ней не знаю.

Люциан трет виски, плотно сжимает губы, потом выдает:

— Я тебя очень хорошо понимаю.

Не считая того, что брат уже должен был набить ему морду, это последнее, что он ожидал услышать.

— Ты о чем?

— О чем... о ком. Неважно. — Люциан смотрит на него и сквозь него. Потом все-таки переводит взгляд прямо в глаза. — Я с тобой.

Это то, что он ожидал услышать еще меньше, но все ожидания и реальность откатываются на второй план, потому что возвращается Альгор.

— Что? Нам уже пора?

— Нет, сейчас Ферган беседует с отцом Женевьев.

— М-да, — Люциан привалился к стене рядом с ним. Под взглядом Альгора приподнял брови: — Что?

— Мне нужно поговорить с твоим братом.

— Всем нужно поговорить с моим братом, — фыркнул он, но потом все-таки отлепился от стены. Повернулся к Сезару: — Я у себя. Если что.

— Вы не подрались. Это хорошо, — констатирует Альгор, когда за братом закрывается дверь.

— В моем нынешнем состоянии драка закончилась бы очень быстро.

— Твое нынешнее состояние — результат твоих действий. Во всех смыслах.

— Что я еще мог сделать, кроме как шарахнуть себя заклинанием после того, что случилось?

— Связаться со мной. Первое, что ты должен был сделать — связаться со мной. — От Альгора снова доносится вспышка раздражения, которую он тоже гасит. — Ладно. Это больше не имеет

смысла. То, что случилось, ты исправить не можешь. Сейчас ты можешь только сделать правильный выбор.

Знать бы еще, какой он — правильный? Пойти к Софии? Умолять о прощении? Смешно. Такое не прощают. Хотя он готов на все, чтобы она простила, но это — слишком. То, что произошло — слишком.

Из окон льется тусклый свет, начинает накрывать дождь. Серость за окном словно стирает краски, переползая на стены, как гниль темной магии, приглушая теплый оттенок камня. Здесь, в тренировочном зале, все из камня.

— Сезар, — снова резко напоминает о себе Альгор, — скатиться в жалость к себе и тем более в ненависть к себе — проще простого. Гораздо сложнее взять на себя ответственность и продолжать жить.

Ха.

— А вы бы продолжили жить, если бы оказались на моем месте? А на месте Софии — Ленор Ларо?

Взгляд Валентайна темнеет. Наконец-то достаточно для того, чтобы ему врезать, но мощь темной магии вспышкой прокатывается по залу и затихает.

— Да.

— Да? — хмыкает Сезар. — Или это просто удачная ложь самому себе?

— Да, потому что пока ты жив, ничего не кончено. Пока жива она, все можно изменить.

— Не все. — Сезар сжимает зубы, но в этот момент доносится стук в дверь.

Заглядывает слуга и осторожно сообщает, что Ферган ждет их у себя.

Валентайн открывает портал к самым дверям, и стража разводит мерцающие магией гарды. Внутри помимо Фергана еще и Люциан, который, кажется, изумлен не меньше. Стоит им войти и остановиться перед застывшим, как изваяние, драконом, отец произносит:

— Вчера, когда после вашего ужина Женевьев сразу пришла ко мне, я думал, что все еще можно решить. Но после того, что случилось позже — уже нет. Ваша помолвка будет расторгнута официально, ты лишаешься статуса наследника и права наследовать престол. В ближайшее время будет объявлено о том, что ты женишься на Софии Драконовой.

Сезар не успел ничего даже сказать или просто вздохнуть, когда отец перевел взгляд на Люциана, едва уловимо повел мерцающими в полумраке дождливого дня глазами под тяжестью кожистых век.

— Теперь ты. Надеюсь, ты понимаешь, какую ответственность это на тебя возлагает. Наследный принц — это серьезная ответственность, Люциан. С передачей правления, мне, разумеется, придется теперь подождать, но в остальном обязанностей это не отменяет. В том числе дипломатических. Ты женишься на Женевьев вместо своего брата, ваша помолвка состоится на следующей неделе.

— Что? — переспросил Люциан, как будто не верил в услышанное.

Сезар его очень хорошо понимал, потому что тоже не мог.

— То, что заварил твой брат, может привести к дипломатическому скандалу с одной стороны с людьми, с другой — с драконами, с сильнейшим родом. Поэтому все, что я сейчас сказал, обсуждению и комментариям не подлежит.

— Я не...

— Ты женишься на Женевьев, Люциан. В тот же день, который был обозначен как дата свадьбы Сезара. Твоя свадьба, Сезар, состоится в этот же день, но с Софией Драконовой. Это приказ, на этом все.

Подчиняясь первородной силе магии отца, двери распахнулись раньше, чем кто-то еще успел что-то сказать. И тут же гроыхнули снова, когда Люциан снова захлопнул их магией и рявкнул, глядя отцу в глаза:

— Нет!

— Ты отказываешься выполнять приказ? — поинтересовался отец. Спокойно — по крайней мере, колебаний силы Сезар не уловил.

— Да. Я отказываюсь. Мне не нужен ни твой престол, ни твоя свадьба, если хочешь — сам на ней и женись!

Брат вылетел из зала раньше, чем отец успел что-либо добавить. Сезар склонил голову и вышел за ним. Настолько поспешно, насколько хватило сил. Краем глаза уловив, перед тем как закрыть дверь, как Валентайн Альгор шагает к отцу, чтобы что-то ему сказать. О чем они говорили, Сезар уже не узнал, потому что зал запечатали стражники, а следом над ним раскрылось темное заклинание, гораздо мощнее чем *cubrire silencial*.

Глава 30

Глава 30

Лена

Соня так и не проснулась. Ближе к вечеру, когда я уже собиралась бить тревогу, снова появился этот недолекарь и сообщил, что такое вполне может быть, поскольку ее организм пережил сильный стресс, двойное исцеление, напитывание и вывод сильнодействующего зелья, и что все ее жизненные показатели сейчас в норме, она просто наконец-то крепко спит. Не знаю, с чего мне пришло в голову ему поверить, возможно, потому что Соня действительно выглядела очень безмятежной. Она больше не хмурилась, не вздрагивала во сне, слезы не текли. Поэтому я вняла увещаниям оставить ее на ночь — Драконов и так всем своим видом показывал мне, что его щедрость не знает границ, и что меня не выгнали только лишь исключительно благодаря силе его доброго сердца.

Понимая, что на ночь меня рядом с ней все равно никто не оставит, даже если я растопырю руки и ноги перед попыткой выпихнуть меня через дверь или в портал и призову на помощь Валентайна, я записала Соне сообщение на виритту. Просто сказала, что я ее очень люблю, и что меня можно будить в любое время суток, что я завтра утром опять буду здесь, и что если ей понадобится, буду здесь даже посреди ночи. О чем, к слову, тоже сообщила Драконову, который такому положению дел совершенно не обрадовался, но и возражать не стал. Не знаю, что ему там навешали на уши у Фергана, но он вообще вел себя как классический образцовый отец, даже забыл про свою ненависть к темной магии. Мне бы напугаться и насторожиться, но я слишком устала, а еще, шагнув через портал в дом Валентайна, впервые за весь день осознала, что я ничего не ела.

Драконовы, видимо, решили, что я питаюсь темной магией, а я сама про это просто не вспомнила. Ну или никто из нас не вспомнил, кроме моего желудка, который, оказавшись под знакомой крышей, издал рев, достойный побудочного дракона в Академии. Как раз в тот

момент, когда в холл спустился Валентайн. Несмотря на все происходящее, я покраснела, как благородная девица, замеченная на балу в поедании пирожных, пока никто не видит. Тем более что Валентайн тоже это заметил и нахмурился.

— Лена, когда ты ела?

— Вчера, — честно призналась я.

Выражение лица Валентайна стало зверским.

— Тебе что, у Драконовых отказались подавать еду?

— Нет, я сама не просила. Думаю, подавилась бы первым же куском, — еще более честно призналась я.

— Ладно. Пойдем.

Он собирался открыть портал, и вроде даже как его открыл — в столовую, но я покачала головой:

— Можно это сделать по-плебейски в спальне? У меня просто сил нет сидеть ровно и держать ножи и вилки.

— Что ты вообще там делала? — Валентайн посмотрел на меня в упор.

— Лежала. Сидела. Стояла. Ходила. Говорила Соне, что я ее люблю. Готовилась к занятиям... на которые не пойду, потому что завтра утром пообещала себе, что буду у Драконовых. Себе и ей.

Он вздохнул и открыл портал прямо в спальню. Ко мне. А спустя минут десять нам уже притащили столько еды, что позавидовал бы шведский стол в Турции по системе All Inclusive. Все это мы с Валентайном расставили по кровати и, скрестив ноги по-турецки, я начала набивать в себя еду, которая является прямым жизненным топливом. Совершенно не заботясь о том, как все это выглядит со стороны, и что я точно не тяну на благородную девицу (никогда и не претендовала, правда).

Валентайн подумал-подумал и присоединился ко мне, особенно когда я мазала хрустящие хлебные корочки кучей соусов и складывала на них ломтики самых разных вкусов.

— Попробуй, — протянула ему импровизированный не то сэндвич, не то бургер, не то бутерброд. Судя по его виду, это был бургерброднич, поэтому Валентайн смотрел на него очень скептически. Но, откусив, мгновенно переменялся в лице.

— Хм. Необычно, но вкусно.

— То, что невкусно, есть не имеет смысла, — фыркнула я, щедро запивая свой поздний ужин водой. Все диетологи нашего мира схватились бы за голову, но я искренне наслаждалась тем, что могу вот так сидеть на кровати, как в старые добрые времена, жевать свой бургерброднич, и что никто не косится на меня как Хитар: не то с ужасом, не то с яростью, не то с отвращением в глазах. Потому что Валентайну, кажется, это нравилось. Он даже сбросил пиджак и жилет, ботинки, и устроился рядом со мной, выглядя при этом совершенно уютно и по-домашнему.

— Ой. Фпафибо, — сказала я, понимая, что еще не поблагодарила за то, что он меня привел к Драконовым и помог там остаться.

— Не за что, Лена.

— Есть за что, — честно призналась я. — Без тебя я бы к ней не пробилась. Ну... по-хорошему.

— Ты недооцениваешь свою пробивную способность. А еще свою силу.

Да? Ну может быть.

— О том, что случилось с Соней, я узнал от тебя. Из твоих мыслей. Ты мне это передавала.

— Что? Я?! — Я замерла, чуть не проглотив недожеванный кусок целиком.

— Да.

— Как?

— Пока неосознанно. Интуитивно.

Я вздохнула, аккуратно дожевала еду и только после этого спросила:

— Валентайн, а у темной магии вообще есть границы?

— Нет. Именно поэтому она настолько опасна.

У-у-у-у.

— А Ферган? Что сказал Ферган? Он посадит своего сына под замок, чтобы тот не мог приближаться к Соне?

Валентайн мгновенно помрачнел. Взгляд стал тяжелым, каким было небо над Хэвенсградом целый день.

— Считаешь, что его нужно посадить под замок, Лена?

— Если он на такое способен — да.

— А ты знаешь, на что способна ты сама?

Я отложила еду.

— Знаю. Что я могла несколько раз использовать темную магию, но не сделала этого. Знаю, что я никому не вредила, не говоря уже о чем-то большем.

— Не знаешь, — холодно подвел итог Валентайн.

Я сложила руки на груди.

— Валентайн! Дело не в темной магии, а в том, что мы творим, прикрываясь ей.

— Сезар не прикрывался ничем, — так же холодно произнес он. — Это была черная страсть.

— О, ну это все оправдывает, конечно.

— Не оправдывает. Но и не значит, что должно расцениваться как абсолютное зло.

— Да я вообще никак не хочу его расценивать! — разозлилась я. — Просто скажи, что он больше никогда не приблизится к моей подруге и не сможет причинить ей вред.

Валентайн посмотрел на меня в упор:

— Ферган принял решение, касающееся этих двоих. Сезар женится на твоей подруге, их свадьба состоится в самое ближайшее время.

Сказать, что я была в шоке — значит, ничего не сказать. Так вот почему Драконов был такой довольный и даже забил на меня, на то, что сам же и запретил строжайше.

— Он с ума сошел? — осведомилась я пока еще относительно спокойно. Правда, спокойствием отличался только мой голос, но не я сама. — Или у него от пребывания в драконоформе мозги сварились? Выдать Соню за это чудовище?!

Валентайн приподнялся, вмиг утратив всю свою «домашность».

— Меня ты тоже считаешь чудовищем, Лена?

— Да при чем тут ты! Ты никого не насиловал! — Я тоже села на постели, есть как-то мигом расхотелось.

— Ты уверена?

Я, уже собиравшаяся продолжать, поперхнулась. Потом все-таки нашла в себе голос и ответила твердо:

— Да. Да, Валентайн, в тебе я уверена. Но этот, с позволения сказать, принц не сумел удержать свою пипиську в штанах, а теперь ему в награду отдают Соню?! Зачем?! Чтобы он ее насиловал, когда

черная страсть одолеет в любой момент, но уже на законных основаниях?!

— Затем, чтобы не было конфликта и войны между людьми и драконами. Драконов — архимаг, Сезар — принц. Правда, теперь ненаследный, но дела это не меняет. Он обязан жениться на Софии, она обязана выйти за него замуж, и в таком случае не будет ни скандала, ни дипломатического конфликта, который вполне может перерасти в столкновения.

— И платой за это станет счастье моей подруги!

— Если бы твоя подруга не поощряла Сезара, ничего такого бы не было.

Что?! Что-о-о-о?!

— А ты, значит, из тех, кто считает что самадуравинвата короткую юбку надела?

Валентайн ненадолго подвис, видимо, переваривал то, что я выдала, после чего произнес. Очень резко:

— Нет, я из тех, кто знаком с понятием черной страсти и с Сезаром Драконом очень долгие годы. Он никогда не преследовал девушек, никогда — в отличие от своего брата, не трахал все, что шевелится. Если Соня настолько запала ему в сердце, значит, они каким-то образом тянулись друг к другу. Значит, они оба это скрывали, и оба довели до такой ситуации. Вместе.

— Да ты что?! — ядовито осведомилась я. — А может, просто причина в том, что ты недостаточно хорошо учил его адекватности и темной магии?!

Глаза Валентайна подернулись серебром.

— Думаю, сегодня нам лучше не продолжать этот разговор, Лена.

Он вышел раньше, чем я успела ответить, даже не в портал, а в дверь, как самый обычный человек. Правда, дверью этой саданул не по-человечески: она чуть не вывалилась ко мне в спальню, жалобно хрустнув. Я глянула на остатки нашей еды и с трудом сдержалась, чтобы столкнуть подносы на пол. Хотя ни подносы, ни еда вообще ни в чем виноваты не были!

Виноват Ферган! И Драконов!

Это же надо такое придумать — продать Соню за мир во всем мире, в смысле, за угрозу потенциального дипломатического

конфликта и магических столкновений. Драконов же не настолько debil, чтобы развязать войну с драконами? Или настолько?!

Я сдавила виски, в голову уже отказывалась помещаться вся информация. Вспомнилось, и как Валентайн говорил об Адергайне и его планах, и как он говорил об умении отца расставлять людей, как шахматные фигурки на доске. Неужели это все правда? Но он же, дракономать его за ногу, не местный Нострадамус, чтобы все так просчитывать!

Твоего ж драха через левое плечо и в нору к ежерогу! Еще лучше не драха, а Драконова! Ему там самое место, хотя он, конечно, тот еще драх.

Я пригласила горничную, попросила убрать все, а сама пошла в ванную, на ходу прокручивая варианты развития событий. Во-первых, Соня. Мне завтра точно надо быть рядом с ней, когда Драконов сообщит ей радостную весть. Или лучше даже быть с ней до, чтобы у нее хватило сил послать своего папу в далекий полет, пусть сам выходит за Сезара, чтобы избежать дипломатического конфликта. Я даже к ним на свадьбу приду! И букет невесты подержу, чтоб им пусто было!

Мне пришлось сделать душ попрохладнее, чтобы немного себя остудить, но, когда я выходила из ванной, я совсем не остыла. Наоборот, завелась еще больше. Залезла под одеяло и принялась диктовать так и не названной виритте сообщение для Сони. Правда, диктовала и удаляла, диктовала и удаляла, диктовала и удаляла — до тех пор, пока виритта не поинтересовалась вежливо, не пойти ли мне спать. Подозреваю, что она могла иметь в виду нечто другое, но спросила все как положено и задумано изобретенным Эвиль Ларо артефактом. Пока я сидела у Сони, я немного ее настроила, поэтому виритта знала мое расписание, знала мое имя и так, по мелочи, кое-что важное.

Осознав, что нормальные сообщения у меня все равно не получаются, я отправила краткое: «Пожалуйста, если проснешься рано, сразу напиши мне до встречи с отцом», — и на этом относительно успокоилась.

— На ночь не отключаться, — обозначила задачу виритте. — Любая попытка связаться от Софии Драконовой — сразу буди.

— Но, Ленор, ночной сон...

— Сразу буди! — рявкнула я. Где моя Эвиль, с которой не приходилось тратить время на споры?!

Виритта поняла и, кажется, обиделась, мне было все равно. Я положила браслет так, чтобы ни в коем случае не пропустить сообщения и обязательно проснуться — на подушку, к самому уху. Только убедившись, что эта зараза вняла моему приказу и отключаться не собирается, я закрыла глаза.

Глава 31

Глава 31

Виритту можно было и не оставлять, я все равно спала из рук вон плохо. Просыпалась, подскакивала каждые пять минут, а под утро мне вообще приснился сон, в котором Соню затягивает темная магия. Затягивает, как воронка, как смерч, впитывает ее в черный туман, я тяну к ней руки, даже успеваю схватить, но в пальцах недостаточно сил: они разжимаются. Мои или ее — непонятно, и Соню уносит водоворот клубящейся тьмы. На этот раз навсегда.

Такого реалистичного сна у меня давно не было, поэтому я подскочила и лежала с открытыми глазами, наверное, полчаса, в ожидании пока успокоится сердце. Виритта лежала рядом, никаких сообщений на ней не было, и я все оставшееся время крутилась в постели, считая минуты. Как назло еще и рассвело, весна же, в результате даже плотные портьеры положения не спасали, из-за них уже пробивались лучики света снизу.

«Что, уже день, уже встаем?» — обрадовался организм, и бодренько впрыснул в кровь дозу адреналина вдобавок ко всему что было. В итоге, вздохнув и, понимая, что заснуть не удастся, я подхватила виритту и поплелась в ванную, умываться. После чего, вернувшись, залезла на окно в надежде просто посидеть и потаращиться на просыпающийся Хэвенсград. До встречи с Соней оставалось всего-ничего, и я уже морально настраивалась на битву с Драконовым, возомнившим, что может выдать ее за Сезара.

Из окна доносилась тишина и шум реки, бьющейся о гранит набережной, и я высунулась подальше, чтобы вдохнуть аромат цветения и прохладного утра. Кажется, зря, потому что на балконе я увидела Валентайна. Он стоял, положив руки на перила и глядя куда-то вдаль. Это «куда-то» по моим ощущениям простиралось гораздо дальше Хэвенсграда и гораздо дальше Даррании. Туда, где он родился и вырос. В самом сердце Темных земель.

Не знаю, как я это поняла (или почувствовала), просто почувствовала — и все. В результате минутной борьбы с собой я все-

таки набрала в грудь побольше воздуха, чтобы поздороваться, когда услышала в своем сознании:

«Доброе утро, Лена».

— Доброе, — ответила я, даже не поперхнувшись. — Только давай по старинке. Голосом. Если можно.

— Можно, — Валентайн повернулся ко мне.

Он был в рубашке и брюках, правда, рубашку едва набросил, и теперь ей запросто играл ветер.

— Хорошо, — сказала я, испытывая странное неудобство от того, что он там, а не здесь, а еще от того, как мы вчера расстались. Раньше я такого неудобства не испытывала в принципе, но может, дело в том, что я раньше не жила с мужчиной? Если можно так выразиться, конечно, потому что сегодня мы, например, спали в разных спальнях.

Валентайн молчал и явно не собирался мне упрощать задачу с этим неудобством, поэтому я подумала-подумала и сказала:

— Может, придешь ко мне? А то как-то сложно разговаривать с фасада.

Я даже опомниться не успела, как за его спиной раскрылись крылья. Те самые, черные, сначала полупрозрачные, которые вмиг набрали силу, становясь покрытыми острой, как бритва, и тяжелой чешуей. Валентайн взмыл ввысь и в одно мгновение оказался у меня на окне, мне даже пришлось спрыгнуть, чтобы он мог войти.

— Просто дверями пользоваться не спортивно, — пробормотала я.

— Зачем пользоваться дверями, если есть крылья?

— Раньше ты их не показывал.

— Раньше мне не хотелось.

Ну, логично, что уж. Наверное.

— Еще можно сходить в портал, — сказала я. Сказала и подумала, что «сходить в портал» звучит как-то странно даже для меня.

Валентайн прошел в комнату и устроился на моей кровати, нисколько не стесняясь того, что она разобрана. А впрочем, мне давно бы уже пора привыкнуть к тому, что этот мужчина вообще ничего не стесняется, в частности, сейчас светит своим рельефным прессом и грудью. Явно наслаждаясь тем, что мой взгляд прилип именно туда, как взгляд школьницы к плакату с кумиром.

— Расскажи мне про свой мир, Лена, — неожиданно произнес он.

— Серьезно? Ты сейчас серьезно хочешь говорить про мой мир?

— Можно несерьезно, но я действительно хочу говорить про твой мир. Я хочу узнать тебя лучше.

— М-м-м... ну ладно.

Я подошла и устроилась рядом с ним, подогнув под себя ноги. Слава Тамее, что хотя бы дома здесь не воспрещалось ходить в брюках. Ну то есть в таких пижамках, как и в нашем мире. Только здесь они считались поборниками нравственности, дескать у дам все стратегические места во время сна закрыты.

Я эти пижамки использовала как домашние костюмы, чем периодически повергала в шок горничных и работников, занимающихся домом Валентайна, пока я его приводила в жилой вид.

— С чего бы начать... а, вот! Деньги. Например, в нашем мире есть деньги, а не магия. Это такие обменные монеты, как были у людей здесь в самом начале, только у нас это не только монеты, но и купюры — такие бумажные штуки, на которых написан номинал, ценность, а еще есть цифровые деньги и биткоин.

— Так.

— Чем больше у человека денег, тем больше он может себе позволить. Например, дорогие дома, машины...

— Машины?

— Маджикары. В общем, на деньги можно купить визиты в клиники, поездки и путешествия, кстати! Перелеты на самолетах!

— На чем?

— Это тоже такие машины, только с крыльями.

— Маджикары с крыльями?

— Не совсем. Хотя есть джеты, вот их чисто теоретически можно назвать маджикарами с крыльями, а так это большие махины, которые перевозят нас, то есть людей, по всему миру. От ста до восьмиста-девятиста человек за раз. Так мы путешествуем в другие страны.

— Страны? — Валентайн удивленно посмотрел на меня. — У вас их много? Зачем?

— Эм... не знаю, так исторически сложилось. — Хотя если уж быть честной, не совсем исторически, великие цивилизации у нас тоже были. Древний Египет, Древний Рим, Древняя Греция. С Атлантидой тоже все до конца не ясно, а еще с Мальтой, я в свое время про нее много читала.

— И сколько у вас всего стран?

— Под двести.

— Сколько?!

Я пожала плечами.

— И во всех разное мировоззрение и разные ценности?

— Ну, я бы так не сказала. Скорее, разное мировоззрение и разные ценности у разных людей, живущих в разных странах. То есть в самых разных странах можно найти людей с самыми разными ценностями, в том числе и схожими с ценностями людей, живущими в других странах.

— Тогда зачем разделять территорию границами?

— Черт его... Лозантир его знает, — хмыкнула я. — Кстати, о Лозантире. У нас его зовут Люцифер, и он падший ангел, а Бог у нас один. Правда, в разных религиях он называется по-разному.

— Стой. Стой-стой-стой! — Валентайн поднял руки вверх.

— Что, слишком много информации? — фыркнула я. — А мне с вашим миром, думаешь, проще было?

— Нет, — как-то серьезно ответил он. — Нет, Лена, я не думаю, что тебе было просто.

Валентайн потянулся ко мне, коснулся пальцами моего подбородка, а в следующий момент он уже меня целовал.

Да, по умению вовлекать в поцелуй Валентайну Альгору равных нет. Я это почувствовала, когда его губы раскрывали мои, и просто соскользнула в эту нехитрую ласку, в которой уже в следующий момент наши языки сплелись. Так, что стало нечем дышать, а низ живота сладко потянуло от предвкушения. Еще немного — и я поймала себя сидящей у него на коленях, запустившей пальцы под рубашку и царапающей ногтями кожу, которая под этими прикосновениями мгновенно обретала тонкие пока еще магические контуры чешуи.

— М-м-м-м... — хрипло выдохнула я в губы. — Стой, Валентайн. Я потом не смогу остановиться, а мне надо быть рядом с Соней, когда Драконов...

Он запустил пальцы мне в волосы с каким-то хриплым не то вздохом, не то рычанием.

— Хотел бы я, чтобы ты любила меня как свою Соню.

Я моргнула:

— Что?

— Что? — переспросил Валентайн уже более осмысленно, ссаживая меня с колен и запахивая рубашку.

— Ты сейчас сказал...

— Я не должен был вчера говорить так о твоей подруге, — произнес он. — И я вовсе не имел в виду, что она спровоцировала Сезара на такой поступок. Просто я знаю этого парня с детства, и я прекрасно вижу, что он... не из тех, кто перешагнет и пойдет дальше. Да, черная страсть, темная магия многих превращают в чудовищ и монстров, именно поэтому я оставил Мертвые земли, чтобы жить в Даррании. Для моего отца это проявление слабости, для меня — величайшая сила, и можешь мне поверить, Лена, самое страшное у Сезара еще впереди.

— Может быть, — я не хотела снова возвращаться к разговору о Сезаре Драгоне, но если уж так получилось: — Но я не хочу, чтобы мою подругу выдавали замуж за него помимо ее воли, какие бы там дипломатические мотивы и цели все ни преследовали. Соня — не игрушка, это ее жизнь. Что бы ты сказал, если бы меня по таким же мотивам попытались выдать замуж за кого-то?

— Ничего.

— Ничего?!

— Да. Потому что я просто этого не допущу, — взгляд Валентайна потемнел.

— Вот видишь! А за Соню некому заступиться. Ее недоотец спит и видит, как продать дочь в политический брак, чтобы стать поближе к семье Фергана, к правительству драконов. Ему плевать, что хочет она, что там происходит с ее чувствами после всего. Валентайн, она вчера чуть не отравилась зельем! На глазах у меня.

Он нахмурился:

— Я этого не знал.

— Видимо, я не все транслирую.

И к счастью. Потому что там еще Люциан был, мне сейчас только этого для полноты картины не хватает.

— Я поговорю с Ферганом, Лена.

Словами не передать, что я в этот момент почувствовала. Наверное, обрушившийся с собственных плеч Эверест, на котором сверху еще примостилась парочка драконов.

— Спасибо! — выдохнула я. — Спасибо, Валентайн! Ты даже не представляешь, что это для меня значит...

— Могу себе представить. — Он усмехнулся, коротко поцеловал меня в губы и поднялся: — Прости, Лена, но мне надо в душ. Пока мы с тобой не совпадаем по темпераментам, или пока не решится твой вопрос с Соней, я буду использовать эту возможность. Находиться рядом с тобой и тебя не хотеть — невозможно.

От такого заявления я лишилась дара речи: даже не столько от его прямолинейности, если уж говорить, слова здесь были вторичны, сколько от его взгляда, скользнувшего по моему лицу, по шее, в вырез пижамной рубашки. Он вышел раньше, чем я пришла в себя, а я, с осознанием того, что мне придется привыкать к новому уровню откровенности и, похоже что, к совершенно новой жизни рядом с потрясающим мужчиной, опять забралась на окно.

Утро было совсем раннее, но начало недели было отмечено уже первыми прохожими, появляющимися на набережной, спешащими по своим делам, и редко проезжающими маджикарами. Мосты над рекой солнце раскрасило золотом, точнее, усилило золото, которым его украсили архитекторы и оформители, и я невольно вспомнила Санкт-Петербург. С каждым днем эта жизнь становилась все более далекой и нереальной, наверное, пройдет несколько лет — и я буду вспоминать родной город вспышками, эпизодами, больше эмоциями, чем картинками, которые память будет понемногу стирать, заменяя на реальность Даррании и Хэвенсграда.

Поймав себя на этой мысли, я замерла. Кажется, впервые в жизни я по-настоящему подумала, а главное... захотела здесь жить?! Этот мир начинал становиться моим ничуть не меньше чем тот, из которого я пришла. С ума сойти! Просто сойти с ума. Уже схожу. Или сошла?

Приложив ладони к щекам, я улыбнулась своему отражению в начищенном до блеска прозрачном стекле, снова посмотрела на молчаливую виритту и опять перевела взгляд на набережную.

Через двадцать минут, когда меня позвали завтракать, я уже начала волноваться. Не может же Соня все еще спать! Или может? Ей, в отличие от меня, никакая Академия не нужна, в смысле, она и так-то туда не ходила, а значит, можно спать сколько угодно. Сколько угодно, вот только Соня жаворонок, я всегда завидовала ее таланту вставать без будильника ранним утром.

— Что опять не так? — поинтересовался Валентайн, когда мы встретились в столовой. Залитая светом, она полностью преобразилась, становясь удивительно уютной.

— Все так, но... — Я изложила ему свои сомнения с мыслями, что он сейчас скажет, как я его задолбала, но, вместо этого Валентайн сказал:

— Сейчас мы завтракаем, Лена, а после идем к Драконову. Все решим на месте.

Невероятно. Этот мужчина — невероятный.

— Хорошо, — сказала я, собираясь устроиться на противоположном конце стола, но Валентайн одним взмахом руки заставил тарелки и приборы подлететь поближе.

— Уволю всех, — пообещал непонятно кому.

— Это же этикет!

— Я хочу сидеть с тобой рядом, и я ясно дал это понять всему, — он сделал акцент на слове «всему», — новому персоналу.

Да, после того, как дом «оживился», персонала здесь стало побольше. Кому-то надо было ухаживать за садом, поддерживать уют в комнатах, многие из которых даже сменили цвет и стали поярче. Столовая, например, обзавелась новыми натюрмортами и летними пейзажами, а яркие занавески добавили ей жизни, превратив в такой островок питательного уюта и разбавив кремовое-пастельную нежность.

Завтракала я быстро, насколько позволяли приличия, но доесть все равно не успела: моя виритта вспыхнула сообщением от Сони. Я чуть не выронила приборы и не подавилась, пока она его передавала:

— Лена, у меня все в порядке, приезжать не нужно. Я сейчас тоже собираюсь на занятия, встретимся в Академии.

Глава 32

Глава 32

— Сонь, ты серьезно? — спросила я подругу, не веря своим ушам. Да что там, я ничему не верила: ни ушам, ни глазам, не происходящему. Во-первых, передо мной было моя Соня, а выглядела она как София Драконова — так же сопровождала мимо проходящих снисходительными взглядами, под которыми те залипали. Залипали еще и по той причине, что мы вдвоем стояли рядом, а небо не спешило падать на землю, темная магия не сожрала ни Софию, ни остальных вместе с Академией. В общем, их мир трещал по швам, но я приблизительно понимала, что они чувствуют. Потому что... — Ты серьезно собираешься за него замуж?!

— Да, Лена, я абсолютно серьезна, — подруга пожала плечами, как будто не произошло ничего из ряда вон. — И не надо смотреть на меня такими глазами, я не сошла с ума, не перепила зелья, я не под заклинанием и не упала вниз головой с кровати. Я просто выхожу замуж за Сезара Драгона.

— Так ты мне и сказала бы, если бы была под заклинанием, — пытаюсь собрать мысли в кучу, выдала я.

— Верно. Не сказала бы, но ты достаточно хорошо меня изучила, чтобы понимать, что к чему. Если я продолжу лежать в постели и ныть, это ни к чему хорошему не приведет, а так — я просто буду продолжать жить дальше. Рано или поздно Драконов все равно выдал бы меня замуж, он уже приглашал какого-то типа, который мне абсолютно не понравился.

— А Сезар нравится?! — вырвалось у меня.

Лицо Сони потемнело. На миг — но только на миг, по нему скользнула вся та боль, которую я чувствовала вчера.

— Он ничем не хуже и не лучше остальных.

— Не хуже?!

— Лен, я бы предпочла, чтобы мы закрыли эту тему и пошли дальше. У нас экзамены на носу, а мне еще к свадьбе готовиться.

Тут впору за голову хвататься, реально. Сколько я знала Соню, она была какой угодно, но только не непоследовательной. Что такого произошло этой ночью, что она согласилась выйти за Сезара замуж?! Это же в голове не укладывается! Я оттащила ее подальше от аудитории, где нам предстояло сдавать практику перед экзаменами, покачала головой.

— Сонь, что случилось?

— Почему ты так хочешь, чтобы что-то случилось, Лена? — Она вперила в меня холодный взгляд. — По-моему, все, что могло случиться — уже произошло. Лично мне достаточно. А тебе?

— Я просто не понимаю...

— Тебе и не нужно этого понимать. Это моя жизнь и мое решение, я достаточно здесь живу, чтобы знать, что из двух зол надо выбирать меньшее. Вот я и выбрала.

Сезар Драгон — не зло. Он злище! А если быть точной — козлище! С которым моя подруга решила связать жизнь во избежание... чего?! Другого договорного брака?! Мой мозг медленно плавился, потому что Соня, моя Соня, всегда стояла за себя и свое мнение до последнего. В этом мы с ней были похожи, но еще она была права в том, что я отлично ее знаю. Знаю, что если Драгунова что-то решила, ее не отговорить. Знаю, что все ее поведение, ее словечки — это ее, только ее, она не могла бы так говорить, управляемая чьей-то волей. Высокомерие Драконовой — да, но это тоже вполне объяснимо, это маска, за которой очень удобно прятаться. Особенно когда тебе очень больно.

— Сонь...

— Лен, — перебила она, — я уже говорила, попрошу еще раз. Пожалуйста, не стоит обсасывать эту тему. Решение принято, оно мое и только мое.

Ну вот и что, спрашивается, мне делать?!

Судьба предпочла решить за меня, причем весьма ироничным образом. В коридоре нарисовались сразу два брата Драгона, в кои-то веки не смотрящие друг на друга драконами. К такому зрелищу тоже мало кто привык, поэтому мы с Соней перестали быть единственным местом притяжения взглядов адептов. Дружно шагающие Люциан и Сезар вызывали мысленные вздохи со стороны девушек, я наблюдала, какими глазами их провожают и едва держалась, чтобы не закатить

свои. Ну честное слово! Сколько уже Люциан сменил фавориток! А если бы они знали, что учудил Сезар... но не знали. И не узнают.

Со слов Валентайна об этом знала только королевская семья, в смысле, не совсем только, помимо Фергана, Люциана и непосредственного участника событий, еще Валентайн, я, Иван Драконов, его жена — и все. Иначе скандал был бы грандиозный. Как Ферган выкрутился перед Женевьев и ее отцом, я понятия не имела, да и не было это мне интересно: что он ему наплел и какими окольно-дипломатическими путями расторг помолвку без воплей со стороны сильнейшего драконьего рода.

— Добрый день, — кто бы сомневался, что братья Драгоны мимо нас не пройдут. Первым поздоровался Сезар.

— Доброго дня, — присоединился Люциан.

Галантный Люциан Драгон — к беде, к большой беде. Можете считать это моей личной приметой, но мяу.

— София, нам нужно поговорить, — произнес Сезар, и я уже открыла рот, чтобы сказать, куда он может пойти, но Соня меня опередила:

— Да, конечно, — произнесла она. — До встречи, Ленор.

Я проследила за удаляющейся парой совершенно шальным взглядом. Понимая, что уже ничего не понимаю. Мотнула головой, сбрасывая оцепенение, и уже хотела пройти в аудиторию: мне нужно было сесть и переварить все это, но Люциан перехватил меня за запястье.

— Нам тоже, Лена, — произнес он и добавил: — Это очень важно.

— Хорошо.

Я даже не стала спорить: может, Люциан знает, почему Соня ведет себя не как Соня? В последнее время они достаточно хорошо общались. Или не в последнее. Почему-то в этот момент вообще не в тему вспомнились звуки, которые доносились из-за двери Драконовой.

Так, стоп! У Сони и Люциана был секс?! У моей Сони и Люциана?!

Я вообще о чем думаю сейчас?!

— Что это? — я мотнула головой в сторону ушедших Софии, тьфу, Сони с Сезаром, когда Люциан оттащил меня от аудитории в небольшой коридорчик, ведущий к подвалам. — Почему она согласилась с ним разговаривать?!

— А не должна была? — нахмурился Люциан.

— По моему мнению — нет.

— Ну видимо, ваше мнение не совпадает. И я бы хотел...

— Вы с ней спали! Как вообще так получилось, что Сезар набросился на нее, зная, что у вас был роман?!

Вопрос был риторический, потому что черная страсть. А еще идиотский, потому что Люциан прищурился:

— Тебя интересует, что мы с ней спали?

Да нет! Нет же, нет, Тамея, нет!

Зачем я это вообще сказала?!

— Я хочу понять, что происходит. Моя подруга не из тех, кто прощает... такое, но сегодня она заявила, что выйдет замуж за твоего брата. Хотя должна была обходить его десятой дорогой.

Люциан приподнял бровь:

— Ну насчет разницы ваших мнений мы уже говорили...

— Да дело не в разнице наших мнений! Дело в том, что я ее знаю очень давно, и она ведет себя странно! Она...

— Тебе не приходило в голову, что она его любит? — Люциан сунул руки в карманы, шагнув поближе ко мне. Я такого не ожидала, поэтому только моргнула:

— Что?

— Любит она его, Лена. Точно так же, как он ее. У них взаимный западос.

Словечко, которое выдал Люциан, было достойно нашего мира, но это как-то потерялось за общим смыслом сказанного. Этот парень меня с ума сведет! Буквально.

— Она не может его любить, — не совсем уверенно сказала я. — Он же собирался жениться на Женевьев. Куда ее дели, кстати?!

— К слову, о Женевьев...

— Нет, стой, мне плевать на Женевьев! Лучше скажи, почему ты так в этом уверен.

Люциан закатил глаза. Здесь, в этом закутке освещение было попроще, чем в основных коридорах, поэтому из-за магии, отражающейся в его глазах, создавалось ощущение, что он светится. Некстати вспомнилось еще и то, что я рассказывала Валентайну про наш мир, про Люцифера, падшего ангела, про созвучность имени с именем Люциана.

В общем, в голове моей творился такой кавардак, как в гараже прадедушки Коли, в который тетя Оля стаскивала всякий хлам. Машины давно уже не было, как и прадедушки, но гараж остался. Там можно было найти все что угодно: начиная от покрышки велосипеда 50-х и пластинок Битлз, заканчивая какой-нибудь баночкой от современного майонеза. Вот и моя голова сейчас напоминала то же самое, особенно когда Люциан подался вперед, опираясь ладонью о стену в сантиметре от моих волос:

— Я вообще-то собирался говорить не о Сезаре с Софией.

— А о чем?

— О том, например, что Макс, будет ждать тебя сегодня в ранговой тэрны Хлит, — он посмотрел мне в глаза.

А я растерялась. Сама не знаю, почему.

— Ты когда успел? — это все, на что меня хватило.

— Если правильно построить день, можно многое успеть, Лена. Мы с Ярдом справились с той дрянью, которой напичкал его виритту Хитар, так что теперь вы можете общаться, и он ничего не поймет. Там стоит заклинание подмены, вместо посланий от тебя Равен будет видеть послания от его одноклассников, всякую ерунду по урокам и заданиям перед выпускными.

Я покачала головой. Не знаю, как насчет гаража, но у меня в последние несколько дней вместились события, которые легко можно было растянуть на пару десятков лет минимум.

— Вечером, как ты и просила, — добавил Люциан. — Он тебе напишет, как будет на месте.

— Ничего не понимаю... как его отпустили? Без сопровождения?

— Не отпустили, но сопровождением займусь я. Да даже если им и не заниматься, думаю, скоро это перестанет быть актуальным. Вчера я успел кое-что еще, а мои показания не самые последние.

— То есть? — уточнила я. — Что ты сделал?

— Сходил к стражам порядка и сказал им правду. Что в ту ночь ты спасала Софию Драконову.

Он шагнул еще ближе, хотя ближе было уже некуда. Теперь между нами была только моя форма и его форма, и какие-то миллиметры воздуха. Которые, впрочем, положения не спасали: он все равно был слишком близко.

— Я хотел попросить прощения, Лена. За то, как я себя вел. С тобой.

Люциан подался бы еще ближе, но я успела выставить ладони вперед, поставив между нами пусть даже хрупкую, но преграду.

— Хорошо. Это все?

Он, кажется, такого не ожидал, потому что нахмурился:

— Нет. Мы...

— «Мы» для меня больше не актуально, если ты об этом.

Да об этом он, Лена, об этом. Иначе зачем ему зажимать тебя в коридоре и просить прощения? В благие намерения Люциана верилось смутно, но даже если он в самом деле руководствовался исключительно ими, теперь это правда больше не актуально. Да и было ли актуально? После того, что случилось. После всего, что случилось.

— Лена, дай мне договорить. Я понимаю, что облажался по всем фронтам.

— Облажался?

— Да, — он усмехнулся. — Я и правда долго общался с твоей подругой. Но суть в том, что я никогда в жизни никому такого не говорил, я не умею извиняться, и мне сейчас не по себе.

Вот в это верилось отлично. В то, что Люциан Драгон извиняться не умеет. Но пытается. Рядом со мной, а мне этого совершенно не надо! Это было нужно еще... я даже не знаю, когда. До того, как в меня полетел золотой хлыст? До того шантажа? До ночи, проведенной с Валентайном?!

Кажется, мне пора разобрать гараж.

— Я понимаю, — ответила я. — Чего я не понимаю, так это того, почему ты так резко изменил свое мнение. Во мне по-прежнему темная магия. Она никуда не делась, и ты ее по-прежнему ненавидишь...

— Не уверен.

— Не уверен?

— Не знаю. В тот вечер, когда София... Соня мне все рассказала, я не представлял, что с этим делать. Никому другому я бы просто не поверил, но не ей. Мы с ней действительно хорошо дружили. Просто дружили, Ларо, не больше. — Он продолжал смотреть мне в глаза, и золото в его радужке раскалялось, раскалялось и раскалялось. — То,

что видели все — это как раз было для Сезара. Он собирался жениться, она на него запала, попросила помочь. Он же настолько на ней помешался, что внедрил заклинание, через которое мог слушать, что происходит в ее комнате. В итоге мы решили дать ему «послушать» и изображали...

Люциан приподнял брови, явно намекая на то, что они там изображали.

Получается, тогда, когда они это для Сезара изображали, я все слышала... в смысле, я слышала именно это изображение?! Ну вот и с чего у меня сейчас такое облегчение внутри, как будто я запила маслом застрявшую поперек горла кость?

— Сезар и Соня... они не за один день к такому пришли. В смысле, мы это сотворили все вместе: и я, и она, и он. Мы все столько дури наделали, и в результате вот к чему это все привело.

Да. Привело так привело, ничего не скажешь. Выходит, Валентайн был прав, что все это тянулось непонятно сколько. Что все это не на ровном месте, что черная страсть получила какой-то спуск, и сорвалась с цепи, как взбесившийся одичавший дракон.

Я молчала, ожидая продолжения, и Люциан продолжил:

— О том, что я почувствовал, когда узнал, что ты — иномирянка, у меня будто мир взорвался, понимаешь, Лена? Я вообще не понимал, как такое возможно, но Соне я доверял, и в эту минуту я просто понял, что твоя темная магия — это не ты. Что темная магия Сезара — это не про него. Мы не всегда можем выбирать внешнее, но мы можем выбирать внутреннее. То, как этим управлять. То, как с этим справляться. Мой брат не чудовище, и если София решила дать ему шанс, он сделает все, чтобы искупить вину и то, что он сотворил. Вопрос только в том, что сделаешь ты. Поддержишь ее или будешь постоянно напоминать о том, что случилось.

Ох, вау. Тут уже впору думать, что в Люциана тоже кто-то вселился, но не думалось. Даже сарказм поутих, ну или я запихала его поглубже.

— Но гораздо больше меня интересует то, что ты решишь по поводу нас. Потому что мы тоже заслуживаем второй попытки. Мне так кажется. И еще мне кажется, — его голос стал хриплым и низким, как если бы Люциан в один миг простыл, если бы он вообще мог простыть, — что ты тоже так думаешь, Лена.

Лена в этот момент думала что-то в стиле: «Вот блин, как я могла так попасть», поэтому ловко поднырнула под его руку и оказалась на свободе.

— Нет, Люциан, — ответила я. — Я так не думаю. Я благодарна тебе за помощь с Софией, я благодарна тебе за то, что ты спас нас от толпы. Это все.

Кажется, не такого ответа он ожидал, потому что сейчас только сдвинул брови еще сильнее.

— Ты издеваешься? — спросил он. — То, что между нами было...

— Осталось в прошлом, — закончила я за него.

Люциан явно не собирался отступать, потому что снова шагнул ко мне.

— Я понимаю, ты злишься. За все, что было. Я бы тоже злился...

— Да ладно?! — Сарказм вернулся, а вместе с ним и воспоминания. И нет, я не злилась, я просто хотела войти в тотальный фейспалм. Он правда считает, что вот так пришел, сказал все это, и все отменилось?

— То есть мои извинения не принимаются?

— То есть твои извинения принимаются. Но на этом все. Друзьями остаться не предлагаю, иначе получится дешевая мелодрама.

— Что получится?

— Неважно. У Сони спросишь, — я махнула рукой. Какая теперь разница, в самом деле. Можно было бы сто раз перекопать прошлое и все вспомнить, потыкать палочкой в то, что между нами было, но зачем? Как прежде уже не будет, в настоящем... в настоящем в моей жизни нет места Люциану Драгону ни под каким соусом.

На миг почему-то представился Люциан Драгон под взбитыми сливками с той самой ягодкой на пикантном месте, и я искренне порадовалась, что этот парень не умеет заглядывать в мои мысли, как Валентайн. После такого он точно не отцепился бы...

Валентайн!

Я судорожно вздохнула, представляя, что будет, если такая картина передастся Валентайну, и сделала шаг назад. Пора заканчивать этот разговор. Пора это заканчивать.

— Я не отступлюсь, Лена, — пообещал Люциан. — Можешь даже не надеяться.

Да куда уж мне с моими надеждами перед лицом задавшегося целью принца. Не хотела я этого говорить. Вот не хотела.

— Отступишься, — сказала я. — Потому что все это больше не имеет значения. Я теперь с Валентайном.

С лица Люциана сошли все краски и даже хмурость, оно стало каким-то... странным. Как тень.

— Что значит: с Валентайном? — Спросил он. — В каком смысле?

— Во всех.

Я развернулась и направилась к аудитории: пора уже поучиться, честное слово. Соня права, у нас впереди экзамены, и, хотя после темной обычная магия давалась мне как на лету, предварительные задания и практики для допуска никто не отменял. Плюс еще теоретическая часть, с теорией мне всегда было сложнее, чем с практикой, там есть такие нюансы, на которых любого можно подловить. Еще этот драконий язык, чтоб его! Я там постоянно во временах путаюсь, и магистр Доброе утро это прекрасно знает и будет меня по ним гонять.

В аудитории было шумно: все явно обсуждали появление Софии Драконовой. Ее бывшие подружки во главе с Лузанской сидели так, будто наглопались палок, и они застряли у них во всех местах, включая неположенные. Остальные украдкой косились на Соню, а с моим появлением стали коситься еще и на меня.

Я поднялась к ней — в отличие от Софии Драконовой, Соня выбрала неприметное местечко возле окна, подальше ото всех. Плюхнув сумку на пол, устроилась рядом и посмотрела на подругу. Ничто в ее лице не выдавало того, как прошел разговор с Сезаром, и что там вообще между ними произошло.

Раньше я наверное достала бы ее вопросами, но сейчас поняла: Люциан прав. Какое бы решение Соня ни приняла, это ее решение. Я здесь, я рядом, и если что-то не так, она всегда может мне об этом сказать.

— Сонь, я поддержу тебя во всем, что бы ты ни решила, — произнесла я. — Хочешь ты выйти за него, оторвать ему голову или что-то другое, я все равно с тобой. В первом случае поддержу букетик невесты, во втором — простыню, куда будем прятать тело. Надеюсь, ты это понимаешь?

Впервые за сегодняшнее утро Соня улыбнулась так, как умела только она. Это была ее улыбка: светлая, яркая, такая... ни на что не похожая. Улыбка быстро погасла, но ощущение осталось, и я смогла вздохнуть с облегчением. Да, это Соня. Это действительно она, все в порядке. Она так решила, и мне остается только принять это решение и поддерживать ее, особенно сейчас.

— Спасибо, Лен, — тихо ответила она. — Я это знаю. И я очень тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, Драгунова, — одними губами ответила я.

Фамилию и мой шепот перекрыл рев дракона, оповещающий всех о том, что занятие началось — и в аудиторию вошел преподаватель. То есть тьфу! Магистр, конечно же.

— Сегодня у нас практика, практика и ничего кроме практики. Работать будем в тройках, так что предлагаю сразу выбрать себе команду, и мы приступим. По результатам сегодняшней практики буду допускать к экзаменам, поэтому все делаем внимательно. Мне очень не хочется проводить дополнительное занятие по допускам. Итак...

— Кого предлагаешь позвать третьим? Или третьей? — Соня оглядела аудиторию.

Я вздохнула. Правда, уже в следующий момент вопрос отпал сам собой, потому что я увидела сидящего в одиночестве Ярда.

Ну да, с дружбой у нас не срослось, но я и не собираюсь до конца дней припоминать все, что было. Соня проследила мой взгляд, кивнула, и я активировала виритту, чтобы ему написать. Ярд получил сообщение, изумленно обернулся, а я подняла большой палец вверх. Он помедлил, но все-таки поднялся со своего места и направился к нам. Что же касается меня, я очень некстати подумала о том, что Люциан на допуск к экзаменам не явился.

Глава 33

Глава 33

Люциан Драгон

— Запрети ей встречаться с Альгором. — Люциан в упор смотрел на отца. Раньше он старался обходить Фергана десятой дорогой, особенно после того, как они в очередной раз не поладят. В этот раз говорить, что они не поладили было слишком мягко — отец вбил себе в голову, что он должен жениться на Женевьев, и это был перебор. Перебор во всех смыслах: на такое он точно не подписывался.

— Давай проясним, Люциан. — Камень мог отражать интонации, поэтому сейчас тихий «голос» отца был угрожающим. — Ты приходишь ко мне только затем, чтобы выставить условия? После того, как вчера в открытую заявил, что тебе плевать на семью, плевать на положение в обществе, плевать на дипломатию и в целом — на меня и на мои слова. Это так?

— Мне не плевать на дипломатию. На себя мне не плевать больше, чем на дипломатию, и Женевьев не входит в мои планы.

— А кто входит? Ленор Ларо? Любовница Валентайна Альгора?

Несмотря на то, что он уже знал от нее, от отца прозвучало как пощечина. На достигнутом Ферган не остановился:

— Я долгие годы спускал тебе твои выходки, Люциан. Спускал в память о твоей матери, которая была мне безумно дорога. Которую я любил. Но сейчас, сегодня этому пришел конец. Мне надоело, что мои сыновья путают себя с простолюдинами — заметь, даже не с драконами из обедневших семей, именно с простолюдинами, которые считают, что могут распоряжаться своей жизнью и своей репутацией, как им вздумается. Ты натворил достаточно, чтобы лишиться титула и фамилии навсегда, и все же я дал тебе второй шанс. Не просто второй шанс, я дал тебе возможность стать тэрн-архом в будущем. На что ты хочешь его спустить?! На Ленор Ларо?!

«На Лену, — подумал Люциан. — Ее зовут Лена».

Там, в Академии его накрыло так, что он просто сразу построил портал сюда. Плевать ему было на допуск к экзаменам, на то, что об этом прогуле опять настучат папочке. Этот допуск ему не сдался. Он с закрытыми глазами после десяти бутылок дорнар-оррхар сделает все то, над чем все остальные будут пыхтеть.

Накрывшая его ярость была такой темной, что впору было задуматься о передающейся загадочными способами магии — той самой, из-за которой у них с Леной произошел разлад. Но было и еще кое-что, помимо этой внутренней тьмы, была какая-то странная, щемящая, выматывающая злость и отчаяние. Невыносимой была сама мысль о том, что она с Альгором. Раньше он тоже думал об этом, но совершенно в другом ключе, по-другому, и злость эта была другой. Сопровождалась желанием отомстить, сделать больно, ударить в ответ. Сейчас ничего этого не было, он вообще не представлял, что делать дальше. Ну или представлял, но смутно. В этом «смутно» как раз родилась идея поговорить с отцом.

Только Ферган мог прекратить это безумие.

Ей нельзя быть рядом с Альгором! В качестве ученицы — да, может быть, но не как... его женщина.

Люциан сжал зубы:

— Она была моей невестой.

— Вот именно. Была, — Ферган хмыкнул. Из камня это прозвучало вполне знакомо, а вот у дракона из носа вырвались струйки дыма. — Была твоей прихотью. Очередной. И сейчас все так же. Как только ты снова ее получишь, Люциан, эта девчонка станет тебе не нужна.

— Это не так! — рыкнул Люциан, но тут же сбавил тон. — Да, я понимаю, о чем ты. Я понимаю, как я себя вел, как все это выглядело... но сейчас все иначе, отец. Я действительно всерьез заинтересован в ней. Я не отказываюсь от семьи, я не отказываюсь от твоих перспектив. Просто эти перспективы я вижу с ней.

— С любовницей Валентайна Альгора.

— Хватит это повторять! — Он сжал кулаки.

— Буду повторять столько, пока до тебя не дойдет! — громыкнул Ферган. — Эта девчонка могла подойти тебе, когда ты не был наследным принцем. Хотя я был уверен в том, что ты наиграешься, и оказался прав. Но наследному принцу никогда не подойдет обычная

женщина! Тем более женщина, вступившая в любовную связь с темным. Это не просто скандал, это крушение всех устоев нашего мира.

— Так же, как они сокрушились, когда ты женился на Тэйрен Ниихтарн?! — Люциан усмехнулся.

Глаза отца полыхнули золотым пламенем, от волны силы и ярости дракона заломило виски. Тем не менее, когда отец заговорил, голос его звучал спокойно:

— Да. Именно так. Я прекрасно вижу, к чему все идет, и повторить мою историю я тебе не позволю, Люциан. Не за всех женщин стоит бороться, некоторых лучше сразу вышвырнуть из своей жизни. А лучше — еще задолго до этого обходить стороной.

— Со знанием дела говоришь, — процедил Люциан. Им снова овладела нездоровая злость, справиться с которой было ему не под силу. Особенно сейчас, когда он уже почти представлял Лену своей. Когда он почти пропускал ее пряди сквозь пальцы — в своем сознании, когда срывал стоны с припухших губ. Все это отдать Альгору?! Ну уж нет. Озарение пришло внезапно, накрыло его с головой. — Я не откажусь от Ленор Ларо, отец. Что бы ты мне ни говорил. Но мы можем договориться.

Собиравшийся что-то прорычать Ферган снова выпустил дым из ноздрей. Медленно кивнул.

— Ты запретишь им с Альгором быть вместе, и тогда я женюсь на Женевьев. Ты получишь свой идеальный брак, поддержку ее отца. Ленор будет моей неофициально. Я получу ее на своих условиях.

— У меня к тебе встречное, предложение, Люциан, — тут же отозвался отец. — Ты женишься на Женевьев, а я не трогаю Ленор Ларо. Позволяю ей остаться в Академии, позволяю ей спокойно учиться и жить в Даррании. Не высылаю ее в Мертвые земли, где ей самое место.

В первый момент можно было подумать, что камень сломался. Если бы Люциан не знал, что вывести роаран из строя можно, только раскрошив силой дракона.

— Ты угрожаешь мне ей? — очень тихо спросил он.

— Нет, я ставлю тебя в известность, как своего наследника. Ленор Ларо — ходячая угроза всему, что мы долгие годы взращивали. Мировому порядку. Светлой магии. Нашей жизни и содружеству с

людьми. Даже моему сыну. Посмотри, во что ты превратился из-за нее, Люциан. Ты всегда был взбалмошным, но ты никогда не был подлым. Ты никогда не пытался давить, играть и манипулировать другими ради своих интересов. Она как яд, который отравляет все вокруг, и самое место ей — там, где она и находится. Рядом с Альгором. Я не закончил! — Отец перебил его еще до того, как он успел выдохнуть первый звук. — То, что началось с ее появлением в Академии — это цветочки по сравнению с тем, что может быть. И как правитель я буду любыми способами избавляться от угрозы, которая способна изнутри разрушить мою страну, мое общество, моих подданных и моего сына. У тебя есть время до выходных, когда будет объявлена помолвка Сезара и Софии Драконовой. Отец Женевьев не в курсе твоего отказа, поэтому я снова даю тебе еще одну возможность и время подумать.

— Чем ты лучше меня? — усмехнулся Люциан. — Зачитал мне тут мораль о манипуляциях, а сам?

— Я правитель. — Камень даже завибрировал, как и стены — от рычания. — И если ты меня плохо слушал, это твои проблемы. Но в одном ты прав. Мы с тобой действительно очень похожи. Я тоже не хотел никого слушать и слышать. Я тоже не хотел ничего знать, когда появилась Тэйрен. Я сходил по ней с ума, забыв о том, кто я, какой на мне долг, о том, что несмотря на все, она несет в себе угрозу. Страшную угрозу. Я впустил эту угрозу в наш род и до сих пор расплачиваюсь за это. За это заплатили мои родители. Жизнями.

— Что?!

— Об этом не знает никто, — Ферган понизил «голос», хотя они находились под мощнейшим *subtirore silencial*. — Когда сила Тэйрен вышла из-под контроля, хотя я бы сказал — когда проявилась ее истинная сущность, мне и родителям пришлось объединить силы, чтобы вышвырнуть ее из Даррании. Чтобы справиться с ней. Ты никогда не видел темного наследника в полной мощи боевой силы? Я видел. И эта женщина, которую я называл любимой, эта женщина, которая родила мне сына, убила моих отца и мать. У меня на глазах. Мне не хватило сил ее убить, но, к счастью, хватило отправить ее туда, где ей самое место. В самое сердце Темных земель.

Отец замолчал, но Люциан не представлял, что сказать. Для всех бабушка и дед выбрали существование в драконоформе и ушли на Драконьи острова — туда, где общество состояло только лишь из

драконов, совершивших безвозвратный полный оборот. Что ж, в таком случае неудивительно, что отец издал закон, отменяющий возможность полного оборота лишь по решению главы рода и полностью взял этот процесс под свой контроль. Боялся, что рано или поздно эта история вскроется?

Для дракона было закономерно закончить существование в одной форме и уйти в зверя. Сменить не только образ жизни, но и сознание, отпустить часть себя, которая всегда, с рождения, была сильнее. С островов никто не возвращался, и эта территория была нейтральной, она даже Дарранийской не считалась. Все считали, что бывшие тэрнарх и тэрнарха ушли на покой.

Но... такое?!

— Ленор не Тэйрен, — произнес он. — Не стоит судить всех по своему неудачному опыту.

— Ошибки на то и даны, сын, чтобы на них учиться. И больше не повторять. — Ферган дернул крыльями, и по залу прокатилась волна жара. — Я не просто так ушел в драконоформу после гибели твоей матери. Я принял этот обет, поскольку ее смерть — тоже моя ответственность. Я считал, что Сезар другой, что он все изменит, но ты сам видишь, к чему это привело. К чему привела моя вера в то, что один темный способен помочь другому темному. К чему привела моя вера в то, что темное может стать светлым. Сезар закончит обучение, женится на Софии Драконовой, и спустя несколько лет у него появится задание на границе с Темными землями. Я убереу их с супругой как можно дальше от Хэвенсграда, как можно дальше ото всех, кому он может навредить. Не думай, что это касается лично тебя или что это мое желание указать тебе, где твое место. Как я уже сказал, это всего лишь забота. Забота о мире, о тех, кто мне доверяет. О тех, кто находится под моей властью и под моей защитой.

— И о своей чешуйчатой заднице, — хмыкнул Люциан.

Прежде чем воздух раскалился добела от отцовской ярости, он поднял руки вверх:

— Я тебя понял. Услышал. Я сообщу о своем решении.

— Надеюсь, что услышал, — сухо отозвался Ферган. — Потому что я не шутил.

— Да, с чувством юмора у тебя всегда были проблемы.

Развернувшись на пятках, Люциан сунул руки в карманы и вышел, оставив правителя Даррании в привычном ему состоянии одиночества и величия.

Чего он ему не сказал, так это того, что есть женщины, за которых стоит бороться. Лена — одна из них, и он будет бороться за нее до последнего. С Альгором. С самой тьмой. Со всем миром. И, если потребуется, даже с отцом.

Глава 34

Глава 34

Лена

— Это тебе, — когда я протянула Максу сверток, он опешил. Если не сказать, замер.

— Это что?

— Как что? Подарок, ежерог! Тебе же теперь восемнадцать.

— Ты же никогда не дарила мне подарки, Ленор.

— Так не на что было. Пока я не стрясла с Хитара все, что мне полагается.

Пусть лучше думает, что сестра у него была нормальная, чем то, что ей не было до него никакого дела. Что вообще у них там творилось до моего появления?!

— Ладно. И что это?

— Разверни и узнаешь, — я ему подмигнула.

На этот раз садиться за свой любимый столик у окна не рискнула, выбрала самый дальний, в приглушенном свете настенной лампы. Он скрывался в стороне от витрины, а я за ним могла спокойно наслаждаться обществом брата и не думать о том, что в любой момент сюда влетит соглядатай Хитара и все изгадит. Нет, Люциан конечно сказал, что он не влетит, что его чем-то займут, но решила перестраховаться. Мне действительно хотелось приятно провести вечер с братом. Спокойно, не тратя его на всякие разборки со всеми.

— О... — только и сказал Макс, когда развернул подарок. Глаза у него стали огромными: — Ленор... Лен... это сколько стоит?

— Какая тебе разница, — фыркнула я. — Нравится?

— Нравится?! Да я в восторге!

Решение подарить ему набор артефактора пришло само собой. Макс как-то обмолвился, что ему нравится создание артефактов, а я запомнила. Запомнила, потому что наша мама... в смысле, Эвиль, тоже

была ученой и создателем популярнейшего артефакта Даррании, который сейчас был почти у каждого на запястье.

Если честно, мне ее не хватало. Эвиль. Пусть она была магическим изобретением, чем-то вроде искусственного интеллекта, без нее все было не то. Сама не понимаю, почему. Но именно поэтому я так и не назвала свою новую виритту. Никак. Не просто не назвала, вообще не хотела над ней работать и создавать ее индивидуальность.

Пока Макс разглядывал содержимое большой полированной коробки с логотипом «Туасон ле Фре», я налила себе и ему ранх и подвинула к нему большое блюдо с выпечкой тэрны Хлит.

— Столько булок я не видел уже давно, — оторвавшись от созерцания своего сокровища, произнес Макс. Хотя по ощущениям, ему не хотелось отрываться, хотелось от меня сбежать и заняться изучением подарка на практике. Мальчишки!

— Это не просто булки. Это — вкусные булки, — сказала я и в доказательство цапнула самую большую слойку с соленой начинкой. — Считай, что мы сегодня празднуем твое появление на свет.

Он еще раз зыркнул в коробку, погладил корешок книги, подарочного издания со введением в артефакторику, всякие там перья, основания для внедрения плетений — и закрыл. Поставил на стол, поближе к себе.

— Как у тебя дела?

— Сегодня меня допустили к экзамену на общей технике создания плетений. — Я доказала, что могу создать нестандартное плетение и не взорвать полакадемии. Правда, работали мы в команде, но справедливости ради, каждый из нас троих внес свой весомый вклад, в стороне никто не остался.

— Фух.

— Но много всего веселого еще впереди. Как всегда перед экзаменами. А у тебя как?

— Хитар совсем озверел, но Люциан его каким-то образом сделал. Это они с твоим другом Ярдом придумали, так что теперь он не может меня отслеживать.

— Да, я в курсе.

— Даже не сомневался, — Макс весело улыбнулся. — Твой Люциан наверняка тебе все рассказал.

— Люциан не мой, — я отпила чаеранх.

— Как скажешь, — легко согласился брат. Или не согласился?

— Между нами ничего больше нет, — решила уточнить я.

— Да, конечно, Ленор. Не вопрос. — Он хрустнул слойкой, и я поняла, что надо сворачивать с темы.

— Кстати, я кое-что выяснила про «Туасон ле Фре». Подделать их в принципе нельзя, а это значит, что нам нужно составить список всех, кто мог вплести темное заклинание в уже готовый подарок, и подумать, когда это проще всего было сделать.

— Или нет. — Макс еще раз хрустнул слойкой, явно войдя во вкус.

— Нет? О чем ты?

— О том, что, возможно, никакой список нам не нужен. Я нашел кое-что еще у нашего опекуна. Благодарность за проведение благотворительной миссии в Харонвилле.

Я чуть не подавилась своей «булкой», потому что откусила довольно большой кусок и на упоминании Харонвилла проглотила его целиком. Это же город, который располагается на границе с Темными-Мертвыми землями, родина матери Альгора.

— Вот-вот, чувствую, ты поняла, куда я клоню. — Макс похлопал меня по спине. — Благотворительная миссия рядом с Темными землями, потом внезапно вылезшее темное заклинание, чуть не убившее Керуана. Мамин патент на изобретение. Не слишком ли много совпадений?

Да, на совпадения это не тянуло от слова совсем.

— И подделать «Туасон ле Фре» невозможно, как ты сказала. Значит, оставалось только вплести эту дрянь, пока мама с отцом собирались на праздник. Я понятия не имею, как он это провернул, но я абсолютно уверен, что это он.

— Или его хотят подставить.

— С чего бы?

— С того, что когда все улики указывают на одного человека, это слишком подозрительно.

— По-моему, когда все улики указывают на одного человека, это говорит о его виновности.

— Так же рассуждали те, кто обвинил маму с отцом.

— Хм. По-моему, ты ищешь новые сложности там, где их быть не должно, Лен. Хитар. В благотворительной миссии. Ты вообще

представляешь его — и благотворительность?! Да он нашу магию жал до последнего, пока ты на него не надавила. Наше содержание! Если у него хлопушка над ухом взорвется, Хитаровы штаны потом не отчистишь. И тут он вдруг решает поехать в город на границе с Темными землями. Просто так. По доброте сердечной. Ха!

В том, что говорил Макс, действительно была доля правды. Доля правды, или... вся правда? Неожиданно в памяти всплыл эпизод, когда я впервые познакомилась с Хитаром.

— Дуэль с Драконовой! — воскликнула я.

— Что?

— Когда я сцепилась с Драконовой, дядя ко мне заявился прямиком в Академию и сказал, что я нашла какое-то опасное заклинание у него на столе. Что именно им приложила Драконову.

— И?

— Мне кажется, ключ именно в ней.

— В чем?

— В дуэли с Драконовой. — Я отложила слойку на тарелочку. — Узнаем, что точно произошло той ночью, какое заклинание я использовала — пойдем все остальное. Ты никакого заклинания рядом с благодарностями и патентами случайно не находил?

— Нет, и вряд ли он его будет хранить на видном месте.

— Но я его нашла у него на столе с его слов. И вот еще: зачем ему хранить патент, если он уже аннулирован?

Макс моргнул.

— Сможешь его осторожно расспросить про ту поездку? Я не знаю... как-то хитро вывести на тему его достижений? Он тщеславен, и если на этом правильно сыграть, можно узнать кое-что интересное. Разумеется, осторожно. Не говори напрямую про Харонсвилл, просто отсыпь ему щедрую порцию комплиментов, почешу самолюбие. А я пока постараюсь в подробностях восстановить то, что произошло в ночь дуэли.

— Хорошо. Хотя мне кажется, это никак не связано, — брат взялся за ранх.

— Ну вот заодно и проверим. Только умоляю, Макс, осторожнее. Не проболтайся про Харонсвилл.

— Лен, я же не идиот, — он сдвинул брови.

— Ты не идиот, я просто не хочу, чтобы ты пострадал. Потому что если ты прав, и это все провернул Хитар...

— Я прав, но я буду осторожен. Не переживай. — В глазах Макса сверкнул азарт, и я искренне пожалела, что вообще предложила ему такое. Что вообще обо всем рассказала. Может, стоило всем заниматься самой? Или вообще попросить помощи у Валентайна? Нет, не стоило. Не могу же я до бесконечности прятаться за Валентайном и заставлять его решать свои проблемы. История родителей Ленор — это точно моя задача, и решать ее мне.

— Знаешь, Макс, давай лучше я сначала выясню все про дуэль, а потом решим, что делать с Хитаром и Харонсвиллом. Может, и не понадобится во все это лезть. Хорошо?

Брат жевал, но посмотрел на меня очень скептически. Очень многозначительно.

— Я серьезно. Пара-тройка дней нам погоды не сделают...

— Чего они нам не сделают?

Я вздохнула:

— Роли не сыграют. Поэтому просто дай мне время, а потом я с тобой свяжусь. Договорились?

— Договорились. Перестраховщица, — фыркнул он.

Я не успела облегченно вздохнуть, потому что звякнул дверной колокольчик, и в ранховую вошел Валентайн.

— Э-м-м... — сказал Макс, который тоже его заметил.

Ничего другого кроме схожего «Э-м-м» мне в голову не пришло, поскольку я с Валентайном о такой встрече не договаривалась. Если честно, я вообще с ним о встрече не договаривалась, но вот сейчас у всех сворачивающих шеи посетителей, даже стоявших в очереди припозднившихся и желающих взять выпечку домой, медленно округлялись глаза. Потому что по ранховой тэрны Хлит спокойненько шел темный архимаг. Спокойненько — и напрямик к нашему столику.

— Добрый вечер, — поздоровался Валентайн как ни в чем не бывало, магией подвинув один из свободных стульев к себе и усаживаясь за наш столик. — С праздником, Максимилиан.

И протянул моему брату конверт, в котором вполне могли бы быть деньги. Если бы мы, разумеется, были сейчас в моем мире. Но мы были в Даррании, поэтому мне оставалось только моргать. Максу тоже.

— Что это? — спросил он.

— А ты открой. Не укусит.

Макс потянулся к конверту ну очень осторожно, будто и впрямь боялся, что его что-то оттуда укусит. Я же, пока брат занялся подарком, сделала большие глаза и вопросительно посмотрела на Валентайна: «Ты откуда здесь?»

«Потрясающе, когда можно поговорить с Софией Драконовой и узнать, куда ты пошла».

Я ответа не ожидала, по крайней мере, звучащего у меня в голове, поэтому сейчас вздрогнула.

«Ты у Сони, что ли, узнал?»

«Да».

Дальше мы ничего мысленно обсудить не успели, потому что раздался вопль Макса. Ну как вопль... возглас, который привлек к нашему столику еще больше внимания.

— Драховы почки! Эллейские острова?!

Я не удержалась и тоже покосилась на то, что в руках держал Макс. Там был красивый подарочный сертификат на поездку на Эллейские острова, которые здесь считались чем-то вроде местных Мальдив. Стоило ли говорить, сколько стоила туда поездка... на месяц?! На двоих?! В самое сердце этой сказки, где располагался местный аналог самого элитнейшего из элитнейших отелей.

— Э... — многозначительно сказала я. По сравнению с эллейскими островами набор артефактора из «Туасон ле Фре» скромненько отодвинулся в сторону и принялся колупать стену мизинчиком.

— Это что? Правда мне? — переспросил Макс, вытаращившись на Валентайна. Нет, мой брат умел держать лицо, но сейчас стал похож на абсолютно обалдевшего подростка, которому отец на день рождения подарил «Бентли».

— Нет, сейчас назад заберу. Посмотрел — и хватит, — Валентайн хмыкнул. — После сдачи школьных экзаменов и поступления в эту драконову академию — самое время как следует отдохнуть. Ты не находишь?

— Спасибо, — Макс наконец-то пришел в себя и осторожненько убрал конверт к набору артефактора. — Это... очень круто.

— На здоровье, — Валентайн улыбнулся и переключился на меня.

Ну как переключился? Взял и просто так накрыл мою руку своей посреди бела дня. То есть тьфу, посреди вечера, который только-только накрыл город сумерками, стремительно сгустившимися в момент нашей встречи с братом. Вообще мы должны были встретиться пораньше, но Макс написал, что задержится, поэтому и вечер слегка растянулся. И лица присутствующих тоже растягивались от такого откровенного проявления чувств Валентайна на глазах у всех. Брат исключением не был, он переводил взгляд с меня на него — и обратно. Причем в отличие от остальных, совершенно не стеснясь.

— Так, и что я пропустил?

— Ленор тебе не сказала?

— Не успела, видимо. — Брат покосился на меня, как будто я утаила от него невероятно важную и касающуюся лично его информацию.

— Да. Очень на нее похоже, — прежде чем я успела вставить хоть слово, этот... архимаг взял мою руку, развернул тыльной стороной ладони вверх и поцеловал запястье.

Чешуюкнуться можно!

Макс хмыкнул, но комментировать не стал, спасибо ему за это. Мне вообще хватало своих собственных внутренних комментариев, которые сводили меня с ума. Комментарии и поцелуй, обжегший мою кожу и запустивший под нее тысячи темных искр, которые сейчас растеклись по мне, превращая в совершенно дикую девицу, которой тоже хочется всячески касаться сидящего рядом мужчины. Не просто касаться, но и делать всякие глупые вещи вроде мимолетных поцелуев, от которых вспыхивают щеки и кровь.

— Какие планы на поступление? — поинтересовался Валентайн, мягко отпуская мою руку. Впрочем, отпуская — это было сильно сказано, потому что едва она легла на стол, ее тут же придавило его ладонью. Легко так, но собственнически. Властно.

— Думаю про изучение артефактов. И о том, чтобы пойти по стопам матери. — Макс кивнул на мой подарок. — Вот Ленор явно намекает на это.

— Магическая наука? Потрясающий выбор.

Это мне сейчас только кажется, что если бы Макс сказал, что хочет до конца жизни ничего не делать, Валентайн ответил бы так же?

— Над чем собираешься работать?

— Ну, я пока еще не решил. Выбираю несколько направлений...

Дальше, кажется, обо мне забыли. Могло так показаться, по крайней мере, если бы лежащая поверх моей ладонь не скользила периодически то назад, то вперед, поглаживая мою. Макс явно был счастлив, что ему есть с кем поговорить про артефакторику, потому что я в ней не была особо сильна, и если слушатель из меня был неплохой, до подискутировать со мной на эту тему было нереально. Поэтому я наблюдала за тем, как Валентайн вовлек моего брата в разговор, даже не особо напрягаясь, пила рэнх и медленно, сантиметр за сантиметром, вытягивала свою руку из-под его.

Не потому что это было странно... Хотя нет, это было странно! Что я совершенно точно не могла себе представить — так это вот таких уютных семейных посиделок с Валентайном. До этой минуты.

Когда мне это удалось, и я наконец-то перестала себе напоминать оголенный провод, я колупнулась в своей виритте и принялась повторять кое-что по драконьему языку. До завтра мне еще надо было подготовиться к важному тесту, и я читала, читала и читала, пока сквозь времена не услышала:

— Кажется, Ленор давно уже не с нами. — Голос принадлежал Валентайну, и я вскинула голову.

— Это кто еще первый стал не с нами, — парировала, глядя на него и на брата.

— А мы все съели и выпили, — довольно заявил Макс. Таким довольным я его не видела... ладно, ни разу! Надо было слушать, о чем они говорят с Валентайном.

— Рада за вас.

— И, пожалуй, я даже пойду домой, — сообщил Макс, подмигнув... архимагу!

Э-э-э-то что за мужской заговор?!

— Мы тоже пойдем. — Валентайн легко коснулся моего плеча. — Такой чудесный вечер, не прогуляться просто невозможно.

Я вам скажу, что невозможно! Точнее, кто здесь невозможный! Это вы, архимаг.

«Правда?» — тут же прозвучало у меня в голове.

Правдее некуда!

Мы поднялись все вместе, при этом Валентайн успел отодвинуть мне стул. Я поблагодарила тэрну Хлит за гостеприимство, она

пожелала мне доброго вечера. Кажется, хозяйка единственная совершенно спокойно восприняла тот факт, что в ее ранхой появился Валентайн Альгор.

После чего мы все втроем вышли на улицу, и Валентайн отступил, чтобы дать мне попрощаться с Максом.

— Так значит, Люциан действительно не твой, — протянул Макс задумчиво.

— Не мой, — отмахнулась я. Вот про Люциана сейчас совершенно не в тему было говорить.

— Но он так не считает, Лен. Стал бы он иначе со всем этим заморачиваться, устраивать нам встречи и все такое. В частности, платить моему соглядатаю, чтобы он исчез. Не представляю, сколько он ему вообще магии отвалил.

Я замерла.

— Он — что?

— Подкупил он его, вот что. Или ты думаешь, он его конфеткой поманил?

Я прикрыла глаза. Вот же драхство! Не надо было его просить. Вообще ни о чем!

Ладно, потом разберусь.

— Главное, что мы с тобой увиделись. — Я обняла Макса и тут же быстро его отпустила. — И что сможем общаться.

— Угу-угу. Но про Люциана ты все-таки подумай. Сдается мне, твой принц не из тех, кто так просто сдается.

— Он не мой! — повторила я, обернулась на Валентайна и добавила уже тише: — Ты же сам все видел.

Макс пожал плечами, приподнял брови:

— Ну да, он классный. И явно в тебе заинтересован.

— Но?

— Ты уже большая девочка, Ленор. Вот и думай сама.

Макс помахал мне рукой и направился в сторону Алой площади, на ходу набирая что-то на виритте и удерживая подмышкой подарки. Я посмотрела ему вслед, покачала головой — вот и что он имел в виду, когда сказал: «Думай сама?» — развернулась и направилась к Валентайну. Чтобы выдохнуть, наконец-то уже не мысленно:

— Что это только что было?!

Глава 35

Глава 35

Валентайн, как ни в чем не бывало, взял меня под руку.

— Пройдемся, Лена?

— Пройдемся! Если ты ответишь на вопрос. С какой радости я тебя вижу на встрече с моим братом? С какой радости ты даришь ему подарки и ведешь себя, так, как... как...

— Как будто мы встречаемся? — подсказал Валентайн.

Я подвисла.

— Как будто у нас отношения? Как будто мы пара? В вашем мире не принято дарить подарки на личные праздники? Знакомиться с близкими людьми? Гулять по улицам просто так?

Пока я ловила свою челюсть в полете, он продолжил:

— Да, я хотел пообщаться с твоим братом и узнать его поближе.

— По-моему, ты хотел завоевать его доверие!

— Что в этом плохого? Тем более что общаться с твоим братом одно удовольствие. Мне, знаешь ли, приятно, когда на меня смотрят как на интересного собеседника, а не как на темного архимага.

Моя челюсть потяжелела еще сильнее.

— Так что, Лена, мы прогуляемся? — Он вопросительно смотрел на меня, ожидая ответа, а я... я окончательно растерялась. Я настолько привыкла, что Валентайн очень любит контролировать каждый мой шаг, что как-то не подумала обо всем том, о чем он сказал только что. О том, что это в самом деле нормально. Для нормальных отношений — просто зайти и поздравить моего брата с прошедшим днем рождения, принести ему подарок. Ладно, на сумму магии мы не смотрим, у меня до сих пор голова от его цены кружится, хотя я ее только мысленно представляю. Но в целом — это нормально. Нормально пригласить свою девушку вечером на прогулку. Нормально хотеть пообщаться с самым близким для нее человеком.

Безо всяких «но» и этих магических штучек.

Нормальная жизнь. Это называется нормальная жизнь, Лена. И у тебя она когда-то была. А вот у Валентайна — не факт. Тем ценнее то, что он сейчас делает. То, что он сейчас делает для нас, как для пары. Да и вообще. В целом.

— Прогуляемся, — я приняла его руку, и мы, не сговариваясь, направились в сторону Алой площади.

Летнее тепло окутало город. Несмотря на камень, в который были закованы ближайшие улочки, с соседних доносились запахи цветения, под ногами белели крохотные осевшие лепестки. Иногда белели, иногда сиреневели, иногда алели. Самое время, чтобы гулять и наслаждаться раскрывающейся природой и раскрывающимися отношениями. Просто вот тут уже я... не привыкла. То, что было у меня с Земсковым — пародия, он меня особо и не звал никуда. Так получилось, что я ему и понравилась, и надоела очень быстро. Про Люциана вообще молчу. Ну а нормальные отношения — они, наверное, именно такие, да. Когда мужчина неожиданно приходит за тобой в кафе, и вы потом идете вместе по улицам, мимо проходят люди, и те, кто его узнает, просто таращат глаза, а те, кто никого и ничего не видит, спеша по своим делам и к семье — просто пробегают мимо. Мягким уютным теплом расцветчивают сумерки фонари, вокруг которых кружат мотыльки, вспыхивают окна, гаснут витрины.

— Странно, — призналась я.

— Что именно?

— Странно... вот это вот все. Я никогда не думала, что буду просто так идти с тобой по улице, не думая ни о чем. Ни о темной магии, ни о твоём отце, ни даже об экзаменах... просто идти. Если ты понимаешь, о чем я.

— Еще как понимаю, Лена, — Валентайн усмехнулся. Несмотря на жару, он был в черном костюме, только на жилете поблескивали серебром пуговицы и кайма. — Я тоже себе такого не представлял. Не представлял, что такое возможно.

Я улыбнулась.

— Почему?

— Не думаю, что стоит это объяснять. Достаточно посмотреть на кого-то... — Валентайн перевел взгляд на первого попавшегося прохожего. Тот почувствовал это, поднял глаза и изменился в лице.

— Ладно, как девушка, из-за которой отменили выездной урок истории к алтарю Горрахона, я тебя прекрасно понимаю.

Валентайн хмыкнул:

— Поверь, вы ничего особо не потеряли.

— Верю. Но я очень хорошо тебя понимаю, просто... разве тебе никогда раньше и ни с кем не хотелось вот так пройтись?

Валентайн пожал плечами.

— Нет? Даже с Эстре?

— Снова ревнуешь, Лена? — Уголки его губ дрогнули.

— Нет! — возмутилась я. — Просто вы же были друзьями. В моем мире с друзьями принято проводить время и гулять.

— Даже если бы твой друг был сыном угрозы мирового масштаба?

— Лично мне было бы все равно, — теперь уже плечами пожала я. — Но я тебя поняла. Тему закрываем.

— Я не хочу ее закрывать. — Он неожиданно остановился, заключил мои ладони в свои. — Я хочу, чтобы ты поняла, что у меня никогда, ни к кому не было таких чувств, как к тебе.

Пока я приходила в себя от его предыдущих слов, он добавил:

— Я хочу насладиться каждым мгновением, каждым днем, каждой возможностью, пока мы вместе.

Э...

Что?!

Меня будто треснули чем-то тяжелым. Чем-то очень тяжелым, или окатили ледяной водой. Даже не знаю, с чем сравнить ощущения.

— Пока? — уточнила я, снова вытягивая руки из его ладоней.

Не то чтобы я из тех, кто считает, что если у вас все было, то это на веки вечные и до скончания дней, но как-то хотелось верить в лучшее, да. Или, по крайней мере, в то, что мне об этом не скажут. Вот так вот. В лицо.

— Пока, — подтвердил он.

«Пока», — захотелось сказать мне, вместо этого я сложила руки на груди:

— Знаешь, мне что-то расхотелось гулять. Можешь вернуть меня в Академию?

— Нет. Не могу, — он покачал головой. — Знаешь, почему Соня будет жить дома в ближайшее время?

— При чем здесь Соня?

— При том, что на вас напали. И пока не будет выяснено, кто это спровоцировал, ночевать ты будешь только дома.

Ну вот, это уже больше похоже на Валентайна. Сам подумал, сам решил. Еще и Соню за уши притянул для манипуляции.

— Соне с таким папашей лучше жить в Академии. Безопаснее будет, — ядовито отозвалась я.

— Может быть. Но про меня же ты так не думаешь?

Вот что он хотел услышать сейчас, а?

— Я не знаю, что думать, Валентайн! — в сердцах выдала я. Развернулась и направилась туда, куда мы только что шли — в сторону Алой площади. Разумеется, он очень быстро меня догнал.

— В чем дело, Лена?

— В чем дело? — уточнила я. — То есть это не ты только что сказал слово «пока»?!

— Я.

Многозначительно. Ненавижу, когда он так делает! Вот просто ненавижу! Молчит, выдает короткие местоимения или фразы, которые «понимай, как хочешь» или «думай, как знаешь». Действительно, думай как знаешь. Ты же взрослая девушка, Лена. Не это ли имел в виду Макс?

Ладно, пусть считает меня кем хочет. Но я ему сейчас все выскажу!

— Я как-то на такое не рассчитывала, — сообщила я. — Не то чтобы я ждала предложения руки и сердца, но...

— Лена! Я в любой момент могу войти в полную мощь темной силы. Ты представляешь, что это такое? Что я могу сделать с тобой, когда мои чувства к тебе поглотит моя истинная природа? Я не хочу для тебя судьбы своей матери, поэтому при малейшем намеке на мое полное превращение мы разойдемся. Именно об этом я говорил. Именно об этом я говорю сейчас. О том, что я хочу наслаждаться каждой нашей близостью. Каждым прикосновением.

Он снова остановил меня, скользнул пальцами по щеке.

— Мне придется уйти из Даррании, когда я окончательно стану темным. Это ты понимаешь?

Я вздохнула.

— Понимаю. Но ты меня точно не понимаешь, Валентайн. Во-первых, я не считаю, что тьма способна поглотить кого бы то ни было без его полного на то согласия. Во-вторых, даже если чисто теоретически такое случится... ты правда считаешь, что я от тебя откажусь?

Он покачал головой.

— Ты не сможешь рядом со мной находиться.

— Спорим? — Я протянула ему руку. — Нет, я ставлю на то, что твоя угроза полностью окунуться во тьму пройдет стороной, но если все-таки нет, то спорим? Спорим, что я останусь с тобой?

Валентайн улыбнулся и снова мягко перехватил мои руки. Вместо того, чтобы пожать мне ладонь.

— Я верю в то, что ты достаточно безумна для этого.

— Безумна?

— И столь же отважна. Но моя сила стремительно возрастает, я даже чувствую ее сейчас иначе, чем несколько месяцев назад. Единственное, о чем я жалею — так это о том, что потерял все эти месяцы вдали от тебя. Ты мало что знаешь об истинной тьме, Лена. То, что я рассказываю — это верхи. Не перебивай, пожалуйста. — Он сжал мои ладони, и я закусил губу. — Ты лучшее, что было и есть в моей жизни. Ты мой свет. Мне бы очень хотелось верить, что этого света хватит, чтобы отогнать тьму, но я не настолько наивен. Я не хочу тебе лгать. Не хочу, чтобы это стало для тебя неожиданностью или чтобы ты так или иначе пострадала. Я говорил об этом с самого начала, но, кажется, ты не понимаешь. Или слишком веришь в меня. Я хочу быть с тобой каждый вздох, пока мое сердце способно на чувства к тебе. Если бы это была вечность, я был бы счастлив. Увы, пока я не представляю, сколько времени нам осталось, но я буду делать все, чтобы его было как можно больше. Я клянусь тебе в этом, и я бы не заговорил об этом сейчас, если бы не сказал случайно «пока». Потому что даже в этом серьезном разговоре мы теряем мгновения, которыми могли бы наслаждаться.

Он замолчал, и молчал достаточно долго. Настолько, что мне хватило ясности: теперь можно говорить мне. Можно и даже нужно.

— Да, я верю в тебя, — честно призналась я. — Верю в тебя, верю в нас. Но даже если отбросить все это, я счастлива, потому что ты говоришь со мной откровенно. Нет никаких потерь мгновений, мы

вместе прямо сейчас. Какая разница, о чем мы говорим? Или ты считаешь, что в отношениях всегда только свет и радость?

— Нет. Я так не считаю, но я хотел бы дать тебе максимум света, что есть во мне. — Его голос неожиданно дрогнул. Кажется, неожиданно даже для него самого, потому что лицо Валентайна на глазах стало превращаться в камень, в эту непроницаемую маску, которой он всегда закрывался ото всех. В том числе от меня.

— В тебе гораздо больше света, чем ты думаешь, — сказала я. — Гораздо больше света и гораздо больше любви. Иначе зачем тебе ходить к той девочке в приют? Зачем общаться с ней? Зачем дарить подарки незнакомому ребенку? У тебя были все возможности воспользоваться своей властью надо мной, но ты не воспользовался.

Я глубоко вздохнула от переполнявших меня чувств:

— Все! Я устала убеждать тебя в том, какой ты хороший. Так что давай просто гулять и забудем обо всем этом. Ты прав: что толку говорить о том, что еще не случилось. Тем более что от меня ты даже в самой темной тьме не отвяжешься.

Я не позволила ему возразить, рывком увлекая за собой по ступенькам. По иронии судьбы мы вышли на ту самую улицу, где располагался приют, и где Соня увидела Женевьев. После чего у нее стремительно испортилось настроение, и она от меня сбежала. Правда, тогда я еще не знала, что она Соня, и уж тем более не знала, что она любит Сезара. Любит или влюблена? Неужели Люциан прав, и она согласилась поэтому? Просто потому, что не смогла от него отказаться, как... как сейчас я говорила Валентайну? И что, это значит, что я его люблю?!

Ой.

— Какое-то время назад я задумался о том, чтобы ее удочерить, — Голос Валентайна, к счастью, выдернул меня из предыдущей темы. Мы как раз проходили мимо приюта: красивый особняк благодаря подсветке фонарей ночью казался еще красивее и ни разу не напоминал детские дома, в которых на детях и на всем экономят, или те же, например, приюты в стиле классики Джейн Эйр. Мне оставалось только порадоваться, что мы уходим от темы отношений, а еще тому, что Женевьев вкладывается в такое дело, позволяя этому зданию действительно быть домом. Домом для тех, кто в нем так

отчаянно нуждается. Я читала, что и подбор воспитателей курирует она, поэтому и с этим здесь наверняка все хорошо.

— Задумался, и? — уточнила я.

— Потом понял, что мне нечего ей дать. Разве что клеймо воспитанницы темного.

— Или любовь. Заботу. Семью. — Я подняла руки вверх. — Ты уж прости, Валентайн, но списывать все на тьму так удобно. Так легко не принимать решения, когда в тебе тьма.

— Ты мне сейчас мораль прочитала, или что? — он улыбнулся.

— Да нет. Просто поделилась своими мыслями. Ну и еще немного историей на тему «жить здесь и сейчас». Когда ты задумался о том, чтобы ее удочерить?

— Еще до твоего появления.

— Поздравляю. У этой девочки год мог бы быть отец.

Валентайн как-то странно на меня посмотрел, но ничего не сказал, а я решила не продолжать. Мы просто шли и молчали, но это тоже было на удивление уютно. Остался за спиной и уют, и улица, а впереди уже раскрылся широкий проспект, вдалеке которого виднелась Алая площадь.

Нет, все-таки на тему Москвы я была не права. Да, если долго копаться в прошлом и ностальгировать, можно было отметить схожие черты, но Хэвенсград, по большому счету, впитал множество атмосфер самых разных городов моего мира. Где-то — мосты, похожие на родной Санкт-Петербург, Прагу или Париж (последние я видела только на картинках, но все же!). Где-то — уютные кварталы с маленькими притоками Ваалы, напоминающие каналы Венеции или Амстердама. Где-то невысокие домики, черепичные крыши, где-то готика, застывшие на карнизах драконы, горельефы и барельефы. И, разумеется, вишенка на торте, то есть на городе — парящая в небе Академия Драконова. Шум и тишина, камень и цветение, парки и длинные, казалось, расплосовавшие весь город улицы — все это Хэвенсград. Со своими порталными точками и даже пробками из маджикаров. С кучей фонтанов, один из которых, кстати, расположен прямо на Алой площади.

— С этого места для меня началась Даррания. — Валентайн остановился рядом с фонтаном. Отпечаток лапы дракона, застывший в алых камнях, подбрасывал струи ввысь, вокруг собралось множество

людей и драконов. Все наслаждались магией, которая придавала воде то кроваво-красный оттенок, то серебристо-черный, то золотой — вроде как побеждающий тьму. Само это место было напоминанием о кровопролитных войнах и о том, что темная магия — это фу.

Фу такими быть, вот что я скажу.

— Пойдем? — Я хотела увести Валентайна, но он не позволил. Продолжал смотреть на бьющую в небо воду даже несмотря на то, что многие уже начали на нас оборачиваться и перешептываться — шутка ли, сам темный архимаг собственной персоной. Еще и меня с собой взял.

В какой-то момент захотелось показать им неприличный жест, но вряд ли до них дошел бы посыл, поэтому я просто обняла Валентайна двумя руками и прижалась всем телом.

Пусть думают, что хотят. Все они.

Валентайн притянул меня к себе, и о чем сейчас думал он, я знать не могла. По крайней мере, мне так казалось — до тех пор, пока фонтан не «заснул» у меня на глазах, а я не почувствовала холод темного промозглого раннего утра зимы или начала весны. Подсохшие корочки льда, черные изломы Дворца правления. Дрожь складывающихся крыльев, дрожь от холода. И вопли прикорнувшей у фонтана нищенки, вмиг проснувшейся:

— Темная тварь! Темная тварь!

Ее визг звучал у меня в ушах так же, как и топот стражей порядка и мгновенно заполонивших площадь военных, окруживших мальчишку-подростка. Он стоял полностью обнаженный, и вокруг него таяли очертания черно-серебряных крыльев, плавилась, становясь кожей, серебристо-черная чешуя.

Валентайн не сопротивлялся, когда его скрутили, когда брезгливо набросили грязное покрывало.

Я вынырнула из его воспоминаний так же резко, как в прошлый раз, с Эстре. Видимо, что было дальше, он не захотел мне показывать.

— Здесь началась моя новая жизнь, — произнес он уже вслух. — Ни об одной минуте которой я ни на миг не пожалел. И не пожалею.

Повернулся ко мне и почему-то улыбнулся, становясь моложе разом лет на пять.

— Ты удивительный, — произнесла я, провела пальцами по его скуле. Не удержалась и так же, подушечками, повторила контуры губ.

В толпе зашептались активнее, и Валентайн кивнул мне в сторону набережной:

— Пойдем.

Черное покрывало реки отражало огни, катало их на волнах, изредка ударяя о камни. Здесь стало прохладнее, еще и ветер какой-то внезапно подул. Валентайн мгновенно стянул пиджак и набросил его мне на плечи, закутывая, как в кокон и привлекая к себе. Теперь каждый его шаг отдавался во мне, а мой — в нем.

— Так на чем мы остановились в прошлый раз, когда говорили о твоём мире?

— О, об этом я могу говорить бесконечно. Только попроси, — фыркнула я. — Но вообще мы говорили про самолеты, про наши местные маджикары — в смысле про маджикары из моего мира, про то, что у нас нет магии и есть технологии, а еще про деньги. Про то, что они приближены к местным попыткам людей сделать что-то, на что можно обменивать товары и услуги.

— Это же неудобно.

— Неудобно, а как быть, если нет магии? Вот я, например, только недавно научилась понимать, что такое внутренний ресурс. Точнее, научилась я давно, а начала чувствовать — по-настоящему чувствовать, только недавно. У нас в мире такого не было, а как-то жить надо было.

— Просто делать что-то в обмен на что-то?

— Ну-у-у-у нет, — рассмеялась я. — Это ты уже какую-то утопию сочиняешь.

— Утопию?

— Утопичный мир, в котором все в гармонии и балансе брать-давать. В Даррании, например, тоже такого нет, несмотря на всю вашу магию. Ты же когда приходишь дорогое белье покупать, не танцуешь потом стриптиз консультанту, чтобы совершить равноценный обмен.

— Танцую — что, Лена?

Я поперхнулась. Не столько потому, что представила, как это объяснять, сколько потому что очень отчетливо увидела танцующего стриптиз Валентайна. После этой картины мне стало сначала жарко, потом холодно, потом опять жарко — на сей раз настолько, что впору пиджак снимать. Вот только я решила оставить, а то мало ли. Объясняй потом, что такое стриптиз. Во-первых, стремно, а во-вторых

— вдруг ему понравится? Еще меня танцевать заставит. То есть попросит. А я не смогу отказать.

А-а-а-а! О чем я вообще думаю?!

Мама! Он же в мысли мои заглядывать может!

— У вас тут нет стриптиза? — уточнила я осторожно.

— Нет, или по-другому называется.

Приватный танец, приватные услуги... да ну чтоб тебя! Как мало я знаю об этом мире. Все еще.

— Нет, и не надо, — я махнула рукой, быстренько выпихивая все ненужные картинки из сознания. Пронесло! — Как Соня себя вела, когда ты с ней разговаривал?

— А как должна была? — Валентайн заглянул мне в лицо.

— Не знаю. Не нервничала, там? Ничего не пыталась сказать?

— Нет.

Я вздохнула. Значит, Люциан прав. Это Сонино решение, и оно такое. Из-за любви.

— Снова переживаешь? — Валентайн потер мои плечи.

— Угу, — не стала отпираться. — Теперь из-за того, что она так легко согласилась. И Сезар... возможно, она его любит, но он?

— Он, Лена, скорее уничтожит себя, чем позволит себе снова причинить ей боль. — Мои плечи легко сдавили. — Он и попытался. В ту ночь. Обратил против себя свою же силу.

Я открыла рот, но Валентайн приложил палец к моим губам.

— Я не прошу оправдывать его поступок, и я его не оправдываю. Я знаю этого парня, и я знаю, что твоя подруга будет как величайшая в мире драгоценность рядом с ним. Бесценна и неприкосновенна — пока сама не попросит.

— Ты в этом уверен? — Я заглянула ему в глаза.

— Уверен ли? Сезар останется последним оплотом Даррании после того, как мне придется уйти. Я его к этому готовил, и...

— Ох, Валентайн, замолчи, — теперь уже я мотнула головой и остановилась.

— Не хочешь больше продолжать этот разговор?

— Гораздо больше я хочу сделать так, — я подалась вперед и коснулась губами его губ. Легко, как утихомирившийся ветер сейчас играл моими волосами, то щекоча ими лицо, то отбрасывая за спину.

— Ты удивительная, Лена, — хрипло сказал он, когда я отстранилась. В его радужке светилась серебряная кайма.

— Счастливая, — поправила я. А потом уже Валентайн меня поцеловал.

Гораздо глубже и откровеннее, чем я его. Гораздо интимнее, настолько властно и нежно одновременно, что я потерялась в его нашем дыхании и в этой самой простой, бесконечной манящей ласке. Река билась волнами о ступеньки, шумела листва, а мы стояли на набережной и целовались, и не могли друг другом насытиться. В этом не было никакой магии, и в то же время было самое величайшее в мире волшебство.

Глава 36

Глава 36

Магистр Доброе утро смотрел на меня так, что становилось не по себе: глубоко, затягивающе. А ведь я всего-то тест проходила, и от этого теста ничья жизнь не зависела. Ну разве что моя, но я как-нибудь справлюсь с тем, что в очередной раз накосячила. А я накосячила! Я это видела по его взгляду. Следующая его фраза тоже была как бы намеком на то, что, в общем-то, со мной все сложно:

— Пожалуй, я поговорю с вами не на драконьем, адептка Ларо, — произнес он.

— Мне совершенно без разницы, — брякнула я.

— Да, судя по тому, что я вижу, на мой предмет вам без разницы.

Ну не может быть все настолько ужасно!

— Потому что вместо того, чтобы попросить подать вам руку, вы попросили на вас жениться.

Или может?

— Это как? — я потянулась, чтобы заглянуть в магические письма.

— Вот так. Я объяснял разницу между *agvaer poder* и *agverge poder*. Я это точно помню. Где были вы в этот момент, даже не представляю, но ваша фраза получила совершенно иной смысл. Предложить руку и предложить руку в качестве потенциального партнера на всю жизнь — разница есть, правда, адептка Ларо?

Да он издевается! Просто решительно издевается. Хорошо хоть все остальные уже ушли, только Соня ждала меня за дверью.

— Но это еще не все. Со временами вы тоже напутали, — магистр улыбнулся как-то зловеще. Или мне так показалось. — Дословно у вас получилось «Вы не могли бы предложили мне руку», а если перевести литературно: «Вы не могли бы позвали меня замуж».

Душнила он, вот кто!

Я с трудом удержалась, чтобы закатить глаза.

— Это все?

— Нет, это не все, иначе я не попросил бы вас задержаться. Такая ерунда со временами у вас по всему тесту.

Так и знала, чтоб его!

— Поэтому к экзаменам я вас не допускаю. По крайней мере, пока не выучите времена и не пересдадите тест.

Что-о-о?!

— Из-за одного маленького потерянного времени?

— Не одного, а десятка. — Магистр оперся ладонями о кафедру и подался ко мне. — В мире драконов вас в лучшем случае высмеют. Вы знали, что на официальных приемах драконы предпочитают общаться на своем языке? Например, если на предстоящей помолвке Софии Драконовой и Сезара Драгона вы будете сыпать такими корявыми фразами, как вы думаете, на вас посмотрят?

Я буду молчать.

— Тот факт, что София Драконова — человек, никого не смущает?

— Ваше знание языка должно смущать! Вас! — рывкнул магистр, полыхнув золотом в зрачках. — Время пересдачи — послезавтра, после занятий. Все.

Вот же готова поспорить, что с таким характером на пересдачу приду не только я. А меня, именно меня он решил задержать и отчитать! Просто потому что я — это я. Хотя у меня в принципе форы по хотя бы малейшему изучению языка не было до того, как я сюда попала!

— В нашем мире говорят, что если ученик двоечник, то двойку надо поставить в первую очередь учителю! — огрызнулась я.

— Что значит — двоечник в нашем мире?

Да чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя!

— В моем, — сказала я. — В моем персональном мире за плохой результат ученика, то есть адепта, ответственен не только он, но и магистр!

Живите с этим!

Я вышла из аудитории раньше, чем успела что-то еще сказануть. И так уже сказанула.

Соня дожидалась меня, прислонившись к стене рядом с дверью. Так получилось, что на завтрак я, мягко говоря, опоздала. Влетела в Академию в самый последний момент перед рычанием на первое занятие, потому что утренним пробуждением мы с Валентайном... гм,

несколько увлеклись. Поэтому и поговорить с Соней толком не получилось, даже просто ни о чем, не говоря уже о том, что произошло в ночь дуэли.

— Как прошло? — поинтересовалась она, увидев меня.

— Тоска. Пересдача, в смысле.

Соня приподняла брови:

— Серьезно?! Ты же так любила языки, Лен!

— Ну в нашем мире я как-то побольше сталкивалась с разговорным английским, например...

— Т-с-с-с! — Она сделала большие глаза.

— Тьфу. Прости. У меня от счастья совсем мозги отъехали, видимо.

— Валентайн? — Соня тепло улыбнулась, кивнула и мы направились в сторону следующей аудитории.

— Валентайн, — честно призналась я. Даже выкручиваться и спорить не хотелось.

— Я очень за тебя рада! — В том, что Соня говорит искренне, сомнений не было. А вот что касается легкой грусти в ее глазах, которая промелькнула — и тут же исчезла — это еще откуда?

— А ты как?

— А как я? Готовлюсь к помолвке.

— Ты любишь Сезара? — спросила в лоб.

Соня резко остановилась:

— Опять?!

— Нет. Я просто...

— Лена, мы закрыли эту тему, — произнесла она ледяным тоном. Настолько, что мурашки по коже пошли. Вот как после такого, скажите, верить в то, что она замуж по большой любви собирается?

— Нет. Не могу я ее закрыть, потому что...

— Да, я его люблю! Довольна?! — Соня сложила руки на груди. — Люблю мужчину, который меня изнасиловал. Хочешь еще что-то узнать на эту тему, валяй. Можем подробно обсудить случившееся той ночью, чтобы ты, наконец, успокоилась!

Она обошла меня и резко зашагала по коридору, я бросилась ей вслед.

— Сонь! Соня! Да подожди же!

— Я не хочу об этом говорить, Лена, что тут непонятного?! — Она метнула в меня резкий взгляд. — Пожалуйста! Я что, о многом тебя прошу?

— Нет. Не о многом.

— Тогда пожалуйста. — Соня глубоко вздохнула и сложила руки у груди в намасте. — Пожалуйста. Я не хочу ссориться с тобой из-за этого. Ты моя лучшая подруга, а я сейчас на взводе — думаю, тоже не стоит объяснять, почему. Поэтому давай говорить о чем угодно, только не об этом.

Я хотела сказать, что переживаю за нее. За то, что брак с Сезаром — это будет сложно даже несмотря на все чувства, но поняла, что эту тему реально стоит закрыть. Своими вопросами я ей лучше не сделаю, своими тревогами тоже. Только буду беречь рану. Пришлось засовывать все свои переживалки поглубже — туда, откуда они уже не вылезут, и сворачивать с темы.

— Вообще-то я хотела с тобой поговорить о том, что случилось на дуэли, — призналась я, когда мы завернули за угол к широкой лестнице и пошли на третий этаж. — О той ночи. Драконов... твой отец наверняка проводил расследование. Может быть, удалось узнать какие-то детали? Важные детали, которые ну... подозрительные.

— Подозрительные? — Соня прищурилась. — Ты о чем?

Я кратко пересказала ей разговор с Максом и пояснила, к каким выводам пришла в расследовании по делу родителей Ленор.

— Ты сумасшедшая, Лен, — она покачала головой. — Во что ты вообще лезешь? И зачем?!

И эта же самая девушка говорила, что это круто — заниматься расследованием? Когда мы с ней выяснили про «Туасон ле Фре» и невозможность подделки.

— Раньше я хотела в этом разобраться, просто чтобы на меня не смотрели, как на дочь заговорщиков. Потом — из-за предстоящего заседания по этому зимнему делу.

Соня помрачнела. Перед ней расступилась группа адептов, и она прошла мимо них, как королева. Устроилась на четвертом ряду, я села рядом.

— Понимаешь, — на всякий накинув *subrire silencial*, пояснила я: — я так незаметно подружилась с Максом, и это дело стало гораздо

больше, чем способом спасения. Чем-то личным. Не только из-за брата, хотя и из-за него тоже, но важным именно для меня.

Заклинание «прятало» наш разговор, но не скрывало, о чем говорят другие, поэтому до меня донеслось:

— Подумать только! Помолвка с Сезаром Драгоном.

— Добилась все-таки своего!

— Разбила их с Женевьев пару.

— А что ты хотела? Это же София Драконова.

Девушки покосились на нас, я начала было подниматься, но Соня положила руку поверх моей.

— Забей, Лен. Мозгов у них не прибавится, а вот у тебя убавится нервов. Оно тебе надо? — Подруга помолчала, пожевала губы: — Наверное, не стоит говорить, что если тут замешан Хитар, это дело опаснее, чем можно было себе представить раньше? Если честно, я не понимаю, почему ты просто не придешь с этим к Валентайну?

— Потому что он не обязан решать все мои проблемы.

— Но это дело серьезное.

— Вот именно что серьезное, а у него хватает серьезных дел. В том числе и по моей милости. Слушание это опять же... Он вообще рискуя своей репутацией за меня поручился.

Соня глубоко вздохнула.

— Лен, мое мнение ты услышала. Я бы не советовала тебе в это лезть самой.

— Но?

— Но зная тебя, я понимаю, что бесполезно тебе что-либо советовать. Увы, про ночь дуэли я знаю ничтожно мало, ровно то, что она была, и что я очнулась в этом теле. Как и ты. Еще я знаю, кто может знать больше, и что тебе это не понравится.

Я хотела спросить, почему, но мысль опередила вопрос. Кто может знать больше о ночи дуэли? Тот, рядом с кем я впервые проснулась в этом мире.

— Люциан Драгон.

Соня приподняла брови и усмехнулась.

— Да. И Сезар.

Как ни пыталась я себя убедить, что встречаться с братьями Драконами себе дороже, пусть даже они могут пролить свет на произошедшее той ночью, не убеждалось. Причем чем больше я себя пыталась в эти мысли загнать, тем отчаяннее было внутреннее сопротивление. Что-то внутри будто насмеялось: что, уже передумала разбираться в смерти родителей, Лена? Когда я впервые поймала себя на этом, мне стало дико. Во-первых, родители Ленор не были моими родителями. Во-вторых... да шут его знает, что там во-вторых.

Стоило признать — я просто не хочу видеть Люциана Драгона. Не хочу с ним встречаться, и почему? Между нами уже давно ничего нет, а вчера я поставила в этой истории последнюю точку. Так какого мне не хотеть встречаться *именно с ним*? С его братом все было понятно, я боялась, что при личной беседе все-таки не удержусь и пну его в причинное место. Так, для профилактики, чтобы его не только обещанные Валентайном моральные принципы останавливали, но и временная недееспособность.

С этими мыслями я проходила почти все пары, и, когда в конце занятий Соня меня спросила:

— Ну? Что ты надумала?

Я ответила:

— Зови.

Она вздохнула, будто ни разу не сомневалась в моем решении, а потом отправила сообщения: сначала Сезару, затем Люциану. После чего мы пошли к ней.

В комнате Софии Драконовой в Академии мне бывать еще не доводилось, поэтому сейчас я поразились тому, насколько здесь все уютно устроено. Разглядывая обстановку, я подошла к окну, наслаждаясь видом на красивый цветущий парк и корпуса. Весной преобразается все, даже камень замка сейчас выглядел теплым и разогретым под лучами солнца.

— Попросить, чтобы нам принесли еды?

— Что? — Я вынырнула из собственных мыслей на голос Сони.

— Есть не хочешь, Лен?

— Нет, я не голодна. У нас сегодня всего две пары после обеда было.

— Всего! — фыркнула подруга, а после стала серьезной.

Потому что раздался стук в дверь.

Я тоже обернулась, сцепив ладони за спиной. Два часа «на поговорить» с Драконами у меня было, потом Валентайн вернется из Дворца правления и заберет меня. Я могла бы открыть портал и сама, но он настоял, что будет забирать меня лично. Лично так лично, спорить я не стала. Тем более что мне в самом деле была приятна такая забота.

А вот видеть Сезара было неприятно: даже несмотря на все, что я узнала от Валентайна. Поэтому, когда он вошел, я сложила руки теперь уже на груди. Судя по его взгляду и сдвинутым бровям, меня старший принц тут увидеть не ожидал.

— В чем дело? — поинтересовался он, глядя на Соню. — Ты просила прийти. Я думал, ты хочешь поговорить.

— Мы с тобой уже все обсудили. Я пригласила тебя, потому что Ленор нужна помощь.

— Ленор?

— Да. Именно ей.

Наблюдая за этими двоими, вообще невозможно было сделать какие-то выводы. Соня и Сезар собирались объявить о помолвке, между ними вроде как были самые пламенные чувства, но вели они себя, как деловые партнеры в лучшем случае. О чем они там договорились? Что вообще происходит?

Раньше, я уверена, Соня рассказала бы все. Все-все-все, так всегда было между нами. Но сейчас она попросила ее не тыркать, и все, что мне оставалось — только уважать это решение.

— Хорошо. В чем именно заключается моя помощь?

Пока Сезар говорил, я тайком изучала этого парня. Раньше мы все время виделись на бегу, сейчас появилась возможность посмотреть и почувствовать. Темной магии я в нем не уловила: то ли он ее так старательно запрятал, то ли это было остаточное действие того, о чем говорил Валентайн — когда Сезар попытался себя уничтожить. Это был самый обычный адепт-старшекурсник, который смотрел на мою подругу... вот сейчас я это впервые уловила — с затаенной тоской. С ощущением безвозвратной потери. Совсем не так, как женихи смотрят на своих невест.

— Подождем твоего брата, — ответила Соня. — Тогда Лена... Ленор все расскажет.

Я кивнула, но вернуться к мыслям об этой донельзя странной парочке не успела: Люциан ввалился в комнату без стука.

— Соскучилась? — выпалил с порога. Осекся, потому что увидел сначала Сезара, успевшего отойти в сторону, потом меня. Нахмурился:

— Так, это что за собрание?

— Рассказывай, Лен.

Соня убедила меня в том, что от Драгонов моя идея с расследованием никуда не пойдет, но начинать говорить все равно было стремно. Особенно под весомым взглядом Люциана, который с каждым мгновением становился все тяжелее и тяжелее. На меня как будто пару гирь положили, и они стремительно набирали вес.

— Я занимаюсь расследованием смерти родителей, — сказала я, когда Соня активировала известное всем заглушающее заклинание, — и у меня есть все основания полагать, что ключ к разгадке в нашей с Софией дуэли. Поэтому мне здорово пригодилось бы все, что вы знаете, все, что вы видели, и все, что вы думали о том, что произошло в ту ночь.

— Расследованием? — Сезар сложил руки на груди, отзеркалив мою позу. — Разве их вина не была доказана?

Люциан продолжал молчать.

— Для меня они невиновны, — я вернула ему его взгляд. — И я хочу это доказать остальным.

— Странно, что со своей идеей ты не заявила к своему Валентайну, — хмыкнул Драгон-младший.

— Почему я не заявила к нему, тебя не касается, — мгновенно завелась я. Но тут же несколько раз глубоко вздохнула: — Вы сможете рассказать о том, что видели? Я не прошу вас мне верить или помогать как-то еще. Мне просто нужно увидеть ту ночь вашими глазами.

— Когда я вас увидел, ты ударила Софию заклинанием, отбросившим ее назад, — произнес старший принц. — Мощь этого удара была такой, что мне на миг показалось: она уже не поднимется.

Ну в общем, так оно и было. Просто Сезар об этом не знал.

— Потом ты потеряла сознание. Просто рухнула следом. Я вызвал Люциана сразу же, потому что нужна была чистейшая светлая магия. На месте. Только она могла помочь, если хотя бы одна из вас была бы еще жива.

Но мы не были. В смысле, София и Ленор умерли на месте, а взамен них пришли мы. Спасибо Адергайну Ниихтарну, но дело сейчас не в нем. Дело в том, что загадочным образом Ленор нашла и взяла «совершенно случайно» оставленное Хитаром заклинание. Убийственное заклинание, которое должно было уничтожить и ее, и Софию. Зачем? Хитар решил таким образом избавиться от дочери Эвиль? А следом пришел бы черед Макса? Но почему?!

— Я влил в вас двоих немного сил, — сообщил Люциан, который по-прежнему хмурился. — К счастью, прогнозы моего братца — депрессивные, как всегда, не оправдались. Вас просто здорово приложило.

Я не стала его разубеждать.

— После Сезар должен был доставить Софию в лазарет, а я тебя — к тебе в комнату. Из вас двоих ты выглядела лучше, да и в целом...

— Если бы с дочерью заговорщиков случилась неведома фигня, никто бы не расстроился, — закончила я.

— Неведома что? — переспросил Сезар.

Люциан хохотнул:

— О, вижу, ты начинаешь постигать тонкости общения с этими двумя. Близкого общения, — на словах «близкого» он многозначительно посмотрел мне в глаза.

Я отвернулась.

Предпочла посмотреть на Сезара, отбросив все свои впечатления о нем.

— Зачем ты позвал Люциана? Для исцеления...

— Объединение двух магий лишило меня этой возможности, — произнес он. — Я могу многое. Почти все. Но не исцелять. Ни одно исцеляющее заклинание, ни одна врожденная сила ни со светлой, ни с темной стороны во мне в этом направлении не работает.

— И ты не почувствовал ничего странного?

— Кроме того, что слабенькая магесса обрушила убийственное заклинание на дочь Ивана Драконова?

— За слабенькую спасибо, конечно. Но ты не почувствовал никакого всплеска темной магии? Ну... не знаю, хотя бы намек на нее?

— А ты как думаешь? Если бы у тебя случился всплеск темной магии, об этой дуэли узнала бы вся Академия.

Да, все время забываю про их сигнализацию.

В общем, понятно, что ничего не понятно.

— По-моему, ты ищешь белое там, где только черное, Ленор, — выдал мне Сезар. — Твои родители совершили ошибку и поплатились за это. Смирись.

Я наклонила голову:

— Со знанием дела говоришь? Уже смирился?

По лицу Сезара прошла судорога, а Люциан хмыкнул:

— Да, с особым умением благодарить за помощь от Ленор Ларо ты еще познакомишься.

Я посмотрела ему в глаза:

— Когда мне есть за что благодарить, я благодарю.

— Давайте вы будете выяснять свои отношения не у меня в комнате? — Соня, до этого молча созерцавшая нас, отлепилась от стены. — Вот там коридор, там и ругайтесь. До посинения.

— Теперь понятно, почему вы сдружились и забыть друг друга не можете. — Люциан вышел первым и громыхнул дверь. Сезар, напоследок глянул на подругу, но так и не дождавшись ответного взгляда, вышел следом за ним.

— Я правда нажестила? — посмотрела на Соню.

Та пожала плечами:

— Тебе видней.

— По всей видимости, Хитар хотел избавиться от меня. Вот только я не пойму, зачем. Что ему это давало? Ленор никак не могла ему помешать. Она была мышь мышью, вреда от нее было...

— Ты уверена? — Соня приподняла брови. — Как много ты вообще знаешь о Ленор?

Я открыла рот, чтобы сказать, что знаю достаточно... и закрыла. Все называли Ленор Ларо серостью, но серость-не серость, а она взяла убийственное заклинание, которым запустила в другую девушку. Она целовалась с Люцианом Драгоном и явно готова была отдаться ему в той самой беседке. Если бы он захотел. Она ни разу не защитила родного брата перед опекуном и явно преследовала какие-то свои цели, когда все это время молчала. Боялась Хитара? Может быть. Но под серостью иногда скрывается опасное тлеющее пламя, и пепел — лучшее тому доказательство. Один порыв ветра — и весь дом в огне.

— Рада, что ты задумалась, — Соня коснулась моей руки. — Лена, брось это дело или поговори с Валентайном, если все же хочешь продолжить. Когда я говорила с тобой об этом впервые, я еще не знала, что ты это ты. Для Ленор Ларо это мог бы быть выход, и она наверняка знала бы, что делает. Но для нас в этом мире, везде, слишком много переменных. Не учтешь одну — все посыпется. Понимаешь, о чем я?

Да, я понимала. Наверное, сейчас понимала как никогда.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо, Сонь.

— Ты всегда можешь на меня рассчитывать. — Она улыбнулась и притянула меня к себе, а потом, после коротких объятий, отстранилась: — Не хочешь вместе начать готовиться к экзаменам? Кстати! Я могу помочь с драконьим.

— Шутишь, что ли?! Конечно хочу! Я даже мечтать не могла, что мы будем готовиться к экзаменам вместе!

Соня улыбнулась еще шире, и спустя несколько минут мы сидели у нее на постели и занимались. Даже самое занудное времяпровождение вместе с лучшей подругой становится приятным занятием, возможно, именно поэтому я полностью выключилась из мыслей про расследование и вспомнила о нем только когда пришла пора идти к Валентайну в магистрериум.

Попрощавшись с Соней до завтра (ей тоже вот-вот должны были открыть портал), мы разошлись, и я на ходу набросала Максу сообщение о том, что расследование пока прекращаем. По крайней мере, до тех пор, пока я не решу, что с этим делать.

Глава 37

Глава 37

Платье, в котором мне предстояло идти на помолвку Сони, было шикарным. Насыщенно-голубое, как весеннее небо, лиф украшен узорами более бледного оттенка и ярко-сиреневыми, в которых, как капли росы в только-только раскрывшемся бутоне, блестели крохотные драгоценные камни. Талию подчеркивал такого же ярко-сиреневого цвета пояс, теперь мне спокойно можно было прятаться в цветущем саду: все равно никто не найдет.

Украшения к платью подарил Валентайн: серьги, тонкое кольцо и браслет с камнями, по цвету напоминающими аметисты, которые здесь назывались альцарины. Мне даже прическу уже придумали. Мой, кажется, уже бессменный стилист Имона рассказала, как это будет выглядеть, и мне все понравилось. В общем, образ был готов полностью, а вот я была не готова. Не уверена, что готова к тому, что случится завтра в королевском дворце.

Поэтому сейчас сидела в комнате, рассматривала томящееся на манекене платье и кусала губы. Когда, в какой момент все пошло не так? Когда Соня отказалась со мной говорить про Сезара, про то, почему согласилась на эту помолвку? Но ведь я как никто другой знаю, что ее убедить сделать что-то против воли просто невозможно.

Когда мы просто занимались вместе после пар? Делая вид, что ничего такого не случилось?

Но ведь случилось.

Неделю назад случилось такое, за что в нашем мире по-хорошему сажают, а не дают пострадавшую девушку в награду.

Да, возможно я не должна сравнивать наш мир и этот мир, Дарранию с ее магией, включая темную, может, я слишком драматизирую и пора давно все это выкинуть из головы, потому что все кроме меня смирились и счастливы. Но я не могла.

Вдобавок ко всему мы поругались с Максом на тему расследования. Когда я сказала ему, что мы прекращаем этим заниматься, он сначала не поверил. Потом обозвал трусихой и сказал,

что это уже больше похоже на меня старую, и лучше бы я всегда такой и оставалась, чем давать надежду на то, что все могло быть иначе. После чего добавил, что слышать меня не хочет и со вчерашнего дня перестал отвечать вообще.

Ладно хоть драконий сдала. Соня в самом деле погоняла меня по временам: недостаточно, чтобы я начала разбираться в них на отлично, но достаточно для того чтобы магистр Душнильное утро все-таки дал мне допуск к экзаменам, до которых осталось всего-ничего.

Первые экзамены в магическом мире тоже не особо вдохновляли. Радовало хотя бы то, что здесь они сдаются раз в год, а не делятся на зимне-летние сессии. Зима, как говорится, здесь вообще время святое, поэтому нельзя его омрачать всякими там экзаменами. Зато летом предстояло сдавать целых пять предметов, и от этого волосы на голове дыбом вставали.

Практическая магия, теоретическая магия, история, зоомагия — в смысле, та самая наука про магических зверей и основы светлой артефакторики. Последнее я вообще не представляла, зачем, но наверное составители программы о чем-то думали, когда включали этот предмет в экзаменационный лист для первокурсников.

У драконов там было немного другое, в частности, они сдавали боевую магию вместо артефакторики, ну а на военном в принципе было очень много своих предметов, так что на экзаменах мы с Люцианом пересечемся разве что на истории и зоомагии. Видимо, обращение с магическими животными и знание мировых вех посчитали важным как для людей, так и для драконов.

Знали бы они, с кем я общаюсь, поставили бы мне этот предмет автоматом. Ну или посадили в подземелье, что более вероятно, потому что Дракуленок еще слегка вырос. Он периодически забредал ко мне поговорить «когда совсем скучно становилось», но я-то знала, что несмотря на устрашающий вид, эта вредная сущность Загранья просто по мне скучает.

Тем не менее я ему подыгрывала, и в редких случаях, когда рядом не появлялся Валентайн, мы с ним даже вполне уютно и без сарказма общались. Особенно потому, что для него всегда было заготовлено угощение: свежее или вяленое мясо в размерах корма на здоровую лошадь.

Сегодня он тоже вроде как собирался заглянуть, но сообщил привычно, что:

— Посмотрим, как получится, если не буду занят, — поэтому я особо и не ждала.

Пусть резвится в свое удовольствие там, где ему комфортнее, даже если это пугающий мир Заграницы.

Валентайн с утра был во Дворце правления, поэтому я решила навести порядок в своей комнате: аккуратно все разбирала, вещи, которыми не пользуюсь, откладывала, чтобы передать в фонд магической переработки. Стараясь не думать о том, что, если бы Соня готовилась к своей помолвке в нашем мире, я бы сейчас была с ней. Была бы? Или же нет?

Или она настолько привыкла обходиться без меня, будучи Софией Драконовой, что я уже лишняя в этом уравнении?

Сама не знаю, с чего в голову пришла эта дурацкая мысль, но точно могу сказать, что пришла она абсолютно не вовремя. Потому что я дернулась, задела локтем вазу с цветами — подарком Валентайна, и... он ее поймал за миг до того, как этот подарок превратился бы в осколки, лужу и мешанину из лепестков, стебельков и стекла.

— Что ты делаешь, Лена? — удивленно смотрел он.

— Пространство чищу, — вздохнула я. Умеет же он подкрасться!

— Так в вашем мире называется уборка? Почему ты не позвала горничную?

— Потому что у меня и у самой ручки есть. В смысле, просто захотелось. — Я взяла вазу из его рук и вернула на место. — Ты все? Уже закончил свои правительственные дела?

— Более чем.

— Так быстро!

— У меня был отличный стимул. Побыстрее вернуться к тебе и сделать так, — он перехватил меня за талию, и мы шагнули в портал.

А вышли на берегу той самой реки, которую он показывал мне в своих воспоминаниях.

Днем она выглядит иначе: красивая, ярко-синяя гладь переливается блестками солнечного света, блики скользят по воде. От шума водопада закладывает уши, воздух напоен свежестью и теплом. Этот запах лета ни с чем не спутаешь, он особенный, и, кажется, он одинаков во всех мирах. Запах, от которого хочется зажмуриться и, как

в детстве, с визгом влететь в воду, подняв тучу брызг. Лето — это запах свободы, запах, который хочется вдыхать полной грудью. Легкие ароматы цветения, трав, свежесть воды. Открытым только остается вопрос...

— Зачем мы здесь? — Я поворачиваюсь к Валентайну.

— Решил, что тебе не помешает расслабиться. А это место — мое убежище. Мне здесь легче думается. Легче дышится. Здесь легче всего принимать решение, каким бы оно ни было.

Я оглядываюсь и понимаю, что действительно не хочу отсюда уходить. Под ногами — песок, мелкие камушки и травинки, за спиной — лес, тропинка, уводящая в чащу. Мы выбрались с Соней на природу, но такой красоты, как я видела здесь, я еще не встречала. Брызги от водопада рассыпались бриллиантовой крошкой, сверкающей в лучах солнца, речушка петляла между камнями, образуя заводь, перед которой стояли мы, а дальше бурной лентой устремлялась вправо.

— Очень интересное место.

— Я знал, что тебе понравится, Лена.

— Вот только стоило меня предупредить. Я бы собрала купальник и...

— Зачем тебе купальник?

Под его взглядом я покраснела.

— Купаться.

— Купаться лучше обнаженным, — невозмутимо сообщил Валентайн, отводя мои волосы назад и почти касаясь губами губ. — Ничего никуда не врезается.

— Ничего никуда? — уточнила я, чувствуя, что опять краснею.

— Вообще.

— М-м-м-м... — я попятилась. — Тогда отвернись.

— Серьезно? — Он приподнял бровь. — После всего, что между нами было?

— Серьезнее некуда, — отозвалась я. — Пожалуйста.

Сама не знаю, что на меня нашло, но одно дело раздеваться и раздевать мужчину в спальне... ну или в его кабинете на столе. И совсем другое на берегу, залитом солнцем. Я понимала, что здесь никого нет, но что-то словно сжималось внутри, не позволяя это сделать вот так. У него на глазах.

Поэтому я дождалась, пока Валентайн отвернется, быстренько разделась и, аккуратно сложив одежду на берегу, осторожно попробовала воду носочком. Тепло! Как же тепло! Здесь было еще и значительно жарче, чем в Хэвенсграде, неудивительно, что вода так быстро прогрелась. А кстати, где это — здесь?!

Я зашла в воду, окунувшись по плечи, и только после этого спросила:

— А где мы вообще?

— Что, не боишься, что я увижу тебя в воде? — насмешливо спросил Валентайн, повернувшись.

Я опустила глаза: вода и впрямь была прозрачной, кристально-чистой, как слеза.

— Нет, в воде не боюсь, — вернула ему и насмешку, и приподнятую бровь. — Я и на берегу не боюсь, просто...

— Просто? — Он сбросил пиджак и жилет, принялся за рубашку, и тут уже впору было отворачиваться мне. Особенно когда рубашка полетела на берег, а он взялся за брюки.

— Тебе бы музыку сейчас сюда, был бы стриптиз, — ляпнула я.

— А, так вот что такое стриптиз!

Вот кто меня за язык тянул, спрашивается?

С одеждой Валентайн не церемонился, поэтому и в воде оказался достаточно быстро, рядом со мной. От его близости температура окружающей среды стремительно повышалась, поэтому мне захотелось нырнуть с головой. Поэтому — и чтобы не выдерживать его тягучий, плывущий взгляд, скользящий по мне.

Как так получилось, что рядом с этим мужчиной у меня настолько отъезжает крыша? И я готова тянуться за его поцелуем, когда он обхватывает меня за талию, привлекая к себе, а от жара наших тел, кажется, сейчас закипит вода.

— М-м-м-м... — снова сказала я, когда мои губы освободили.

Правда, тянущее жаркое ощущение внизу живота не позволяло больше думать о чем бы то ни было, кроме... того, что можно коснуться пальцами его лица, повторить красиво очерченные скулы и вжаться в него сильнее. Ощущая твердость его желания и провоцируя, и сходя с ума от того, как его радужку заливают сначала серебром, а затем тьмой.

Больше никогда не скажу, что тьма — это лед. Тьма — это чистое неразбавленное пламя. По крайней мере, когда тьма — это Валентайн.

Его пальцы скользили по моей спине, повторяя позвонок за позвонком, пока не коснулись ягодиц, сминая их и заставляя выгнуться ему навстречу, вжимаясь в этого невозможного мужчину еще сильнее.

— Чувственная Лена, — хрипло произнес он мне в губы. — Какая же ты чувственная. Ты как река, которую невозможно поймать и удержать в ее течении. Можно только наслаждаться. Здесь и сейчас.

Я и правда чувствовала себя как эта река: ноги почти не держали, потому что от ягодиц его пальцы скользнули дальше, между разведенных бедер. Лаская так, на пределе от пикового наслаждения — и отступая.

— Издеваешься? — хрипло поинтересовалась я.

В отместку вжимаясь бедрами в его бедра и потираясь. Запустив пальцы в его волосы, я откинулась назад, почти легла на воду. Позволяя ему скользить взглядом по обнаженной груди. Вот уж и впрямь не скажешь, что несколько минут назад я просила его отвернуться на берегу.

Почему вообще просила, кстати?

Мысль мелькнула и ушла, когда он накрыл губами мою грудь.

Холодные капли воды на коже. Горячий рот и язык.

Я, кажется, готова была соскользнуть в это наслаждение прямо сейчас, и, если бы Валентайн не сделал нас единым целым резко, остро, на грани боли — наверное, так бы и произошло, но сейчас... Сейчас я обхватила его ногами. Руками. Оплела, как лиана в воде, подчиняясь ритму его движений.

То неспешно-дразнящему, то более жесткому, сильному.

От таких чередований просто голова шла кругом. Буквально.

Я сходила с ума, плавилась в его руках и возрождалась в прохладе окутывающей нас воды. Цеплялась за его плечи, сжимала волосы в горсть, дрожала от накатывающего по нарастающей наслаждения.

Накатывающего — и отступающего. Как прибой.

В такт движениям реки. Под музыкальный шелест ласкающих берег волн.

Медленно. Нежно.

Под шум и грохот водопада.

Резко. Неистово. Остро.

Все сильнее и сильнее, до закушенных губ, до срывающихся, тонущих в шуме воды стонов. До его хриплого, сбивающегося дыхания. На взглядах — глаза в глаза, не отпуская друг друга. До той самой минуты, когда внутри вспыхивает огненное, яростное наслаждение, усиливающееся пульсацией и толчками внутри. До того мгновения, пока оно взрывается, искры рассыпаются перед глазами — серебро, смешанное с летящими в нас брызгами, и невыносимо, бесконечно ощущается своя-чужая дрожь, жаром растекающаяся по телу.

— Я сейчас улечу, — хрипло сообщила я ему в губы.

Когда смогла говорить. Все еще цепляясь за его, к своему стыду, основательно исцарапанные плечи. Или не к стыду? Не удержавшись, подалась вперед и лизнула царапинку, повторяя рельеф мышц.

Валентайн вздрогнул:

— Хочешь повторения, Лена?

Я снова подняла на него глаза и облизнула губы.

Из воды мы выползли спустя полчаса и рухнули на песок. Ну ладно, справедливости ради, я бы рухнула, Валентайн шел вполне уверенно, еще и меня нес. Меня он положил на себя, чтобы травинки и камушки не кололись, и теперь я лежала и смотрела на то, как бьется жилка у него на шее. Все еще быстро, но постепенно уже успокаиваясь после нашего марафона.

— Вот что в твоём представлении означает купаться?

— В моём представлении только так купаться и стоит, — солнце разогрело его глаза, сделав их какими-то тепло-шоколадными.

— Для такого точно купальник не нужен.

— Ну а что я тебе говорил?

Мы валялись на песке. Дурачились в воде — брызгались, загоняли друг друга под водопад. Потом снова валялись на песке. Потом мне начало печь спину так, что Валентайн подхватил меня на руки и пошел в лес. Где, к моему величайшему удивлению, на ближайшей полянке оказался выстроен симпатичный добротный срубовой домик.

— Это что? — переспросила я, когда мы поднялись по ступенькам на небольшую террасу.

— Место силы.

Толкнув плечом дверь, он поставил меня на ноги, которые тут же утонули в густом теплом ворсе.

Этот дом весь был таким: теплым. Медовое дерево стен, мягкие кресла и круглый ковер между ними, а в единственной спальне — такая же крепко сколоченная кровать, на которой легко можно было разместиться вчетвером. Из спальни вела еще одна дверь, в местный аналог бани, который, признаться, я видела в Даррании впервые. Была здесь и вполне Хэвенсградская ванная, правда, тоже вся в дереве, единственным металлическим предметом здесь оказался круглый чан на ножках.

— Отдыхай, Лена, — Валентайн взмахом руки наполнил ванную водой: она закрутилась прямо сквозь открытый портал внутри чана. — Я бы с удовольствием отдохнул рядом с тобой, но подозреваю, что это будет не отдых. Вода из горячих источников Лааза. Наслаждайся.

Портал закрылся, вода из горячих источников осталась.

Я хотела спросить Валентайна, откуда этот дом взялся, но он уже вышел. Да, в конце концов, не так уж это было и важно. С наслаждением погрузившись в горячую, почему-то пахнущую маслами воду, я закрыла глаза. На минуточку.

А открыла... в этой же ванной, вот только посреди нее почему-то была дверь. Черная дверь, из-под которой струилось какое-то ало-оранжевое сияние, напоминающее отблески пламени. На краю чана лежал халат, которого не было, когда я закрывала глаза. Подхватив его, я вылезла из ванной, плотно завернулась в него и шагнула к двери. Потянула на себя ручку, чудом не обжегшись — она оказалась горячей.

Шагнула вперед и споткнулась взглядом о портрет Люциана. Тот самый, который я порвала и отправила в небытие. Дверь за спиной захлопнулась с треском. Я вздрогнула, обернулась...

— Ну наконец-то, Лена! — мое имя произнесли так, будто выплюнули.

С ненавистью. Моим же собственным голосом. Точнее, голосом, который моим стал в Даррании.

Я снова повернулась.

Положив руку на мольберт, рядом с портретом Люциана стояла я. То есть Ленор.

Глава 38

Глава 38

От неожиданности я попятилась и врезалась спиной в дверь. То есть, в стену! На том месте, где только что была дверь, оказалась стена, а мы оказались в комнате Ленор в доме Хитара.

Сон! Это всего лишь сон.

Я глубоко вздохнула и улыбнулась, но сон даже не думал исчезать. Ленор по-прежнему стояла, глядя на меня. Глядя с такой ненавистью, что не будь это сном, впору было бы серьезно пугаться. Ну или вспоминать защитные заклинания — те, что я помнила навскидку.

— Вряд ли тебе поможет магия, — она по-прежнему сжимала угол мольберта. — Вряд ли тебе вообще что-то поможет, Лена! Пора возвращать то, что ты у меня украла!

М-да, ну и шизофреничные сны у меня. Может, стоит показаться местному целителю на мотив нервного перенапряжения? Честно — не удивлюсь, что все мои приключения вылились во что-то... этакое.

— Думаешь, это сон? — Ленор усмехнулась. — Думаешь, ты сошла с ума? Не надейся! Так просто ты не отделаешься. Я просидела здесь запертая в одиночестве почти год. Теперь твоя очередь!

— Да, разумеется, — ответила я, прикидывая, как бы побыстрее проснуться. Тема со щипком (довольно болезненным, кстати) вообще не сработала. Вот и как вести себя с психами? С реальными понятно как. А если псих нереален, и вообще он плод твоего воображения.

Ленор наконец-то отцепилась от Люциана, в смысле, от мольберта, и шагнула ко мне.

Да, это было по-настоящему дико. Как смотреть на свое отражение, которое внезапно озверело, вылезло из зеркала и теперь прет на тебя явно с желанием придушить. Ну или выдрать немного волос.

— Ты отняла у меня все! — рывкнула Ленор. — И сейчас строишь из себя жертву?!

— Да никого я не строю, — решила не сопротивляться, рассматривая комнату. Она, по сути, была такой, какой я ее застала.

Стремной, необжитой, неудобной. Все было именно так, как когда я впервые вошла сюда: холод, пустота, одиночество. И темнота. Нас окружала глухая ночь, а за окнами почему-то валил густой снег. Такой как в Португале. Крупные хлопья распластывались по стеклу, надрывно завывал ветер.

— Хочешь узнать, почему здесь все так?

— Валяй, рассказывай, — сказала я своему глюку, который явно ожидал, что я с визгами буду бегать от него по всей комнате. Вот только закаленному японскими ужасиками мозгу такие выкрутасы нипочем.

— Потому что ты заняла мое место! — прошипела она. — Заняла мое тело! Ты отняла у меня возможность учиться, общаться с братом, любить Люциана!

Э-э-э...

— Ну предположим, не я, а Адергайн Ниихтарн, — ответила я. Какой-то странный у нас получался с ней разговор. Слишком реалистичный. — Мне твое тело нафиг было не нужно, пока он меня в него не пересадил.

Садовод недоделанный.

— А сейчас? — Ленор снова усмехнулась. — Сейчас, когда ты вовсю развлекаешься в нем с Валентайном Альгором?! Сдается мне, тебе очень понравилось то, что ты получила.

— Нечего было на дуэль с Драконовой выходить, — резонно заметила я.

Лицо Ленор исказилось от гнева, я же продолжала озираться. Если попала я в этот сон через дверь, то и... Бинго! Я рванула к ближайшей двери, услышав за своей спиной вопль:

— Ну уж нет! — И дверь передо мной будто стер невидимый гигантский ластик!

В мое плечо весьма ощутимо вцепились — даже не представляла, что можно так вцепиться во сне, разворачивая лицом к стене.

— Я же сказала: сбежать не получится, — процедила Ленор мне в лицо. — Это мое тело, и больше я тебе его не отдам! Я так долго ждала этого момента. Так долго ждала, когда наконец смогу вытащить тебя сюда, а после поменяться с тобой местами...

— Сюда — это куда? — уточнила я.

— В мое подсознание.

Ути-пути, какие мы умные слова знаем. Нет, это точно мой разум шалит, в Даррании новомодными словечками вроде «подсознание» и «астрал» даже не пахло.

— Разумеется, это твой разум, — язвительно отозвалась Ленор. — Вот только теперь он и мой тоже! Я знаю все, что знаешь ты. Я вижу все, что видела ты. А вот ты, Лена, очень мало обо мне знаешь. Твоя подруга Сонечка, поселившаяся в Софии Драконовой, была абсолютно права. И знаешь что? В этом мое преимущество!

В темно-сером платье со стянутыми в пучок волосами она напоминала не то учительницу из недавно мной упомянутой Джейн Эйр, не то призрак очень вредной девицы. Вредной, злобной и мерзопакостной, благодаря чему выглядящей лет на пять старше меня и своего возраста.

— Ах ты! — взвыло порождение моего ума. — Да я тебя... Будешь сидеть здесь! Будешь сидеть здесь и смотреть, как я разрушаю твою жизнь так же, как ты разрушала мою!

Ну все, с меня хватит этого балагана. Все, что мне надо — это просто просну...

Додумать я не успела: Ленор с ревом, достойным обезумевшей банши (вообще-то, сейчас именно ее она и напоминала), бросилась на меня и вцепилась в мои плечи. Дернула на себя, и в меня сотнями тысяч игл вонзился потусторонний холод. Я ощутила, что мое тело больше мне не принадлежит, а сама я становлюсь легкой, невесомой и невыносимой пустой. Девица торжествующе расхохоталась, я же таяла на глазах. Очертания, контуры становились нерезкими, плавились, вытягивались, словно песок под порывами ветра в ущелье.

— Будешь сидеть здесь! — повторно прорычала она. — Здесь! Всю оставшуюся жизнь, пока я не решу, что пора от тебя избавиться!

Я ударилась взглядом о Люциана. Насмешка в золотых глазах, обращенных на меня, была столь явной, а еще настолько тягучей, горячей, острой, что я вмиг ощутила себя распластанной на тех простынях. И мир снова обрел краски, становясь четким, живым, моим.

— Пошла ты знаешь куда?! — рявкнула я, стряхивая руки опешившего двойника. Оттолкнула ее с такой силой, что Ленор пролетела через полкомнаты, как перо — но она и была невесомой.

Бестелесной. — Мне твоя жизнь никогда не была нужна. Попробуешь отнять у меня мою еще раз — пожалеешь!

Я развернулась, взмахом руки создавая дверь, рывком открывая ее и шагая за порог.

— Не-е-ет! — донесся до меня вой Ленор. — Не-е-ет! Все должно быть не так! Все не так! Я до тебя доберусь, и тогда...

Что «тогда», я оставила за спиной, шагнув в невыносимо яркий свет. Распахнула глаза и обнаружила себя в чане с водой из горячих источников, сползшей в него так, что вода касалась подбородка.

Подпрыгнув на каких-то инстинктах, я забрызгала пол и себя, и все что было в пределах досягаемости. Сердце колотилось, как сумасшедшее, а вместо приятного расслабления тело превратилось в скрученную пружину. Пружину, которая никак не могла распрямиться. Вся я была взмокшая, как после упражнений на полосе препятствий на физподготовке и после выполнения заданий на экзамене по практической магии одновременно.

Приснится же такое!

Или...

Я огляделась в поисках халата, но его здесь, разумеется, не было. Зато на полках лежали два огромных полотенца, прямо как в каком-нибудь глэмпинге по высшему разряду. Хотя если по высшему, то халат здесь, наверное, должен был быть.

Я вылезла из ванной, прошлепала босыми ногами до пахнущих орехами и деревом срубовых полочек. Выругалась, вернулась, отжала волосы, после чего все-таки завернулась в полотенце и посмотрела на себя в зеркало. Зрачки у меня заполняли всю радужку, как после хорошей адреналиновой встряски.

Кошмар?

Да, очень похоже.

Но если вспомнить еще портрет Люциана и то, что однажды я нашла себя валяющейся рядом с мольбертом, абсолютно не помнящей, откуда в моей комнате в Академии взялись краски, и все такое...

Да нет, не может быть.

Прижала ладони к лицу.

Или может?

Глубоко вздохнув, снова посмотрела на себя в зеркало. Раньше я бы однозначно поставила на кошмар и лунатизм, но сейчас... сейчас,

если существует хотя бы малейшая возможность того, что все это правда, что я подселилась в тело Ленор, что она все еще жива где-то там, я должна это знать.

Поэтому я быстро дернула на себя дверь и вышла в коридор, а после в гостиную. Валентайн сидел на ковре у белого камина, в котором, должно быть, невероятно уютно зимой отплясывает пламя. В свободных штанах широкого кроя, напоминающих льняные, он замер, по-нашему, в позе лотоса.

— Так быстро отдохнула? — обернувшись, поинтересовался архимаг.

— Валентайн, — я приблизилась к нему. Опустилась на ковер, заглядывая в глаза мужчине. — Скажи пожалуйста, в одном теле могут существовать сразу две личности?

Он резко нахмурился:

— Почему ты спрашиваешь, Лена?

— Потому что есть вероятность, что Ленор во мне... в смысле, что во время дуэли она не погибла, просто ее из тела выбила я. Выбила, задвинула, понятия не имею, как это называется. В любом случае, есть вероятность, что она жива.

Валентайн какое-то время молчал. Я уже начала думать, что он вообще говорить не будет, потому что взгляд у него стал отсутствующий, как если бы он оказался очень далеко от меня.

Показалось. Потому что он все-таки посмотрел мне в глаза и спросил очень серьезно:

— С чего вдруг такие заявления, Лена?

— С того, что мне сейчас в ванной приснился сон. Может быть, это просто сон, но в нем Ленор требовала вернуть ее тело и охотилась за мной по дому Хитара. Я бы не стала с тобой разговаривать об этом, если бы не проснулась однажды в Академии рядом с мольбертом, хотя мольберт я не покупала. Краски и кисти тоже, и...

— Давно это было?! — Валентайн повысил голос.

— Ну не так чтобы... просто после этого столько всего закрутилось. У меня каждый день здесь что-нибудь закручивается, поэтому предыдущее вылетает из головы за ненадобностью. Ну или как менее актуальное. Ты мне главное скажи: это реально? Я поначалу подумала, что я лунатила...

— Что ты — что?

— У нас в мире лунатизмом называют состояние, когда человек начинает ходить во сне, а потом вообще не помнит, что с ним было в это время. Вот я и подумала, что со мной происходит примерно то же самое. Не самое странное, надо отдать должное Даррании, но после этого сна...

— Расскажи мне в подробностях, что в этом сне было. Что ты чувствовала, как это ощущалось. И про мольберт тоже.

Пришлось рассказывать. Я описала все ощущения — вплоть до весьма реалистичного захвата Ленор и ее звенящего в ушах визга, потом рассказала про то пробуждение у мольберта. Про Люциана, правда, говорить не стала, сейчас точно не время об этом рассказывать. Или упоминать, что Ленор на нем помешалась, выдуманная она или настоящая, это точно не тема для беседы с Валентайном. Главное — разобраться в том, что сейчас происходит.

Он слушал меня все с тем же отсутствующим выражением лица, будто провалился в другую реальность, но я подозреваю, что он просто раздумывал над тем, что мне сказать. Или же над тем, что это вообще значит. Или на том, как все страшно, и что скоро Ленор вырвется в моем сознании на первое место и поработит мир, подвинув на троне Злодейства даже его отца.

Все это, мягко говоря, заставляло нервничать, поэтому когда я замолчала, а он тоже по-прежнему молчал, я обхватила себя руками.

— В тебе есть темная магия, которая то засыпает, то просыпается, — задумчиво произнес Валентайн. — В последнее время она уже все реже и реже засыпает, мы начали общаться ментально без соответствующего заклинания. Твоя сила срабатывала в качестве самозащиты, но теперь ты уже можешь ее использовать самостоятельно, частично контролировать, пусть и не всегда осознанно. Далее, мы предположили, что ты была артефактом, но артефактом, созданным кем? Адергайном или твоей матерью?

— Моей матерью?! — я приоткрыла рот. — В смысле, Эвиль? Зачем моей матери это создавать? В смысле, зачем меня превращать в артефакт? То есть Ленор?!

— А вот это очень хороший вопрос, Лена. Для защиты тебя. Ленор. От кого или от чего? Возможно, именно эта защита сработала во время дуэли, поэтому Ленор не погибла. Полностью.

— То есть как? Она умерла, но наполовину?

Валентайн на мгновение прикрыл глаза, как-то очень глубоко вздохнул.

— В одном теле не способны существовать два человека. Два дракона. Неважно кто, второй в любом случае будет подавлен и вытеснен. Время вытеснения зависит от силы того, кого вытесняют. Что-то или кто-то защитило Ленор во время дуэли. Поэтому она осталась между нашим миром и Заграньем, и, поскольку связь с телом не была разорвана — подозреваю, благодаря этой защите, Ленор прорывается обратно.

М-да. Супер. Вообще восторг.

— То есть я одержима, прости Тамея, призраком?!

— Она не призрак. Потому что фактически она не мертва.

— Ты явно забыл упомянуть этот раздел при обучении темной магии, — сообщила я. — Причем как на индивидуальных занятиях, так и на уроках. Потому что я ровным счетом ничего не понимаю.

— Не просто так. Это запрещенная информация, а эксперименты по перемещению из тела в тело, по разделению, по слиянию долгое время считались самыми опасными даже среди нас. Тоже не просто так. Мы все — под «мы» я подразумеваю темные драконы — взаимодействуем с потусторонней материей. С тем, что неподвластно законам нашего мира, потому что ему не принадлежит. В случае, когда речь заходит о захвате тела, это противоречит даже законам Загранья.

— Но меня вроде как перенесли в другое тело?

— Предполагалось, что при этом Ленор уже была мертва.

А она не была.

— То есть мы сейчас действительно делим тело на двоих?

— Да.

Огонь вообще. Только магического раздвоения личности мне и не хватало для полного счастья.

— Или нет.

— Нет?! Валентайн, ты можешь перестать говорить загадками, и выдать все сразу? Я запуталась, мне и так не по себе, а речь идет о моей, на минуточку, жизни.

— Твоя мать работала над разделением света и тьмы. Чтобы Сезар мог стать нормальным — по мнению его отца. За этим Ферган пригласил одну из лучших ученых Даррании в свою исследовательскую лабораторию. Разбить свет и тьму можно было

только с расщеплением личности, и, образно говоря, Сезар уже не был бы тем Сезаром, которого знаем мы, если бы ей это удалось.

— Стой, ты хочешь сказать, что...

— Я хочу сказать, что ей это не удалось с Сезаром. Но, возможно, удалось с тобой. Пока что я понятия не имею, зачем, и так ли это на самом деле, но мы обязательно в этом разберемся, Лена. Равно как и в том, что со всем этим делать.

Он снова замолчал, а мой мозг вышел из чата. В нем просто отказывалось укладываться то, что только что сказал Валентайн. То, что...

Возможно, мы с Ленор когда-то были единым целым.

Глава 39

Глава 39

Сегодня в холле королевского дворца-замка было очень многолюдно, многодраконно и шумно. Не в пример тому визиту, когда Люциан собирался представить меня отцу. Под порталы было выделено все пространство холла, на котором то и дело вспыхивали и гасли новые сияющие переходы. Всего их я насчитала десять — стоило одному погаснуть, а гостям со встречающим и сопровождающим вышколенным слугой в парадной ливрее отойти, как тут же на его месте появлялся новый. Мне стоило больших трудов не озираться по сторонам, потому что суета стояла знатная. Настолько волнующая, что я, оказавшись в ней, даже выпала из своих размышлений по поводу нового чудного открытия — Ленор в моей голове.

Валентайн обещал разобраться с этим, и я ему верила, хотя засыпать все равно было стремно. Мало ли, что она учудит? К счастью, Валентайн сказал, что не позволит ей ничего учудить, но я все равно полночи просыпалась. Он просыпался тоже. Мгновенно. Стоило мне открыть глаза и дернуться — как просыпался он, так мы и играли в гляделки полночи. С разделением все было достаточно сложно: против него не существовало никаких контрзаклинаний, равно как и против замещения. Поэтому всегда, неизменно побеждала личность, которая сильнее.

Меня это как-то мало утешало. Еще меньше утешало то, что я иду на помолвку подруги, которая внезапно собралась замуж и молчит, как партизан. Да, что ни говори, а событий у меня в единицу времени происходило столько, что в самом деле сложно представить, за что хвататься.

Разве что присутствие Валентайна вселяло уверенность: уверенность в том, что вместе мы со всем справимся, что он (и я вместе с ним) разберемся в том, что произошло с Ленор, что произошло со мной, и почему она активировалась только сейчас.

Впрочем, чем дальше мы продвигались за провожающим нас слугой, тем отчетливее мои мысли переключались на Соню.

Она написала утром, что все в порядке, что мы встретимся здесь, и все.

И все!

А как же волнения перед помолвкой? Поболтать с лучшей подругой? Я бы уж точно не упустила возможности с ней поболтать, если бы собралась замуж!

В общем, в голове творилось такое, что Лозантир его разберет, что к чему. Я даже едва замечала устремленные на меня взгляды — самые разные, от завистливо-придирчивых до восхищенных, от заинтересованных до ненавидящих. Валентайн на такое вообще не реагировал, и я следовала его примеру. Просто шла рядом с ним, положив ладонь на сгиб его локтя. Я вся такая весенняя, с поднятыми наверх волосами (признаться честно, эта прическа больше всего напоминала стильный высокий хвост из нашего мира), и он — в неизменно черном с серебром.

Лучше поздно, чем никогда, но я осознала, что он так ходит потому что это цвета его семьи. Цвета темного правителя, и если бы не было всей этой напряженности между светлыми и темными, его бы встречали как наследника Мертвых земель. А вовсе не как архимага. Хотя, возможно, дело было именно в этом. В том, что как и кто бы его ни называл, он был принцем. Для них он все равно оставался наследником местной страшилки, как, например, если у Волан-де-Морта был бы сын.

На этой глубокой философской мысли мы с ним вышли на улицу. А точнее, в тот самый парковый ансамбль с лабиринтом, в котором мне довелось побывать.

Сегодня пространство перед ним было украшено цветами и лепестками, под навесами стояли столы с едой и напитками. Замковая стена тоже была увита цветами, как живыми занавесями, отовсюду доносились возбужденные голоса и смех. Прямо по центру, у самого лабиринта, бежали по траве золотые вьюнки. Очевидно, символизируя, что это место Фергана. По обе стороны от которого застыли две арки. Обе белоснежные, одна украшена золотом, вторая — просто цветами.

Я не успела спросить, почему арок две: сначала с нами попрощался сопровождающий, пожелавший приятного отдыха, а после

я увидела Драконова. Он с женой и младшей дочерью, сестрой Софии, стоял как раз у той арки, что была увита цветами. У другой расположились золотоволосые мужчина и женщина. Мужчина — высокий, широкоплечий, его супруга хрупкая, миниатюрная, но с такой же королевской грацией и осанкой.

— Они такие роскошные! — донеслось до меня. Я покосилась на говорящую: миловидная широколицая брюнетка «висела» на своем муже, который с тоской разглядывал мужчин у стола с доррнар-чем-то. — Правда же, дорогой?! Настоящая королевская кровь. Я так рада, что Женеьев не станет женой этого... Этого. Я так рада, что Ферган передумал насчет наследника!

Объявили, что прибыли последние гости. У вьюнков немедленно нарисовался церемониймейстер, а я вопросительно посмотрела на Валентайна. Он почему-то смотрел на Драконова и делал вид, что не чувствует пристального взгляда. Дернуть его мне не дали:

— Тэрн-арх Ферган Единственный! — провозгласил мужчина в белоснежном парике и шустро отступил в сторону.

Достаточно быстро, надо сказать, отступил. И правильно: дракон возник на ровном месте. То есть не вылетел откуда-то, крыльями разогнав прически присутствующих дам, не вошел в портал, а именно возник. Собрался из искрящегося золотого сияния сначала в полупрозрачного Фергана, а потом и во вполне материального.

— Э... это как? — шепотом спросила я у Валентайна.

На этот раз он перестал делать вид, что меня не существует.

— Дракону с силой Фергана не нужен портал для перемещения. В такой форме он способен просто перемещать себя силой мысли из точки в точку.

Ого!

«А твой отец?» — захотелось спросить мне, но, к счастью, я этого не спросила. Вовремя прикусила язык, а Ферган тем временем заговорил. Точнее, заговорил камень, который церемониймейстер водрузил на бархатной подушечке прямо перед ним.

— Добро пожаловать, мои подданные! — Он говорил действительно на драконьем, но к счастью, я все понимала. Пока. — Сегодня нас ждет грандиозное событие. Не просто грандиозное, а уникальное. Смена наследника — парадокс для нашей семьи, и я до последнего надеялся его избежать. Тем не менее сейчас я понимаю,

что это единственно верное и наилучшее решение для Даррании и для вас.

Его слова встретили овациями. Причем, судя по тому, как вокруг громыхало, все были искренне рады, что Сезар ими править не будет.

— Но, прежде чем я совершу ритуал и объявлю младшего сына своим официальным наследником, нас ждет еще две волшебные новости. Первая — это помолвка Сезара с Софией Драконовой.

Стоило ему это произнести, как в арке, украшенной цветами, вспыхнул портал. Из него вышли Сезар и Соня. Подруга держала будущего мужа под руку с совершенно отсутствующим выражением лица и легкой улыбкой. Я даже приподнялась на носочки, чтобы маякнуть — я здесь, Соня, смотри, но Соня в мою сторону даже не смотрела. Не рассматривала толпу, разве что мазнула равнодушным взглядом по головам.

Встречали их, мягко говоря, тихонько. Хлопали разве что мы с Валентайном, семья Драконовых и еще с десятков тех, у кого есть сердце. Миловидная особа, восторгавшаяся родителями Женевьев, так скривилась, что мне захотелось пнуть ее под турнюр. Что же касается Фергана, он будто и не заметил холодного приема старшего сына и его невесты, потому что прогрохотал:

— И вторая: помолвка моего младшего сына и Женевьев, наследницы Анадоррской.

Золотом вспыхнула арка, точнее, золотом вспыхнул портал. В арку же слаженно шагнули бывшая невеста Сезара и Люциан.

Сказать, что я охренела — значит, ничего не сказать. Женевьев с Люцианом смотрелись идеально. В смысле, они были стопроцентно подходящей друг другу парой: хрупкость и изящество матери Женевьев сочетала в себе с уверенностью и сильным взглядом отца. У нее же на лбу написано — будущая королева. А Люциан... ну, его я таким еще никогда не видела. Он был в парадной форме, можно сказать, в полной боевой экипировке — даже с металлическими наплечниками, перевязью, поясом с металлической пряжкой поверх мундира, и выглядел лет на пять старше обычного. Возможно, из-за тяжелого взгляда — в отличие от Сони, он на меня посмотреть не забыл. А может быть, из-за всей этой военной формы и какой-то жесткой серьезной сосредоточенности.

Их с Женевьев встречали гораздо более бурно, в отличие от предыдущей пары. Овации грохотали так, что перекрыли даже приветствие Фергана, а я, видимо компенсации для, похлопать забыла. Хотя реально поняла, что стою в залипашках, только когда аплодисменты начали стихать.

Первый шок уже прошел, и до меня медленно доходило, что ни Соня, ни Валентайн мне об этом не сказали. Как-то забыли упомянуть — вероятно, не посчитали нужным. От этого стало настолько стремно, что запершило горло и захотелось сбежать подальше в неизвестном направлении. Нет, наверное, они и не должны были...

Да Лозантира с два!

Я перевела взгляд на Валентайна, собираясь поинтересоваться, почему он молчал, но в этот момент снова заговорил Ферган:

— Все вы, должно быть, задаетесь вопросом, почему все так произошло. Почему такая резкая смена обстоятельств. И я хочу быть искренним с вами от начала и до конца.

В его искренность мне верилось слабо, а под тяжелым взглядом Люциана слиться хотелось еще больше, поэтому я предпочла посмотреть на Соню. В попытках поймать ее взгляд и понять хотя бы что-то. Понять, почему между нами сейчас все так. Да, я могла понять ее нежелание говорить о своей личной жизни, обсуждать это решение — особенно после того, что произошло, но не то, что она промолчала про Люциана и его помолвку.

Соня была прекрасна. В нежно-розовом платье, подчеркнувшем ее смуглую кожу и повторяющем цвет лепестков, окутавших их с Сезаром арку. Волосы ей уложили крупными волнами, украсив шпильками с капельками драгоценных камней. На меня она по-прежнему не смотрела, хотя должна была уже сто раз почувствовать, просто нельзя не почувствовать взгляд, когда на тебя пялятся так, что глаза из орбит вылезают.

— К счастью, я вовремя осознал, что мой младший сын будет лучшим правителем для Даррании. И в то же время я понял, что сердце Сезара уже принадлежит другой девушке. Поэтому, обсудив все на семейном совете, — он повернулся в сторону новоиспеченной пары и родителей Женевьев, — мы пришли к такому непростому, но в то же время устраивающему всех решению.

Родителей Женевьев точно все устраивало, это было видно по их счастливым довольным лицам. Что касается самой «невесты», там вообще было ничего не понять. Она смотрела примерно как Соня, над головами, с легкой полуулыбкой. Под которой могло прятаться все, что угодно, начиная от: «Ну слава Тамее, не надо за Сезара замуж выходить» до «Как же вы меня все задолбали».

Проносились по толпе шепотки — несмотря на то, что смешанные браки у светлых давно были разрешены, история таких случаев до сих пор не знала. А это не просто случай! Это — брак сына тэрн-арха с обычной девушкой. Не с драконессой, пусть даже она и аристократка.

— Поэтому сегодня я счастлив приветствовать всех вас на нашем тройном празднике, и я приглашаю вас насладиться сегодняшним днем. Ну а пока мы начинаем. — Ферган повернулся к Сезару, и я подавила желание рявкнуть: «Да остановите вы этот фарс!»

Вот уж точно не такие чувства полагалось испытывать на помолвке лучшей подруги, но я ничего не могла с собой поделаться. Настроение стремительно портилось, а желание высказать Валентайну все, что я думаю о его шпионско-пропускной неспособности выдавать важную информацию, становилось все больше и больше.

Тем временем к арке Сезара и Софии подбежал слуга, который принес бархатную коробочку на подушечке. В коробочке предсказуемо оказалось кольцо, которое Сезар, повернувшись к Соне, надел ей на палец. Мягко сжал ее руку в своей, сообщив:

— Я счастлив видеть тебя своей невестой, София.

Подруга улыбнулась, кивнула, на этом все действие и закончилось. Хотя нет, вру, оно закончилось, когда стихли очередные аплодисменты — на этот раз гораздо более густые, чем в прошлый раз. Видимо, речь Фергана проняла присутствующих, а может быть, им подняли настроение Люциан с Женевьев.

До которых, к слову, тоже дошла очередь. Другой слуга подбежал с другой стороны и тоже принес кольцо, открыл коробочку.

— Женевьев, — Люциан взял ее руку в свою, — я не могу на тебе жениться.

Над парком повисла такая тишина, что, кажется, слышно было жужжание над цветами.

— Я не считаю себя готовым к такой ответственности, равно как и к наследованию престола. Именно поэтому я принял решение, что сразу после окончания первого курса я отправлюсь в гарнизон на границе с Темными землями. — Он отпустил руку Женеьев и посмотрел в толпу. А после — в упор на меня. — Все, можете расходиться. Продолжения не будет.

Люциан вышел из арки и свернул куда-то в сторону на ближайшей парковой аллее. Пару мгновений (или больше?) над погрязшей в тишине толпой кружились лепестки, которые посыпались с неба. Ну ладно, не с неба, они падали из открывшегося явно к определенному времени портала над нашими головами. Потом тишину прорезал чей-то сдавленный вздох, следом — резкий жесткий голос отца Женеьев:

— Это недопустимо. Мы уходим. Немедленно!

Портал он открыл прямо здесь, даже не дождавшись ответа Фергана, уводя в него и жену, и дочь. Стоило магическому переходу сомкнуться, как толпа взорвалась перешептываниями, возгласами, все взгляды обращались прямиком на короля. Давно рука Валентайна под моей стала каменной? Я не поняла. Равно как и не поняла, когда вокруг началось движение. Суета.

Сезар увел Соню в портал так быстро, что я не успела даже сказать «ик».

— Подожди меня здесь, Лена. — Валентайн коснулся моего плеча. — Я быстро.

Он шагнул к Фергану, и они вместе «растворились» в пространстве. Если быть точной, растворился дракон, Валентайн ушел следом за ним в портал. Церемониймейстер уговаривал толпу не расходиться и уверял всех, что праздник продолжится, хотя как по мне, это было чистой воды брехней. Равно как и все то, что его тэрнархство несло перед этим. Хотя что взять с дракона, который готов был располовинить своего маленького сына, только чтобы отрезать от него темную магию.

Пока все суетились, бегали и пропитывались сплетнями, как торт «Наполеон» кремом, я сделала самое нелогичное, что можно было сделать в таких обстоятельствах. Проще говоря, направилась к той самой дорожке, по которой ушел Люциан. Не знаю, зачем — я даже остановилась, стоило шуму и толпе остаться у меня за спиной, но потом все-таки ускорила шаг. На самом деле в этом парке, даже не в

лабиринте, можно было бродить целую вечность и его не найти, но мне сегодня везло.

Потому что Люциан недалеко ушел: он стоял, привалившись к дереву, разбросавшему по траве лепестки цветения, и крутил на пальце острие кинжала.

Люциан Драгон

Драхова помолвка прошла немного не так, как он задумывал. Почему-то, глядя в глаза Женевьев, сделать все оказалось гораздо сложнее. Нет, между ними ничего не было и быть не могло, но эта женщина определенно такого не заслуживала. Еще меньше она заслуживала связать свою жизнь с тем, кто помешан на другой. До безумия. До желания наброситься на Альгора прямо там, оттащить ее от него, впиться в ее губы резким, присваивающим поцелуем у всех на глазах. У всех на глазах заявить права на нее, заявить всему миру, что она его.

Увы, это было неосуществимо по многим причинам. Во-первых, Лене было на него плевать. Во-вторых, отец ясно дал понять, что он может устроить ей проблемы, и показывать заинтересованность в ней — значило ее напрямую подставить. В-третьих... Да Лозантир его знает, что в-третьих. Наверное, он просто отлично понимал, что в любви оказаться на месте просящего — не для него. Равно как и не для Женевьев. Для нее такое тоже не подойдет, так что он все сделал правильно.

Отказался от Женевьев.

Отказался от помолвки.

Отказался от наследования.

Сделал так, что отцу будет не до Лены — теперь у него дипломатические проблемы, и он будет занят именно ими, а не тем, чтобы причинить вред женщине, которую он любит. Да и нет смысла теперь Лену преследовать, с Женевьев все нити оборваны. Сам он уйдет в гарнизон, на год или на два, пока еще не решил. Но достаточно для того, чтобы справиться с чувством, которое сводит с ума.

К сожалению, с чувством, которое он слишком поздно в себе осознал.

И вроде все сделано правильно. Вот только почему тогда так тошно?

Опять.

Люциан вздохнул и вытащил из ножен кинжал. Острие, как жало иглы, вонзилось в кожу, когда он вдавил его в палец. Выступила капелька крови, но он продолжал его крутить. Крутил, крутил и крутил до тех пор, пока боль не выдернула из той, другой боли.

— Люциан! Ты что делаешь?

Он дернулся, и кинжал полоснул по пальцу уже основательно. Глаза у Лены расширились, она перехватила его руку.

— Зачем?

Затем.

«Затем! — хотелось заорать ему. — Затем, что ты вошла мне под кожу и сидишь там, что я не могу без тебя дышать, не могу спать, не могу есть. Вообще ничего не могу и не хочу!»

Вместо этого он безразлично стряхнул ее руку и произнес:

— Захотелось.

Магия исцеления убрала порез в считанные мгновения, кинжал отправился в ножны. Порез-то исчез, а вот два клейма — там, где кожи только что касались ее пальцы, горели по-прежнему. Горели, разбросав свои огненные отростки по всему телу, пустив корни в сердце, плавя его изнутри.

Люциан хотел бы посмотреть, как смотрит она — просто внимательно, с сочувствием? Что там еще в ее взгляде? Уж точно не то, что чувствовал он.

Хотел бы. Но не мог.

Ради нее он еще десять раз отказался бы от всего того, что раньше казалось таким важным. Когда-то он представлял этот день: как отец отказывает Сезару в наследовании и называет его. Как проводит ритуал, как его сила принимает новое право — право наследника короны, но... Сегодня он легко сбросил это, как лишнее. Как ненужный груз. Просто потому, что корона была ему не нужна.

Без нее.

Потому что принять перспективу короны — значило, отказаться от нее навсегда. Вот только он не собирался отказываться.

Уйти, залечь на дно, выждать, пока поутихнут чувства, а дальше... Дальше — что?

— Люциан, я... — Лена первой нарушила затянувшееся молчание, но он перебил:

— Зачем ты пришла?!

Она осеклась. Как будто сама не знала ответа.

Смотреть на нее так было невыносимо. Смотреть и не иметь возможности дотронуться. Не смотреть — тоже. Она была прекрасна, в этом своем легком летнем платье. Шелком волос играл ветер, и Люциану безумно хотелось запустить в них пальцы, а после все же ее поцеловать. Целовать до боли эти желанные губы, а после ласкать их до умопомрачения. Каждым касанием прося прощения за все, что было.

Она была прекрасна сейчас, но она была прекрасна всегда. В его рубашке и без. Спросонья и когда засыпала. В своих драных чулках и обносках Ленор Ларо. В роскошных платьях и в брюках.

— Пришла сказать, что гарнизон у Темных земель — это крайние меры.

Ну да. Разумеется.

Люциан усмехнулся:

— Расстроишься, если я не вернусь?

Она промолчала, а вот он не выдержал. Шагнул, перехватывая ее лицо, скользя пальцами по щекам.

— Скажи мне хоть слово, Лена, и я останусь. Хотя бы одно слово. Уедем вместе. На острова. Куда-нибудь еще, сбежим к драхам от всего этого.

Кто там что говорил о роли просящего? Но сейчас, в эти краткие мгновения он как никогда был близок к тому, чтобы забыть вообще обо всем. О том, что в ее жизни был Альгор, о том, что она пришла с ним. Обо всем вообще. Он не шутил, что готов сражаться за нее с целым миром. Со всем миром, темным и светлым.

— Люциан, это лишнее.

Эти мгновения, когда она молчала, когда накрыла его руки своими — только затем, чтобы убрать, разорвать это прикосновение, были полны надежды. Надежды на что?

Он усмехнулся. Медленно отступил.

— Да. Ты права. Тебя наверняка заждались.

— Нет. Дело не в этом...

— Лена! Лена, ты здесь?

Люциан сжал рукоять кинжала с такой силой, что узор врезался в ладонь.

— Как я и сказал, — процедил он, кивнув на приближающегося Альгора.

И открыл портал. Потому что желание наброситься на него, отстоять эту женщину, выдрать ее у него магией, кровью, в бою, никуда не делось. Напротив — оно стало таким сильным, что Люциан с трудом справился, делая первый шаг в искрящийся пространственный разрыв. Второй дался не менее сложно.

Но сложнее всего было закрыть портал и не обернуться.

Глава 40

Глава 40

Лена

— Лена, что ты здесь делаешь? Я же просил ждать меня там. — Валентайн явно не в настроении, но покажите мне того, кто сейчас в настроении. Его взглядом, которым он провожает закрывшийся портал, можно убивать, но мне сейчас не до этого. Мне как-то душно и давит грудь, как будто я располовинилась на две части. Одна ушла вместе с Люцианом, а вторая стоит здесь и глазами хлопает.

— Пошла подышать воздухом, — сообщаю я. Собираю себя воедино и вопросительно смотрю в глаза Валентайну: — А что?

— Ничего, праздник закончен. Это скандал века, если не тысячезимия, переплунувший даже женитьбу Фергана на Тэйрен.

— Какая трагедия! — говорю с сарказмом.

Исключительно потому, что все, что касается Фергана, с некоторых пор вызывает у меня этот самый сарказм и обильное желчевыделение. Не могу я иначе реагировать на эту монаршую драконью задницу, которая спровоцировала свадьбу Сезара и Сони после всего, что произошло. Невзирая на лица.

— Трагедия, да, — резко сообщает Валентайн. — Потому что благодаря твоему Люциану Даррания осталась без наследника. Тебе объяснить, что это значит?

— Моему Люциану?! — я особенно выделяю слово «моему». — И давно он моим стал?!

— С тех пор, как вы мило общались здесь, — почти рычит Валентайн, и мне тоже хочется рычать.

Во-первых, потому что он меня достал! Я Люциана обхожу десятой дорогой с тех пор, как мы с ним стали парой, в смысле, как начали встречаться. А во-вторых, потому что сам он интриганит как умеет, а мне потом узнавай новости, которые меня выбивают из колеи и загоняют в парки.

— Возможно, мы бы с ним мило не общались, — возвращаю его же слова, — если бы ты мне сразу сказал, что задумал Ферган.

— Какая тебе разница, Лена?!

— Какая тебе разница, какая мне разница?!

У Валентайна темнеют глаза, вокруг ощутимо холодают. Даже цветы на деревьях начинают скукоживаться и облетать с удвоенной силой, не говоря уже о лепестках. Те вообще сносит как большим садовым пылесосом.

— Значит, так? Я думал, у нас с тобой отношения.

— У нас с тобой отношения, в которые ты не веришь! — я понижаю голос до шепота, но из-за эмоций он становится похожим на шипение. — Иначе не задавал бы таких вопросов и доверял мне!

— После того, как он тебя лапал?!

— Когда?! — это я уже ору, но нас сначала накрывает заклинанием обеззвучивания, а потом Валентайн открывает портал.

— Это что?

— Возвращайся домой, Лена. Мне нужно серьезно переговорить с Ферганом, он собирает совет, и я понятия не имею, сколько времени это займет.

— Сколько бы ни заняло, я не хочу домой. Мне надо поговорить с Соней...

— Софию забрал ее отец, и они сейчас никого не принимают. Никого, — подчеркивает он, как будто я слепая, глухая и в довершение ко всему еще и тупая. — Так что будет лучше, если ты меня дождешься дома, а после мы нормально, в спокойной обстановке поговорим.

Я открываю было рот, чтобы возразить, но тут же закрываю. Эмоции еще никогда никому не были хорошим советчиком, тут Валентайн прав. Что касается Сони, я уже не знаю, что и думать. Подумала бы, что с ней случилось то же самое, что и со мной, но ее мать не проводила никаких экспериментов по располвиниванию существ, в смысле, людей и драконов. Поэтому надо просто принять, что моя подруга больше не особо хочет меня видеть, слышать и знать. Или я утрирую. Или нет.

Как же меня все достало!

— Удачи с Ферганом, — говорю я и без дальнейших промедлений шагаю в портал, чтобы выйти в своей спальне в доме Валентайна. Хотя

в своей ли? Эту ночь мы провели у него, а до этого засыпали и у меня, так что похоже, она наша общая. У нас теперь две общие спальни и отношения, которые сейчас трещат по швам.

Я оборачиваюсь, чтобы сказать что-то более теплое, но портал схлопывается перед моим носом, показав мне фигу. К счастью, фигурально, а не буквально, и я яростно стряхиваю удобные туфельки сначала с одной ноги, затем с другой, после чего забираюсь на постель.

Вот на кой я, спрашивается, поперлась за Люцианом? Знаю же, как Валентайн на него реагирует.

В груди что-то тоненько дергается, я закусываю губу, чтобы не разреветься. В душе и в сердце такой раздрай, какого не было уже давно, но я все равно тянусь за вириттой и пишу Соне: «Как ты?»

Не особо жду, что она мне ответит, но ответ все-таки приходит:

«Не хуже, чем Ферган».

Да сдался мне этот Ферган!

«Сонь, может, объяснишь, что между нами происходит? То мы вместе занимаемся, то ты закрываешься и даже не смотришь в мою сторону».

«Не сейчас, Лена. Мне пора».

Иди в жопу, Лена. Достала.

Такие мысли крутятся у меня в голове переводом на Сонины слова, но я только отбрасываю виритту и падаю на подушки, раскинув руки. Приятная прохлада покрывала сейчас ласкает кожу и кажется, что в моей жизни все прекрасно, просто я себя накручиваю. Нет, ну а что? Мне больше не грозит быть раскрытой, как в самом начале моего пребывания здесь, Соня жива, за мной не охотится чокнутый Лэйтор, который хочет упечь меня в тюрьму любыми способами. Живи себе да радуйся, но нет же.

Правда, за мной охотится Ленор, которая хочет моего тела. Или своего тела.

А еще я в хлам поругалась с Валентайном.

Прическа неубиваемая, поэтому когда я поворачиваюсь лицом в покрывало и нахлобучиваю на голову подушку, чувствую, как легко пружинит под пальцами.

Надоело. Все на-до-е-ло!

Магия эта, шмагия, темная, светлая, серо-буро-малиновая в желтую крапинку!

— Ленор, тебе сообщение от брата, — приглушенно сообщает виритта.

Я мигом отбрасываю подушку и хватаю ее.

«Узнал кое-что важное. Про родителей. Это срочно! Можем встретиться прямо сейчас?»

Мы не общались, то есть он вроде как со мной не разговаривал, поэтому не в курсе, что я собиралась на Сонин праздник. Не в курсе даже, что меня туда приглашали, и уж наверняка не в курсе того, чем это праздник закончился. Банально потому что организовывая первый смешанный брак, Ферган даже не потрудился пригласить правительство людей, чем еще раз доказал, что класть он хотел на человеческую власть и человечество как таковое.

Козел он, а не дракон.

«Да, разумеется буду. Встретимся в ранховой тэрны Хлит через час».

«Только не в ранховой. Хитар каким-то образом про нее пронюхал. Я пришлю адрес, хорошо?»

Чтоб этому Хитару нюх отшибло!

«Хорошо».

Виритта показывает адрес, и я автоматически цепляю ее на запястье. Снимаю все лишнее — то есть платье, украшения, надеваю рубашку, брюки, туфельки на сплошной подошве. Здесь все туфли очень удобные, но я предпочитаю ходить без каблука, когда можно ходить без каблука.

Прическу оставляю как есть — ее разбирать замучаешься, только с помощью специального зелья и магии.

— Покажи мне, куда идти? — прошу виритту, и она показывает.

В той части города мне еще бывать не приходилось, поэтому и координаты перемещения туда надо заново рассчитывать. Слишком долго, муторно, не хочу.

— Покажи ближайшие порталные точки, — автоматически скомандовала виритте, застегивая манжеты.

— Ближайшая всего одна, и она находится вот здесь.

Я приподняла брови: до встречи с Максом времени конечно еще оставалось прилично, но я уже отвыкла топтать долго, если можно сделать шаг — и оказаться где нужно. С другой стороны, может оно и к лучшему. Голову освежу, пройдуся.

— Хорошо, тогда сделай настройки на нее.

На стационарные городские порталные точки настройки могла сделать виритта, чем здорово упрощала всем (в данном случае — мне) жизнь. Поэтому спустя минут пять я уже вышла из небольшой специальной отведенной для этого ниши между домами, заканчивающейся коротким куцым тупиком.

Воняло здесь так, что сразу становилось понятно: это место не только как стационарный переход использовали. Хотя на стенах и стоял знак-указатель с соответствующим овальным искрящимся кольцом — что говорило о том, что здесь в любой момент может быть открыт портал, захаживающие сюда в туалет явно проверяли карму на прочность. Ну или же были настолько пьяны, что им было все равно, что они окажутся в кольце пространственного разрыва и могут пострадать.

Вынырнув из тупика, я поняла, что нахожусь в одном из самых отдаленных районов, которые только можно себе представить. Дома здесь стояли, мягко говоря, обшарпанные. Часть деревянные, часть каменные, но крайне редко — с чистыми окнами и крылечками. Запахи лука, чеснока и специй смешивались с рыбными и с запахами сырого мяса. Камни под ногами тоже были щербатыми, равно как и сальные улыбочки попадавшихся мне навстречу мужчин.

«А более приятное место для встречи ты придумать не мог?» — написала я брату и тут же получила ответ.

«Ну уж прости. Люциан сегодня не платил тому, кто таскается за мной по пятам, а здесь живет Гуц-кат, поэтому и нашел что поближе. Место, где нас точно никто не беспокоит».

Вообще-то я просила оставить расследование в покое, захотелось написать мне, но я не написала. Потому что очень соскучилась по Максусу и очень хотела с ним помириться. Расследование-не расследование, но я была очень рада, что он мой брат. Как бы парадоксально это ни звучало, а если выяснится, что Эвиль действительно нас с Ленор разделила... то... то...

Я об этом не думала. Старательно. Не думала о том, что мои родители окажутся не моими родителями.

Но вместе с этим я не думала и о том, что Макс окажется моим братом на самом деле.

На этой мысли я споткнулась о выбоину на дороге и чуть не улетела в руки пошатывающегося пьяного парня.

— О! Красотка! — радостно завопил тот. — Пойдем, выпьем!

— Нет, спасибо, — шустро отказалась я и ускорила, насколько это возможно.

Улочки в этой части города были тесными, узкими, домишки наваливались друг на друга, как посетители таверны, возвращающиеся после гуляния поздней ночью. Повсюду валялся мусор, какие-то отгрызки, объедки, и, честно говоря, я была бы счастлива побыстрее это место покинуть. Здесь даже залитое солнцем небо выдавали узкими полосками между нагромождения зданий, а впереди виднелась какая-то не то прачечная, не то фабрика, изрыгающая в воздух клубы вонючего дыма.

Я, конечно, все понимаю, Хитар жлоб наипервейший, но мог бы расщедриться на репетитора для Макса в другом районе. С другой стороны, то, что этот Гуц-кат живет в таком районе никоим образом не говорит о его преподавательских талантах. Скорее, об этом говорит то, что Макс до сих пор провисает по его предмету. Конкретно — по теормагии, а она, между прочим, одна из важнейших экзаменов для поступающих в Академию Драконова!

Изрядно потаскав меня по лабиринту улиц, виритта все же вывела меня на очередную маленькую, тоже заканчивающуюся тупиком. Здесь справа и слева стояло по десятку домишек, а нужный мне, видимо, располагался в самом конце. Я прошла мимо хиленького магазинчика домашней утвари, дверь которого скрипела так натужно — под порывами залетевшего в уличный лабиринт ветра — что, казалось, вот-вот вывалится либо наружу, либо рухнет вовнутрь. Мимо закусочной «Драконьи потроха» (даже знать не хочу, что у них в меню), и, наконец, уперлась в нужное мне здание.

Чернеющее пастью выбитой двери.

Нет, ну нормально вообще, а? Только Макс мог додуматься встретиться здесь.

— Макс! — рявкнула я в темноту домика, едва заглянув туда. — Я в этот кошмар не пойду! Выходи, поговорим на улице.

— Renair nvintce! — донеслось сзади, и меня как пыльным мешком огрели.

Мешком с сотней килограмм картошки минимум, и неудивительно. Потому что это было то самое заклинание оглушения, о котором говорил Люциан на одном из первых занятий. Заклинание, созданное еще в объединенном Эрде. В наше время являющееся запрещенным.

Калейдоскоп мыслей сменился калейдоскопом картинок — окон, грязных стен, кусочком неба. Я шмякнулась прямо в пыль и грязь мостовой, успев увидеть только начищенные ботинки рядом со своим лицом.

Глава 41

Глава 41

Ленор Ларо

Как же она ее ненавидела! Эту девицу, укравшую у нее тело и жизнь. Не просто укравшую, распоряжающуюся ими по своему усмотрению. Ленор сама не представляла, когда ненавидела ее больше — когда эта девица, эта *Лена*, переспала с Альгором, или когда она готова была отдаться Люциану. А Люциан... он смотрел на нее так, как на нее, на саму Ленор, никогда не смотрел. Да что там, он ни на кого так не смотрел, менял девиц как перчатки, а на этой *Лене* просто помешался. Выпихнуть ее из собственного сознания оказалось практически невозможно, и кто бы мог подумать! Кто бы мог подумать, что эта идиотка попрется на встречу с Максом непонятно куда, где ее оглушат запрещенным заклинанием и дадут ей, Ленор, дорогу.

Вот только дорога оказалась специфической, потому что виритту с запястья содрали и уничтожили, ее саму запихнули в портал в заброшенном доме, а выкинули в каком-то подвале. Почему именно в подвале? Да потому что холодно тут было как зимой голышом! Ленор приходилось прикрывать глаза, чтобы не выдать себя, поэтому и картинки виделись урывками. Вот и сейчас она понятия не имела, можно ли хотя бы прищуриться и осторожно осмотреться, кто рядом — и что ей делать дальше.

Куда эта дура опять вляпалась?! Мало того, что влезла в расследование, так еще и потащилась в эту клоаку! Рискуя, между прочим, ее телом! Ее жизнью! Потому что ее — так давно закончилась! Закончилась в ее мире. В тот бред, что нес Валентайн Альгор, Ленор ни на минуточку не поверила. Это ж надо такое придумать — разделение! Да мама бы никогда так с ней не поступила! Никогда в жизни!

— Ленор! Лен! — Она дернулась и от неожиданности распахнула глаза, чем, непременно, выдала бы себя. Если бы рядом был

похититель, но рядом, в полумраке просачивающегося сквозь малюсенькое заляпанное окошечко света под потолком, разглядела только Макса. Этого малолетнего идиота, который решил помочь этой *Лене* в расследовании!

Вот больше чем уверена, что из-за расследования они и вляпались. И оказались здесь!

— Слава Тамее, ты жива, — облегченно выдохнул парень и счастливо улыбнулся.

Так счастливо, что Ленор опять испытала укол ревности и раздражения: с ней брат никогда таким не был! Никогда так себя не вел.

— Жива, — буркнула она, усаживаясь. — Как мы здесь оказались?

— Понятия не имею. — Макс пожал плечами. — Я кое-что искал в кабинете Хитара, потом открылась дверь, а потом... темнота. Я даже не успел обернуться.

Та другая *Лена* начала бы ныть, что она запретила ему связываться с расследованиями, но Ленор было плевать. Сейчас главное — побыстрее выбраться отсюда, пока не вернулся их похититель. В отличие от нее, Макс был связан по рукам и ногам, на щеке была царапина, а на затылке волосы слиплись от крови.

— Развяжешь меня? — попросил он, но Ленор только поспешно поднялась.

Если он ранен, сейчас тащить его на себе будет ошибкой. Нужно как можно скорее привести помощь. Да! Именно так она и поступит.

Подвал оказался довольно просторным: стеллажи с нагромождениями каких-то зелий, на столе — чертежи магических схем и расчеты. Здесь было холодно, но сыростью и не пахло, а еще было довольно чисто, что говорило о том, что в этом месте постоянно кто-то находился. И, с наибольшей вероятностью, работал. Потому что тут стояло довольно уютное добротное кресло, сбоку от чертежей — чашка и блюдце.

— Ленор? — изумленно переспросил братец.

Она же бросила быстрый взгляд в сторону лестницы. Довольно высокой, заканчивающейся дверью. Дверь наверняка запечатана магией, но она многое изучила вместе с этой самой *Леной*. А может,

получится даже использовать темную магию?! Против нее вообще никакой силы нет.

Правда, Ленор не успела сделать и шага — что-то звякнуло и зашипело: очевидно, деактивировалось заклинание. Распахнулась дверь, и ей пришлось быстренько укладываться на пол и делать вид, что она без сознания. Ох! Только бы этот дурень не выдал ее! Он же болтливый, как неизвестно кто! Если выдаст, ей конец! Им обоим конец!

Что-то зашипело снова, потом раздались шаги. Знакомая поступь, да кто ж ее не узнает, когда слышишь ее с детства каждый день.

— Хитар! — выплюнул Макс, подтвердив ее догадку. — Так и знал, что это ты.

— А вот и зря, — почти ласково произнес опекун. — Если бы не ввязался во все это, спровоцированное твоей дурищей-сестрой, может, я бы тебя и не тронул. Да даже скорее всего не тронул бы, а сейчас...

Хитар прошел мимо них — очевидно, к столу, и остановился. Зашуршала бумага.

— Почему?! — прорычал Макс. — Почему?! Что она тебе сделала?!

«Молчи, молчи, молчи», — мысленно умоляла Ленор. От страха сердце колотилось так, что грозило вот-вот выпрыгнуть из горла. Только бы Хитар не почувствовал, не узнал, не услышал! Он же может это почувствовать? Увидеть, что его заклинание не подействовало! Точнее, подействовало, на *Лену*. А она теперь отдувайся!

— Кто? — насмешливо поинтересовался опекун. — Твоя тупая сестра или твоя мамаша?

На последнем слове его голос просто взорвался от ненависти. Если бы можно было, Ленор просто сжалась бы в комок, а так оставалось только лежать кулем и дрожать от страха. Какая же дура эта Лена! Из-за нее она умрет, так и не сказав Люциану о своих чувствах! Так и не ощутив его взгляд на себе — так, как ощущала она. А ведь он сотни раз ее спасал и помогал ей, но нет, эта дура все равно выбрала Альгору! Дура, как есть! Из-за нее, все из-за нее! Ее смерть будет на ее совести!

Ленор едва сдержалась, чтобы не начать подвывать.

— Ты подставил моих родителей! — рявкнул брат. У него, похоже, мозги отшибло напрочь, если он сейчас говорил с Хитаром в таком тоне. — Похитил меня и мою сестру! Когда тебя найдет Валентайн Альгор...

— О-о-о-о даааа, Валентайн Альгор, — опекун расхохотался. — А между прочим, именно с него все и началось. Когда твоя мать решила присвоить себе все лавры, украв мои наработки, мою идею... Виритта была моей идеей! А она взяла ее, реализовала и получила патент!

— Или, скорее, она реализовала то, что ты реализовать не смог, — холодно припечатал Макс. — То, что для тебя оказалось слишком недостижимой вершиной. Потому что мозгов у тебя хватало только на гадости.

— А ты слишком умный, как я погляжу, да? — усмехнулся Хитар. — Тянешь время? Ну что ж, тогда давай поговорим подольше. Потому что я совершенно никуда не спешу. Потому что Валентайн Альгор вас не найдет — твоя сестра без сознания и, к сожалению, пропустит все самое интересное и умрет в беспамятстве. Я бы очень хотел, чтобы она все могла видеть, но увы, они слишком сильно связаны. Виритту ее я уничтожил тоже. Распылил. Так что да, у меня есть все время этого мира, чтобы выслушивать твои жалкие оскорбления и рассказывать тебе о том, как я обошел твоих невероятно умных родителей.

А ведь эта *Лена* действительно могла бы их спасти. Она могла бы их спасти, подумалось Ленор, потому что у нее и у Валентайна Альгора эта их темная страсть-связь, одна ее мысль — и... Но *Лены* не было. Она ее не чувствовала: вся мощь запрещенного заклинания пришлась на нее. На ее сознание. Никогда в жизни Ленор не подумала бы, что будет звать на помощь именно *Лену*, но сейчас... Она даже плотнее закрыла глаза, пытаясь отключиться, погрузиться в то самое состояние, в котором пребывала почти год. Увы, тщетно.

— Что ж, давай по порядку. После того, как твоя мамаша реализовала то, что принадлежало мне, я решил во что бы то ни стало вернуть украденное. — Судя по шороху одежды, Хитар закинул ногу на ногу. — И ждал момента. Ждал, когда сполна смогу вернуть долг. Керуан всегда был слабым ведомым правителем, надо было что-то менять, и тогда я решил, что это мой шанс.

Макс, судя по тому, что молчал и не перебивал, возрадовался — он-то знал, что она, Ленор, в сознании. Не знал он только одного! Что

у нее нет никакой связи с Валентайном Альгором!

— К сожалению, Валентайн Альгор все испортил. Он спас Керуана, лишив меня возможности получить патент, лишив всех возможности обрести нового достойного Верховного...

— Тебя, очевидно, — хмыкнул Макс.

Хитар никак не отреагировал. Ему, казалось, доставляет удовольствие хвастаться своими «заслугами».

— Что касается твоей сестры, она случайно услышала разговор, который не должна была слышать. Потом она уже не случайно нашла на столе заклинание, которое должно было помочь ей «поставить Софию Драконову на место». В идеале — убить. Их обоих. К сожалению, встроенная защита твоей матери, чтоб ей вечно скитаться в Загранице, не позволила этому произойти.

Так вот почему все случилось! Ленор вспомнила тот вечер очень хорошо: она действительно услышала разговор Хитара с кем-то. Разговор о том, что пришла пора снова вернуться к теме Валентайна Альгора и «избавиться от этой обузы». Она бы и значения этому не придавала, ей было плевать, а вот Хитар, очевидно, придавал. Потому что начал капать ей на мозги, что за свою семью нужно уметь постоять, и все в том же духе. А после вообще оставил на столе заклинание.

Но ведь увидев его, Ленор правда в это поверила! Это заклинание способно было поставить эту выскочку Софию Драконову, не дававшую ей жизни, на место! Конечно, убивать она не собиралась... ну или, по крайней мере, не думала о таком.

Не думала ли?

Впервые ощутив эту силу, почувствовав, как она зудит на ее пальцах, Ленор испытала ни с чем не сравнимое удовольствие. То, что ставило ее выше Драконовой, выше всех! Боевое заклинание, уже выстроенное, самого высокого порядка! Бери и действуй!

— Потом же и вовсе выяснилась интересная вещь. Что твоя мать не так чиста, как хочет казаться — защита от спонтанного нападения на твоей сестрице стояла, замешанная на темной магии.

Значит, то нападение в Академии — тоже его рук дело? Когда у этой *Лены* «выскочила» сеть Грихмира!

— Я не сразу осознал, к чему на самом деле привели проделки твоей матери. К темной магии в твоей сестре, ставшей ее сутью. Я еще сомневался, когда призрачный мясник отказался ее убивать. Вот это,

конечно, было неожиданно. Но когда на нее не подействовал яд... Да, ты же не знаешь, что на всех темных никакие яды не действуют? Они просто растворяются в этой мерзости, которая их питает.

Ленор похолодела, кажется, до кончиков волос. Сколько раз она была в полушаге от гибели? Эта кошмарная зверюга, просто ужас, с которой *Лена* подружилась, запросто могла ее сожрать. Разорвать в клочья! А яд? Он мог просто выжечь ее изнутри, если бы не появилась эта девица.

— К счастью, она окончательно спуталась с Валентайном Альгором и сама же подставилась с помощью своей темной магии. Не просто подставилась, подставила еще и его! Очень жаль, что появился этот самый принц... который перечеркнул мне все планы, когда на твою сестрицу напала толпа на улице. Ленор должна была использовать силу, убить пару-тройку этих жадных простолюдинов, что, в свою очередь, позволило бы мне избавиться от него и от нее одновременно. Смерть горожан им бы уже не простили.

Так это он их послал?! Тех людей, которые набросились на *Лену* и на Софию?

— Да-да, Максимилиан, и здесь тоже можешь не радоваться. Там такая цепочка заказа, что на меня выйти в принципе нереально, потому что посередине она уже порвана. Надеюсь, не стоит объяснять, что это значит?

— Хвастаешься тем, что убил кучу людей? Сломал жизнь моим близким? — холодно, свысока произнес брат.

Настолько холодно, что Ленор даже поежилась: когда это он научился так разговаривать. А вот голос Хитара стал жестким, насмешничать опекун перестал.

— Отстоял свое, — резко произнес он, подавшись вперед — кресло скрипнуло и скрежетнуло ножками по полу.

— Ладно. Посмотрим, что у тебя получится.

— Все еще надеешься на Альгора?

— Если выбирать между тобой и крысой, я бы поставил на крысу. Но если выбирать между тобой и Альгором... — Макс усмехнулся. — То шансы у тебя примерно как у подщельного таракана.

— Хорошо. — В голосе Хитара зазвучало нечто такое, от чего у Ленор по коже прошел мороз. Она снова попыталась воззвать к Лене, но снова тщетно. — Тогда почему же его до сих пор нет? Почему он до

сих пор не ворвался сюда? Почему не ищет свою прекрасную спутницу? Возможно, потому что занят Ферганом, или... дай-ка подумать. Нет, я все же считаю, потому что найти ее в принципе невозможно. Но когда он ее найдет... точнее, когда он найдет то, что от нее и от тебя осталось, ему придется сильно потрудиться, чтобы доказать, что это сделал не он. Особенно после той некрасивой сцены, где твоя сестра разговаривает с Люцианом, а после они ссорятся в саду. У нее непременно найдутся свидетели.

— Ты хочешь выставить Альгора виноватым в нашей смерти? — Вот тут уже Макс откровенно расхохотался. — Ты окончательно рехнулся, Хитар. Кто тебе поверит?

— Мне-то как раз поверят, — мягко, будто говорил с сумасшедшим, сообщил опекун. — Перед тем как оказаться здесь, я появился во Дворце Правления, чтобы меня видели. И для всех до сих пор работаю там же, в своем кабинете. А вот кто поверит ему? Керуан только и ждет повода, чтобы от него избавиться — бывший спаситель уже здорово ему мешает. А Ферган? Ферган держит его как пугало, как напоминание о том, с чем мы сражаемся, чему противостояим, даже если пока угроза относительно призрачна. Так что тэрн-арх тоже будет искренне счастлив показать всем, насколько страшна бывает магия тьмы. Тем более что сейчас ему нужно будет отвлечь внимание от своих сыновей — а это достойный повод!

В воцарившейся тишине не было больше слышно ни звука. От напряжения у Ленор заломило спину и виски, холодный пот страха уже насквозь пропитал одежду, и теперь она мерзла еще сильнее.

— Ненавижу тебя! — выплюнул Макс. — Ты трусливый мерзавец, который только и может, что бить со спины! Лицом к лицу тебя кто угодно размажет. Даже я!

Резкие шаги, шум, звук пощечины заставили ее сжаться. Тамея, помощи! Только бы добраться до лестницы, пока он будет занят Максом... только бы выбраться... или нащупать в себе хотя бы крохи темной магии, тогда она сможет защищаться!

Ненавистная *Лена*! Где же она, когда она так нужна?!

— Как ты смеешь?! — процедил Хитар. Сплюнул. Затем последовала еще одна пощечина. — Хотя понятно, как! Весь в родителей. Они всю жизнь смотрели на меня свысока. Я для них был всего лишь обузой, недостойной гениальности Эвиль и силы ее

муженька. Ну и где они сейчас? Где их прекрасная волшебная известная семья? Ха!

— Чтоб ты сдох! — рявкнул Макс.

— Сдохнешь здесь ты. И твоя сестрица, — как-то невыносимо медленно, с наслаждением произнес Хитар. И добавил: — А-акромангдраилговарнмархармтуэльгевджхаросан-ко-ломанр!

— Драхство! — выдохнул Макс.

— Убей! — коротко приказал Хитар.

Глаза Ленор распахнула скорее на инстинктах, и отчаянно завизжала, когда в их сторону устремился этот устрашающего вида монстр, которого *Лена* назвала Дракуленком. Устремился, распахнув пасть, полную острых, как кинжалы, зубов, с горящими пламенем Загранья глазами.

Лена

Что может быть хуже, чем свалиться бессознательной куклой после того, как тебя оглушили заклинанием? Свалиться бессознательной куклой, а очнуться запертой в теле истерящей Ленор, которая вместо того, чтобы действовать, лежит и трясется. Хотя не скажу, что она была так уж неправа в данной ситуации — случись Хитару узнать, что она в сознании, разбираться он бы не стал, убил бы на месте. Чтобы я не связалась с Валентайном. Я оказалась неправа в том, что касалось простейшего варианта развития событий: иногда банан это просто банан. В смысле, убийца и предатель — это просто убийца и предатель.

Эти мысли носились в моем сознании, пока я через окно в той самой комнате из моего сна глазами Ленор смотрела на все, что происходит. В данном случае скорее слушала. Злилась, пыталась дотянуться до своей магии, но безуспешно. Даже когда эта курица затряслась от страха и начала меня звать, я кричала в ответ — и в пустоту. Заклинание оглушения сработало очень странным образом, выбив меня из сознания, впустив туда ее и... в общем-то, на этом месте моя фантазия иссякла.

Определенно, это было всяко лучше, чем если бы план Хитара сработал, и он меня убил, пока мы обе были бы без сознания, но ведь и сейчас я ничем не могла помочь Максy! И себе. За него переживала

больше всего — потому что в отличие от меня его явно били боевым усиленным заклинанием. Не самым простым: об этом говорила и кровь, и темные круги под глазами. И все же мой брат разговаривал с этим уродом так, что гордость брала. Ни на секунду не показывая страха.

А эта... эта вообще собиралась сбежать и просто его бросить!

Хорошо хоть не успела.

На помощь бы она позвала, ага. Удрала бы так, что пятки сверкали, а Хитар сразу же избавился бы от свидетеля. То есть от Макса.

И можно было до бесконечности колотить в эту дверь сознания: она не открывалась. Окно не поддавалось. Я была заперта в совершенно теперь бесполезном теле, истинная обладательница которого обливалась холодным потом и дрожала, как осинový лист. Если бы у меня был голос, я бы его сорвала, когда пыталась до нее докричаться в ответ на ее мысленные визги.

Глухо. Как в пустоте орешь, где никто и никогда тебя не услышит.

А потом Макс сказал то, что выдернуло Хитара из его шаткого превосходства. Я услышала звук пощечины и забила в сознании еще сильнее. Как раз в тот момент меня и накрыло: тьмой густой, как непроглядная ночь под небом без звезд, без луны, словно меня запечатали в пещере, где холод ощущался как своя вторая суть.

«Ты же знаешь, что нужно сделать Лена. Просто впусти меня-я-я-я... Откройся мне...»

Сомневаюсь, что тьма могла разговаривать, хотя после всего, что со мной было... Я чувствовала, как ее щупальца проникают в меня, и я становлюсь сильнее. Шаткий мир окружающей меня комнаты задрожал, дверь заходила ходуном.

«Отпусти меня — и Ленор никогда больше не станет преградой... она больше никогда тебя не побеспокоит».

Нет. Нет. Нет.

А потом Хитар призвал Дракуленка.

Он явно что-то с ним сделал, потому что даже через липкий трескучий страх Ленор я почувствовала исходящую от призрачного зверя опасность. Холод. Ярость. Зло.

— Убей! — прозвучал приказ, которого тот просто не мог послушаться.

Ленор распахнула глаза и завизжала, ее глазами я увидела, как побелевший Макс, едва державшийся на связанных ногах, пытается заслонить меня собой. Хитар, изменившийся в лице от столь внезапного «пробуждения», заорал:

— Девчонку! Сначала девчонку!

И Дракуленок прыгнул напрямик на меня. На дернувшегoся вперед, ставшего преградой на его пути, Макса.

В эту секунду я полностью открылась тьме. Она ворвалась в меня потоками такой мощи, что мир перестал ощущаться, как нечто значительное. Я стала сильнее ураганов, штормов, сильнее всего, что мне когда-либо доводилось видеть, чувствовать или бояться.

Удар сердца — и вот уже сознание Ленор тает.

Второй — и я взмахом руки открываю портал. Дракуленка «сжирает» пространство, выплевывая где-то вдалеке от нас, а я шагаю к Хитару. Он пытается ударить в меня боевым заклинанием, точнее, лупит одним за другим, но они все рассыпаются о щиты, которые я ставлю с той же легкостью, с какой могла бы отмахиваться от назойливых мух. То, что Валентайн вкладывал в мою голову как знания, сейчас просто моя суть. Шепот, звук, мысли и схемы — все рождается просто на кончиках пальцев. В конце концов на этих же пальцах складывается мощь убийственной силы, которая срывается с ладоней и потоками влетает в Хитара. Он успевает поставить щит, но тот рассыпается, как битое стекло, разлетаясь в стороны.

Опекуна протаскивает по полу, как какую-то марионетку, впечатывает в стену. Если бы не щит, он был бы давно мертв, а сейчас еще силится подняться, смотрит на меня с ужасом. Я приближаюсь к нему, собирая на ладонях новую мощь. Темный шар впитывает холод заганья и тьму, готовую поглотить любого, уничтожить на месте, обратить в плен.

— Ленор! Лен! Лен, остановись!

Голос Макса бьет по сознанию.

— Пожалуйста, остановись!

Выдергивает из ревушей, клубящейся внутри силы, текущей по венам. Я замираю с занесенной рукой. Прямо над сгорбившимся на полу Хитаром, понимая, что готова была убивать.

Убивать.

Осознание этого обрушивается дополнительной трезвостью, и я резко выдыхаю окутывающую меня тьму. Она тает с шипением, набравший силу убийственный снаряд на моих руках теряет силу, голову пронзает болью.

Я же разворачиваюсь и бросаюсь к Макс, который лежит на полу — понимая, что его сбило рикошетами наших заклинаний, а я даже не думала о нем. Вообще ни о чем не думала, в этой тьме я забыла не только его. Я забыла себя. Ленор не было, но я перестала быть собой.

Все эти мысли проносятся у меня в голове, пока я развязываю его руки, ощупываю затылок брата.

— Прости, — бормочу, — пожалуйста, прости. Ты как? Где болит?

Он морщится, но все-таки помогает мне освободить ему руки, стряхивая веревки с опухших растертых запястий.

— Жить буду. Для начала давай...

— А-А-А-А-А-А-А-А! — вопль Хитара напоминает не то рев обезумевшего драха, не то вой. В нас летит очередное боевое заклинание, я едва успеваю поставить щит, который разлетается в точности так же, как разлетелся его. В отличие от темных, от той силы, что питала тьма, этот щит простенький, нас не учили держать удары и полноценно сражаться, скорее, давали для общего развития в быту — например, закрыться от взорвавшейся мензурки с зельем. Поэтому волна магии сбивает нас с ног и швыряет к лестнице. К счастью, не отключает: я вскакиваю, не теряя ни секунды, дергаю брата за руку, помогая подняться, и тащу за собой.

На ходу мысленно пытаюсь «наладить» нашу связь с Валентайном, но она то ли сбоит из-за всех прилетевших в меня заклинаний, то ли что-то еще. Меня не слышат. Так же, как не слышала Ленор, когда я билась, запертая в чертогах нашего общего на двоих разума.

Хитар бьет очередным заклинанием. На сей раз это тот самый огненный шар, от которого меня спасла сеть Грихмира, но больше ее нет. Единственное, что я успеваю — это оттолкнуть Макса. Прилетает в плечо. От боли на миг теряется даже реальность, а прихожу в себя я уже когда брат пытается меня защитить, собирая щит из каких-то простеньких школьных схем.

— Нет, нет, уходи, — шепчу, хотя голос не слышится.

Вижу, что Хитар снова собирает такой же шар, а надо мной, над моей головой, уже с треском расплзается пламя — от того, который в меня попал. Пламя течет по стене, опаливая жаром, Макс рывком дергает меня в сторону, и мы валимся на ступени. Потом Хитар поднимает руку, и я понимаю, что это конец. Мы — идеальные живые мишени, больше не способные куда-то бежать.

Огонь в руках опекуна набирает силу в разы дольше, чем в моих руках тьма, но недостаточно долго для того, чтобы подняться, справиться с защищающим дверь заклинанием и выбежать за нее. Да что там... я по ощущениям ходячий ожог, от боли мутится перед глазами и тошнит так, что, кажется, я сейчас заблую Хитара насмерть.

Вот бы!

Шар почти срывается с его рук, когда дверь трещит и, сорвавшись с петель, с шипением вылетает мимо нас в сторону. Поток магии ударяет в Хитара раньше, чем я успеваю икнуть, вздохнуть или блевануть, как собиралась.

Насмотрелась я, сегодня, конечно, на всю жизнь вперед, но сейчас даже зажмуриваюсь, чтобы не видеть, во что боевая магия способна превратить живого человека. От грохота тела содрогаюсь и вцепляюсь в Макса до одури, словно это прикосновение может меня спасти.

— Лена!

— Лена!

Два голоса сливаются воедино: Валентайн и Люциан.

Когда я открываю глаза, они оба склоняются надо мной, и выражения их лиц такие, словно я собираюсь отправиться в Заграницу прямо сейчас.

— Ее лучше усыпить, — почему-то цедит Люциан, а еще у него почему-то дрожат руки. — Будет очень больно.

А еще тут почему-то Драконов и дохрена военных.

Ух ты! За мной целая армия пришла.

На этом меня окутывает золото магии, стирающее и боль, и все остальное. Я падаю в нее, в глаза Люциана. Голова становится тяжелой, соскальзывает с чьих-то ладоней. И надо всем этим последней картинкой проступает лежащий на полу Хитар. Рубашка и жилет надорваны, или, скорее, разорваны. На измазанной сажей и грязью коже между лопаток виднеется то, о чем мне рассказывал Валентайн.

Метка Иеххарга.

Глава 42

Глава 42

В себя я пришла от громких голосов, ну или показавшихся мне громкими голосов, Макса и Ярда.

— Говорил же, он идиот! — выплюнул Макс. — Тупой, недалекий идиот, который только и мог тыкать себя пальцем в грудь и вопить: «Я, я, я!» Виритт он придумал! Во сне ему это приснилось, уроду. А мои родители...

На этом голос брата сорвался, и Ярд произнес:

— Твоих родителей уже не вернуть. Но их имя, имя семьи Ларо будет восстановлено. Благодаря тебе и твоей сестре.

— О-о-ох, парни, а можно потише? — пробормотала я, открывая глаза.

«Парни» подорвались со своих мест, где они там сидели, и устремились ко мне.

Больше ничего не болело, дышать я могла нормально, а не так, будто в меня влили кипятка, но в теле все равно ощущалась страшная слабость. Которая, впрочем, немного отступила, когда на меня уставились две пары взволнованных глаз. Что ни говори, но это приятно, когда о тебе беспокоятся. Когда открываешь глаза и видишь, что на твоей могилке рыдали бы хотя бы эти двое.

Да уж, юмор на темном — это мое все.

— Ленор, ты как? — спросил Ярд.

— Жива, и это радует, — я попыталась сесть, но перед глазами все поплыло, и Макс поспешно меня перехватил и уложил обратно.

— Не так быстро, — произнес с улыбкой. — Люциан конечно в тебя немерено сил влил, но после всего...

— Немерено? — переспросила я.

— Его самого тащили двое после твоего исцеления. Бр-р-р, — Макс поежился. — Но тебя здорово зацепило, конечно.

Да уж, я помню. К счастью, не помню, как это выглядело со стороны, но помню, как ощущалось. Как будто живого места не осталось вообще.

Поморщившись даже от воспоминаний, взяла брата за руку:

— А...

— Валентайн оставил нас с тобой. Пока сам разбирается со всем этим дерьмом. Дерьма там много, можешь мне поверить. Всплыло и воняет. Но если что, он ушел только когда стало понятно, что с тобой все будет хорошо. Сказал — сразу сообщить, как проснешься, и еще я теперь живу здесь. Дома опять обыски, все перевернуто... ну, ты понимаешь, — выпалив все это, Макс нахмурился, а я сжала его руку.

Для него это было гораздо более живо, чем для меня. Я-то не была мелкой, когда моих родителей забирали, обвиняя в страшном преступлении. Когда проводили обыски. Уже после их гибели. Я не была, но Ленор была. Она прожила все это вместе с ним.

Мотнув головой, сжала губы:

— Я рада, что ты теперь живешь здесь.

— Это временно. Я теперь взрослый мужчина.

Я не нашлась что ответить. С одной стороны, мне хотелось, чтобы Макс остался, с другой — он действительно совершеннолетний или совершеннозрелый, гм. Так что только ему решать, где и как жить и что делать.

— Я все равно рада. И тебе тоже рада, Ярд, — произнесла негромко.

Хотя и не представляла, как он здесь оказался и почему.

— Правда? — спросил друг. — Я думал, после всего ты меня видеть вообще не захочешь. Я вел себя, как...

— Ой, все! — я отпустила руку Макса и покачала головой. — Сеансы самобичевания — это без меня, пожалуйста. Если ты здесь, я так полагаю, между нами все хорошо.

— Будет хорошо, если ты меня простишь. Ты же меня простишь, Ленор?

Я вздохнула.

— Как думаешь, говорила бы я с тобой, если бы все еще злилась? Нет, Ярд, я не держу на тебя зла, и я очень благодарна тебе за то, что ты помог мне увидаться с Максом.

— Это все Люциан, — попытался отмазаться парень. — Я просто исполнитель.

Я фыркнула.

— Кстати, именно благодаря Ярду нас нашли, — влез Макс. — Хитар стянул с меня виритту, но уничтожить не удосужился. Оставил в том самом подвале, на полке. То есть представляешь, он через своего шпиона выяснил, что мы встречались, что Люциан организовал нам встречу, но этот талант тысячезимия даже не допер, что мы могли обойти его «гениальное», — это слово брат процедил с лютым сарказмом, — заклинание и вплести туда свое. Собственно, через него они нас и отследили. Только так и успели вовремя.

— Воу, воу. Слишком много информации, помедленнее. — Я подняла руки и прикрыла глаза, чтобы остановить вращающуюся перед глазами комнату. На миг, но когда открыла, лицо брата опять было взволнованным.

— Лен, хочешь чего-нибудь? Воды?

— Да, от воды точно не откажусь.

Он тут же подскочил к тумбочке с графином и, пока Ярд подтягивал кресла поближе к моей кровати, дал мне немного попить.

— Много пока нельзя, — сказал, забирая стакан. — Нас всех тут проинструктировали. К тебе еще самый известный целитель Хэвенсграда приходил. Он тебя осматривал уже после Люциана, дополнительно восстанавливал, оставил зелья: на случай, если болевые ощущения вернуться. Такое бывает иногда.

Я снова вздохнула. К счастью, болевые ощущения не возвращались, а слабость... ну, слабость пройдет. Справлюсь.

— Расскажите мне, что произошло. По порядку, — попросила я, и парни, устроившись в креслах, начали рассказ.

Оказывается, Валентайн очень быстро вернулся домой от Фергана и, когда не нашел меня и не смог дозваться, отправился к Софии. Дома у Драконовых они вытащили Люциана, который и рассказал про расследование. Соня добавила, что мы занимались этим на пару с Максом, и, когда выяснилось, что Макс тоже исчез, Драконов собрал военных. Пока он их собирал, Люциан привел Ярда, с помощью которого они отследили, где мы находимся.

— Пока работал с этим плетением, чуть не поседел, — признался друг. — Одно дело заниматься чем-то просто для общего развития и совсем другое — когда счет идет на мгновения, и когда от того, насколько быстро все сделаешь, зависит жизнь друга. Не только твоя, но и его вот еще. — Ярд мотнул головой в сторону брата.

Теперь фыркнул уже Макс. Фыркнул и добавил:

— Зато тебя заметил Драконов. Сказал, что твои таланты точно будут востребованы, когда закончишь Академию.

— Когда это еще будет...

Мальчишки! Только что пережили такое, а уже говорят о талантах и достижениях. С другой стороны, я была этому рада. Действительно рада, потому что умение переключиться на то, что жизнь продолжается — после того, как тебя чуть не убили — это очень и очень здорово. Надеюсь, нам с Максом не придется ходить к местным психологам, точнее, к целителям. Психологов как таковых здесь нет.

А жаль. Надо будет подумать на эту тему и подать идею.

Макс с Ярдом уже всю обсуждали перспективы развития артефакторики и особых заклинаний, а я с улыбкой смотрела на них и думала о Соне. О том, что ее рядом не было. О том, что раньше ей было бы не все равно. Сейчас же...

Что там «сейчас» я не успела додумать. Успела только попрощаться с улыбкой и закусить губу, когда дверь распахнулась, и в комнату шагнул Валентайн.

— Я же просил сообщить, когда Ленор проснется, — негромко произнес он. Негромко, но так, что у не приученного к его интонациям человека или дракона волосы встали бы дыбом на всех местах.

Макс и Ярд подскочили одновременно, а я повернулась к нему:

— Зато мы очень мило поговорили, а ты успел сделать все свои дела.

По взгляду Валентайна сложно было угадать, о чем он думает. Хочет устроить мне выволочку за то, что ничего не сказала про расследование, обнять или что-то еще? Вот всегда с ним так! Сделает покерфейс, а ты лежи, размышляй. Волнуйся. Немного.

По крайней мере, пока он идет к кровати, а Макс с Ярдом осторожно просачиваются к двери.

— Увидимся, Ленор! — напомнил о себе друг, и они вместе с братом поспешно вышли, оставив меня наедине с Валентайном.

Так, ну и что...

Валентайн оказался рядом слишком быстро. Подхватил меня в объятия, хотя, вернее будет сказать, сгреб, притянул к себе и очень, невыносимо-осторожно, прижал. Наверное, если бы он завалил меня тысячей слов, кучей подарков и добил букетом, не влезаящим в экран

смартфона, это и то было бы не настолько остро и откровенно. Потому что в его руках я почувствовала себя бесценной. Бесконечно ценной. Бесконечно... Мне бы очень хотелось услышать это слово, вот это одно малюсенькое слово от него. Просто так. Но сейчас было не место и не время, поэтому я завозилась в его руках и приподняла голову:

— Прости, что не сказала тебе про расследование.

— Прости, что накричал на тебя.

— Ты не кричал. Ты рычал.

Мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись. Наверное, мне все-таки придется ходить к психологу, то есть к целителю. Потому что я смеялась до слез. Сил подняться у меня не было, а ржать, как драконь — пожалуйста.

Драконь!

— Валентайн! Дракуленок! — воскликнула я.

— Твой ручной монстр в шоке от того, что произошло. Обещал прийти, но его совесть замучила, поэтому слоняется между нашим миром и Заграньем и терзается. Насколько это возможно для такой твари.

— Валентайн! — Я легко ударила его по руке. — Он не тварь.

— Тварь. По всем меркам. Но, — он перехватил мою руку, когда я замахнулась снова, поднес пальцы к губам и поцеловал, — когда будет готов просить прощения, я даже не стану ему мешать. Хитар снова его привязал, на правах призвавшего. Накачал его тьмой, вытравив почти все сознание. Окончательно лишил возможности самостоятельно сделать выбор, когда усилил все это кровным заклинанием, посылающим импульсы напрямую из его разума в Дракуленка.

— Тварь здесь Хитар, — процедила я. Хотя меня и передернуло при воспоминании о том, что он мертв, но за то, что он сотворил с Дракуленком... даже представить не могу, что тот сейчас чувствует, после нападения на нас с Максом.

— К счастью, именно благодаря этому заклинанию зверь и не вернулся, когда ты открыла портал и вышвырнула его в Загранье.

— Я... открыла портал в Загранье?

— Да, и достаточно глубоко, чтобы смягчить влияние твоего опекуна. Макс рассказал, как все было, а я сделал выводы. Хитар отвлекся на сражение с тобой, а Дракуленок получил возможность

справиться с приказом. Если бы призрачный мясник действовал как обычный призванный монстр, вы бы уже были мертвы.

Я покачала головой. Разом вспомнилось, как меня накрыло тьмой, и от этого мороз побежал по коже.

— Валентайн, я не могла с тобой связаться, потому что меня ударили *repair nvintse*. Я очнулась запертой в сознании Ленор, все это время она владела моим телом, а потом... потом пришла тьма. Мне показалось, она говорила со мной, говорила, чтобы я впустила ее в себя, и что тогда Ленор исчезнет навсегда и больше не будет мне мешать. Я сопротивлялась до последнего, но потом он призвал Дракуленка, захотел убить Макса, и я... я...

Я вдруг в деталях вспомнила легкость, мощь, безразличие перед ничтожной жизнью. Рождающийся на моих ладонях темный сгусток, черный, искрящийся серебром. Если огненный шар Хитара превратил меня в ходячий ожог, во что мог превратить такой? В горстку пепла?

И превратил бы, если бы Макс не окликнул. Если бы я не выдернула себя из этого кошмара.

— Я бы убила его, Валентайн. Я...

— Лена, — он заключил мое лицо в ладони и посмотрел мне в глаза. — Ты не убила. Никого не убила. Хитара убил один из военных, который действовал по протоколу. Но даже если бы это была ты, ты бы защищала себя и своего брата.

Я зажмурилась и замотала головой.

— Нет. Нет. Валентайн, убийство — это... я бы не смогла с этим жить. Прости. Я сейчас боюсь себя. — Не думала, что все это поднимется такой волной и так меня захлестнет, но вот уже оно накрывает, накрывает с головой, и только ладони Валентайна на моих плечах не позволяют мне потеряться и позволить этой беснующейся стихии унести меня далеко-далеко.

— Лена. Лена. — Никогда бы не думала, что его голос может быть настолько успокаивающим, а его губы — настолько мягкими. Они нежно касаются моего виска. По очереди — обеих щек. Накрывают мои губы. На миг. Потом он произносит, глядя мне прямо в глаза: — Ты самая сильная женщина, которую я знаю. Если кто-то и сможет справиться с тьмой, то это ты. Я уверен в тебе, как ни в ком другом. Я даже в себе не настолько уверен.

Такие слова отрезвляют. Заставляют глубоко дышать, я обнимаю его и прижимаюсь всем телом.

— Ленор, — говорю ему в плечо, чтобы немного переключиться. — Как думаешь, я ее...

— Не думаю, и тебе не советую. Чтобы уничтожить другую личность внутри себя, надо полностью открыться тьме. Позволить ей стать твоей сутью, и обратно после такого дороги нет. Так что Ленор никуда не делась, Лена, ты ей не навредила. И нам с тобой по-прежнему предстоит решать этот вопрос. Вместе.

От его «нам с тобой», «вместе» в груди разливается тепло.

— Спасибо тебе, — говорю я. — Спасибо.

Валентайн улыбается и удобнее устраивается на подушках. Теперь мы вместе лежим, он натягивает на нас двоих покрывало, чтобы я не замерзла даже случайно. Такая забота дорогого стоит, и у меня в носу начинает подозрительно пощипывать. Я даже шмыгаю, чтобы избавиться от этого ощущения.

— Эй? — Он заглядывает мне в глаза. — Все хорошо?

— Все хорошо, — отвечаю я. — Насчет того, что было в парке...

— Насчет того, что было в парке, ты была права. Если мы с тобой в отношениях, я должен тебе доверять, Лена. — Он снова сжимает мою ладонь и целует мои пальцы. — Я верю тебе. И так будет всегда.

Разве можно быть настолько... таким? Я бы вот сама себе сейчас высказала. Наверное.

— Только обещай мне больше не влезать ни в какие расследования, не посоветовавшись со мной.

— Обещаю! — выдыхаю я. — И ты, пожалуйста, обещай, что если Ферган еще будет крутить какие-то интриги...

— Я тебе об этом скажу. Мы вместе, Лена, значит, вместе во всем.

Вот что тут можно добавить? Я просто тянусь губами к его губам, и он облегчает мне задачу, когда наклоняется ко мне. Целует нежно и невесомо, проводит по нижней губе кончиком языка, заставляя вздрогнуть.

Это прикосновение, этот поцелуй, эта ласка — как продолжение его слов: «Мы вместе, Лена, значит, вместе во всем». Да, впереди у нас еще очень многое, в частности, Ленор. Я была на ее месте и то, что я почувствовала, запертая в сознании, наедине с собой, бесправной узницей в собственном теле — такого и врагу не пожелаешь. С этим

однозначно надо что-то делать, и мы сделаем. Я уверена, что вместе мы справимся. Со всем. Еще мне предстоит серьезный разговор с Соней, не о них с Сезаром, нет, о нашей дружбе. О том, во что она превратилась, и почему. Обо всем этом сейчас не хочется думать, хочется просто слушать биение сердца Валентайна. Целоваться. И немножечко, самую малость, спать.

Я отсыпаюсь еще несколько дней — пока сил не становится столько, чтобы пешком пройти через весь Хэвенсград и обратно. Валентайн не выпускает меня из постели (и не в том смысле, в котором временами мне очень хотелось бы) до тех пор, пока этот самый известный целитель не говорит о том, что мне уже давно пора бы ходить, чтобы меня от магии и накопившейся энергии не разорвало.

Валентайн очень занят все эти дни, расследованию по делу Хитара дан полный ход, равно как и восстановлению имен Симеона и Эвиль Ларо. В гостях у меня постоянно Макс и Ярд, а вот от Сони и Люциана нет никаких вестей. Я знаю только (от Ярда), что Люциан досрочно сдал экзамены и собирается в гарнизон, а еще что отец Женеьев поднял серьезную волну после его отказа, предав случившееся огласке. Фактически, драконы разбились на два лагеря: Анадоррские и Драгоны, и все достаточно серьезно.

Поэтому когда вечером Валентайн предлагает прогуляться и просто забыть обо всем, я с радостью соглашаюсь. Впереди насыщенные непростые времена, можем же мы себе позволить просто побыть влюбленной счастливой парой? Прихорашиваясь у зеркала, я дожидаюсь, пока он за мной зайдет, улыбаюсь своему отражению. С завтрашнего дня я возвращаюсь в Академию, как раз досдам все, что не досдала перед экзаменами — и...

— Лена, мне срочно нужно во Дворец правления.

Поворачиваюсь: Валентайн стоит серьезный и темный. Темный буквально, у него на скулах серебро чешуи, взгляд чернящий. Таким его уже очень давно не видела, поэтому откладываю щетку, которой приглаживала волосы.

— Что случилось?

Он молчит. Долго. Потом все-таки произносит. Холодным, не своим голосом:

— На Алой площади только что найдено тело Лэйтора. Изувеченное темной магией.

Глава 43

Глава 43

Люциан Драгон

К завтрашнему дню все было готово. Форма, начищенные знаки отличия семьи (которые, к слову, ему вряд ли понадобятся). Сумка с вещами, в которую уместилось все самое необходимое. Люциан в жизни не представлял, что можно путешествовать с таким количеством вещей. Обычно, куда бы он ни ехал, за ним тащили просто воз рубашек, костюмов, обуви на все случаи жизни — и так всегда, с самого детства. Но не на этот раз.

Отец с ним в принципе не разговаривал, его даже слуги обходили стороной, впрочем, исполняя все приказы безропотно, но лишний раз стараясь не связываться. Единственный, кто с ним говорил за все это время — Сезар. Он был единственным, кто сказал:

— Ты все сделал правильно.

Знать бы еще, что — все?

И что такое правильно, а что нет?

Привалившись к оконному проему, Люциан пялился в сад, на изломы лабиринта, когда в дверь осторожно постучали. Мягко так, еле слышно.

— Да? — Он обернулся, и дверь приоткрылась. В комнату заглянула Нэв:

— Можно?

Люциан вздохнул и кивнул, сестра вошла и прикрыла за собой дверь. За этот год она как-то особенно резко повзрослела. Вроде же только была девчонка-девчонкой, а сейчас уже почти девушка. Очень юная, но уже совсем не ребенок. Она еще выросла и оформилась, и, глядя на нее, Люциан думал о том, что она очень похожа на маму. Какой он ее помнил. Какой вспоминал по портретам.

— Значит, вот так? — спросила Нэвьеры. — Просто уедешь? Даже не попрощаешься?

— Напомнить тебе, сколько раз за последнее время ты меня посылала?

— Это... — ее голос дрогнул. — Это было до того, как ты собрался в гарнизон. А еще я была неправа.

— Да ладно, — Люциан махнул рукой. — Права на самом деле. Брат из меня как из драха служительница Тамеи. По пальцам одной руки можно перечесть, кого я не подвел и кому не сделал гадость.

— Мне ты ничего не сделал.

— Я тебя бросил, — он хмыкнул, потом пожал плечами. — Ну и подставил, когда отказался жениться на Женевьев. Подставил всех нас.

— Я рада, что ты на ней не женишься, — сестра приблизилась.

Она похудела, волосы ей уже укладывали как взрослой. А ей ведь всего двенадцать зим. Будет. Через неделю. Он к тому времени будет уже в гарнизоне.

Люциан мысленно усмехнулся, провел рукой по собственным волосам, отбрасывая назад отросшие пряди.

— Как принцесса ты должна понимать, к чему ведет такой шаг.

— Как принцесса я понимаю. Но как твоя сестра, я понимаю, что ты любишь Ленор Ларо.

Он нахмурился, сунул руки в карманы.

— Это еще к чему?

— К тому, что я знаю, каким тебя притащили после того, как ты ее исцелил. Я сидела с тобой всю ночь.

Люциан приподнял брови. События того дня вообще припоминались смутно, а если честно — отчетливо он помнил только одно. Белое лицо Лены, этот драхов ожог, от которого у него помутилось перед глазами. Потому что это была она. Он очень хорошо помнил, как его трясло, на миг из головы даже вылетели все исцеляющие плетения, включая усыпляющее. На миг вообще показалось, что его разорвет от нахлынувших чувств и сумасшедшего желания повторно убить Равена, который мордой вниз валялся на полу.

Он еще помнил, как взял себя в руки, а вот как лечил — уже относительно. Потому что это был словно кто-то другой, ему незнакомый, спокойно погружающийся в сон. Спокойно убирающий остатки одежды и без дрожи смотрящий на то, во что превратилась ее нежная кожа, вся половина тела от плеча и ниже. Его несколько раз звали по имени, но он не отвлекался, остановился только тогда, когда

все было восстановлено. Когда под пальцами снова была ее светлая исцеленная кожа, а не то ужасное месиво, которое он увидел, шагнув в подвал.

Потом его шатало, мутило, а перед глазами картинки сменяла темнота. Люциана порталом дотащила до его комнаты во дворце, где он послал (совершенно непристойно) пытавшегося помочь ему целителя и отключился лицом вниз на кровати, дрожа от холода и перерасхода энергии. Пришел в себя все так же лежа на постели, правда, под лицом уже была подушка, а сверху его заботливо накрыли покрывалом.

— Нужно было догадаться, что это была ты, — хмыкнул он, с нежностью глядя на сестру.

— Нужно было. — Нэв снова совершенно по-детски смутилась, потом опустила глаза. Помолчала и снова вскинула голову: — Люциан. Не уезжай. Пожалуйста.

«Скажи мне хоть слово, Лена, и я останусь».

Если бы Лена сказала ему столько слов, он бы остался. Не просто остался, увез бы ее, сграбастал в охапку и уволок в портал, даже если бы она сопротивлялась. Просто потому, что больше не мог это выносить. Это чувство — быть вдали от нее. Сейчас же просто вздохнул:

— Может, ты не понимаешь всего, мелкая, но так надо.

— Я не мелкая! — привычно возмутилась сестра.

Он улыбнулся:

— Хорошо. Не мелкая.

— Если я чего-то не понимаю, ты можешь мне сказать. Мне ты можешь сказать все что угодно, Люциан.

Если бы. Если бы он мог ей рассказать о том, как его кроет... может быть, стало бы чуточку легче. Самую чуточку.

Лена не связалась с ним даже чтобы поблагодарить, но она была права. Им не о чем больше говорить, все стало понятно в том парке. Все... что? Она выбрала Валентайна, она хочет быть с ним. Ему нужно с этим смириться или сойти с ума, принять или вызвать драхова Альгора на магическую дуэль, которая запрещена. Хуже после того, что он сделал, уже не будет, наверное. Но что будет с ней? Что бы там, на этой дуэли ни произошло, как это отразится на ней?

Думать о чьих-то чувствах вперед своих было непривычно. Равно как и постоянно чувствовать эту тупую ноющую боль в сердце. Печать, клеймо осознания того, что самая желанная женщина в мире — не твоя.

— Я расскажу, — произнес он, кивнув на кресла. — Садись.

Закатное солнце запуталось в волосах сестры, раскаляя их до ослепительно-яркой меди. Дотронешься — обожжешься, но Люциан с наслаждением запутал пальцы в ее прядях, коснулся губами макушки. Перед тем, как сесть самому и начать рассказ.

О том, что произошло между ним и отцом. О его условии. О его обещании навредить Лене. Обо всем этом дерьме, которое Нэввери было ни к чему, но о котором она имела право знать, чтобы понять, почему он так поступает. Слова — это просто слова, но иногда они могут подарить надежду и даже нечто гораздо большее. Иногда они могут спасти. В этом Люциан убедился на собственном опыте и сейчас убеждался повторно, глядя, как сестра хмурит брови, кусает губы. Взволнованно комкает юбку под пальцами. И, наконец, произносит, спустя долгое-долгое молчание:

— Ты поступил правильно.

Люциан усмехнулся:

— Сезар сказал то же самое.

— Сезар... — Нэв пожевала губы. — Он сильно изменился. Стал более... нормальным что ли. Больше не смотрит на всех, как на недостойных.

— Корона давить перестала.

Нэв фыркнула и расхохоталась, а Люциан откинулся на спинку кресла.

Даже такой простой разговор убрал тяжесть с сердца, и сейчас все, что он чувствовал — удивительно светлое понимание правильности происходящего. Не потому, что ему так сказали Нэв или Сезар. Потому что этот разговор просто расставил все по местам для него.

Он действительно не мог поступить иначе, и поступил бы так снова, если бы даже пришлось повторить этот недопризвук и снова выдержать взгляд Женевьев. Он отчетливо помнил, что она вздрогнула, как от пощечины. Лишь на миг в ее глазах мелькнуло отчаяние, которое тут же сменилось снисходительной безупречностью. Это ее

умение держать удар на глазах у всех было достойно тэрн-архи, но... не с ним.

— Можно тебя попросить? — Нэв перегнулась через подлокотник, подтянула ноги под себя и уселась уже совсем не как принцесса.

Люциан вопросительно приподнял брови:

— Зайди завтра утром ко мне попрощаться.

— Я уйду ночью. Мне нужно утром быть на построении, а время там немного разнится с нашим.

Сестра вздохнула.

— Тогда сегодня заболтай меня до смерти. И обещай, что будешь отвечать, а не закинешь браслет куда подальше сразу же, как только прибудешь в этот свой гарнизон.

— Во-первых, если я тебя заболтаю до смерти, отвечать будет некому, — Люциан взял ее руку в свою, — а во-вторых, у меня будет мало времени, это даже не военный факультет, мелкая. Но да. Обещаю.

Нэв улыбнулась, а потом всхлипнула:

— Люц, ты же приедешь зимой, да? Не представляю зиму без тебя!

— Не знаю, — честно ответил он. — Но очень постараюсь. Правда.

— Я буду очень-очень ждать! — выдохнула сестра и сжала его пальцы.

Он подмигнул ей, коснулся браслета и попросил слуг принести фруктов и любимое лакомство Нэв — кеверсы. Пока она уплетала за обе щеки, а он ей помогал, болтали обо всякой ерунде. О том, могут ли принцессы уехать на острова и открыть там свою ранховую (нет), о том, могут ли принцы послать всех подальше и отказаться исполнять волю отца (нет, но да), и обо всем таком же. Люциан даже почти забыл про то, что не давало ему покоя бесконечно долгое время: Лена и Валентайн, про то, что друзья даже не захотели с ним попрощаться, а Дас так вообще всем заявил, что он на стороне Анадоррских и его родители тоже.

Они болтали, пока на небе не зажглись звезды, а за Нэв не пришла ее камеристка, которая сообщила, что «Тэрн-ари пора спать». Они попрощались на удивление тепло, и Люциан снова подошел к окну. Сегодня он спать не собирался, но после разговора с сестрой подумал,

что, возможно, даже получится. Поэтому, попросив виритта разбудить его ночью, направился было в душ, но его остановил очередной стук в дверь.

— Тэрн-ар Драгон, — в комнату после его разрешения заглянул слуга, — к вам пришли.

— В такое время? Я никого не принимаю.

— Хорошо, я передам тэри Ларо, что вы отказываетесь...

— Тэри Ларо? — спросил он внезапно севшим голосом.

— Да, тэри Ленор Ларо. Так я прошу ее уйти?

— Нет. Нет. Проводи ее ко мне.

Драх! Оставалось надеяться, что это не прозвучало жалко.

Слуга моментально исчез, а Люциан снова запустил пятерню в волосы. Сколько раз он себе представлял это? Что Лена приходит к нему? Вот так? Но сейчас, в эти минуты вместо радости и облегчения испытывал только сдавливающее грудь напряжение.

Он рехнулся. Определенно рехнулся, если так реагирует.

Определенно рехнулся!

Люциан метнулся в ванную, глянул на себя в зеркало, зачем-то поправил ворот рубашки. Выругался.

Драхство! Да что вообще происходит? Чтобы Лена решилась вот так прийти к нему, чуть ли не посреди ночи? А Валентайн... ее отпустил?! Мысли заметались взбесившимися драконами, он едва успел их остановить. Шагнул в комнату из ванной в тот же момент, когда слуга распахнул перед ней дверь.

Это же против всех правил приличия, и она не может этого не понимать. Не может не понимать, на что это похоже. А значит...

Лена была прекрасна. Как и всегда, но сегодня особенно. В белом легком платье, приталенном, чуть ниже колен. Волосы с двух сторон подхвачены заколками-веточками с каплями драгоценных лепестков.

— Лена. — Он не узнал собственный голос. Такой хриплый и такой низкий. Чужой. — Зачем ты здесь?

Она шагнула к нему вплотную и приложила палец к его губам. От одного лишь короткого прикосновения прошило, как боевым сквозным заклинанием, а Лена уже завела руки назад. Миг — и платье скользнуло на пол, оставив ее обнаженной. Полностью: под платьем ничего не было. Люциан едва успел втянуть воздух, когда она перехватила его ладони. И положила к себе на грудь.